

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ИСТОРИЯ

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL OF HISTORY

Научный журнал

2017

№ 46

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере
массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
(свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-29498 от 27 сентября 2007 г.).

Международный стандартный номер сериального издания (ISSN 1998-8613).
Подписной индекс 44014 в объединённом каталоге «Пресса России».
Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих
в международные реферативные базы данных и системы цитирования,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»,
Высшей аттестационной комиссии.

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Галажинский Эдуард Владимирович, д-р психол. наук, проф., ректор Томского государственного университета; **Дацишен Владимир Григорьевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета (Красноярск); **Иванова Наталья Анатольевна**, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН (Москва); **Кирюшин Юрий Федорович**, д-р ист. наук, проф., президент Алтайского гос. университета (Барнаул); **Красильников Сергей Александрович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории Новосибирского государственного университета; **Лузянин Сергей Геннадиевич**, д-р ист. наук, проф., зам. директора Института Дальнего Востока РАН; **Мерлин Од**, д-р политической истории, проф. Свободного университета Брюсселя (Бельгия); **Саква Ричард**, PhD, проф. Кентского университета (г. Кентербери, Соединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии); **Функ Дмитрий Анатольевич**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой этнологии Московского государственного университета; **Ермекбай Жарас Акишевич**, д-р ист. наук, проф. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Казахстанского филиала МГУ (Астана); **Суляк Сергей Георгиевич**, канд. ист. наук, гл. ред. международного исторического журнала «Русин», президент общественной организации «Русь» (Молдавия)

**РЕДАКЦИЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ»**

Зиновьев Василий Павлович, главный редактор, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой отечественной истории, декан исторического факультета; **Румянцев Петр Петрович**, ответственный секретарь, канд. ист. наук, доцент; **Фоминых Сергей Фёдорович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой современной отечественной истории; **Харусь Ольга Анатольевна**, д-р ист. наук, проф.; **Шиловский Михаил Викторович**, д-р ист. наук, проф., зав. кафедрой истории России Новосибирского государственного университета

**EDITORIAL COUNCIL OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Galazhinsky Eduard V., Dr. of Psychology, Professor, Rector of Tomsk State University; **Datsyshen Vladimir G.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of World History, Siberian Federal University (Krasnoyarsk); **Ivanova Natalia A.**, Dr. of History, Senior Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow); **Kiryushin Yuriy F.**, Dr. of History, Professor, President of Altai State University (Barnaul); **Krasilnikov Sergey A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Novosibirsk State University; **Luzyanin Sergey G.**, Dr. of History, Professor, Deputy Director, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences; **Merlin Aude**, PhD (History), Professor of the Free University of Brussels (Belgium); **Sakwa Richard**, PhD (History), Professor of the University of Kent at Canterbury (Great Britain); **Funk Dmitry A.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Ethnology of Moscow State University; **Ermekbay Zharas A.** Dr. of History, Professor of Department of social and humanitarian disciplines of Kazakhstan Moscow State University branch (Astana); **Sulyak Sergey Georgiyevich**, PhD of History, editor-in-chief of the international historical magazine «Rusin», president of public organization «Rus'» (Moldova)

**EDITORIAL BOARD OF THE
“JOURNAL OF TOMSK STATE UNIVERSITY.
HISTORY”**

Zinoviev Vasily P., Editor-in-Chief, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Dean of the Faculty of History; **Rumyantsev Peter P.**, Executive Editor, PhD (History), Associate Professor of the Department of Russian History; **Fominykh Sergey F.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Modern Russian History; **Kharus Olga A.**, Dr. of History, Professor of the Faculty of History; **Shilovsky Mikhail V.**, Dr. of History, Professor, Head of the Department of Russian History, Novosibirsk State University

Журнал включен в базу данных Emerging Sources Citation Index в Web of Science Core Collection.
Журнал включен в базу данных Russian Science Citation Index на Web of Science.

The Journal is included in the Emerging Sources Citation Index in the Web of Science Core Collection.
The Journal is included in the Russian Science Citation Index and put on the Web of Science.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Милевский О.А. История одного выстрела: самоубийство А.А. Кропоткина	5
Кудряшев В.Н. Русско-немецкое противостояние в Прибалтике в освещении русской публицистики второй половины XIX в.	13
Лиджиева И.В. Хозяйство и природопользование в деятельности органов местного самоуправления Калмыцкой степи в XIX – начале XX в.	22
Гаман Л.А. Русская революция 1917 г. в освещении Ф.А. Степуна	28
Серебrenникова Т.П. Публицистика А.В. Адрианова на страницах газеты «Сибирская жизнь» в период революции 1917 г. и Гражданской войны	39
Мишанин В.В. Интернирование и депортации закарпатских венгров в условиях становления советской власти (1944–1945 гг.)	47
Абдрахманова К.К. Особенности общественного питания в городской повседневности Центрального Казахстана в 1950–1970-е гг.	54
Кан В.С. Создание Кызылской студии телевидения в Туве (1959–1966 гг.)	66
Тяпкин М.О. Содержание и генезис государственной лесной политики России	72
Зиновьев В.П. Сибирь в современной России: исторические традиции и перспективы модернизации	81

ПРОБЛЕМЫ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

Пеганов А.О. Священник на австро-русском фронте. Военный дневник Йозефа Тисо (август–октябрь 1914 г.)	85
Рагозин Д.В., Доан Тхи Хоа Гуэ. Дипломатическая борьба по проблеме освобождения Бирмы от японских захватчиков (1943–1944 гг.)	94

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

Татауров С.Ф. Археологические свидетельства торговых отношений в г. Таре в XVII–XIX вв.	103
Агафонов Л.И., Колчева Н.Е. Определение времени постройки деревянной часовни на кордоне Комса (Туруханский район, Красноярский край)	110
Боброва А.И., Торошина Н.В. Архаичные вещи из детского погребения селькупского могильника на реке Тым	117
Баязитова Р.Р. Категория «кот» / «gub» – основа традиционного этикета башкир	123

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

Юферова С.В. Первый опрос общественного мнения (советская историография депутатских наказов в Уложенную комиссию Екатерины II)	129
Трихина С.И. Проблемы источниковедения и значение реликвий Н.И. Пирогова, а также воспоминаний Е.Н. Ахматовой для реконструкции его религиозно-философских взглядов 1828–1848 гг.	135
Глоденко А.Ю. Повседневная жизнь немцев в Петербурге и Санкт-Петербургской губернии во второй половине XIX – начале XX в.: историография вопроса	143
Гусева Н.С. Применение математических методов в исследованиях по аграрной истории России пореформенного и советского периодов: историографические аспекты проблемы (1960-е – начало 1990-х гг.)	155

CONTENTS

PROBLEMS OF HISTORY OF RUSSIA

Milevskiy O.A. The History of one shot: A.A. Kropotkin's suicide	5
Kudriashev V.N. Russian-German confrontation in Baltic region in Russian publicism in the second half of the XIX century	13
Lidzhieva I.V. Economy and environmental management in the activities of local self-government bodies of the Kalmyk steppe in the XIXth and early XXth centuries	22
Gaman L.A. The Russian revolution of 1917 according to F.A. Stepun	28
Serebrennikova T.P. Publications of A.V. Adrianov in the newspaper «Siberian life» during the revolution 1917 year and the Civil war	39
Mischanyin V.V. Internment and Deportation of the Transcarpathian Hungarians in conditions of Soviet Power (1944–1946)	47
Abdrakhmanova K.K. Public catering features in everyday life in Central Kazakhstan in the 1950–1970-ies.	54
Kan V.S. Creation of Kyzyl Television Studios in Tuva (1959–1966)	66
Tyapkin M.O. Content and genesis of the state forest policy of Russia	72
Zinoviev V.P. Siberia in contemporary Russia: historical traditions and perspectives of modernization	81

PROBLEMS OF WORLD HISTORY

Piahanau A.A. The priest on the Austro-Russian front. War diary of Josef Tiso (August–October 1914)	85
Ragozin D.V., Doan Thi Hoa Hue. Diplomatic struggle on the issue of the liberation of Burma from the Japanese invaders (1942–1943)	94

PROBLEMS OF ARCHEOLOGY, ETHNOGRAPHY AND SOCIAL ANTHROPOLOGY

Tataurov S.F. Archaeological Evidences of Trade Relationship in the Town of Tara in XVII–XIX Centuries ...	103
Agafonov L.I., Kolcheva N.E. The timing of the construction of the wooden chapel at the cordon Komsa, Turukhanskiy district, Krasnoyarsk krai	110
Bobrova A.I., Toroshchina N.V. Archaic items found in a children's grave in the Selkup burial ground on the river Tym ...	117
Baiazitova R.R. Category «Qot» Is Fundamentals of Bashkir Traditional Etiquette	123

PROBLEMS OF HISTORIOGRAPHY SOURCE STUDY AND METHODOLOGY OF HISTORY

Yuferova S.V. The first opinion poll (soviet historiography of deputeess' mandates in Catherine's legislative comission)	129
Trikhina S.I. Source issues and the value of the relics N.I. Pirogov, and memories of E.N. Akhmatova for the reconstruction of his religious-philosophical views 1828–1848	135
Glodenko A.Y. The daily life of Germans in St. Petersburg in the second half of the XIX – at the beginning of the XX centuries: the historiography of the subject	143
Guseva N.S. Application of mathematical methods in researches on the Russian agrarian history of the post-reform and Soviet periods: historiographical aspects of the problem (the 1960s – the beginning of the 1990s.)	155

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Веремчук Л.П. Рецензия : Ивонин Ю.П., Ивонина О.И. Теория международных отношений. М. : Юрайт, 2016. 188 с.; Конфигурация нового миропорядка: проекты и реальность. Новосибирск : НГУЭУ, 2015. 291 с.	163
Крестьянников Е.А. Рецензия : Воропанов В.А. Суд и правосудие в провинции Российской империи во второй половине XVIII в. (на примере областей Поволжья, Урала, Западной Сибири и Казахстана). М. : Юрлитинформ, 2016. 456 с.	167
Борисенко А.Ю. Научно-практическая конференция «Народный костюм в Сибири» (Новосибирск, 27–29 октября 2016 г.)	170
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	173

REVIEWS AND SCIENTIFIC LIFE

Veremchuck L.P. Ivonin Y.P., Ivonina O.I. Theory of International Relations. M. : Yurayt, 2016. 188 p.; Configuration of the new world order: projects and reality. Novosibirsk : NSUEM, 2015. 291 p.	163
Krestyannikov E.A. Review: Voropanov V.A. Court and justice in the province of the Russian Empire in the second half of the 18th century (on the example of the Areas of Volga region, Urals, Western Siberia and Kazakhstan): monograph. M. : Yurlitinform, 2016. 456 p.	167
Borisenko A.Yu. Scientific-practical conference «Folk costume in Siberia» (Novosibirsk, October 27–29, 2016) ..	170
INFORMATION ABOUT THE AUTHORS	173

ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК. 94 (47)

DOI: 10.17223/19988613/46/1

О.А. Милевский

ИСТОРИЯ ОДНОГО ВЫСТРЕЛА: САМОУБИЙСТВО А.А. КРОПОТКИНА

Противостояние власти и оппозиционно настроенной части общества в пореформенный период имело в России очень острый характер. В данной статье на основании ранее не использованных документов из архивохранилищ (Томска и Минусинска) и при использовании методологии микроистории на примере трагической судьбы административно сосланного в Сибирь А.А. Кропоткина рассматривается работа карательных органов самодержавия, направленных в первую очередь на борьбу с любыми проявлениями инакомыслия. Особое внимание уделяется выявлению обстоятельств жизни, общественно-политическим взглядам А.А. Кропоткина, установлению причин его высылки в Сибирь, а также выяснению подробностей его пребывания в ссылке и причин, приведших его к самоубийству. На основе изученного материала автор пришел к выводу о том, что судьба А.А. Кропоткина является во многом типичной для поколения русской интеллигенции 1870-х гг., желавшей отдать свой нравственный долг народу, но оказавшейся при помощи царского репрессивного аппарата выброшенной на обочину активной общественной жизни. В дальнейшем это имело самые печальные последствия и для судеб России, приведя в конечном итоге к революциям 1917 г. и смене всего общественного строя.

Ключевые слова: А.А. Кропоткин; революционное народничество; административная ссылка; Минусинский музей; Томск.

История противостояния российского самодержавия и оппозиционных ему сил в последней трети XIX в. носила очень ожесточенный характер. В борьбе с инакомыслием властью очень часто применялись внесудебные расправы, том числе и административная высылка, о которой американский публицист Дж. Кеннан писал в весьма уничижительной тональности: «Ссылка административным порядком означает изгнание нежелательного человека из одной части империи в другую без соблюдения каких-либо юридических формальностей, которые в большинстве цивилизованных стран предшествуют лишению прав и ограничений личной свободы. Человек этот может быть невиновен в совершении какого-либо преступления и не нести ответственности перед государственными законами, но если, по мнению местных властей, его пребывание в определенном месте «вредно для общественного порядка» или «несовместимо с общественным спокойствием», он может быть арестован без ордера на арест, помещен в тюрьму на срок от двух недель до двух лет и затем насильно вывезен в любое место в пределах империи и определен под надзор полиции на срок от одного года до десяти лет» [1. Т. 1. С. 233]. (Здесь и далее авторские орфография и пунктуация сохранены.)

Очень часто жертвами подобного рода политических расправ становились не только революционеры, но и сочувствующие им лица, а иногда и совершенно случайные «попутчики движения», силой обстоятельств оказавшиеся в эпицентре кипения политических страстей. Именно к таковым и принадлежал Александр Алексеевич Кропоткин, старший брат известного анар-

хиста П.А. Кропоткина. Судьба этого яркого и неординарного человека, оказавшегося в числе административно высланных в «места не столь отдаленные», сложилась трагически – в ссылке он покончил жизнь самоубийством.

Целью данной статьи является комплексное выяснение обстоятельств, послуживших причиной рокового выстрела.

А.А. Кропоткин родился в 1841 г. в Москве в аристократической семье, уходящей корнями к роду Рюриковичей, который вел начало от внука Ростислава Мстиславовича Удалого [2. С. 11]. В огромном московском доме, находящемся в Старом Конюшенном переулке, и прошло детство Александра [Там же]. Казалось бы, для детей, родившихся в столь родовитом семействе, все расписано наперед: мальчики, скорее всего, будут делать карьеру по военной или в крайнем случае по гражданской линии, а девочки заключат удачную партию и выйдут замуж.

Первоначально так оно и было. Осенью 1852 г. А. Кропоткин поступил в Московский кадетский корпус. Пребывание в корпусе быстро содействовало его интеллектуальному развитию. Особенное влияние на него оказал тогда профессор Н.С. Тихонравов, преподававший в корпусе историю и русскую словесность [3. С. 106–107]. Да и сама политическая атмосфера в России после смерти Николая I изменилась. В общественной жизни наступила некоторая «оттепель», что сказалось в том числе на поступлении из Европы новых книг, оказывавших серьезное влияние на формирование новых идейных установок в отечественной литера-

туре и, как следствие, на появление новых веяний в жизни общества.

Сложно не согласиться с мнением П. Кропоткина, отмечавшего, что «годы 1857–1862 были <...> эпохой умственного пробуждения России. Все то, о чем поколение, представленное в литературе Тургеневым, Герценом, Бакуниным, Огаревым, Толстым, Григоровичем, Островским и Некрасовым говорило шепотом в дружеской беседе, начинало теперь проникать в печать» [2. С. 124]. К концу 1850-х – началу 1860-х гг. властителями дум молодежи становятся журналы «Современник» и «Русское слово», а одной из любимых публицистических тем была пропаганда научного знания и в первую очередь естествознания. Увлечение наукой не миновало и А. Кропоткина, в частности в тот период времени его очень увлекала эволюционная теория Ч. Дарвина [Там же. С. 99]. Причем он не просто интересовался наукой, она стала для него смыслом всей его жизни.

В своих письмах брату Петру, с которым он был очень близок, Александр всячески ратовал, например, за изучение немецкого языка, «на котором есть не только богатая литература, но и существуют переводы всякой книги, имеющей научное значение» [Там же. С. 86]. Желание поделиться с младшим братом вновь обретенными научными знаниями было столь велико, что А. Кропоткин периодически совершал тайные ночные отлучки домой для встреч и общения с братом [Там же. С. 101]. В это же время А. Кропоткин познакомился со статьями А.И. Герцена «С того берега» и другими его работами, напечатанными в «Полярной звезде». Эти же тексты он показывал и брату [Там же. С. 125]. То есть социальное мировоззрение братьев Кропоткиных формировалось в сложную и переломную эпоху начала царствования Александра II. И оба активно впитывали новые идеи, пропагандируемые демократически настроенными изданиями. В таких условиях о службе ради карьеры для них речь уже не шла, во главу угла ставились служение науке и превращение в «мыслящего реалиста» с целью принесения практической пользы Родине и своему народу.

Поэтому вполне понятным становится выбор А. Кропоткиным для продолжения своего образования Московского университета, куда он определился вольнослушателем в 1860 г. Однако подобный поступок испортил его отношения с отцом, человеком старой формации. Из воспоминаний П. Кропоткина: «Отец всегда был суров и несправедлив к Александру» [Там же. С. 238]. Поэтому в дальнейшей жизни А. Кропоткину приходилось рассчитывать преимущественно на свои силы.

В стенах университета состоялось и первое столкновение А. Кропоткина с полицией в ходе студенческих беспорядков 1861 г. [Там же. С. 148]. После окончания курса университета он поступил на службу в Иркутский казачий полк. Там же, в Иркутске, он по любви женился на Вере Севастьяновне Беринде-Чайковской. Пребыва-

ние на Байкале подготовило ему и первое серьезное мировоззренческое испытание. В 1866 г. вспыхнуло восстание польских ссыльных на Кругобайкальском тракте, но, к счастью, подразделение полка, в котором служил А. Кропоткин, не было привлечено к подавлению этого выступления. Однако этот случай в реальной плоскости поставил перед ним вопрос о его будущем. Впитавший в себя демократические настроения эпохи 1860-х гг., А. Кропоткин не мог не понимать, что русская армия является инструментом в руках власти, чью политику он не разделял. Поэтому вскоре он оставил военную службу и покинул Сибирь.

Стремясь послужить своей стране на почве готовящейся судебной реформы, он в 1867–1869 гг. проходил обучение в Военно-юридической академии, а затем некоторое время служил в Военно-судебном управлении. Но, по-видимому, окончательно разочаровавшись, уже в феврале 1870 г. А. Кропоткин перешел в телеграфный департамент МВД, в котором он прослужил до октября 1871 г., вплоть до своего окончательного выхода в отставку в чине титулярного советника [4. С. 288]. Тогда же он решил вместе с семьей перебраться за границу, чтобы полностью посвятить себя научным занятиям. Его с юношеских лет очень интересовала астрономия.

Отъезд за границу состоялся в 1872 г. А. Кропоткин с женой поселился в Швейцарии, в Цюрихе. В то время Швейцария была центром международной политической эмиграции, и А. Кропоткин, кроме того, что занимался самообразованием, естественным образом и в силу своих демократических убеждений общался с эмигрантами, среди которых были не только русские, но и французы, поляки и др. За границей у него установились хорошие отношения с П.Л. Лавровым, тогда уже человеком с революционным именем – автором знаменитых «Исторических писем».

Естественно, что места скопления русских эмигрантов в Женеве, Цюрихе и Берне находились под пристальным вниманием агентов III отделения Е.И.В. Канцелярии. Однако А. Кропоткина это не останавливало. Искренне убежденный в том, что политические свободы – это неотъемлемая часть жизни человеческого социума, он и не стремился особенно таиться в своих мыслях и контактах. Во многом столь явное игнорирование им «политических табу», существовавших в России, было связано и с его воспитанием – аристократ по рождению, он нес на себе отпечаток родовой гордыни, которая была присуща тем дворянским родам, которые по древности и происхождению не уступали, а подчас и превосходили Романовых. Из таких семей в России порой выходили крупные бунтарские натуры, исповадовавшие неповиновение власти; вспомним тех же декабристов, М.А. Бакунина, Д.А. Лизогуба, С.Л. Перовскую и др.

Сочетание «аристократической породы» и идейного демократизма породили у А. Кропоткина независимость суждений и поступков и нежелание проги-

баться под те политические порядки, которые он не одобрял. Все это в дальнейшем будет дорого ему стоить. Хотя в действительности никаким революционером он не был. Его мировоззрению были чужды кровь и насилие, которые приносят революции, для этого он был слишком западником. П. Кропоткин характеризовал его взгляды следующим образом: «Он не верил в возможность народной революции, и сама революция представлялась ему как действие организованного представительства народа, Национального Собрания и смелых “интеллигентов”. <...> Его изящную, философски-артистическую натуру, вероятно, корбило от прикосновения толпы, обнищало, иногда высоко настроенной, но иногда и грубой. <...> Он понимал социалистическую агитацию, как она ведется в Западной Европе: образованные вожаки, увлекающие толпу на митингах, организующие ее. <...> Вообще брат Саша не был народником-революционером. Социалист по убеждениям, он, попавши за границу, душою был с Интернационалом, но с более умеренною его фракцией» [2. С. 312–313].

Тем не менее, проживая вполне легально в Швейцарии и не являясь политическим эмигрантом, он оказался в списке неблагонадежных. Например, в справке III отделения, составленной в 1872 г. в связи с ходатайством издателей «Недели» об утверждении А. Кропоткина редактором этого издания, говорилось, что «отставной титулярный советник А.А. Кропоткин представляется такой личностью, которой не может быть дозволено редактирование каких бы то ни было журналов и газет» [5. С. 49].

23 марта 1874 г. произошло событие, в корне изменившее всю его дальнейшую жизнь. В этот день за участие в пропаганде среди рабочих был арестован его младший брат Петр – член кружка «чайковцев». И здесь следует отметить, что в отношении арестантов из родовитых семей реакция правящего класса была особенно жесткой. На измену «своих», по крови и социальному статусу, Романовы смотрели всегда сквозь призму личного оскорбления и действовали по отношению к таким людям крайне мстительно и жестоко, так поступал Николай I с декабристами, подобным же образом действовал и Александр II.

В том же случае с П. Кропоткиным последовало заключение в одиночку Петропавловской крепости и содержание его в первое время в очень строгих условиях не только в режиме полного одиночества, но и без книг и передач с воли. Арест любимого брата побудил к действию и А. Кропоткина. Хотя реально он мало чем мог помочь, но и оставаться в бездействии ему не позволяло совесть и братский долг. В результате в июле 1874 г. он возвратился в Россию. А. Кропоткин даже сумел пробиться в тюрьму на свидание с братом, но это было последнее, что ему удалось сделать. В декабре 1874 г. его самого арестовали.

Для российских властей доказательством крайней неблагонадежности А. Кропоткина стало перехва-

ченное III отделением еще в июле 1874 г. письмо к П. Лаврову, отправленное, видимо, в период пребывания А. Кропоткина за границей. В нем он просил адресата опубликовать текст составленного им агитационного документа, названного впоследствии «Программа революционной пропаганды». В силу своей политической наивности и убежденный в том, что в Европе гарантированы тайна переписки, А. Кропоткин доверил тексту этого письма слишком много, за что и поплатился. Непосредственной же причиной обыска и последовавшего затем ареста стало другое перлюстрированное его письмо от 24 декабря 1874 г., в котором сообщалось об ужесточении репрессий и росте революционных настроений в стране [6. С. 81].

Некоторые подробности его ареста описал впоследствии С.М. Степняк-Кравчинский: «У него произвели обыск. Не было обнаружено ничего подозрительного, но князь был так неосторожен, что не скрыл своей досады по поводу вторжения в его дом, обращался с прокурором и жандармами недостаточно любезно и, как говорят, сказал им несколько теплых слов» [7. С. 166].

А поскольку непосредственно А. Кропоткин в революционной борьбе участия не принимал, не числился ни в одном революционном кружке, не ходил в народ и т.д. и, учитывая то обстоятельство, что данные о его контактах с революционным лагерем были получены незаконным путем и не могли быть преданы огласке, его дело, как и множество других подобных дел, было решено во внесудебном административном порядке. По Высочайшему повелению в мае 1875 г. его выслали административным порядком в Минусинск Енисейской губернии [4. С. 288]. Официальная формулировка гласила: «За вредное направление и крайние убеждения в политическом отношении» [8. Л. 7 об]. Так началась его более чем 11-летняя «сибирская одиссея», закончившаяся роковым выстрелом.

Минусинск представлял собой «типичный сибирский городок – серенький, невзрачный. Здесь все серо: улицы, стены, крыши домов, заборы» [9. С. 42]. Однако при внешней неказистости и удаленности от центра империи город, а значит, жизнь в нем, имела свои плюсы. В первую очередь это здоровый климат. Вторым явным достоинством можно считать наличие определенного культурного ландшафта. Особенно значимыми стали для города 70-е гг. XIX в. В этот период его истории благодаря подвижнической деятельности провизора Н.М. Мартьянова и при поддержке местной Думы 10 января 1877 г. официально открылся Минусинский музей [10. С. 47], а 12 января 1878 г. вслед за музеем начала работать библиотека.

Активнейшую роль в подготовке к открытию музея сыграл и А. Кропоткин, которого увлек этим проектом Н.М. Мартьянов. Н. Мартьянов одним из первых понял, какие возможности таит в себе интеллектуальный потенциал политических ссыльных, и стал стараться

всемерно привлекать их к музейным делам. Такая практика себя полностью оправдала уже на начальном этапе существования музея, когда для работы в нем Н. Мартьянов привлек А. Кропоткина, остававшегося до отъезда в Томск бессменным ученым секретарем музея. Поддерживал Н. Мартьянов А. Кропоткина и в его увлечении астрономией, между ними установились самые дружеские отношения, не прерывавшиеся до самой смерти последнего. Но даже обретение возможности для научных занятий полностью не примирило А. Кропоткина с действительностью

Для него ссылка в Сибирь уже сама по себе была серьезным испытанием, а ощущение несправедливости приговора, которому он был вынужден подчиниться, являлось вечным раздражителем при общении с местными властями. К тому же ситуацию усугубляли постоянные опасения за финансовое благополучие семьи. В силу своих бытовых привычек и поведенческих стереотипов Кропоткины очень много тратили, и это несмотря на достаточную дешевизну жизни в Минусинске. Так, например, в этом городе, хороший деревянный одноэтажный дом в четыре комнаты с прихожей и кухней можно было нанять за 10 руб. в месяц [11. С. 260].

Однако даже дешевизна жизни не помогала. Дело в том, что, невзирая на присущий А. Кропоткину демократизм и врожденную человеческую порядочность, он сохранил в своем характере те аристократические привычки, которые были привиты ему с детства. В том числе это относилось и к организации семейного уклада. Так, по прибытии к месту ссылки А. Кропоткин для своей небольшой семьи арендовал двухэтажный дом [1. Т. 1. С. 262]. Знакомство с вновь прибывавшими политссыльными он начинал с настоящих визитов в стиле английского джентльмена, чем очень смущал последних. Не желая менять своих привычек и в ссылке, он продолжал жить на широкую ногу. «При всем своем демократизме, – вспоминал И. Белоконский, – он не мог отказаться от множества привычек, как, например, держание лошадей в городе, который, как говорится, можно было переплюнуть и т.п.» [11. С. 270]. Вызывал он удивление у политссыльных и устраиванием вечеров, куда активно приглашались не только они, но и в большом количестве знакомые Кропоткиным местные обыватели. Причем эти барские причуды никак не мешали Александру Алексеевичу поддерживать самые теплые отношения со своими товарищами по ссылке. Средства для жизни семья Кропоткиных черпала из двух источников. Один из них – это присылаемые доходы от имения, и вторая, менее регулярная составляющая – это его заработки от сотрудничества на литературной ниве, т.е. переводы и статьи для различного рода изданий. Благо кое-какие литературные связи в столице у него оставались.

Казалось бы, валютящая жизнь в небольшом городке на юге Сибири даст возможность А. Кропоткину более-менее спокойно дотянуть до конца ссылки и от-

правиться в Европейскую Россию. Однако в силу уже сточения противостояния революционеров и власти в конце 1870-х – начале 1880-х гг. жизнь политических ссыльных также начала меняться в сторону «закручивания гаек». Против того же А. Кропоткина играло еще и то обстоятельство, что его родной брат Петр 30 июня 1876 г. успешно бежал из Николаевского госпиталя и скрылся за границей; возможно, именно поэтому в ответ на прошение сестры А. Кропоткина Елены, поданное царю через двоюродного брата Дмитрия, являвшегося тогда харьковским губернатором, Александр II ответил: «Пусть посидит!» [2. С. 332].

После взрыва в Зимнем дворце 5 февраля 1880 г. и создания Верховной распорядительной комиссии во главе с М.Т. Лорис-Меликовым перед А. Кропоткиным, казалось бы, забрезжила надежда на положительное разрешение вопроса об окончании ссылки. Но и в то время, когда дела многих административно высланных пересматривались, он рассматривался властью в качестве некоей искупительной жертвы за то, что его брат незаконным образом обрел свободу. Новая комиссия, созданная при М.Т. Лорис-Меликове, добавила ему еще 5 лет пребывания в ссылке [Там же. С. 456].

Естественно, что психологическое состояние А. Кропоткина от этого не улучшалось, раздражение действиями властей нарастало, причем эта ненависть переносилось с центральной власти на местных исполнителей ее предписаний. К тому же ужесточение режима для политссыльных напрямую затронуло и его. В 1880 г. при новом исправнике в Минусинске А. Кропоткина, как и других ссыльных, обязали каждый день ходить отмечаться. Это решение было воспринято им как очередное наступление на его и без того поправленные права. Воспитанный в духе дворянского кодекса «честь дороже жизни» Александр Алексеевич наотрез отказался ходить к исправнику на отметку, заявив, что «после того, как меня несправедливо выслали в Сибирь, я не намерен помогать властям осуществлять надзор за мною. Я не намерен являться в полицейское управление» [1. Т. 2. С. 292].

Конфликт вышел на уровень губернатора, и перед А. Кропоткиным забрезжила еще более мрачная перспектива высылки «в места еще более отдаленные». Его апелляция к генералу К.Н. Шелашникову, тогда временно исполняющему обязанности генерал-губернатора Восточной Сибири, с которым Александр Алексеевич некогда был в хороших отношениях, казалась бы, давала ему надежду, но пока тянулось дело, был назначен новый генерал-губернатор Д.Г. Анучин, ответивший на прошение А. Кропоткина, поданное через его мать в том смысле, что «если бы ее сыну воздать по заслугам, то он подметал бы улицы в каком-нибудь сибирском городке под присмотром полицейского, а не разгуливал на свободе» [Там же].

Тогда же, в апреле 1880 г. А. Кропоткин обратился к М.Т. Лорис-Меликову с прошением об отмене унизи-

тельного распоряжения о ежедневной явке в полицию, но также безрезультатно [5. С. 51]. Бездушная карательная машина, винтиками которой выступали царские чиновники, подминала личность сосланного, ни с чем не считаясь.

В такой ситуации перед А. Кропоткиным воочию замаячила перспектива оказаться высланным в Туруханск, за полярный круг. Он сам был готов понести такую жертву и уговаривал жену вернуться с маленьким сыном в Европейскую Россию с тем, чтобы он один отбыл в Туруханск. Однако мольбы горячо любящей его женщины и ее желание последовать за ним, оставив маленького ребенка на воспитание друзьям в Минусинске, и это при том, что одного ребенка они уже потеряли, заставило А. Кропоткина изменить своим принципам и согласиться на унижительные для его самолюбия отметки у исправника. Возможно, именно тогда ощущение полной бесправности и незащищенности перед давлением власти впервые заставило его задуматься о самоубийстве. Позднее в разговоре с Дж. Кеннаном он говорил: «После этого (имея в виду желание супруги ехать с ним. – *О.М.*) мне не оставалось ничего другого, как пустить пулю в лоб или уступить, и я уступил» [1. Т. 2. С. 293].

В такой обстановке проходило окончание его ссылки в Минусинск, когда власти по постановлению Особого совещания от 8 марта 1882 г. решили перевести его в Западную Сибирь в Томск [4. С. 288], заодно добавив к его сроку еще 5 лет. Официально отсчет нового срока начался с 9 сентября 1881 г. и заканчивался 9 сентября 1886 г. [8. Л. 7 об]. Небольшим плюсом ситуации было только то, что Томск являлся губернским городом и возможности для интеллектуальной деятельности и заработка там повышались.

Однако при весьма расточительном ведении хозяйства переезд в намного более дорогой для жизни город таил в себе и риск окончательного банкротства. Тем более, что семья его расширилась – с ним в Томск прибыла жена и двое детей: сыновья Николай 4 лет и годовалый Михаил. По прибытии при заполнении полицейской анкеты А. Кропоткин на вопрос «Имеет ли средства существования и в чем они заключаются?» ответил: «Имею за различными другими расходами 800 рублей в год от имения» [Там же. Л. 11 об].

В Томске он сразу тесно сошелся с редакцией «Сибирской газеты», вокруг которой группировались политические ссыльные. Поведенческая модель, которой А. Кропоткин придерживался в Томске, по сравнению с Минусинском, не изменилась. Из воспоминаний С.Л. Чудновского: «В отношении к колонии политических ссыльных князь Кропоткин был прекрасный и донельзя корректный и безукоризненный товарищ, сохраняя всюду и всегда в сношениях с ними образцовое джентльменство. Прибыв в Томск, Александр Алексеевич прежде всего сделал визиты всем членам колонии без исключения. В новый год и на пасху он обязательно обходил всех с визитами, усиленно приглашая к

себе всех. Всегда и во всяком случае он радушно принимал у себя всех политических ссыльных, обильно угощая каждого, всячески стараясь не давать чувствовать своего превосходства в каком бы то ни было отношении» [12. С. 257].

Все это, несомненно, требовало средств, а сотрудничество с «Сибирской газетой» реального заработка не давало, поскольку «издание газеты и работа в ней считалась <...> выполнением гражданского долга, а не источником заработка. <...> Даже многочисленная группа появившихся впоследствии корреспондентов из политических ссыльных, едва перебивавшихся с хлеба на квас, первые годы не получали за доставляемый материал никакого, или почти никакого вознаграждения» [13. С. 38]. А уж А. Кропоткин и в силу своего воспитания не мог претендовать на какое-то особое отношение, учитывая те нелегкие условия, в которых пребывали остальные ссыльные.

Поэтому, чтобы как-то компенсировать немалые для семьи расходы, ему пришлось еще искать службы. В одном из его писем говорится, что он служил у какого-то знакомого, по-видимому, купца, по гражданской части за 40 рублей в месяц [14. Л. 1 об]. И все же, несмотря на то, что по сравнению с остальными политическими Кропоткины были обеспечены неплохо, большие траты и неаккуратное, постоянно уменьшавшееся поступление денег от сдаваемого в аренду имения [12. С. 256] доставляли А. Кропоткину постоянное беспокойство, к тому же в Томске у них родился еще один ребенок – дочь Верочка.

Лучше всего о тревожных рефлексиях А. Кропоткина относительно финансового будущего семьи свидетельствуют фрагменты его переписки с Н. Мартыновым. Так, в письме от 5 июля 1885 г. он сообщал, что они наняли новую квартиру на Дворянской улице, в доме Мясникова, так как «прежняя одолела своею теснотою особенно после рождения Верочки и приходится теперь платить 25 рублей в месяц вместо 17-ти, но ничего сколько-нибудь подходящего за более дешевую плату не нашел. Надеюсь, что буду в зимний сезон писать, благо буду иметь почти совершенно отдельный кабинет» [15. Л. 2 об]. И далее он указывал, что «в прошлом году прожили 3 000 рублей и на что ума не приложу» [Там же].

Двойственность, присущая характеру А. Кропоткина, причудливо сочетавшего демократизм с приверженностью аристократическим привычкам, сказывалась и на жизни в Томске. Очень меткую характеристику дал ему С.Л. Чудновский: «По убеждениям своим он был несомненный и безусловный демократ, но в то же время он инстинктивно до мозга костей проникнут был сознанием своей родовитости». И не раз приводил товарищей по ссылке «в чрезвычайно веселое настроение, когда в пылу раздражения и полемики с разными представителями власти он принимался доказывать им, что они недостойны даже того, чтобы он с ними говорил, ибо он – “Рюрикович”» [12. С. 257].

Подобная форма общения с местными властями и в особенности с жандармскими, в отношении которых он был всегда «крайне резок и неуступчив, часто заявляя, что говорит с ними лишь в силу необходимости и с отвращением» [12. С. 257], изрядно осложняла его жизнь в ссылке.

В результате два эти обстоятельства — постоянное опасение за то, что семья останется без средств к существованию, и ощущение полного политического бесправия перед бездушным полицейским государством — являлись факторами, постоянно угнетающе действовавшими на психику А. Кропоткина. Огромную психологическую поддержку оказывала ему его семья и особенно жена Вера Севастьяновна, которую он горячо любил. Однако и это в полном объеме не могло компенсировать А. Кропоткину ощущения того, что жизнь его безвозвратно проходит и он лишен не только свободы передвижения и права заниматься литературным трудом под собственным именем, но и не имеет возможности в полном объеме реализовать свой научный потенциал.

Как ни странно, но именно известие о скором окончании ссылки и возможности выезда в европейскую часть России вызвали новый приступ депрессии у А. Кропоткина, порожденной в первую очередь отсутствием реальных перспектив в будущем. Да и ранее на него обрушивалось нечто подобное, об этом, например, сохранилось свидетельство П. Кропоткина: «Порою мною овладевает фаустовская тоска», — писал мне он [А. Кропоткин. — *О.М.*]» [2. С. 458].

Хотя бы фрагментарно восстановить цепь событий, приведших А. Кропоткина к роковому выстрелу, позволяют его письма к Н. Мартынову, написанные в марте — июне 1886 г. Так, в письме от 17 марта он казался еще вполне уравновешенным в своих суждениях, хотя и не скрывал некоторых опасений за будущее. В частности, он писал: «Принял уже некоторые меры к тому, чтобы осесть где-нибудь (в России или за границей) получить какое-нибудь “место”. Не знаю, что-то выйдет, ибо знакомых-то можно сказать, никого нет. А денег осталось только на проезд, обзаведение на новом месте и проживание 2300 рублей сейчас. Один проезд будет стоить 450 рублей, да обзаведение на новом месте надо хоть 150 р. так, что на “прожитие” собственно, до неопределенного срока, остается только 1700 рублей» [16. Л. 1 об]. Далее из письма видно, что проблема отъезда волновала его не только из-за денег, но беспокоили его и возможные болезни детей и наличие достойных попутчиков для жены в дороге, они планировали отъезд «отсюда 3-го или 4-го пароходом, т.е. в самом начале июня <...> и уже никак не позже 10 /VII она выедет, хотя бы и без попутчиков» [Там же. Л. 2 об].

Следующее из сохранившихся писем датировано 6 июня. Текст его на первый взгляд тоже вполне позитивный в психологическом плане. А. Кропоткин сообщал своему корреспонденту о болезни дочери, у которой солитер, и просил о консультации у доктора

С.В. Мартынова из политссыльных, проживавшего в Минусинске, здесь же он указывал, что лечение по рекомендации доктора будет проходить уже в Волчанске (Харьковская губерния. — *О.М.*), куда его жена с детьми отправляется 13 июня. Однако далее в письме звучали и тревожные нотки: «Куда сам перейду, пока еще не знаю. Одно верно, что будет страшная тоска», и далее идут уже тревожные размышления о будущем: «Будущее наше еще не определилось. Вчера получил письмо от Elise Recly (Э. Реклю — французский географ, друг братьев А.А. и П.А. Кропоткиных. — *О.М.*). Он обратился в Париж и Лион не знаю, что выйдет» [14. Л. 2 об]. Далее он делился сомнениями о поступившем ему предложении о переезде в Тифлис; по прикидкам А. Кропоткина место ему нужно, «если в малом городе, то на 60 р. в месяц, а если в большом, то м.б. и на 100 руб. в месяц». Из заключительных строчек письма видно, что тревожность его нарастала: «Но за сим, пока, ни откуда никаких ни призывов, ни обещаний. Разве еще откликнется один знакомый Станюковича, к которому Стан [анюкович] писал. А больше не к кому и обратиться. — Двое, трое, отказали» [14. Л. 3].

Видно, что негативные эмоции, вызывавшие депрессивное состояние у А. Кропоткина, накапливались. При этом, по-видимому, ему приходилось их еще и скрывать, чтобы не волновать супругу с детьми перед отъездом. А отъезд семьи сказался на его психическом состоянии самым пагубным образом. Оставшись один на один с терзавшими его душу мыслями, он окончательно впал в депрессию или ту самую «фаустовскую тоску», сопровождавшуюся суицидальными настроениями. Об этом свидетельствовал и С.Л. Чудновский, живший в то время недалеко от А. Кропоткина: «Разлука с семьей сильно подействовала на него. Он страшно захандрил и затосковал. Будущее стало рисоваться ему в самых мрачных красках. Его все чаще стал пугать призрак надвигающейся нищеты. <...> Чем ближе приближался срок его ссылки (она оканчивалась 9 сентября 1886 г. — *О.М.*), тем сильнее он хандрил и, наконец, не совладав с собой, в припадке отчаяния выстрелил себе в висок» [12. С. 258].

Причем ситуацию усугубляло и еще одно обстоятельство — в день рокового выстрела, произошедшего около 9 часов вечера 25 июля 1886 г., А. Кропоткин употреблял алкоголь, о чем свидетельствует полицейский рапорт пристава I части г. Томска: «Покойный А.А. Кропоткин в последнее время впадался в тоску и перед смертью пил вино» [8. Л. 18]. Проведенное полицейское дознание установило случай самоубийства, и через 3 дня колония политических ссыльных и редакция «Сибирской газеты» при большом стечении обывателей торжественно похоронили А. Кропоткина на томском городском кладбище.

Так окончил свою жизнь человек, который, по оценкам людей, хорошо его знавших, «очень много дал бы науке, если бы не жестоко-несправедливая русская действительность, не шадящая ни знаний, ни таланта»

[1. Т. 2. С. 295]. Такое же впечатление он произвел и на встречавшегося с ним американского журналиста Дж. Кеннана, отмечавшего, что «со смертью князя Кропоткина Россия потеряла честного человека, даровитого ученого, истинного патриота и благородного джентльмена» [Там же]. Причем, оценивая его политические взгляды, все тот же Дж. Кеннан с недоумением подчеркивал: «Хотя Кропоткин был сослан в Сибирь по обвинению в нелояльности, он не был ни нигилистом, ни революционером, ни даже крайним радикалом. В Америке или даже Западной Европе его взгляды по социально-политическим вопросам сочли бы весьма умеренными» [Там же. С. 290].

Фактически ничем не мотивированная 11-летняя ссылка в Сибирь А. Кропоткина была не более чем мстостью правящего класса одному из своих представителей, который по отношению к нему являлся диссидентом. Оставаясь демократом и поборником широко трактуемых политических свобод, а также имея брата-революционера, А. Кропоткин в результате и стал объектом пристального внимания российской «полицейской машины».

Его участь не была чем-то оригинальным. В той или иной степени жертвами карательного аппарата само-

державия становились многие честные и образованные люди России, в чьей благонадежности правящий режим выражал хотя бы минимальные сомнения, а ведь немалая часть из числа административно сосланных представителей образованного слоя хотела именно служения на благо Родины, а не революции, но в результате противостояния с российским самодержавием оказалась под пятой полицейского государства. Репрессиями правительства они были быстро изолированы от участия в общественных процессах, пополнив в дальнейшем, в основном после ссылки, ряды земских статистиков, врачей и прочих.

Недальновидность самодержавия, мелочное мстительное желание обслуживавших его чиновников покарать и наказать злоумышленников, явных и таковыми являвшихся только в болезненном восприятии властей, имела в дальнейшем очень тяжелые последствия для Империи, направив ее историческую судьбу по порочному кругу насилия между властью и обществом, что в итоге привело к падению монархии и кровавому хаосу революций 1917 г., Гражданской войны и, как результат, к полной смене общественного строя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кеннан Дж. Сибирь и ссылка. Путевые заметки (1885–1886 гг.). СПб. : Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999. Т. 1, 2.
2. Кропоткин П.А. Записки революционера. М. : Мысль, 1990. 526 с.
3. Петр и Александр Кропоткины. Переписка. М. ; Л. : Изд-во Academia, 1932. Т. 1. 274 с.
4. Деятели революционного движения в России. Справочник и электронная база данных. Вторая половина 1850-х – 1890-е гг. М. : Памятники исторической мысли, 2009. Т. 2. : 1870-е. С. 287–288.
5. Гапченко Л.В., Старостин Е.В. Архив П.А. и А.А. Кропоткиных // Записки отдела рукописей ГБЛ. М. : Государственная библиотека им. В.И. Ленина, 1973. Вып. 34. С. 5–70.
6. Пирумова Н.М. Петр Алексеевич Кропоткин. М. : Наука, 1972. 224 с.
7. Степняк-Кравчинский С.М. Россия под властью царей // Степняк-Кравчинский С.М. Сочинения : в 2 т. М. : Худ. лит., 1987. Т. 1. С. 20–338.
8. Государственный архив Томской области. Ф. 104. Оп. 1. Д. 1329.
9. Кропоткин А.А. Саянский хребет и Минусинский округ // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. СПб. ; М., 1895. Т. 12 : Восточные окраины России. Ч. 1 : Восточная Сибирь. С. 19–51.
10. Кон Ф.Я. Исторический очерк Минусинского местного музея за 25 лет (1877–1902 гг.). Казань : Типолитография Императорского университета, 1902. 210 с.
11. Белокопский И.П. Дань времени. Воспоминания. М. : Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1928. 402 с.
12. Чудновский С.Л. Из давних лет. Воспоминания. М. : Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1934. 304 с.
13. «Сибирская газета» в воспоминаниях современников. Томск : Изд-во НТЛ, 2004. 200 с.
14. Минусинский краеведческий музей. Основной фонд (далее – МКМ ОФ). Д. 10655 /20.
15. МКМ ОФ. Д. 10 627 /9.
16. МКМ ОФ. Д. 10655 /19.

Milevskiy Oleg Anantolevich, Surgut State Pedagogical University (Surgut, Russia). E-mail: olegmilevsky@mail.ru

THE HISTORY OF ONE SHOT: A.A. KROPOTKIN'S SUICIDE.

Keywords: A.A. Kropotkin; the revolutionary narodnik movement; administrative exile; the Minusinks museum; Tomsk.

The conflict between state political departments and opposition part of society could be characterized as system in the last third of XIX century. In this work such conflict was showed on example of the tragic destiny of political exile A.A. Kropotkin who committed suicide in summer 1886 in Tomsk. The main goal of this article was a complex research of all factors which were the reason of death shot. The article is based on the documents of Tomsk and Minusinsk archives, memoirs of witnesses. The analyses of social and political views of A.A. Kropotkin showed us that he was typical moderate liberal in west variants but not revolutionary. He became object for suspicion by Third Department after his travel in oversea when he contacted with political emigrations. His brother P.A. Kropotkin has taken part in revolutionary movement. It was one more reason for special attention from the Third Department to A.A. Kropotkin. As a result he was arrested and exiled in Western Siberia. A.A. Kropotkin showed active position against unjudicial pronouncement when he was in Minusinsk and Tomsk. As a result of such position his exile was increased. Being afraid of financial ruin, worrying about destiny of the family and not seeing application of his intellectual potential further A.A. Kropotkin had fallen into depression and as a result committed suicide. It was tragic end for man who could make a lot of good thing as citizen and scientist – marked George Kennan. As a scientists A.A. Kropotkin could not realize his knowledges and abilities because of life circumstances. On the basis of the studied material the author came to the conclusion that A.A. Kropotkin's destiny is typical for Russian intellectuals of 1870th wished to repay the moral duty to the people, but appeared thrown out on a roadside of public life by the imperial repressive actions. Poor judgement, vengeful attitude of policemen and their wish to punishment criminals who often exist only in their dreams had tragic sad consequences for

Russian Empire: circle of violence between government and society which led to the fall of monarchy and bloody chaos of 1917 revolutions and as a result to the change of all social order.

REFERENCES

1. Kennan, J. (1999) *Sibir' i ssylka. Putevye zametki (1885–1886 gg.)* [Siberia and the Exile System. Travel notes (1885-1886 gg.)]. Vol. 1–2. St. Petersburg: Russko-Baltiyskiy informatsionnyy tsentra BLITs.
2. Kropotkin, P.A. (1990) *Zapiski revolyutsionera* [Notes of a revolutionary]. Moscow: Mysl'.
3. Kropotkin, P.A. (1932) *Petr i Aleksandr Kropotkin. Perepiska* [Petr and Aleksandr Kropotkin. Correspondence]. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Academia.
4. Lyashenko, L.M. (ed.) *Deyateli revolyutsionnogo dvizheniya v Rossii. Spravochnik i elektronnyaya baza dannykh. Vtoraya polovina 1850-kh – 1890-e gg.* [Leaders of the revolutionary movement in Russia. The reference book and electronic database. The second half of the 1850s – 1890s]. Vol. 2. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli. pp. 287–288.
5. Gapochko, L.V. & Starostin, E.V. (1973) Arkhiv, P.A. i A.A. Kropotkin [The Archive of P.A. and A.A. Kropotkin]. In: Solovyeva, N.L. (ed.) *Zapiski ot dela rukopisey GBL* [Notes from the Manuscript Department of Russian State Library]. Issue 34. Moscow: Gosudarstvennaya biblioteka im. V.I. Lenina. pp. 5–70.
6. Pirumova, N.M. (1972) *Petr Alekseevich Kropotkin* [Petr Alekseevich Kropotkin]. Moscow: Nauka.
7. Stepanyak-Kravchinskiy, S.M. (1987) *Sochineniya: v 2 t.* [Works. In 2 vols]. Vol. 1. Moscow: Khudozhestvennaya literature. pp. 20–338.
8. *State Archives of the Tomsk Region*. Fund 104. List 1. File 1329.
9. Kropotkin, A.A. (1895) Sayanskiy khrebet i Minusinskiy okrug [Sayan ridge and Minusinsk district]. In: Semenov, P.P. (ed.) *Zhivopisnaya Rossiya. Otechestvo nashe v ego zemel'nom, istoricheskom, plemennom, ekonomicheskom i bytovom znachenii* [The Picturesque Russia. Our fatherland in its territorial, historical, tribal, economic and everyday importance]. Vol. 12. St. Petersburg; Moscow: M.O. Wolf. pp. 19–51.
10. Kon, F.Ya. (1902) *Istoricheskiy ocherk Minusinskogo mestnogo muzeya za 25 let (1877–1902 gg.)* [A historical outline of the Minusinsk local museum for 25 years (1877–1902)]. Kazan: Imperial University.
11. Belokonskiy, I.P. (1928) *Dan' vremeni. Vospominaniya* [A tribute of time. Memories]. Moscow: Vsesoyuznoe obshchestvo politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev.
12. Chudnovskiy, S.L. (1934) *Iz davnikh let. Vospominaniya* [From long ago. Memories]. Moscow: Vsesoyuznoe obshchestvo politkatorzhan i ssyl'no-poselentsev.
13. Dmitrienko, N.M. (ed.) (2004) *“Sibirskaya gazeta” v vospominaniyakh sovremennikov* [“Sibirskaya Gazeta” in the memoirs of contemporaries]. Tomsk: NTL.
14. The Minusinsk Museum of Local Lore. The Basic Fund (MKM OF). Doc. 10655 /20.
15. The Minusinsk Museum of Local Lore. The Basic Fund (MKM OF). Doc. 10 627 /9.
16. The Minusinsk Museum of Local Lore. The Basic Fund (MKM OF). Doc. 10655 /19.

В.Н. Кудряшев

РУССКО-НЕМЕЦКОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ В ПРИБАЛТИКЕ В ОСВЕЩЕНИИ РУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Работа выполнена при поддержке гранта Правительства РФ П 220 № 14. В25.31.0009.

Рассматривается освещение этнополитической ситуации в Прибалтике второй половины XIX в. русской публицистической литературой. Утверждается, что для консервативных и либеральных авторов было характерно восприятие национальных отношений в Прибалтике как противоборства двух национальных проектов, конкурировавших не только в пределах данного региона, но и во всей Восточной Европе. Прибалтийские немцы выделялись не самостоятельной этнической группой, а частью немецкой нации, стремившейся воссоединиться с ней в рамках единого государства.

Ключевые слова: национализм; сепаратизм; русификация; обрусение; онемечивание; либерализм; консерватизм.

Этническое и конфессиональное разнообразие России, дополненное различиями в экономическом и социальном развитии национальных регионов, вовлекало их в поле внимания русской интеллектуальной элиты, которая должна была учитывать данный аспект в выработке своих национальных концепций. Рост национального самосознания на национальных окраинах и формирование национализмов с альтернативными этим концепциям целями вносили существенные коррективы в представление русской интеллигенции XIX в. о настоящем и будущем России.

Этнополитическая ситуация в прибалтийских губерниях Российской империи характеризовалась растущей напряженностью, вызванной попытками русской администрации ослабить доминирование немецкой диаспоры в социально-политической и экономической жизни. Русско-немецкое противостояние сопровождалось очевидной активизацией формировавшейся эстонской и латышской интеллигенции. Не могло не повлиять на данную ситуацию образование единого немецкого государства, отношения с которым у России становились все более прохладными. Все это вызывало пристальный интерес русского общества и делало обсуждение ситуации в Прибалтике одной из важнейших тем публицистической литературы в середине – второй половине XIX в.

Данный сюжет нашел известное отражение в исторических исследованиях [1; 2. С. 274–277]. Однако авторы традиционно сосредоточивались на рассмотрении позиции славянофилов, прежде всего Ю.Ф. Самарина, обходя вниманием другие направления консервативной мысли и либеральную публицистику. Это делает актуальным представление всего спектра мнений русской публицистики в освещении национальных проблем прибалтийских губерний Российской империи.

Интерес российского общества к Прибалтике, безусловно, был вызван публицистической деятельностью Ю.Ф. Самарина, обратившего внимание на национальные проблемы края еще в конце 1840-х гг. и до середи-

ны 1870-х гг. остававшегося выразителем мнения не только славянофильского, но всего националистического крыла русской интеллигенции.

С 1710 г. Россия в ходе Северной войны отвоевала прибалтийские земли у Швеции. Данное событие Ю.Ф. Самарин преподносил как возвращение Россией своих исконных владений, подчеркивая тем самым принципиальное отличие русского господства в крае от предыдущих хозяев, которые были только завоевателями. Но включив Остзейский край в состав Российского государства, правительство не сделало естественного шага по интеграции его в общее государство, правовое, культурное и религиозное пространство. Там были сохранены средневековые сословные привилегии, система местного самоуправления, суда, землевладения, оставившие местное население в полной зависимости от немцев. Практически не произошло изменений в духовной сфере: здесь по-прежнему доминировали немецкий язык, литература и католицизм [3. Т. 7. С. 36–37, 39].

Более всего Ю.Ф. Самарина возмущало, что немцы сохранили превосходство и по отношению к русскому населению. Русские, будучи представителями имперской, господствующей народности, в Остзейском крае находились в приниженном по сравнению с немцами положении. Приезжая в Прибалтику, русские как бы выпадали из правового пространства империи. Включаясь в местную жизнь, они постоянно сталкивались с привилегированностью немцев и своей ущербностью в образовании, экономической деятельности, быту [Там же. С. 58, 63, 71]. Правительство, идя на поводу у могущественного немецкого лобби, занимавшего высшие посты в Петербурге, считало такое положение нормальным и естественным, видя в немцах преданных слуг империи. Ситуация периодически улучшалась с приходом на должность губернатора края людей, болевших за интересы России и понимавших угрозу ее единству в случае сохранения немецкого доминирования. Но чаще верх одерживала могущественная остзей-

ская партия, стремившаяся к консервации порядков в крае [3. Т. 7. С. 102–103, 160]. Из всего этого Ю.Ф. Самарин делал вывод о серьезной угрозе единству Российской империи, коль скоро существовали анклав, подобные Остзейскому краю.

Наибольшую опасность Ю.Ф. Самарин видел в проповедовавшемся немцами принципе подданства Российскому императору, но отказе признания первенства русского народа. Немцы демонстративно подчеркивали свою лояльность и преданность императору и полагали сохранение своей особенности и привилегированности вознаграждением за заслуги перед ним. Но при этом также демонстративно проявлялось презрение к русскому народу, подчеркивалось превосходство немцев как опоры престола. За этим стояло стремление немецкого дворянства утвердить первенство значимости службы царю, при котором утрачивается значение национальной принадлежности подданного. Ю.Ф. Самарин настаивал на национальном характере Российского государства, созданного русским народом. В стремлении остзейцев он видел попытку установления служебных, практически наемнических отношений между царем и подданными, отделить царя от русского народа. Отказ от национального характера русской государственности он трактовал как покушение на единство империи, поскольку национальное единство заменялось бы опорой на разноплеменную элиту, наделенную индивидуальными привилегиями [Там же. С. 42–43].

По мнению славянофила, туземное население Остзейского края «как племя, видимо, не предназначено к самостоятельному политическому развитию» и будущее его виделось как ассимиляция на немецкой или русской национальной основе [4. С. 468]. К сожалению публициста, этого не желала понимать государственная власть и русская общественность, но прекрасно осознавали прибалтийские немцы [5. С. 447]. Ю.Ф. Самарин утверждал, что латыши и эсты тянутся к русской народности и для их обрусения не нужны специальные меры, тем более принудительного характера. Достаточно оградить их от насильственного онемечивания, давно и интенсивно проводимого при полном попустительстве русских властей. Школа, кирха, полиция, суд, местная администрация, находившиеся под полным контролем немцев, были главными средствами немецкой национальной пропаганды. Если не изменить отношение русского государства и общества к национальному вопросу в Остзейском крае, предупреждал Самарин, уже через поколение в Балтийском поморье предстоит иметь дело не с немецкой колонией, а целой немецкой нацией [4. С. 468–469].

Подводя итог деятельности русского правительства в Остзейском крае, в изданных в Праге «Окраинах России» Ю.Ф. Самарин фактически констатировал отсутствие сколько-нибудь серьезных успехов в реализации задачи его обрусения.

Не была также решена задача унификации местного законодательства с имперским. Из-за откровенного

саботажа остзейцев «Свод местных и общих узаконений» не стал основой модернизации законодательства в крае и «постепенно вытеснялся старым юридическим материалом» [6. Т. 9. С. 60]. Реформа волостного самоуправления привела к ослаблению влияния немецкого дворянства, но решения крестьянских сходов обжаловались помещиками, волостные старшины остались под контролем дворянских сообществ и полиции. Предложения по реформированию городского самоуправления были отвергнуты, в результате монополия немцев в магистратах не была нарушена и представители русской общины по-прежнему не допускались к выборным должностям и бенефициям [Там же. С. 100–101]. Положения Судебной реформы 1864 г. так и не получили распространения на Остзейский край, оставив население под судебной властью немецких магистратур и помещиков [Там же. С. 124–125].

Правительство дважды (в 1850 и 1867 гг.) принимало нормативные акты о введении делопроизводства в присутственных местах края на русском языке. В обоих случаях немецкая община мгновенно мобилизовалась и любые попытки использования русского языка встречали решительное противодействие как полным его игнорированием, так и в результате демонстративных проволочек. Видя тщетность усилий, администрация края признавала поражение и смирялась с господством немецкого языка [Там же. С. 112–113].

Особенно болезненно Ю.Ф. Самарин воспринял неудачу реализации важнейшего элемента задачи обрусения Прибалтики – обращения в православие коренного населения. В 1840-е гг. добровольное стремление перехода в православие со стороны латышей и эстонцев заметно изменило религиозную ситуацию в крае. Но новообращенные единоверцы встретили полное равнодушие со стороны русской администрации, фактически отказавшейся от покровительства православию. Лютеранское духовенство, напротив, увидев в этом движении угрозу своему господству, повело упорную борьбу с православием, опираясь на поддержку дворянства и политику невмешательства русских властей. В итоге брошенные на произвол немецких помещиков, упорно разорявших принявших православие крестьян, и пасторов, оказывавших мощное психологическое давление, православные неофиты стали яркой демонстрацией против перемены веры [Там же. С. 64–67].

Причиной отсутствия прогресса в деле обрусения Прибалтики Ю.Ф. Самарин считал разобщенность русского общества. Правительство не имело четкой, разработанной программы действий и политической воли к ее реализации. Многочисленные представители остзейского дворянства, традиционно занимавшие высшие государственные и военные должности, откровенно лоббировали интересы своих соплеменников в ущерб интересам Российской империи. Петербургские покровители препятствовали принятию любых радикальных мер и консервировали ситуацию в Прибалтике. Высший свет Петербурга симпатизировал немецко-

му дворянству как представителям «просвещенной Европы», охотно принимая их в своих салонах и забывая о национальных интересах ради сословной солидарности. Российская либеральная пресса видела в прибалтийских немцах жертв политики русификации и регулярно вставала на защиту [4. С. 38–41]. Таким образом, вся тяжесть работы по обрусению края ложилась на местную русскую администрацию, находившуюся под двойным прессом немцев и собственного правительства, и абсолютно бесправную русскую общину [Там же. С. 103–105].

Противная сторона, напротив, четко представляла свои цели и была консолидирована на их достижение. Немецкая диаспора умело использовала покровительство «остзейской партии» и попустительство русских властей. Ю.Ф. Самарин приводил примеры, когда стремление крестьян освободиться от опеки лютеранства выдавалось за социальный протест и подавлялось с помощью русских властей. Немцы Прибалтики ощущали себя частью немецкого мира и получали моральную поддержку общественности и прессы немецких государств при любой угрозе своему господству [Там же. С. 41]. Стремление Германии на восток рано или поздно должно было привести к открытому противостоянию с Россией. Поэтому, полагал Ю.Ф. Самарин, прибалтийские немцы стремились «уберечь край для Германии» [Там же. С. 155].

Таким образом, Ю.Ф. Самарин предлагал рассматривать Остзейскую проблему не просто как сепаратизм одного из регионов, но через призму противостояния двух национализмов – русского и немецкого, цели которых противоположны и непримиримы [Там же. С. 167]. Поэтому главным противником политики обрусения виделись немцы. Местное население рассматривалось как союзник в борьбе с ними. Объективно предложения Ю.Ф. Самарина были направлены на улучшение жизни крестьянства, развитие самоуправления, ограничение зависимости от немецких помещиков. Но это не означало согласие славянофила на поддержку развития национального самосознания латышей и эстонцев. Именно они должны были стать главным объектом обрусения. Ю.Ф. Самарин не ожидал противодействия с их стороны, уверенный в тяге местного населения к православию и русской культуре. Он решительно отказывал латышам и эстонцам не только в политической, но и в этнической самостоятельности и не думал об опасности возникновения туземного национализма прибалтов.

Анализируя ситуацию в Остзейском крае, И.С. Аксаков находил поразительное ее сходство с Западным краем. В обоих случаях противниками Российской политики по укреплению государственного единства выступало не туземное население, а элита, являвшаяся завоевателем по отношению к нему, составлявшая меньшинство, чуждое в этническом и религиозном плане. Схожей была и социальная структура рассматриваемых территорий. Немцы и поляки были крупны-

ми землевладельцами, туземное население – крестьянами. Опираясь на традиционно привилегированное положение, меньшинства угнетали большинство, что налагало на этническое и религиозное противостояние социальные конфликты. Немцы и поляки сохраняли контроль над образованием, культурой, активно противодействуя обрусению данных территорий. Все это, по мнению Аксакова, делало туземное население естественным союзником русского правительства и русско-го национализма [7. Т. 6. С. 81–82].

Однако данную благоприятную для русской политики ситуацию правительство практически не использовало, писал славянофил в работах 1860-х гг., потворствуя как польской шляхте, так и немецким баронам. Между тем тенденция в Остзейском крае была не менее тревожной, нежели в Польше. Конечно, указывал И.С. Аксаков, немцы показательно, демонстрируя преданность царской династии, не поднимали восстаний и не бравировали, подобно полякам, своим неприятием русского господства. Но сохранение их господства ставило под сомнение необратимость включения Прибалтики в состав России [Там же. С. 83–84].

И.С. Аксаков, как и Ю.Ф. Самарин, рассматривал национальную проблематику в Прибалтике через призму столкновения русского и немецкого национализмов. При этом прибалтийские немцы виделись ему не отдельной этнической группой, национальным меньшинством, а частью немецкой нации, локализованной в прибалтийских владениях России. Любые действия немецкой диаспоры представлялись ему либо инспирированными Пруссией (Германией), либо получившими ее одобрение. Данный аспект занимал в работах И.С. Аксакова все больше места во второй половине 1870-х гг. в силу активизации немецкого национализма и усиления его внимания к Прибалтике после образования Германской империи.

И.С. Аксаков относился к немецкому национализму с большим уважением, видя в нем опасного противника и конкурента за влияние в Восточной Европе. Он полагал, что Пруссия, а затем Германская империя, не смирилась с включением прибалтийских земель в состав России и готова воспользоваться любым поводом для экспансии в этом регионе [8. Т. 6. С. 24]. Представители немецкой диаспоры, признававшие на словах лояльность России, не воспринимались как дружественная этническая группа.

Сохранив после вхождения в состав России свой привилегированный статус, немцы воспринимали в штыки любые попытки русской администрации к включению прибалтийских территорий в общеимперское правовое и социокультурное пространство.

Особое возмущение И.С. Аксакова вызывала немецкая система двойных стандартов в оценке национальной политики России и Германии. Считая совершенно естественным распространение немецкого языка на всей территории Пруссии, в том числе в этнических польских землях, немецкая общественность всегда поднимала

волну протестов против аналогичных действий русского правительства в Прибалтике [9. Т. 6. С. 19–20].

И.С. Аксаков писал об этом с очевидной завистью к единодушию немецкого общества, консолидированному на отпор любым попыткам, наносящим ущерб немецким национальным интересам, где бы это ни происходило. Российское общественное мнение, напротив, было разобщено. Значительная его часть выступала защитниками немецких интересов перед опасностью русификации. Цитируя немецкие газеты, Аксаков, опираясь на мнение пангерманистов, показывал, кто блюдет национальные интересы России, а кто предает их. Немцы с откровенной ненавистью писали о славянофилах как представителях политического течения, стремящегося к повсеместному распространению «русского духа», видимого немцами как попытки восстановления древне-славянских (точнее полуазиатских) порядков. Себя немцы позиционировали как бастион Европейской цивилизации и видели своими союзниками в русском обществе течения, выступавшие против одностороннего усиления какого-либо национального элемента, угрожавшего государственному единству России [10. Т. 6. С. 4–5].

Немецкая общественность постоянно взывала к императору, напоминая о своей лояльности правящей династии и рассчитывая на сохранение особого статуса немцев в Остзейском крае. И.С. Аксаков видел здесь попытку игнорирования национального характера русского государства, безусловно персонифицированного в лице русского государя [9. Т. 6. С. 18–19]. Он настаивал на безусловности опоры государства на русскую национальность как гарантию силы и стабильности государственности. Поэтому обязательное распространение русского языка в делопроизводстве государственных органов, развитие начального и высшего образования на русском языке, выпуск русскоязычных газет в Остзейском крае были минимально необходимыми условиями его развития как части Российского государства.

Таким образом, И.С. Аксаков требовал от всех национальностей, проживавших в Российской империи, лояльности не только к правящей династии, но и к господствовавшей русской нации.

Рассматривая вопрос о противостоянии с немецким национализмом, И.С. Аксаков не мог не провести сравнение данной ситуации с другими «конкурентами» русского национализма, находя общие черты в отношении к нему евреев. Последние, так же как и немцы, не желали признавать право русской народности на доминирование в Российской империи, а следовательно, отказывались видеть в ней русское национальное государство [10. Т. 6. С. 8].

И.С. Аксаков отказывал прибалтийским немцам в праве использовать в свою защиту принцип национальности, поскольку они не являлись автохтонным населением Прибалтики, а только завоевателями, составлявшими этническое меньшинство. Но местные

народы, будучи большинством, обладали правом на самостоятельную этническую перспективу. Таким образом, славянофил признавал за народностями, не имевшими государственности, права на сохранение языка, культуры, традиций при условии их преобладания на территории компактного проживания. Он экстраполировал данное положение на славянские народы Австрии, обосновывая справедливость их национальных требований и борьбы с ассимиляцией, проводимой государственным народом [11. Т. 6. С. 30–31]. Но равно в случае России справедливой была ассимиляция господствующим русским этническим большинством малых народов.

Что же касалось коренных народов Остзейского края, то для русского национального доминирования они, по мнению И.С. Аксакова, видимо, не представляли опасности и могли надеяться на сохранение народности в рамках Российской империи. Меры, предлагавшиеся славянофилом для укрепления русского влияния и русских государственных начал, на том этапе объективно способствовали прекращению немецкого засилья и развитию местных национальностей. Они включали унификацию местных органов власти и права с общероссийскими, судебную реформу с введением суда присяжных и формирование самоуправления по российским стандартам, ликвидацию привилегий для немцев и уравнивание его в правах с местным коренным населением, проведение земельной реформы с распространением на Остзейский край положений Манифеста 1861 г. по наделению крестьян землей [Там же. С. 32].

М.Н. Катков представлял ситуацию в Прибалтийском крае как противостояние русского и немецкого национализмов. Третьей стороной здесь выступало местное население – латыши, эстонцы. Публицист соглашался со своими немецкими оппонентами в отношении к ним как народностям, лишенным исторического потенциала и обреченным развиваться под влиянием народов исторических. Но поскольку речь шла о части Российского государства, то планы немецкой элиты о германизации края были бесперспективны. И немцы, и латыши, и эстонцы должны были стать частью русской нации, сохраняя свою этническую самобытность [12. С. 293–294]. Логика М.Н. Каткова была близка логике Ю.Ф. Самарина, хотя последний, как славянофил, подчеркивал первичность нации по отношению к государственности, но фактически оба выводили первенство русской национальности из факта победы Российского государства в борьбе за Прибалтику.

М.Н. Катков постоянно подчеркивал необходимость сохранения немецкого языка, системы образования на нем и использования его в повседневной и деловой практике. По существу он выступал против дискриминации русского населения и за обеспечение универсальности прав подданных на территории империи [13. С. 59–60].

Комментируя открытие Лифляндского сейма, М.Н. Катков отмечал, что немецкая диаспора старалась придать данному событию политическую значимость, как если бы речь шла о деятельности законодательного органа, а не местного самоуправления. Рупор немецких автономистов – «Рижская газета» – акцентировала внимание на противопоставлении административной и правовой системы Прибалтики остальной империи. В ее представлении сохранение сейма говорило об особом статусе прибалтийских губерний и приоритете его нормативных актов над общероссийским законодательством. Катков видел в такой позиции газеты и стоявшей за ней немецкой общины очевидное проявление сепаратизма. Публицист считал возможным и правильным сохранение исторически сложившихся местных особенностей, но при условии невхождения их в конфликт с основополагающими принципами государственного строя России [14. С. 167–168]. Сами немцы должны были ощущать себя гражданами России и частью русской нации, а не представителями самостоятельной немецкой прибалтийской нации. Немцы признавались в качестве самостоятельной этнической, но не политической единицы [15. С. 287–288].

Подтверждением того, что ситуация в Прибалтике была столкновением германского и русского национализмов, служит то, что, несмотря на постоянное подчеркивание внутрироссийского характера проблем, М.Н. Катков регулярно вступал в дискуссию с германской прессой, видя в ней сторону конфликта. Прямо или косвенно он обвинял германские официальные лица и общественных деятелей во вмешательстве в дела России (но также резервировал за собой право защищать славян). В любом случае речь шла не просто о сепаратизме прибалтийских немцев, их самоощущении как отдельного народа. Всегда присутствовало представление о том, что прибалтийские немцы – часть «большой немецкой нации», с которой они чувствуют связь и стремятся слиться. Вот против такой самоидентификации выступал М.Н. Катков [16. С. 424].

Остзейские немцы не просто отстаивали родные язык и культуру, но стремились навязать их латышам и эстам. Именно местное население было объектом борьбы немецкого и русского влияния. Русификация, по М.Н. Каткову, предполагала воздействие не на собственно немцев, а на коренное население. В стремлении к их онемечиванию М.Н. Катков подозревал реализацию первой части плана, предусматривавшего достижение этнической однородности, а затем отторжение Прибалтики в пользу Германии [17. С. 453–454]. «Балтийскому краю предстоят два исхода – либо германизация, либо обрусение, смотря по тому, какой язык будет там правительственный и, следовательно, каждому тем более необходимый, чем более развивается гражданская жизнь» [18. С. 573]. Национальность определяется не этнической принадлежностью и не происхождением, а государственным подданством [19. С. 577].

Русские власти, по оценке публициста, проигрывали немцам в борьбе за влияние на коренное население Прибалтики. Главная причина – оборонительная тактика. Система образования на русском языке была ориентирована на русское население и практически не воздействовала на латышей. Это же относилось и к миссионерской деятельности православной церкви. М.Н. Катков был солидарен с Самариным в признании явно недостаточных усилий в данном направлении русского правительства. Немцы же были явно нацелены на германизацию местного населения, не скрывали этой цели и трактовали свою деятельность как распространение высочайшей культуры Германии.

Таким образом, несмотря на различия в подходах к трактовке национального характера Российской империи, М.Н. Катков солидаризировался со славянофилами в необходимости противостояния немецкому национализму в Прибалтике. Они видели главную опасность в преобладании у немецкой диаспоры восприятия себя как части немецкой нации, что вместе с включением Прибалтийских владений России в экспансионистские проекты Германской империи создавало угрозу утраты этих территорий. В обоих случаях средством было не подавление немецкой этничности, а вовлечение Прибалтики в общеимперское правовое и административное пространство.

Обращаясь к прибалтийскому вопросу, В.П. Мещерский также трактовал его как немецкий, выделяя в нем два аспекта. Внешнеполитический был связан с противостоянием германской экспансии. Публицист подчеркивал важность твердой и решительной позиции Российского государства по недопущению попыток Германии вмешиваться в проблемы Прибалтики.

Однако рассматривая «наш домашний немецкий вопрос», он оппонировал германофобам в стремлении превратить Остзейский край в «Ярославскую, Костромскую или Московскую губернии, то есть полного обрусения» [20. С. 2]. В.П. Мещерский писал, что в Прибалтике сложилась особая, учитывавшая местные особенности и исторические условия, правовая и культурная среда, не противоречившая Российской государственной идеологии и не наносившая ущерб государственному единству. По мнению публициста, критерием качества местных порядков любого региона России должно было быть обеспечение лояльности населения к империи и императору. Политика русификации, прежде всего, должна была иметь целью укрепление единства государства. Поэтому, подчеркивая важность и актуальность правительственных мер по оказанию помощи русской православной церкви в крае, развитию образования на русском языке, внедрению его в местное делопроизводство, В.П. Мещерский настаивал на приоритете сохранения стабильности в регионе. Откровенно завидуя общественной обстановке в Прибалтике, сохранению здорового консерватизма, он представлял ее читателям как остров стабильности и благополучия и задавался вопросом: нужна ли

такая русификация, которая приведет к распространению либерализма и нигилизма в крае? «Задача патриотизма – сохранять друзей, а не плодить врагов» [20. С. 4]. Таким образом, именно В.П. Мещерский демонстрировал классический образец имперского подхода, игнорировавший национальную идентичность при приоритете значимости только государственных интересов.

В российской публицистике либерального толка подчеркивалось, что в отличие от поляков немцы всегда были верными подданными императора. При этом обращалось внимание на сложную игру прибалтийских немцев, охотно соглашавшихся на равенство прав с русской национальностью, когда это было выгодно, но отказывавшихся от солидарности ради выгоды в других ситуациях. Они резко воспротивились введению русского языка как языка государственного делопроизводства в прибалтийских губерниях, апеллируя к нормативным актам XVIII в. и выступая якобы от имени всего населения Прибалтики. Л.А. Полонский призывал русские власти проявлять волю и твердость в решении данного вопроса, поскольку это была эффективная мера борьбы с немецким засильем [21. № 1. С. 399].

Публицист «Вестника Европы» демонстрировал дифференцированный подход к сохранению в национальных регионах традиционных органов местного самоуправления. По его мнению, они не всегда являлись демократическими институтами, выражавшими волю большинства населения. Если в Финляндии сохранение сейма сделало его не только центром политической жизни, но и инструментом ослабления влияния шведов в общественной жизни, обеспечив участие в ней собственно финского населения, то в Прибалтике ситуация складывалась зеркально отлично. Органы городского самоуправления превратились в инструмент консервации средневековых традиций и поддержания господства немецкого дворянства. За столетия, прошедшие с момента вхождения прибалтийских земель в состав России, в них практически отсутствовали представители коренного – эстонского и латвийского – населения. В этих условиях, считал публицист, отказ от традиций и реформирование городских сеймов способствовали бы их демократизации, а для русской администрации создали бы инструмент взаимодействия с коренным населением. Поэтому он считал важным ускорить начало Городской реформы в прибалтийских губерниях [22. С. 372–373].

Л.А. Полонский подчеркивал многообразие социально-экономических условий в различных национальных регионах России, требовавших различий в проведении реформ. При этом требование сохранения национальных традиций не всегда совпадало с интересами местного населения. Поэтому он выступал против апологетики сохранения немецкого господства в прибалтийских губерниях. Защитой национальных интересов прибалтийских немцев он считал необходимость со-

хранения лютеранской церкви, возможности преподавания в немецких школах на немецком языке, издание немецких газет [23. С. 813–814].

Однако к этой проблеме не имели никакого отношения попытки сохранить доминирование немецкого дворянского землевладения. Немецкое дворянство, апеллируя к неким традициям, исторически сложившимся особенностям земельных отношений, старалось закрепить за собой право определять условия аграрных преобразований, давно назревших в Прибалтике. Л.А. Полонский же считал, что в интересах эстонского и латышского крестьянства было бы распространение общеимперских законов, регламентировавших аграрные отношения [Там же].

Либералы четко отслеживали и отграничивали проявление конкуренции других национальных проектов на территории империи. Они считали важным и необходимым сохранение польского языка в образовании и прессе на территории польских этнических земель, но ратовали за самые жесткие, в том числе и административные, меры ограничения польского влияния в Малороссии и Литве. Так же и в Прибалтике обозреватель «Русской мысли» защищал право немцев на возможность получения образования на родном языке. Но он не видел какой-либо связи между задачей защиты национальной идентичности прибалтийских немцев с претензиями на сохранение немецкого языка в административном и судебном делопроизводстве. Подобную практику журналист называл пережитком прошедших эпох, традициями, не связанными с современными реалиями, противоречащими не только государственным интересам, но и интересам коренного населения – латышей и эстонцев [24. С. 110–111].

Подробно анализируя структуру, принципы формирования и функции ландтагов и местных судов, автор приходил к выводу о том, что существовавшая система местного самоуправления консервировала господство в общественной жизни и управлении немецкого дворянства, составлявшего меньшинство населения [25. С. 93–94]. Автор неоднократно возвращался к мысли о необходимости дифференцированного подхода к языковой проблеме в государственной и общественной сферах. В первом случае универсальным языком для всех властных структур на территории империи должен был являться язык государственной нации – русский, но в сфере общественной жизни, включавшей образовательные и культурные учреждения, должны учитываться интересы национальностей и расширяться использование «местных» языков [Там же. С. 95–96].

В случае с Прибалтикой особенностью ситуации заключалась в господстве в сфере образования немецкого языка. Не видя альтернативы в возможности перехода в государственных гимназиях и училищах на латышский или эстонский язык, публицист считал правильным постепенное вытеснение немецкого языка русским и в системе образования как средство борьбы с доминированием немецкого дворянства. Таким образом, нача-

лась бы подготовка кадров для всесословных учреждений местного самоуправления, которые придут на смену ныне действующим [26. С. 196–197].

Одновременно авторы «Русской мысли» предостерегали от чрезмерной увлеченности борьбой с немецким влиянием, заметной в русской прессе. Уже раздавались голоса о необходимости не допускать немцев в государственные и судебные учреждения Прибалтийских губерний. Столь же нелепо выглядели предложения скорейшим образом произвести вытеснение немецкого языка из топонимики прибалтийских городов и всех областей общественной жизни. Журналисты либерального издания были категорически против нарушения личных прав немцев, латышей, эстонцев на защиту национальной идентичности. Политика государства должна быть направлена на унификацию государственно-правовых институтов, но это не касалось сохранения национального многообразия [27. С. 144–145].

Если в номерах «Русской мысли» 1885–1886 гг. преобладала осторожная поддержка начавшихся в Прибалтийском крае реформ, то в номерах 1889 г. звучит уже недоумение и непонимание направленности реформирования системы образования. Журналисты с сожалением констатировали, что опасения перегибов обрусительной политики начинали оправдываться. Переход к обязательному преподаванию на русском языке в начальных и средних учебных заведениях, первоначально касавшийся только государственных образовательных учреждений, теперь распространился на муниципальные и частные гимназии и училища. Это вызвало негативную реакцию как муниципалитетов, так и частных спонсоров и привело к закрытию целого ряда учебных заведений [28. С. 142–143]. Понимая подобную реакцию, журналисты указывали на прямое нарушение права получения образования на национальном языке.

Журналисты «Русской мысли» считали важным поддержку национального возрождения прибалтийских народов. Зарождавшееся движение образованной части латвийского и эстонского населения по созданию литературных языков встретило негативную реакцию в консервативных русских изданиях, увидевших в этом проявление «немецкой интриги». Отвечая на замечание «Рижского вестника», всегда «стоявшего на страже русских интересов», увидевшие угрозу в «латышской мечте» авторы либерального издания напомнили о русском ренессансе, сформировавшем за неполных два столетия богатейшую литературу. Почему же консервативное издание отказывало другим народам в праве на национальное развитие? Что же касается страхов перед призраком сепаратизма, то, обращаясь к опыту Европы, журналист отмечал очевидную закономерность. Поддержка центральной властью национальных движений всегда делала их сторонниками централизма, а подавление национального духа, напротив, приводило к политизации национальных движений и сопротивлению власти [29. С. 190–191].

Описывая этнополитическую ситуацию в Прибалтике, И.И. Каблиц обвинял российскую элиту, длительное время считавшую «эту страну кровной немецкой землей», в пассивности и невнимании к проблемам данного региона. Этому заблуждению способствовало и осязаемое влияние остзейских немцев в правящих российских кругах, старательно внушавших, что Прибалтийский край – немецкая земля. Прозрение наступило после возникновения Германской империи, когда стало ясно, что абсолютное преобладание немцев среди господствующих классов создает опасность «предоставления этого края немецкому господству, тем более со стороны немцев появились претензии на него» [30. Ч. 2. С. 359–360]. Поэтому чрезвычайно важно было усилить пророссийские настроения среди коренного населения: латышей, ливов, эстов.

Особенностью данного региона, по мнению либерального народника, являлась отчетливо социальная направленность национального движения. Антинемецкие настроения в значительной степени были обусловлены спецификой аграрной реформы 1819 г., усилившей крестьянское безземелье и сконцентрировавшей земли в руках немецких баронов, в которых крестьяне видели «врагов своей национальности и угнетателей своего материального благосостояния и экономической независимости» [Там же. С. 361]. Поэтому И.И. Каблиц выделял приоритетность социальных преобразований, предлагая распространить на Прибалтику опыт крестьянской реформы в Польше, проведенной в 1863 г. Дополнив ее «покровительством этнографическому сепаратизму коренного населения», полагал он, можно будет обезопасить интересы России от немецких «необоснованных поползновений на этот край». Завершая обзор проблем Прибалтики, публицист замечает: «Разумеется, мы можем надеяться просто на силу нашего оружия, но вернее, привязать к себе население здоровой политикой, как по отношению к его национальному возрождению, так и по отношению к социальным требованиям» [Там же. С. 362].

Таким образом, схожим для русской публицистики и консервативного, и либерального направления было восприятие национальных отношений в Прибалтике как противоборства двух национальных проектов, конкурировавших не только в пределах данного региона, но и во всей Восточной Европе. Прибалтийские немцы виделись не самостоятельной этнической группой, а частью немецкой нации, стремившейся воссоединиться с ней в рамках единого государства. Поэтому в национальных проблемах края всегда зримо присутствовал внешнеполитический аспект.

Проводилась прямая аналогия с положением поляков в западном крае, где они были пришельцами-завоевателями и составляли элиту общества. Но в отличие от поляков, этнические земли которых находились частично в пределах империи, где признавалось их существование как национальности, прибалтийские немцы таковых этнических территорий в границах им-

перии не имели и как отдельная национальность не рассматривались. Отношение к немецкому доминированию в Прибалтике было солидарно негативным, и различия заключались в способах борьбы с ним. Только представитель имперского течения М.П. Мещерский считал немецкое дворянство верной опорой самодержавия, а существовавшие отношения оптимальными, поскольку они противостояли проникновению нигилизма и способствовали сохранению государственного единства.

Автохтонные народности представлялись жертвами немецкого национализма, стремившегося к их ассимиляции. Поэтому все направления приветствовали пробуждение у них национального самосознания и выступали за развитие национальных языков, культу-

ры. Обрусение в данном случае означало противодействие онемечиванию. Но если славянофилы и М.Н. Катков оценивали скептически собственный потенциал этих народностей и считали, что выбор стоял между русской и немецкой ориентацией, то либералы выступали в поддержку их национального самобытного развития.

Практически все русские публицисты отмечали наложение национального противостояния в крае на социальное, так как элиту его составляли немцы, а низы городского населения и крестьяне представляли автохтонные народности. Славянофилы и либералы полагали, что развитие самоуправления и поддержка крестьянских хозяйств будут способствовать ослаблению немецкой монополии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тесля А.А. Остзейский вопрос в переписке Ю.Ф. Самарина 1846–1848 годов. URL: <http://www.hrono.ru/statii/2011/tessamarin.php>, свободный.
2. Каплин А.Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи. М. : Институт русской цивилизации, 2011. 624 с.
3. Самарин Ю.Ф. Письма из Риги / Ю.Ф. Самарин // Сочинения. М. : Тип. А.И. Мамонтова, 1889. Т. 7. С. 3–162.
4. Самарин Ю.Ф. О политическом идеале газеты «Весть» / Ю.Ф. Самарин // Сочинения. М. : Тип. А.И. Мамонтова, 1898. Т. 9. С. 456–485.
5. Самарин Ю.Ф. О православии в прибалтийских губерниях / Ю.Ф. Самарин // Сочинения. М. : Тип. А.И. Мамонтова, 1898. Т. 9. С. 441–455.
6. Самарин Ю.Ф. Окраины России / Ю.Ф. Самарин // Сочинения. М. : Тип. А.И. Мамонтова, 1898. Т. 9. С. 3–433.
7. Аксаков И.С. Еще о драгоценных откровениях г. фон-Бокка / И.С. Аксаков // Собрание сочинений : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 6. С. 79–89.
8. Аксаков И.С. Угрозы немецких газет по поводу отмены некоторых привилегий Остзейского края / И.С. Аксаков // Собрание сочинений : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 6. С. 23–27.
9. Аксаков И.С. Как понимает остзейский немец идеал России / И.С. Аксаков // Собрание сочинений : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 6. С. 3–8.
10. Аксаков И.С. По поводу введения русского языка в присутственные места Остзейских провинций / И.С. Аксаков // Собрание сочинений : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 6. С. 16–22.
11. Аксаков И.С. В праве ли Прибалтийские немцы протестовать против реформ русского правительства во имя принципа национальности / И.С. Аксаков // Собрание сочинений : в 7 т. М. : Тип. М.Г. Волчанинова, 1886. Т. 6. С. 28–34.
12. Катков М.Н. О германизации Эстов и Латышей. Московские Ведомости. 1864. 16 мая // Передовые статьи из Московских Ведомостей за 1864 г. М. : Издание С.П. Катковой, 1897. С. 292–295.
13. Катков М.Н. По поводу статьи «Голоса» о русском языке в Риге. Смысл так называемых нападок на остзейские губернии. Московские Ведомости. 1865. 28 января // Передовые статьи из Московских Ведомостей за 1865 г. М. : Издание С.П. Катковой, 1897. С. 59–61.
14. Катков М.Н. Открытие Лифляндского сейма и предстоящие ему задачи. Московские Ведомости. 1865. 20 марта // Передовые статьи из Московских Ведомостей за 1865 г. М. : Издание С.П. Катковой, 1897. С. 166–169.
15. Катков М.Н. Остзейский вопрос не есть немецкий вопрос в России. Московские Ведомости. 1865. 12 мая // Передовые статьи из Московских Ведомостей за 1865 г. М. : Издание С.П. Катковой, 1897. С. 286–289.
16. Катков М.Н. Права и положение русского языка в Прибалтийском крае. Московские Ведомости. 1865. 10 июля // Передовые статьи из Московских Ведомостей за 1865 г. М. : Издание С.П. Катковой, 1897. С. 421–426.
17. Катков М.Н. Государство и национальность. Московские Ведомости. 1867. 17 августа // Передовые статьи из Московских Ведомостей за 1867 г. М. : Издание С.П. Катковой, 1897. С. 452–454.
18. Катков М.Н. Государство и национальность. Московские Ведомости. 1867. 9 октября // Передовые статьи из Московских Ведомостей за 1867 г. М. : Издание С.П. Катковой, 1897. С. 572–574.
19. Катков М.Н. Язык и национальность. Московские Ведомости. 1867. 11 октября // Передовые статьи из Московских Ведомостей за 1867 г. М. : Издание С.П. Катковой, 1897. С. 576–581.
20. Мещерский В.П. Наши евреи, немцы, поляки и так далее... // Гражданин. 1882. № 39. 16 мая. С. 2–4.
21. Внутренняя хроника // Вестник Европы. 1868. № 1. С. 380–400.
22. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1870. № 9. С. 361–381.
23. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1882. № 4. С. 796–818.
24. Внутреннее обозрение // Русская мысль. 1885. № 9. С. 82–110.
25. Внутреннее обозрение // Русская мысль. 1885. № 10. С. 87–120.
26. Внутреннее обозрение // Русская мысль. 1887. № 7. С. 192–222.
27. Внутреннее обозрение // Русская мысль. 1889. № 7. С. 130–156.
28. Внутреннее обозрение // Русская мысль. 1889. № 8. С. 135–158.
29. Внутреннее обозрение // Русская мысль. 1891. № 8. С. 175–200.
30. Юзов (Каблиц) И. Основы народничества. СПб. : Тип. И.А. Лебедева, 1888. Т. 1. 464 с.

Kudriashev Viacheslav N. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: kvn18011962@yandex.ru

RUSSIAN-GERMAN CONFRONTATION IN BALTIC REGION IN RUSSIAN PUBLICISM IN THE SECOND HALF OF THE XIX CENTURY.

Keywords: nationalism; separatism; Russification; Germanization; liberalism; conservatism.

Ethnic and religious diversity of Russia, supplemented by differences in economic and social development of ethnic regions, involved them to the attention of Russian intellectual elite, which was to take into account this aspect in the development of their national concepts. The growth of national consciousness on the outskirts of the national and the formation of nationalisms with alternative concepts of these objectives have made significant adjustments to the perceptions of the Russian intellectuals of the XIX century about the present and the future of Russia. Similarly for Russian journalism and conservative and liberal trends of the second half of the XIX century was the perception about ethnic relations in the Baltic region as a confrontation between the two national projects, to compete not only within the region, but throughout Eastern Europe. Baltic Germans saw no independent group, as part of the German nation, aspiring to be reunited with her in the framework of a single state. Therefore, always visibly present foreign policy aspect in national issues edges. It draws a direct analogy with the situation of Poles in the western region, where they were strangers-conquerors and were the elite of society. But unlike the Poles, ethnic lands which were partially within the empire, which recognized its existence as a nationality, Baltic Germans those ethnic territories within the borders of the empire, and did not have as a separate nationality were not considered. Drinking German domination of the Baltic States were jointly and negative difference is the way to deal with it. Only the representatives of the current imperial Meshchersky considered the German nobility loyal support of the autocracy and the optimal existing relationships as they resisted the penetration of nihilism and contributed to the preservation of national unity. The autochthonous peoples represent victims of German nationalism, sought to assimilate them. Therefore all directions welcomed awakening their national identity and advocated the development of national languages and culture. Russification in this case meant opposition to Germanization. But if Slavophiles and Katkov evaluated skeptical own potential of these peoples and believed that the choice was between the Russian and German orientation, the liberals were in support of their national identity development. Almost all Russian commentators noted the imposition of national opposition in the province social, as its elite were Germans, and the lower classes of the urban population and the peasants were autochthonous peoples. Slavophiles and liberals believed that self-development and support of farms will contribute to the weakening of the German monopoly.

REFERENCES

1. Teslya, A.A. (n.d.) *Ostzeyskiy vopros v perepiske Yu.F. Samarina 1846–1848 godov* [The Ostsee issue in the correspondence by Yu.F. Samarin in 1846–1848]. [Online] Available from: <http://www.hrono.ru/statii/2011/tessamarin.php>.
2. Kaplin, A.D. (2011) *Slavyanofily, ikh spodvizhniki i posledovateli* [Slavophiles, their associates and followers]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii.
3. Samarin, Yu.F. (1889) *Sochineniya* [Works]. Vol. 7. Moscow: A.I. Mamontov. pp. 3–162.
4. Samarin, Yu.F. (1898a) *Sochineniya* [Works]. Vol. 9. Moscow: A.I. Mamontov. pp. 456–485.
5. Samarin, Yu.F. (1898b) *Sochineniya* [Works]. Vol. 9. Moscow: A.I. Mamontov. pp. 441–455.
6. Samarin, Yu.F. (1898c) *Sochineniya* [Works]. Vol. 9. Moscow: A.I. Mamontov. pp. 3–433.
7. Aksakov, I.S. (1886a) *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Works. In 7 vols]. Vol. 6. Moscow: M.G. Volchaninov. pp. 79–89.
8. Aksakov, I.S. (1886b) *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Works. In 7 vols]. Vol. 6. Moscow: M.G. Volchaninov. pp. 23–27.
9. Aksakov, I.S. (1886c) *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Works. In 7 vols]. Vol. 6. Moscow: M.G. Volchaninov. pp. 3–8.
10. Aksakov, I.S. (1886d) *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Works. In 7 vols]. Vol. 6. Moscow: M.G. Volchaninov. pp. 16–22.
11. Aksakov, I.S. (1886e) *Sobranie sochineniy: v 7 t.* [Collected Works. In 7 vols]. Vol. 6. Moscow: M.G. Volchaninov. pp. 28–34.
12. Katkov, M.N. (1897a) O germanizatsii Estov i Latyshey. *Moskovskie Vedomosti*. 1864. 16 maya [On the Germanization of Estonians and Latvians. *Moskovskie Vedomosti*. 1864. May 16]. In: *Peredovye stat'i iz Moskovskikh Vedomostey za 1864 g.* [Editorials from “Moscow Vedomosti” for 1864]. Moscow: S.P. Katkova. pp. 292–295.
13. Katkov, M.N. (1897b) Po povodu stat'i “Golosa” o russkom yazyk v Rige. Smysl tak nazyvaemykh napadok pa ostzeyskie gubernii. *Moskovskie Vedomosti*. 1865. 28 yanvarya [Concerning the article in “Golos” about the Russian language in Riga. The meaning of the so-called attacks on the Baltic provinces. *Moskovskie Vedomosti*. 1865. January 28]. In: *Peredovye stat'i iz Moskovskikh Vedomostey za 1865 g.* [Editorials from “Moskovskie Vedomosti” for 1865]. Moscow: S.P. Katkova. pp. 59–61.
14. Katkov, M.N. (1897c) Otkrytie Lifflyandskogo seyma i predstoyashchie emu zadachi. *Moskovskie Vedomosti*. 1865. 20 marta [The opening of the Liffland Sejm and the tasks ahead. *Moskovskie Vedomosti*. 1865. March 20]. In: *Peredovye stat'i iz Moskovskikh Vedomostey za 1865 g.* [Editorials from “Moskovskie Vedomosti” for 1865]. Moscow: S.P. Katkova. pp. 166–169.
15. Katkov, M.N. (1897d) Ostzeyskiy vopros ne est' nemetskiy vopros v Rossii. *Moskovskie Vedomosti*. 1865. 12 maya [The Ostsee issue is not a German issue in Russia. *Moskovskie Vedomosti*. 1865. May 12]. In: *Peredovye stat'i iz Moskovskikh Vedomostey za 1865 g.* [Editorials from “Moskovskie Vedomosti” for 1865]. Moscow: S.P. Katkova. pp. 286–289.
16. Katkov, M.N. (1897e) Prava i polozhenie russkogo yazyka v Pribaltiyskom krae. *Moskovskie Vedomosti*. 1865. 10 iyulya [The rights and status of the Russian language in the Baltic region. *Moskovskie Vedomosti*. 1865. July 10]. In: *Peredovye stat'i iz Moskovskikh Vedomostey za 1865 g.* [Editorials from “Moskovskie Vedomosti” for 1865]. Moscow: S.P. Katkova. pp. 421–426.
17. Katkov, M.N. (1897f) Gosudarstvo i natsional'nost'. *Moskovskie Vedomosti*. 1867. 17 avgusta [The state and nationality. *Moskovskie Vedomosti*. 1867. August 17]. In: *Peredovye stat'i iz Moskovskikh Vedomostey za 1865 g.* [Editorials from “Moskovskie Vedomosti” for 1865]. Moscow: S.P. Katkova. pp. 452–454.
18. Katkov, M.N. (1897g) Gosudarstvo i natsional'nost'. *Moskovskie Vedomosti*. 1867. 9 oktyabrya [The state and nationality. *Moskovskie Vedomosti*. 1867. October 9]. In: *Peredovye stat'i iz Moskovskikh Vedomostey za 1867 g.* [Editorials from “Moskovskie Vedomosti” for 1867]. Moscow: S.P. Katkova. pp. 572–574.
19. Katkov, M.N. (1897h) Yazyk i natsional'nost'. *Moskovskie Vedomosti*. 1867. 11 oktyabrya [Language and nationality. *Moskovskie Vedomosti*. 1867. October 11]. In: *Peredovye stat'i iz Moskovskikh Vedomostey za 1897 g.* [Editorials from “Moskovskie Vedomosti” for 1897]. Moscow: S.P. Katkova. pp. 576–581.
20. Meshcherskiy, V.P. (1882) Nashi evrei, nemtsy, polyaki i tak dale . . . [Our Jews, Germans, Poles and so on . . .]. *Grazhdanin*. 16th May. pp. 2–4.
21. Anon. (1868) Vnutrennyaya khronika [Home Chronicle]. *Vestnik Evropy*. 1. pp. 380–400.
22. Anon. (1870) Vnutrennee obozrenie [Home Review]. *Vestnik Evropy*. 9. pp. 361–381.
23. Anon. (1882) Vnutrennee obozrenie [Home Review]. *Vestnik Evropy*. 4. pp. 796–818.
24. Anon. (1885a) Vnutrennee obozrenie [Home Review]. *Russkaya mysl'*. 9. pp. 82–110.
25. Anon. (1885b) Vnutrennee obozrenie [Home Review]. *Russkaya mysl'*. 10. pp. 87–120.
26. Anon. (1887) Vnutrennee obozrenie [Home Review]. *Russkaya mysl'*. 7. pp. 192–222.
27. Anon. (1889a) Vnutrennee obozrenie [Home Review]. *Russkaya mysl'*. 7. pp. 130–156.
28. Anon. (1889b) Vnutrennee obozrenie [Home Review]. *Russkaya mysl'*. 8. pp. 135–158.
29. Anon. (1891) Vnutrennee obozrenie [Home Review]. *Russkaya mysl'*. 8. pp. 175–200.
30. Yuzov (Kablits), I. (1888) *Osnovy narodnichestva* [Fundamentals of Narodnik Movement]. Vol. 1. St. Petersburg: I.A. Lebedev.

УДК 93/94

DOI: 10.17223/19988613/46/3

И.В. Лиджиева

ХОЗЯЙСТВО И ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КАЛМЫЦКОЙ СТЕПИ В XIX – НАЧАЛЕ XX в.

На основе анализа приговоров улусных и аймачных обществ, статистических материалов рассматривается роль органов местного самоуправления Калмыцкой степи в XIX – начале XX в. в системе взаимоотношений населения с окружающей природной средой в процессе жизнедеятельности населения. В заключении автором сделан вывод о том, что институт местного самоуправления Калмыцкой степи в указанный период играл роль проводника той модернизаторской политики, которую проводили имперские органы исполнительной власти.

Ключевые слова: Калмыцкая степь; органы местного самоуправления; пескоукрепление; аймачный сход; приговор.

Институт местного самоуправления в Калмыцкой степи Астраханской губернии в XIX – начале XX в. являлся одной из действенных структур, обеспечивающих эффективность жизнедеятельности общества. «Положение об управлении калмыцким народом 1847 г.» явилось основным законодательным источником, регулирующим деятельность органов местного самоуправления в Калмыцкой степи в XIX – начале XX в. [1. Т. XXII. № 21144]. Основная цель, заложенная в данном основополагающем документе, – обозначение функциональных обязанностей государства на территории Калмыцкой степи и реализация в основном силами органов местного самоуправления вопросов государственного и местного значения. Указанным правовым актом в Калмыкии на законодательном уровне впервые были заложены основы местного самоуправления в форме улусных и аймачных сходов, формируемых на принципах выборности должностных лиц, коллективного обсуждения и решения вопросов местного значения.

Согласно ст. 45 Положения об управлении калмыцким народом 1847 г. к полномочиям улусного и аймачного сходов как институтов местного самоуправления относились проведение выборов должностных лиц местного самоуправления; назначение к малолетним сиротам опекунов и их учет; обеспечение общественного порядка, а также различные вопросы общественной надобности, такие как сдача в аренду земель, строительство новых хурулов, школ, больниц, выселение самовольно поселившихся крестьян и т.п.

В процессе жизнедеятельности автохтонное кочевое население активно взаимодействовало с окружающей природной средой, в результате выработались определенная система взглядов, отношения, регулирующие процесс взаимодействия в ходе введения хозяйства. Между тем традиционная система взаимоотношений в условиях хозяйственного развития устаревала и многие нововведения, проводимые имперскими властями в Калмыцкой степи, не сразу давали результаты.

Целью данной статьи является рассмотрение роли органов местного самоуправления Калмыцкой степи

XIX – начале XX в. в системе взаимоотношений населения с окружающей природной средой в процессе жизнедеятельности общества. Исследование построено на основе принципов научности и объективности. В качестве методов исследования использованы: статистический, позволивший дать характеристику масштабов проблемы в Калмыцкой степи, и реконструктивный – восстановить отдельные факты и механизм деятельности органов местного самоуправления в данном направлении.

Проблема взаимодействия населения с окружающей природной средой для такого региона, как Калмыцкая степь, определенно имеет актуальность, обусловленную ее географическим расположением в зоне степей, пустынь и полупустынь и характерным аридным климатом, так как от этого зависело не только благосостояние населения, но и состояние здоровья. В первой половине 80-х гг. XIX в. врачи Управления калмыцким народом выдвигали различные предложения по улучшению медицинской части в Калмыцкой степи. По их мнению, состояние здоровья населения зависит от природно-климатических условий. Так, в одном из отчетов отмечается, что Багацохуровский улус, расположенный на нагорной стороне Волги, занимая возвышенную равнину, пользуется относительно других улусов хорошими санитарными условиями, в отличие от ряда других улусов, где соседство со стоячими озерами, поросшими густым камышом, чаканом и другими болотными растениями, а также отсутствие хорошей воды способствуют развитию различных заболеваний, таких как лихорадка во всех ее формах, цинга и желудочно-кишечные болезни [2. Оп. 4. Д. 471. Л. 17]. Проблема водоснабжения решалась органами местного самоуправления путем искусственного обводнения природных водоемов [3].

Следующим немаловажным аспектом являлось то, что основной отраслью хозяйствования населения степи оставалось отгонное скотоводство. Следует отметить, что в традициях калмыков имеет место бережное отношение к земле и воде как источнику жизни. Ведение пастбищного скотоводства при наличии

большого поголовья и дефицита сенокосных угодий привело к складыванию практики поочередного выпаса на одном участке сначала лошадей и верблюдов, затем крупного рогатого и только в последнюю очередь мелкого скота, описываемой У.Э. Эрднеевым [4]. В благоприятный климатический период население кочевало по степи, не задерживаясь на одном месте более двух или трех недель, «смотря по количеству травы» [5. С. 2]. Несмотря на сложившуюся щадящую систему землепользования, под воздействием антропо-

генного и климатического факторов процесс опустынивания захватывал все большее количество земель. В газете «Астраханский листок» небольшая заметка отразила все масштабы бедствия: «Выжженная палящим солнцем, протоптанная большим количеством своего и постороннего скота и не освежаемая дождями, унылая степь тянется кругом, наводя на мрачные мысли об отсутствии запаса кормов и о возможных зимою бедствиях, подобных несчастьям зимы 1904/5 года» [6. С. 1].

Таблица 1

Сведения о занятости сельского населения Астраханской губернии по переписи 1897 г. [7. С. XIII]

Вид деятельности	Мужчин	Женщин	Обоего пола	% членов семей
Земледелие	23,68	12,57	22,30	32,94
Животноводство	22,08	8,04	20,34	33,86
Рыболовство	14,42	1,53	12,82	12,75
Остальные	0,43	0,03	0,38	0,22
Всего	60,61	22,17	55,84	79,77

Данные, представленные в табл. 1, показывают, что земледелие играло ведущую роль в хозяйственном развитии населения Астраханской губернии. В Калмыцкой степи Астраханской губернии только 2% населения было занято земледельческим трудом, при этом значительную роль играло животноводство. Так, например, разведением скота было занято 13 491 самостоятельное лицо и при них 52 989 членов семей [7. С. 115], следовательно, скотоводство являлось основным источником благосостояния более половины калмыцкого населения Калмыцкой степи. Следует отметить, что в данном регионе животноводство в указанный период носило экстенсивный характер, что напрямую отражалось на благосостоянии населения.

В Национальном архиве Республики Калмыкия отложились документы, свидетельствующие о том, что улусными попечителями было вменено в обязанность аймачным старшинам и хотонным старостам предоставлять сведения о состоянии пастбищ в течение года. Данная информация имела особую важность, так как от этого непосредственно зависела эффективность сбора

налогов. В табл. 2 представлена сводка по двум улусам Калмыцкой степи Астраханской губернии, составленная на основании рапортов органов местного самоуправления. Отраженные в таблице сведения показывают, что в Эркетеновском улусе около 40% времени, в течение восьми месяцев, состояние пастбища оценивается как «неудовлетворительное», причем все остальное время – только как «удовлетворительное», т.е. оценки «хорошее» и «отличное» отсутствуют. В Харахусовском улусе, расположенном восточнее Эркетеновского улуса, ситуация, по данным 1910 г., была значительно хуже. Четверть времени от всего периода пастбища находились в отношении кормовой базы в плохом состоянии, немногим более 50% оценивались как «удовлетворительные». Климат Эркетеновского и Харахусовского улусов характеризуются как «сухой, знойный, континентальный с незначительным уровнем осадков, что в летний период в сочетании с высоким температурным режимом обуславливает сухость почвенного покрова и разреженность растительности» [8. С. 22].

Таблица 2

Динамика состояния подножных кормов в Калмыцкой степи в 1910 г. [9. Оп. 4. Д. 1649]

Месяц	Эркетеновский улус	Харахусовский улус
Март	Удовлетворительное	Плохое
Апрель	Удовлетворительное	Удовлетворительное
Май	Удовлетворительное	Удовлетворительное
Июнь	Неудовлетворительное	Удовлетворительное
Июль	Неудовлетворительное	Плохое
Август	Неудовлетворительное	Удовлетворительное
Сентябрь	Удовлетворительное	Удовлетворительное
Октябрь	Удовлетворительное	Неудовлетворительное

В сравнении с вышеуказанными двумя улусами состояние подножных кормов, согласно сводке, в Манычском улусе было значительно лучше, что определяется его природно-климатическими условиями и расположением в западной части Калмыцкой степи, для которой характерны более плодородные почвы, нали-

чие водоемов с пресной водой и т.д. Из рапорта улусному попечителю Бурульского аймачного старшины от 22 ноября 1910 г. видно, что, несмотря на выпавший снег, бескормица аймачному поголовью не грозит. Так, он докладывает: «В ночь на 22 ноября с. г. выпал снег, глубиной не менее 2 вершков и, что в настоящее время

степь местами в $\frac{1}{4}$ аршина покрыта таковым. Скот кормится сухой травой, которая видна сверху снега» [2. Оп. 4. Д. 1649. Л. 84]. В климатическом отношении территория западных улусов находилась под угрозами другого характера, например град, сильный ветер. В Большедербетовском улусе «10 июля, выпал крупный град и покрыл землю до полу-аршина; градовая полоса прошла на расстоянии в длину более тридцати, а в ширину более пяти верст; градом поврежден подножный корм, разломаны и разнесены на значительное расстояние 69 калмыцких кибиток с бывшим в них имуществом; убытка от сего понесено до 1 300 руб. серебром» [9. Оп. 1. Д. 62. Л. 112].

Еще одним негативным явлением, от которого зависело состояние кормовых угодий, было нашествие саранчи. В Яндыковском улусе, в Мочагах и в отдельной части Малодербетовского улуса в Ставропольской губернии появилась саранча в чрезвычайно большом количестве и истребила посеянный крестьянами хлеб, овес и пр., а у калмыков покосы и подножные корма [Там же].

В начале XX в. в Калмыцкой степи стали активно предприниматься меры по борьбе с опустыниванием в регионе, так называемые пескоукрепительные работы, что было обусловлено высокими темпами ежегодного прироста песков – 4 500 дес. Согласно официальной статистике Управления калмыцким народом, площадь сыпучих песков в 1896 г. составляла 375 026 дес. Согласно документальным материалам из фондов Национального архива, общая площадь песков в Калмыцкой степи по рекогносцировочной съемке 1890-х гг., за исключением левобережных оброчных статей и пяти участков десятиверстной полосы, достигала 280 тыс. десятин, поулусная площадь сыпучих песков представлена следующим образом: Хошеутовский улус – 229 177 дес., Эркетеновский – 71 133, Яндыко-Мочажный – 39 938, Харахусовский – 13 764, Багацохуровский – 10 567, Икицохуровский – 6 443, северная часть Малодербетовского улуса – 539, южная – 1 434, в Калмыцком Базаре – 2 031 дес. По оценке 1910 г., их общая площадь уже равнялась 450 000 дес. [3. Оп. 2. Д. 173. Л. 3–4].

Несмотря на угрожающие масштабы опустынивания, анализ делопроизводственной документации 1910–1910 гг. Управления калмыцким народом показывает, что улусные общества, приняв решение о выведении ряда урочищ из хозяйственного оборота, в связи с проведением пескоукрепительных работ и заключив контракты с Лесным департаментом об обеспечении рабочими на условии предоставления питания, не выполняли его, так же как и зачастую Лесной департамент. Кроме того, в рамках пескоукрепительных работ высаженные травы были отравлены калмыками; как указывается в документах, «калмыки умышленно не нанимают пастухов и пускают скот произвольно» [Там же. Оп. 3. Д. 71. Л. 10].

В связи с опустыниванием земель в начале XX в. Управление калмыцким народом, Астраханское

Управление Государственным имуществом совместно с органами местного самоуправления Калмыцкой степи предприняли меры по закреплению песков. Результатом явилось предложение Лесного департамента 12 апреля 1907 г. сделанное Управлению калмыцким народом, о передаче Астраханской песчаной организации для закрепления сыпучих песков части Хошеутовской опорных статей № 3 и 4 площадью около 30 000 дес. В октябре того же года было заключено соглашение между Главным управлением землеустройства и земледелия и Управлением калмыцким народом о передаче указанных статей, а 16 декабря 1907 г. соглашение было утверждено министром внутренних дел [10. С. 27].

3 июня 1916 г. на урочище Кегульта состоялся Александро-Багацохуровский улусный сход в составе 2 старшин, 5 хотонных старост и 57 выборных от 20 кибиток. В работе схода принял участие заведующий Калмыцким песчаным районом Пастушков, выступивший с предложением о продолжении систематических работ по укреплению песков в улусе. В постановляющей части приговора отмечается, что «дело закрепления песков в улусе весьма целесообразно и всецело отвечает интересам населения улуса...» [3. Оп. 3а. Д. 5. Л. 10]. Кроме того, сход признал необходимым отвести к сети пескоукрепительных работ три песчаных урочища: Саксук, Бухта и Гендени Баргута, расположенных в пределах Зюневского аймака, а также продолжать работы на прежде отведенных землях, нуждающихся в профилактических работах. Для проведения работ общество брало на себя обязательство по обеспечению рабочими, питание же, согласно договоренности, обеспечивалось Лесным ведомством. Разрешение на пользование этими землями можно было получить на основании акта, составляемого представителями Лесного ведомства, улусной администрации и населения улуса. За самовольный выпас скота на указанных землях налагался штраф, данные денежные поступления зачислялись в фонд по пескоукреплению, на расширение работ. Вторичное закрепление песков улусное общество принимало на себя, без всякого участия со стороны Лесного ведомства.

В следующем приговоре, составленном уже 8 июня 1916 г. на урочище Билюта улусным обществом Александро-Багацохуровского улуса, речь также идет о необходимости пескоукрепительных работ в улусе. По решению схода и рекомендации представителя Лесного ведомства Кузьмина, принимавшего участие в его работе, были признанными к отводу для проведения пескоукрепительных работ следующие урочища: Худжертта, Арсамчин Боро, Шобгандук с отводом на них прогонов для водопоя скота. По решению схода «все закрепляемые урочища впредь до окончательного закрепления должны охраняться особо нанятыми объездчиками за счет обеих сторон, т.е. населения улуса и Лесного ведомства. Виновные в потраве посевов должны привлекаться к штрафу» [Там же. Л. 6]. Представ-

ляя приговор на утверждение, улусный попечитель в докладе в Управление калмыцким народом выражает свое мнение по теме приговора: «...закрепление песчаных урочищ вообще, по моему мнению, является не только желательным, но даже обязательным, т.к. польза от этого очевидна, а вред, приносимый песками окружающему пространству, весьма чувствителен...» [3. Оп. За. Д. 5. Л. 9].

Согласно статистическим данным, приведенным Ф.А. Аверьяновым, «к началу Первой мировой войны за калмыками числилось менее 6 млн дес., из которых более 1,5 млн дес. неудобной земли, а к началу 1917 г. в Калмыцкой степи было передано под пескоукрепление 98 тыс. дес., а всего – 255 775 дес. Однако пустыня, все дальше продвигаясь за запад, приносила огромный вред кочевникам и крестьянам, все чаще покидавших ранее насиженные дома и кочевья [11. С. 14–25].

Помимо экстенсивных форм животноводства в Калмыцкой степи большую угрозу представляли непрерывные распашки земли, в особенности песчаных отложений. Крестьяне, в поисках свободных земель оказавшись в несколько иных климатических условиях, продолжали прежними методами ведение земледельческого хозяйства. Между тем использование в условиях Калмыцкой степи сельскохозяйственных орудий, приспособленных для глубокой вспашки в центральных частях России, носило деструктивный характер. В результате ежегодной подобной обработки земли разрушался верхний плодородный слой почвы, который периодически выдувался степными ветрами.

Не менее разрушительной, по описанию Н. Очирова, была система землепользования калмыцкого населения. Так, «распашку земли калмыки Астраханской губернии проводили крайне беспорядочно. Землю под яровые хлеба пропахивали мелко до 2 вершков, озимые сеяли без вспашки земли после уборки яровых. Распахивали почву до ее полного истощения, не имея понятия об удобрении, правильном севообороте, а затем переходили на новую целину» [12. С. 51]. Данная ситуация сложилась в силу того, что традиционным занятием калмыков являлось скотоводство, следовательно, опыта ведения земледельческого хозяйства не было. Кроме того, уровень грамотности населения Калмыцкой степи, по данным переписи 1897 г., был самым низким по Астраханской губернии [7. С. XI]. С.В. Фарфоровский отмечал: «Единственно, что составляет слабое место у калмыков, это отсутствие у очень многих систематического образования, к которому они начинают тяготеть» [13. С. 21]. Следствием отсутствия опыта и образования стало неприятие государственной политики по борьбе с опустыниванием. «Сложность борьбы с песками объяснялась тем, что калмыки, кочуя на собственных участках, согласованных между собою, порою не понимали политики властей в этом направлении, не доверяя улусным чиновникам и стражникам» [14. С. 30], в этом проявлялись новые тенденции, учитывавшие потребности вре-

мени, однако нарушившие привычную систему хозяйствования местного населения. В этой ситуации немаловажная роль принадлежала органам местного самоуправления, которые стали проводниками в деле обеспечения сохранности почв. Конечно, инициаторами указанных мероприятий выступали органы исполнительной власти, но проводимые работы частично финансировались из средств общественного калмыцкого капитала, а также улусных и аймачных обществ, что являлось дополнительной нагрузкой к тому налоговому бремени, которое ложилось на население.

В своем письме от 10 сентября 1909 г. губернатору Астраханской губернии ставропольский губернатор на основании донесения Главного пристава кочующих народов заявляет, что на территории Калмыцкой степи распространены суслики, не представляющие угрозы для пастбищ, но их продвижение на соседние земли, засеваемые сельскохозяйственными культурами, является бедствием, так как эти грызуны «истребляют массу хлеба, и если не будет принято никаких мер к истреблению этого вредителя, то в будущем году нельзя будет ожидать урожая хлебов» [3. Оп. 4. Д. 1641. Л. 5]. И уже 28 сентября состоялось заседание, созванное астраханским губернатором генерал-лейтенантом И.Н. Соколовским для обсуждения вопроса о борьбе с сусликами в губернии. Еще с 1894 г. одной из повинностей населения Астраханской губернии стало истребление сусликов «в виде представления 1–3 станов сусликовых лапок с каждой десятины земли» [Там же. Л. 7]. Заведующий Управлением калмыцкого народа С.А. Козин на совещании сообщил, что ежегодно из средств общественного калмыцкого капитала на истребление сусликов выделяется 2 700 руб., т.е. кроме повинности население добровольно за плату, 1 коп. за один стан сусликовых лапок, участвует в данных мероприятиях. Но, по мнению инструктора по борьбе с сельскохозяйственными вредителями департамента земледелия Ф.Н. Лебедева, подобные методы малоэффективны, так как, по его подсчетам, на 1 десятине земли насчитывается от 200 до 1 000 норок грызунов. Участники заседания пришли к выводу о необходимости проведения масштабных работ по истреблению грызунов с использованием новейших средств, а именно сернистого углерода. Технология использования указанного средства была подробно описана в методическом пособии «О борьбе с сусликами при помощи сернистого углерода на казенных землях Самарской губернии в 1909 г.», подготовленном и изданном Главным управлением землеустройства и земледелия [Там же. Л. 10]. При этом финансирование мероприятий было возложено на «местные источники».

В борьбе с еще одним вредителем органы местного самоуправления специально создавали по указанию Управления калмыцким народом должность надсмотрщика за саранчой, жалование которому выплачивалось из бюджетов родовых и улусных обществ. Кроме того, аймачные старшины и хотонные старосты

должны были подавать улусному попечителю сведения о залежах личинок саранчи и в дальнейшем своевременно организовывать работы по их истреблению. Данный вопрос непосредственно курировал астраханский губернатор. Так, например, в своем распоряжении Главному попечителю калмыцкого народа генерал-лейтенант Соколовский указывает на необходимость предоставления сведений «по установленной форме с отметкой на карте зараженных местностей, а также сообщить свои соображения о мерах борьбы с этими вредителями сельского хозяйства и о средствах выполнения борьбы» [3. Оп. 4. Д. 163. Л. 4].

Борьба с насекомыми, уничтожающими пастбищные угодья, была понятна скотоводческому населению, весной и осенью ежегодно отрабатывались залежи личинок саранчи и кузнечиков, проводились работы по их своевременному истреблению. Денежные средства выделялись из родовых капиталов. Каждому члену аймачного или хотонного общества было понятно, что от этого зависит его благосостояние, в связи с этим органам местного самоуправления не сложно было организовать людей на эти работы, в отличие от мероприятий, связанных с истреблением сусликов. В этом случае, когда необходимо было на сходе решить вопрос о закупке, например сернистого углерода, общество не всегда поддерживало такие инициативы.

Таким образом, институт местного самоуправления Калмыцкой степи в конце XIX – начале XX в. играл

роль проводника той политики, которую вели органы исполнительной власти. Консервативное население, ведущее традиционный образ жизни, где основным источником благосостояния являлось скотоводство, не всегда охотно поддерживало многие нововведения.

Несмотря на это, выборные органы власти на местах проводили системную работу, активно взаимодействуя с попечительской администрацией. Пескоукрепительные работы в зоне опустынивания требовали понимания и ответственности от каждого члена общества, которое, понимая масштабность проблемы, осознанно шло на временный отказ от эксплуатации родовых пастбищных угодий и введение щадящего режима использования пастбищ сдаваемых в аренду. Кроме того, проводились организация и финансирование массовых работ по истреблению насекомых, наносящих вред пастбищам.

Без сомнения, добиться полного осознания рациональности и необходимости данных мероприятий от каждого члена общества было сложно, в связи с этим возымели свое действие негативные санкции. Например, в отношении лиц, допустивших потраву на урочищах, где был введен щадящий режим, а также уклоняющихся от массовых работ и т.д. Денежные штрафы шли на финансирование мероприятий по пескоукреплению. Так, органами местного самоуправления Калмыцкой степи в указанный период была внесена немалая лепта в дело модернизации системы хозяйствования и сохранения окружающей среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1847. СПб. : Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества, 1848. Т. XXII, № 21144. Отделение первое. 950 с.
2. Национальный архив Республики Калмыкия (далее – НА РК). Ф. И-9.
3. Лиджиева И.В. Проблема водоснабжения в Калмыцкой степи в начале XX вв. (по материалам аймачных и хотонных приговоров) // *Magna adurgit: historia studiorum*. 2016. № 1. URL: <http://kigiran.com/publications>, свободный (дата обращения: 14.01.2016).
4. Эрдниев У.Э. Калмыки: историко-этнографический очерк. Элиста : Калм. кн. изд-во, 1980. 282 с.
5. Отчет Астраханского миссионерского комитета за 1889 г. Астрахань : Паровая Губернская типография, 1890. 23 с.
6. К положению дел в Малодербетовском улусе // Астраханский листок. 1909. № 169.
7. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Астраханская губерния. Тетр. II. СПб. : Изд. Центр. Стат. Ком. М-ва Внутр. Дел, 1899. 166 с.
8. Бадмаев С.Б., Березовская Д.А. География Калмыцкой АССР : учеб. пособие. Элиста : Калм. кн. изд-во, 1986. 77 с.
9. НА РК. Ф. И-6.
10. Заболотная М.В. История пескоукрепительных работ на Хошеутовском участке и современное состояние урочища Тугай-худук // Астраханский экологический вестник. 2010. № 1–2. С. 27–55.
11. Аверьянов Ф.А. Как избавитесь от сыпучих песков. СПб. : Учебное Дело, 1909. 31 с.
12. Очиров Н.О. Астраханские калмыки и их экономическое состояние в 1915 году. Астрахань : Калм. обл. план. комиссия, 1925. 72 с.
13. Фарфоровский С.В. Народное образование среди калмыков Большого Дербета в связи с их бытом и историей. Ставрополь : Тип. Губ. правления, 1912. 24 с.
14. Команджаев А.Н., Манджиев О.С. Опустынивание калмыцких степей в конце XIX – начале XX в. // Вестник Калмыцкого государственного университета. 2013. № 1(17). С. 22–30.

Lidzhieva Irina V. Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Elista, Russia). E-mail: irina-lg@yandex.ru
ECONOMY AND ENVIRONMENTAL MANAGEMENT IN THE ACTIVITIES OF LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES OF THE KALMYK STEPPE IN THE SIXTH AND EARLY XXTH CENTURIES.

Keywords: Kalmyk steppe; local government; fighting sands; aimak community meeting; the gathering of the sentence.

The purpose of this article is a review of the activities of local authorities of the Kalmyk steppe in the XIX – early XX centuries in the system of interaction of population with the natural environment in the process of his life and pursued by the Imperial Executive government policy. His Majesty approved the "regulations on the management of the Kalmyk people of 1847" was the main source of law regulating the legal status and activities of local authorities in the Kalmyk steppe in the period. The study was the analysis of record keeping documentation of local self – government sentences ulus and aimak societies identified in the National archives of the Republic of Kalmykia, as well as statistical data on materials of the First General census of the Russian Empire in 1897 the Territorial scope of the study covers the outside of the Kalmyk steppes of Astrakhan province, which is geographically located in the zone of steppes, deserts and semi-deserts are characterized by arid climate, to determine the direction of economic development. In the process of life, the

indigenous nomadic population interacted with the natural environment, as a result develop a certain system of attitudes, relationships governing the interaction process during the introduction of agriculture. Meanwhile, the traditional system of relationships in terms of economic development became obsolete, and many of the innovations pursued by the Imperial authorities in the Kalmyk steppe, did not immediately produce results. Institute for local self-government in the Kalmyk steppes of Astrakhan province in the XIX – early XX centuries, was one of the most effective structures to ensure the efficiency of society. The study is based on the principles of scientific character and objectivity. As research methods were used: statistical, allowed to characterize the extent of the problem in the Kalmyk steppe and reconstructive to restore the individual facts and mechanism of activity of local authorities in this direction. Special attention is paid to the role of local authorities Kalmyk society in the transformation of consciousness of the population associated with changes in the economic development of the region. In conclusion, the author concludes that the institution of local self-government of the Kalmyk steppe in the late XIX – early XX centuries played the role of conductor of the policy, which directly held the trusteeship administration in the face of Management of the Kalmyk people. Conservative population leading a traditional way of life, where the main source of wealth was cattle, not always willingly supported by many innovations. Meanwhile, despite that the elected bodies of local authorities carried out systematic work actively communicating with a Supervisory authority. So, bodies of local self-government of the Kalmyk steppe in the specified period was made a considerable contribution to the modernization of the economic system and the preservation of the environment.

REFERENCES

1. Russia. (1848) *Polnoe sobranie zakonov rossiyskoy imperii. Sobranie vtoroe. 1847* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Collection. 1847]. Vol. 22. St. Petersburg: Tip. Ii otdeleniya sobstvennoy ego imperatorskogo velichestva.
2. The National Archives of The Republic of Kalmykia (NA RK). Fund I-9.
3. Lidzhiyeva, I.V. (2016) Problema vodosnabzheniya v kalmytskoy stepi v nachale xx vv. (po materialam aymachnykh i khotonnykh prigovorov) [The problem of water supply in the Kalmyk steppe in the early 20th century. (Based on Aimak and Khotonh sentences)]. *Magna Adsurgit: Historia Studiorum*. 1. [Online] Available from: <http://kigiran.com/publications>. (Accessed: 14th January 2016).
4. Erdniev, U.E. (1980) *Kalmyki: istoriko-etnograficheskiy ocherk* [Kalmyks: historical and ethnographic essay]. Elista: Kalm. Kn. Izd-vo.
5. Astrkhan. (1890) *Otchet astrakhanskogo missionerskogo komiteta za 1889 g.* [Report of the Astrakhan missionary committee for 1889]. Astrakhan: Parovaya gubernskaya tipografiya.
6. *Astrakhanskiy listok*. (1909) K polozheniyu del v maloderbetovskom uluse [To the state of affairs in the Maloderbetovsky ulus]. 169.
7. Astrkhan. (1899) *Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya rossiyskoy imperii, 1897 g. Astrakhanskaya guberniya* [The first general census of the Russian Empire, 1897, Astrakhan province]. Book 2. St. Petersburg: Izd. Tsentr. Stat. Kom. M-va vnutr. Del.
8. Badmaev, S.B. & Berezovskaya, D.A. (1986) *Geografiya kalmytskoy ASSR* [Geography of the Kalmyk ASSR]. Elista: Kalm. Kn. Izd-vo.
9. The National Archives of The Republic of Kalmykia (NA RK). Fund I-6.
10. Zabolotnaya, M.V. (2010) Istoriya peskoukrepitel'nykh rabot na khosheutovskom uchastke i sovremennoe sostoyanie urochishcha Tugay-Khuduk [The history of sand consolidation works on the Khosheutovsky site and the current state of the Tugai-Khuduk tract]. *Astrakhanskiy ekologicheskiy vestnik*. 1–2. pp. 27–55.
11. Averyanov, F.A. (1909) *Kak izbavit'sya ot sypuchikh peskov* [How to get rid of loose sands]. St. Petersburg: Uchebnoe delo.
12. Ochirov, N.O. (1925) *Astrakhanskije kalmyki i ikh ekonomicheskoe sostoyanie v 1915 godu* [Astrakhan Kalmyks and their economic condition in 1915]. Astrakhan: Kalm. Obl. Plan. Komissiya.
13. Farforovskiy, S.V. (1912) *Narodnoe obrazovanie sredi kalmykov Bol'shogo Derbeta v svyazi s ikh bytom i istoriey* [Public education among Kalmyks of the Great Derbet in connection with their way of life and history]. Stavropol: Tip. Gub. Pravleniya.
14. Komandzhaev, A.N., & Mandzhiev, O.S. (2013) Opustynivanie kalmytskikh stepey v kontse XIX – nachale XX vv. [Desertification of the Kalmyk steppes in the late 19th – early 20th centuries]. *Vestnik Kalmytskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of the Kalmyk University*. 1(17). pp. 22–30.

УДК 930.1

DOI: 10.17223/19988613/46/4

Л.А. Гаман

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. В ОСВЕЩЕНИИ Ф.А. СТЕПУНА

Рассматриваются представления выдающегося русского религиозного мыслителя Ф.А. Степуна (1884–1965 гг.) о Русской революции 1917 г. Освещаются его общетеоретические взгляды и своеобразие его методологии. Анализируются его представления о Февральской и Октябрьской революциях как компонентах единой Русской революции. Рассматривается его интерпретация русского большевизма как структурно сложного феномена. Анализируются представления Степуна о причинах поражения Февральской революции.

Ключевые слова: революция; религиозный символизм; демократия; большевизм.

Степун Федор Августович (1884–1965) – выдающийся религиозный мыслитель, философ, социолог, литературовед, оставил богатое идейно-теоретическое наследие. В 1922 г. он был выслан из Советской России в Германию в связи с неприятием идеологии и практики большевизма в составе большой группы ученых, философов и писателей. Формальным поводом к высылке в числе других представителей русской культуры стало его участие в сборнике «Освальд Шпенглер и Закат Европы» (1922), изданном после прочтения Степуном доклада о книге О. Шпенглера «Закат Европы», с которой первым в России довелось познакомиться именно ему [1. С. 17–18]. В эмиграции в 1926 г. он принял немецкое гражданство. Став подданным Германии, он сумел сохранить подлинную связь с собственной национальной культурой, изучению, популяризации и защите которой посвятил много сил. Так, в условиях холодной войны в Европе актуализировалось восприятие СССР, – «все же России», по убеждению Степуна [2. С. 277], – как страны азиатской, с соответствующим культурным геномом, чуждым европейским народам. Ф.А. Степун последовательно боролся с тенденцией «определения России не как восточной Европы, а как Азии», усматривая в нарастании отчуждения между Россией и Европой большую опасность для судеб России и перспектив мирового развития [3. С. 251–257]. Гармоничная укорененность Степуна одновременно в русской и немецкой культурах, глубокое знание и понимание обеих позволяет считать его «русским европейцем», что признавалось уже его современниками [4. С. 329].

Ключевым событием, определившим самую направленность деятельности Федора Августовича в пореволюционный период, без сомнения, является Русская революция 1917 г., масштабность и глубина последствий которой делают ее едва ли не центральным событием XX в., обусловившим разноплановые глубинные трансформации в России и мире в режиме «долгого времени». Степун как непосредственный участник Февральской революции, первоначально прибывший в революционный Петроград в качестве делегата от Юго-западного фронта, прапорщик-артиллерист, хорошо знавший настроения и ожидания армии, как очевидец Октябрь-

ской революции, вновь и вновь возвращался к осмыслению трагических событий 1917 г., создав в итоге свою версию Русской революции, сохраняющую научную ценность до настоящего времени.

Представления Ф.А. Степуна о Февральской и Октябрьской революциях как компонентах единой Русской революции 1917 г., вызывавшие неоднозначные оценки современников, привлекали и продолжают привлекать внимание исследователей. М. Карпович, подчеркивая дискуссионный характер многих положений Степуна о революции в России, вместе с тем объективно признает, что «свой рассказ и свои рассуждения о революции он ведет на высоком теоретическом уровне, соответствующем значительности и трагизму его темы» [5. С. 222]. А. Штаммлер обращает внимание на связь взглядов Степуна как «христианского демократа» с его высокой оценкой демократического потенциала Февральской революции [6. С. 251].

Анализ религиозно-философских представлений мыслителя предпринимает В.К. Кантор, подчеркивающий его двойной статус в качестве русско-немецкого ученого, «русского европейца», внесшего большой вклад в изучение и сближение обеих культур в эпоху «восстания масс» [7]. А.А. Ермичев в рамках общей характеристики концепции революции Степуна рассматривает его представления о двойственной природе большевизма одновременно как политического и национального явления. Вместе с тем исследователь обошел вниманием значение христианской категории «грехопадения» для представлений Федора Августовича о большевизме как национальном явлении, «национальном грехопадении» [8]. А.Ф. Киселев касается участия Степуна в революции и его размышлений об этом событии в научно-популярном по характеру исследовании, посвященном обзору биографии и духовных исканий религиозного мыслителя. Отдельные положения Киселева не являются убедительными, в частности его трактовка отношения Степуна к поражению А.Ф. Керенского в революции [9. С. 143].

Автором данной статьи затрагиваются представления Степуна о революции 1917 г. в контексте его размышлений о Советской России и пореволюционном строитель-

стве в ней, что обусловило схематичность их освещения, особенно в части отношения Степуна к Февральской революции и причинам ее поражения [10. С. 6–13]. Вызывают интерес материалы международной конференции, посвященные духовному наследию Степуна, однако его представления о революции 1917 г. в России затрагиваются лишь фрагментарно в выступлениях отдельных участников [11]. Таким образом, представления о Русской революции 1917 г. Степуна в настоящее время едва ли являются всесторонне исследованными и требуют дальнейшего углубленного изучения, включая ту их часть, которая связана с его восприятием Февральской революции, либерально-демократической по своей направленности, и интерпретацией причин ее поражения. В условиях построения правового государства и гражданского общества в современной России осмысление этого исторического опыта представляется особенно актуальным.

Источниковую базу данной статьи составляют многочисленные работы Степуна, так или иначе затрагивающие проблему Русской революции 1917 г., в том числе его мемуары, получившие мировую известность. Сам мыслитель подчеркивал значение своих воспоминаний для изучения революции в России. «Это все же большое полотно, – писал он свояченице Н.А. Бердяева Е.Ю. Рапп в 1952 г., – в котором дана психология предреволюционной России и социология большевистской революции» [12. Л. 5]. В мемуарах Степуна Русская революция предстает трагическим событием, полисемантическим по своей природе, обусловленным целым комплексом внутренних и внешних предпосылок. Отдельно подчеркнем значение эпистолярного наследия Степуна как важного исторического источника, делающего более объемными представления не только о жизни и творчестве самого мыслителя, но и о культурно-историческом контексте эпохи, к которой он принадлежал. Следует подчеркнуть большую заслугу В.К. Кантора в публикации значительного массива писем Степуна [13]. В качестве источников выступают также работы его современников, касающиеся темы революции в России.

Предваряя освещение представлений Степуна о Русской революции 1917 г., остановимся на характеристике общетеоретических представлений мыслителя и его методологии, определивших их основную направленность и своеобразие. В основе его историко-теоретических представлений лежит идея о всеобъемлющем характере христианства как «некоей абсолютной истины», пронизывающей все уровни бытия. Будучи убежденным христианином, он настойчиво подчеркивал историческую роль христианства как живой веры, определившей целостный облик европейской цивилизации. «Для христианина ничего кроме христианства нет, – говорил он в своем выступлении на международном съезде историков в Майнце в 1955 г., – и быть не может. Все, что есть, суть или подступы, или отступления от него. Считать христианство за общий знаменатель духовных

явлений культуры и всех исторических событий вполне правильно. <...> Сомневаться же в том, что христианство победило мир и оформило духовный образ Европы не в качестве религиозно-нравственного мирозерцания, а в качестве живой веры в божественность Христа, с научной точки зрения – невозможно. Отрицать этот факт может только воинствующее неверие, но никак не критическая наука» [14. С. 32]. По убеждению Степуна, лишь через призму христианства, – подчеркнем еще раз, как живой религии, центрированной на вере в реальность Христа, а не теоретической конструкции, – становилось возможным объективное истолкование исторических событий прошлого и настоящего, равно как моделирование перспектив дальнейшего развития отдельных сообществ и мира в целом.

Для уяснения самой направленности историко-философских построений Степуна следует принимать во внимание его убежденность в актуальности эсхатологического понимания христианства. Именно в этом ключе обретают глубину его представления о характере исторического процесса, трагичность которого, по его мнению, определялась не только и не столько масштабами событий и количеством жертв и страданий, глубокое значение которых он признавал и подчеркивал. Сущность трагедии – в приближении человека и общества «от быта через событие к бытию», по яркой формуле Вяч. Иванова, когда фундаментальным экзистенциальным ценностям возвращается их подлинный смысл. «Сущность трагедии не в бушевании событий, – писал Степун в этой связи, – но в обнаруживающемся в этих бурях бытии» [15. С. 528]. Трагические события XX в., полагал мыслитель, прежде всего мировые войны и Русская революция 1917 г., напомнили современному обществу о существовании онтологических глубин истории, поставили актуальные вопросы, требующие своего переосмысления с учетом пережитого опыта в свете эсхатологического христианства. Главными из них являются вопросы о направленности мирового исторического развития, о формах социальной организации и интеграции на локальном и глобальном уровнях, о концепции человека и его месте в современном мире. Все эти вопросы, по убеждению Степуна, фокусировались на ключевой теме эпохи – теме социального переустройства общества на более справедливых основаниях. Он писал в этой связи: «...центральная тема эпохи: социальное устройство всего человечества на земле» [16. С. 619].

Русская революция 1917 г. и ее социальные достижения, независимо от многих негативных ее проявлений и последствий, по мысли философа, должны были рассматриваться в свете этой мировой перспективы. Он был глубоко убежден, что эти поставленные самой историей вопросы не могли быть разрешены положительно вне христианства и без непосредственного участия самих христиан. Самое сохранение Церкви в России в пореволюционный период, единственной дореволюционной силы в стране, не сметенной революцией,

служило убедительным подтверждением сохраняющейся исторической роли христианства.

С учетом этого обстоятельства становятся более понятными устойчивый и несколько неожиданный, на первый взгляд, интерес религиозного мыслителя к политике и его высокая требовательность к общественно-политической активности христиан. Поясняя свою позицию, Степун подчеркивал: «...политика (не политиканство) сейчас та сфера, та территория, на которой разрешаются вовсе не политические, а религиозные и метафизические проблемы» [13. С. 345]. На наш взгляд, характер теоретических построений Степуна в совокупности с его систематическим исследовательским интересом к вызовам и проблематике современности, его стремление вернуть политику в сферу христианского влияния дают основание причислять его к научному направлению интеллектуальной истории в определении М.М. Карповича. Авторитетный историк русской общественно-политической мысли относит содержание интеллектуальной истории, как самостоятельного научного направления, к «промежуточной сфере прикладной философии и теоретической политики» [17. С. 31]. Анализ работ Степуна показывает, что именно в таком ракурсе осуществлялись его историко-религиозные изыскания, в том числе связанные с познанием природы социальных конфликтов и поиском путей выхода из системного кризиса, глубоко поразившего Россию и мир в XX в.

Примечательно, что непосредственная практическая эмигрантская деятельность самого Степуна, будь то участие в издательских проектах, например в качестве редактора журнала «Новый град», нацеленного на формирование пореволюционного сознания, в международном экуменистическом движении, в русском студенческом христианском движении или в деятельности мюнхенского общества по воспитанию русских детей, председателем которого он являлся, – вся эта и подобная ей многосторонняя деятельность в немалой степени была связана с признанием высокой роли отдельной личности в истории. Вспомним в этой связи не только христианский персонализм Степуна, но и его тезис о «бесконечно большом значении бесконечно малых величин», впервые сформулированный им в романе «Николай Переслегин» [18. С. 17], которому он придал методологическое значение в своих последующих работах. Опираясь на него, он, в частности, интерпретировал роль случая в истории. Деятельное христианство, систематическая «практика малых дел» на микроуровне, полагал он, могли способствовать становлению более справедливого общества, социалистического по своей сути, в котором были бы гармонизированы интересы личности и общества. В традиции русской мысли качественные особенности такого общества определялись с помощью понятия «соборность». Важно подчеркнуть, что Степун, будучи горячим сторонником социалистического общества в обозначенном выше смысле, подчеркивая полисемантическую природу поня-

тия «социализм», отказывался признавать подлинно социалистическим советское общество. Свое отношение к социализму в СССР он выразил в хлесткой формуле: «На мой взгляд, то, что большевики натворили в России, похоже на социализм не больше, чем “трепанация черепа на логическую операцию”» [13. С. 350].

Представление о тотальности христианства обусловило характерные черты методологии Степуна. Методом познания, наиболее соответствующим изучению истории как реальности особого рода, своеобразие и сложность которой определяется переплетением сакрального и эмпирического уровней бытия, он считал религиозный («реалистический») символизм, приверженцем и глубоким знатоком которого его следует считать. Поясняя свой подход, он отмечал в 1932 г. в письме Г. Риккерт, профессору Хайдельбергского университета: «...сам я пишу сегодня исключительно только о России как религиозной проблеме» [Там же. С. 188]. В своей последней книге он предложил емкую дефиницию метода познания, характерного для религиозного символизма: «...сущность познания в символизме состоит в религиозном истолковании природной и исторической действительности» [19. С. 139]. В исследовании России, что важно учитывать, Степун опирался на это ключевое положение религиозного символизма. Религиозному истолкованию содержания истории и самой направленности исторического развития должны были способствовать категории христианской парадигмы истории. Отметим некоторые из них, особенно важные для версии революции Степуна. Это «Царство Божие», «идея нации» как «Божьего замысла», «личность» и «свобода» в христианском понимании, «судьба», «грехопадение», «соборность», «апокалипсис», «сатанизм».

Однако религиозное истолкование, по мысли философа, не имеет ничего общего с отвлеченным теоретизированием и произвольной интерпретацией фактического материала и должно опираться на строгий научный инструментарий. Он критиковал историко-философские построения ряда русских религиозных мыслителей, прежде всего Н.А. Бердяева, за их недостаточную методологическую продуманность и фундаментальность. В этой связи примечателен комментарий Степуна к ряду публикаций в журнале «Путь». «Во время изучения четырех № («Пути». – Л.Г.), – писал он С.Л. Франку в 1926 г., – очень волновался пленительным, но по мне вредоносным сочетанием выдумки и мысли, свойственным русской философии. Очень много выдумки и выдумки очень большого масштаба; хотелось бы больше детали, больше работы через лупу. Особенно все это чувствую, читая любимого мною Бердяева» [13. С. 345].

Сам Степун, будучи ученым, прошедшим школу неокантианства, постоянно подчеркивал научную ценность критического метода, позволявшего избегать «каких-либо интуиций, не оправдываемых фактами». В этой связи он писал известному слависту

Д.И. Чижевскому: «Я <...> определенно требую такого оправдания: сначала-де правильность, лишь потом интуитивно добываемая правда» [13. С. 410]. Тщательная работа с фактографической составляющей исторических процессов и явлений стала отличительной чертой научной деятельности Степуна. В полной мере это касалось и изучения событий российской истории. Существенно, что он был одинаково далек как от идеализации России, особенно дореволюционной, так и от тенденциозного критицизма страны, особенно пореволюционной, советской. Поясняя свою исследовательскую позицию, он подчеркивал: «Не то, чтобы я <...> считал правильным говорить только о темной России, но я думаю, что необходимо исходить из нее и объяснить ее с наиболее выгодной стороны. Мне хочется попытаться показать, что теневые стороны современной России связаны с каким-то источником света в ней» [Там же. С. 161]. Обратим внимание на эвристический потенциал этой исследовательской установки религиозного мыслителя, обусловленной его христианскими убеждениями, не забывая при этом один из принципов критического метода, согласно которому объяснять – не значит оправдывать.

В свете сказанного представляется правомерной характеристика общего стиля научной работы Степуна, данная его современником, философом, религиозным мыслителем Л.А. Зандером: «Он – европеец в лучшем смысле этого слова, он – представитель западной культуры, западного трудолюбия, западной честности и ответственности, и эта печать лежит на всем, что он делал, говорил и писал» [20. С. 615]. Таким образом, сложная комбинация религиозного символизма как метода познания с собственно научными методами составила основу исследовательской стратегии Степуна, междисциплинарной по своему характеру, опираясь на которую он исследовал противоречивую природу Русской революции 1917 г. в свете эсхатологического христианства в связи с проблемой направленности исторического процесса.

Признавая провиденциальный характер истории, следуя своим теоретическим установкам, Степун рассматривал революцию в качестве события, разворачивающегося одновременно в эмпирическом и сакральном измерениях истории, коррелятивно связанных между собой. Несмотря на разрушительный характер революции, мыслитель усматривал в ней «сверхисторический смысл», который он связывал со «взрывом всех смыслов», скреплявших общество в предшествовавший период и обеспечивавших его жизнеспособность [21. С. 8]. Речь шла о губительных результатах процессов секуляризации как составной части социокультурной модернизации Европы в Новое время, обусловивших девальвацию традиционных социальных ценностей, деформацию механизмов поддержания социального порядка, ускорение процессов дегуманизации, рост недоверия между властью и обществом и между различными социальными группами, эскалацию

насилия. Крупные социальные конфликты XX в., прежде всего мировые войны и революция в России, зримо показали мировому сообществу бесперспективность секуляризованной культуры и необходимость кардинальных перемен. Революция в России и была воспринята Степуном, как и многими его современниками, в качестве переломного события, апокалиптического по своему характеру разлома времен, предвестника некоей новой эпохи. Несомненно рациональная составляющая такого апокалиптического переживания исторического момента, связанная с признанием альтернативности исторического развития; реализация же определенной альтернативы зависела от множества факторов, не последнюю роль в составе которых, по мнению мыслителя, мог играть случай. Такое переживание революции было характерно и для целого ряда деятелей русской культуры, исторические портреты которых в большом количестве даны на страницах работ Степуна. Эта часть его размышлений дает представление о духовной атмосфере революционной России, о широком спектре настроений и ожиданий, сводить которые лишь к борьбе социальных групп и политических партий за свои интересы было бы большим упрощением. Так, например, А. Блок, по мнению Ф.А. Степуна, воспринимал революцию как «музыку мировой революции, крушения старого мира», что сделало его «страстным сторонником большевистской революции» [19. С. 437–438]. И это несмотря на то, что поэту была глубоко чужда идеология большевизма, подтверждением чего являлось полное отсутствие в произведениях Блока характерной для большевиков терминологии («пролетариат», «классовая борьба» и др.). «Близка ему была, – резюмирует Степун, – только большевистская мистика разрушения» [Там же. С. 438].

Структуру революции в России усложняла асинхронность модернизационных процессов Европы и России как ее части. Подобно Бердяеву, Степун отмечал, что в России, в отличие от рациональной Европы, к моменту революции общественное сознание оставалось по преимуществу религиозным, соответствующим Средневековью, главными признаками чего являлись его тоталитарность, догматичность, слабая способность к дифференциации и автономии, напротив, свойственных Европе [Там же. С. 186]. Эта фундаментальная особенность русского народа, историческая по своей природе, полагал Степун, в значительной степени обусловила размах Русской революции, мировые масштабы ее задач, но одновременно и ее «срывы», ее невиданно разрушительный характер. С сожалением мыслитель признавал, что игнорирование особенностей русского религиозного сознания, например, деятелями Февральской революции стало важным фактором поражения этой последней, что открыло путь политической победе большевиков. Примечательно, что сходное безразличие со стороны политиков либерального и социал-демократического толка к особенностям религи-

озного сознания народа, его религиозным ожиданиям, оживающим в переломные моменты истории, игнорирование иррациональной составляющей социального поведения современного человека Степун наблюдал в Германии в межвоенный период. Социальная нечувствительность прагматически и рационально настроенных политических деятелей, полагал он, способствовала росту популярности национал-социалистов во главе с Гитлером, напротив, умело манипулировавших массовой психологией в условиях активизации широких народных масс [16. С. 605–622]. В России такую «коммуникативную компетентность» продемонстрировали большевики во главе с Лениным вразрез с общепринятыми представлениями о «дозволенном» и «недозволенном» в социальном взаимодействии.

Степун с большим воодушевлением встретил информацию о начале революции в России. «О если бы это оказалось правдой!» – таким восклицанием завершается его письмо с фронта жене, датированное 4 марта 1917 г. [22. С. 141]. Дальнейшее развитие революции, воочию показавшее сложную ее природу, сделало его менее оптимистичным. Тем не менее с первых дней революции Степун принял это событие как свершившийся факт, обусловленный целым рядом глубоких предпосылок. В известной степени это было связано с его положительной оценкой долгой традиции русского демократического движения, по его мнению, религиозного в своей основе, направленного против деспотизма власти, первые проявления которого он находил в глубинах веков. Историческим подтверждением продолжительности демократической традиции в России он считал новгородскую феодальную республику Святой Софии; важными ее свидетельствами являлась полемика иосифлян и нестяжателей и известная переписка Ивана IV и Курбского о природе царской власти [19. С. 193].

Степун высоко оценивал роль дворянства в развитии русского революционно-освободительного движения, начиная с тайных обществ и декабристов в XIX в. В этой связи он писал: «В российских исследованиях по истории революции не раз высказывалось мнение – и особенно энергично мной, – что ее корни нужно искать в первую очередь не в экономическом положении и не в классовом сознании пролетариата, а в “кающейся совести” дворянской молодежи, которая, вернувшись из военного похода 1812 года, не могла мириться с тем, что крестьянство, сыгравшее решающую роль в победе над Францией, оставалось в рабской крепостной зависимости» [Там же. С. 393, 436]. В эту демократическую традицию он встраивал народнические течения XIX в. Представители различных сословий, при ведущей роли либерально настроенной части дворянства, в своей совокупности причислялись Степуном к русской интеллигенции – основному ферменту революции в России. Согласно его утверждению в ее состав следовало относить каждого, кто «жертвенно» боролся «за превращение монархии в правовое государство незави-

симо от степени своего образования» и социальной принадлежности [21. С. 329]. Наиболее адекватным понятием, способным отразить специфику этой категории борцов за социальное переустройство общества на более справедливых основаниях, он считал понятие «орден», впервые сформулированное применительно к интеллигенции историком русской литературы Анненковым. Высокая оценка ордена русской интеллигенции и закрепление за ней ведущей роли в революционно-освободительном движении России разделялись далеко не всеми современниками Степуна. Спорными они казались и некоторым единомышленникам. Так, его ученик и некоторое время личный секретарь А. Штаммлер отмечал: «Та идеализация роли русской радикальной интеллигенции, которой он не был чужд до конца, мне представлялась необоснованной» [6. С. 252].

Начальный период революции 1917 г. Степун рассматривал как органическую часть этой русской революционно-освободительной традиции, насильственно прерванной, по его глубокому убеждению, партией большевиков во главе с Лениным. Бескомпромиссность вывода Степуна ярко иллюстрируется его тезисом о «победе Ленина *над* (курсив мой. – Л.Г.) революцией в 1918 году» [19. С. 235]. В другой работе он усилил этот тезис утверждением об установлении Лениным своего «господства над Россией» [23. С. 152] вопреки целям и задачам революции. Подчеркивая историческое значение автохтонного демократического опыта для исторического строительства народа, он предостерегал от искажения или забвения опыта Февральской демократии, который, верил он, должен стать востребованным в постсоветской России.

В отличие от многих представителей российской эмиграции первой волны и исследователей революции в России 1917 г., Степун был далек от противопоставления Февральской и Октябрьской революций, рассматривая их как важные компоненты единой Русской революции, диалектически связанные между собой. «Противопоставлять Февраль Октябрю как два периода революции, – подчеркивал он, – как всенародную революцию – партийно-заговорческому срыву ее... конечно, нельзя. Октябрь родился не после Февраля, а вместе с ним, может быть, даже и раньше его: Ленину потому только и удалось победить Керенского, что в русской революции порыв к свободе с самого начала таил в себе и волю к разрушению» [2. С. 311]. Подчеркивая диалектическую связь обеих революций, Степун одновременно с тем настаивал на коренном отличии «либерально-демократической» по своим целям и задачам Февральской революции и «радикальной» Октябрьской революции, осуществленной большевиками [19. С. 432].

Обратим внимание на своеобразное толкование Степуном большевизма, который он рассматривал одновременно как политическое и национальное явление. В качестве политической системы большевизм («ленинизм», «коммунизм»), по его мысли, являлся продук-

том европейской общественно-политической мысли, приспособленной создателем и лидером большевистской партии В.И. Лениным к российским условиям. Полемизируя с западными критиками ленинского большевизма, указывавшими на его «азиатский характер», как то было, например, у немецкого социал-демократа К. Каутского, Степун, напротив, доказывал его европейские истоки. В этой связи он писал: «Ничего азиатского – это нам надо постоянно повторять Европейцам – в большевизме нет. По своему идейному содержанию большевизм – о чем же спорить – типичный продукт западно-европейского развития. Ни философский материализм Энгельса, ни экономический социологизм Карла Маркса, ни диалектический метод Гегеля ни с туранством, ни с конфуцианством, ни с буддизмом ничего общего не имеют. Все это типичная секуляризованная Европа» [14. С. 33]. Подчеркивая теоретическую связь политической системы большевизма с европейской общественно-политической и научной мыслью, в первую очередь с марксизмом, Степун одновременно с тем считал, что Ленин русифицировал марксизм, в своих политических целях искажив и упростив основные положения Маркса, существенно удалившись от исходной теории. Сходных представлений о русификации марксизма на российской почве придерживался Бердяев, концепция революции которого в отдельных положениях близка к версии Степуна при все-таки существенных их отличиях [24].

Убедительным аргументом, подтверждающим произвольность ленинской интерпретации марксизма, для Степуна выступало положение о ведущей роли пролетариата в революции в России. По его убеждению, русский пролетариат в качестве социальной группы ни количественно, ни качественно не соответствовал модели Маркса, сконструированной им на основе анализа европейского капитализма. Изучение социальной структуры предреволюционной России, как и работ Ленина, посвященных развитию капитализма в России, утверждало его в правильности этого вывода. «Ленин в своих исследованиях о капитализме в России, – отмечал Степун, – писал, что Россия это, к сожалению, 80–90 процентов крестьян...» Давая свою интерпретацию изысканиям Ленина, мыслитель продолжал: «И Ленин выдумал пролетариат. И это описано у него совершенно точно. Он все крестьянство разделил: бедные крестьяне, безлошадные – это пролетариат, а кто побогаче – буржуазия. И, расколов крестьянство на две части, он заставил бедную играть в пролетариат, а зажиточную в буржуазию» [13. С. 304].

Благодаря такой манипуляции, полагал Степун, Ленин сумел расширить марксистскую базу революции, несмотря на малочисленность и слабость российского пролетариата как социальной группы, фактически отождествив пролетариат с основной частью русского народа. Помимо политических последствий, в исторической перспективе это вело к обеднению национальной культуры в России, прежде всего, в связи с при-

глушением национального начала и переопределением основного субъекта культурного творчества: место «народа» как субъекта культуры, как «соборной личности», имеющей свою национальную идею и историческую судьбу, занимает «пролетариат». Степун писал, что при таком смещении представлений о субъекте культуры репрессируется, в частности, один из главных признаков национальной культуры – язык. Выражая свою озабоченность в связи с процессами денационализации культуры, что, между прочим, стало характерным и для европейских народов в эпоху становления массового общества, он отмечал: «...ни у западно-европейского общества, ни у русского пролетариата нет своего языка, а есть только терминология» [Там же. С. 128].

Подобно Бердяеву, Степун усматривал религиозные истоки некоторых марксистских положений, в частности о мессианизме пролетариата. Присоединяясь к точке зрения Бердяева, Степун отмечал, что ветхозаветная в своей основе бессознательная вера Маркса в мессианизм пролетариата оказалась созвучной мессианизму русского народа как важному элементу русского религиозного сознания, остававшегося в начале XX в. средневековым по своей структуре и ведущей тональности. На этой почве она обрела поистине религиозное, точнее псевдорелигиозное, звучание. Попутно отметим, что оба мыслителя настойчиво подчеркивали значение религиозной составляющей в Русской революции. Очевидно, находя сходство своих взглядов с Бердяевым в этом ее измерении, Степун писал: «Мне пишут из Парижа, что Ваша статья о русской революции весьма в плане моих “Мыслей”» [Там же. С. 278].

На российской почве марксизм обретает поистине религиозное значение. Однако в отличие от Бердяева, усматривавшего религиозную подоплеку в русском марксизме, Степун признавал лишь формальное сходство этого учения, наделенного большевиками религиозным значением и символикой, и исторической религии. Настаивая на коренном их отличии, он писал: «...своею переработкою западнического марксизма он (Ленин. – Л.Г.) явно приблизил большевистскую идеократию к теократии Ивана Грозного. Конечно, это приближение только структурное, но никак не сущностное» [3. С. 264]. Размах и накал борьбы, начатой большевиками против религиозных конфессий в Советской России, становление тоталитарной системы с характерным для нее жестким контролем над обществом и личностью, которую эта система лишала ее «богоподобия» [25. С. 351], привели Степуна к выводу о сатанинской природе большевизма как политической системы. Религиозный мыслитель определял ее как «сатанократию» [19. С. 186], системообразующим признаком которого был назван «антитеизм». В лапидарной форме Степун выразил основное содержание этой системы: «Если мещанство – сплошная *безрелигиозность*, то сатанизм – уже *лжерелигиозность* (курсив Ф.А. Степуна. – Л.Г.)» [21. С. 60–61].

Существенно, что, в отличие от Бердяева, он считал ошибочным включать большевизм («русский коммунизм», «ленинизм») в дореволюционную традицию российской государственной власти, фундированной на принципиально иных основаниях, нежели большевистская власть. Степун резко критиковал Бердяева за «высокую оценку большевизма», которая, как он едва ли справедливо утверждал, приводит к тому, что «вся история России Бердяевым принижается и рассматривается как предыстория большевизма» [19. С. 193].

Категорически не приемля большевизм как политическую силу, во имя своих идеалов безжалостно разрушившую традиционную Россию, резко отрицательно относясь к Ленину как ее создателю и идейному вдохновителю, не любившему и не понимавшему русский народ, «духовно-бытовой реальности русской жизни» и русской истории [21. С. 44], Степун отделял этот политический большевизм от большевизма как «народной стихии», «народной эмоции» [Там же. С. 34], «национального грехопадения», рассматривая его в качестве продукта российского исторического процесса. «Я глубоко верю и как ученый непосредственно вижу, – писал Степун, – что Россия большевизмом не с воздуха забеременела, а из своих глубинных, исторических недр этот большевизм выпестовала». Центральное значение в перечне факторов, обусловивших формирование большевизма в рассматриваемом смысле, он отводил историческому православию, российской государственной власти и русской интеллигенции как ферменту революции в России. Мыслитель в этой связи продолжал: «Особенности исторического православия, переоценка аскетизма, недооценка ответственности церкви за мир, полная пассивность, особенно после Петра в отношении к путям государства и общества, недооценка категории права /право есть могила правды/, беспочвенность и исповедническая страстность русской интеллигенции, разрыв между властью и обществом – все это и многое другое являются глубокими корнями русской революции» [12. Л. 3].

По сути, большевизм как «национальная стихия» в толковании Степуна предстает как совокупность негативных свойств российского менталитета, максималистских, анархических и нигилистических по природе. Тем не менее, что важно подчеркнуть, диалектически связанных с положительными его чертами. Здесь следует искать корни предложенного Степуном определения большевизма как «национального грехопадения», сложного для понимания, преодоление которого провозглашалось исторической задачей русского народа. Замечательной иллюстрацией структурной сложности большевизма в рассматриваемом смысле является данная ученым характеристика русской деревни в революции как «жестокой, темной, страстной, бесшабашной, циничной и все же исполненной острой тоски по чистой жизни, какой-то смрадной маяты по Богу» [26. С. 246]. В ходе Русской революции 1917 г. «большевизм» как политическая система в лице своих пар-

тийных лидеров, прежде всего Ленина, сумел актуализировать и воспользоваться исторически обусловленным, традиционным «большевизмом» русского народа, что усилило его позиции в революции, в конечном итоге приведя к политической победе. Положение Степуна о «двусоставной» структуре русского большевизма, несмотря на его дискуссионность, способствует формированию более рельефных представлений об этом феномене, о степени его укорененности в исторической почве России, равно как о глубоких причинах победы радикальной партии большевиков в Октябрьской революции 1917 г.

Признав победу Октябрьской революции как исторически свершившийся факт, парадоксально подчеркивая ее значение для «окончательного раскрепощения русского народа» [2. С. 19], при одновременном неприятии советской тоталитарной системы с ее разрушительным антропологическим проектом, акцентируя внимание современников на актуальности «вселенских задач России», связанных с социальным переустройством мира, «бесспорно прозвучавших» в большевистской революции [27. С. 480], Степун, тем не менее, не переставал настаивать на положительном значении Февральской революции, рассматривая ее как нереализованную демократическую альтернативу Октября, которая при определенных исторических условиях могла и должна была реализовать свой потенциал.

Основной задачей Февральской революции, по убеждению Степуна, общенародной, либерально-демократической по своей основной направленности, он считал продолжение «разумного социалистического дела» [21. С. 24], начатого задолго до революции, предполагавшего изменение монархического государственного устройства в связи с исчерпанностью созидательного потенциала российской монархии [19. С. 432] при решающей роли Учредительного собрания в вопросе дальнейшего государственного и политического устройства России, решение земельного вопроса, либерализацию и демократизацию русского общества, приближению чего жертвенно посвящали свои жизни целые поколения борцов, принадлежавших к «ордену русской интеллигенции». Степун, подчеркивая эту особенность Февраля, отмечал: «Пафос либерально-демократической Февральской революции был недвусмысленно цивилизаторским. Новая культурная идея не была начертана на ее знаменах» [Там же].

Однако, как известно, деятельность Временного правительства в условиях продолжавшейся войны и одновременно углублявшейся революции оказалась малоэффективной, непонятной народу, в массе своей ждавшему от новой революционной власти прекращения войны и улучшения своего социально-экономического положения. Одним из самых мучительных для Степуна вопросов до конца жизни оставался вопрос о причинах поражения Февральской революции и роли в этом А.Ф. Керенского как главы второго состава Временного правительства, преданного России и демократическим

идеалам, по убеждению Степуна, «прирожденного вождя революции» [23. С. 151]. Вызывает интерес характеристика тех лидерских качеств Керенского, которые оказались востребованными на начальном этапе революции. Основными чертами главы Временного правительства Степун обозначил следующее: «Его ощущение революции как общенародного дела, его бесспорный нравственный пафос, его лишенный шовинистического острия живой патриотизм, его внутренняя свобода...» [2. С. 379]. Признаем, что, несмотря на стремление исследователя к объективности, все-таки ему не удалось избежать идеализации одного из самых известных политических деятелей своего времени.

В составе целого комплекса причин, обусловивших поражение Февральской революции, затронутых Степуном в ходе его анализа событий 1917 г., пожалуй, центральное значение имели два фактора. Это, во-первых, отношение Временного правительства к войне и армии и, во-вторых, неспособность Керенского в силу его демократических убеждений пресечь разрушительную деятельность большевиков. Рассмотрим аргументацию Степуна.

Как отмечалось выше, Федор Августович встретил известие о начале революции, находясь в действующей армии на Юго-Западном фронте. Еще ранее, на рубеже 1914–1915 гг., он обратил внимание на рост критических настроений среди солдат, находившихся на передовой, их ожидания «с часу на час правды и замирения» [22. С. 78]. Для темы данной работы особенно важным является предпринятый Степуном, пожалуй, в числе первых, анализ многомотивной структуры устремления русского солдата к миру в условиях военного времени. В ее составе он усматривал не только «шкурнически-бунтарский аспект», но и «по существу праведную тоску русского народа по замирению» [2. С. 349], которую не слышали ни Милюков, ни позднее Керенский. Как полагал философ, оба политика западнического толка оказались предельно невнимательны к «такому невесомому фактору, как нравственно-религиозное убеждение простого народа» [Там же. С. 378–379].

Высокая активность Керенского, проявленная им в процессе усмирения революционной армии, временно-го восстановления порядка в ней, в том числе возвращение смертной казни на фронте, оценивалась Степуном положительно. Однако, по его мнению, характерное для политика глубокое непонимание армии, ее «древней правды», ее исторически сложившегося уклада, ее героики и символики, сложности взаимоотношений офицеров и солдат, связанных не только субординацией, но и опытом стояния перед смертью, привело к целому ряду ошибок Керенского по отношению к армии. В этой связи вспомним теоретическое положение Степуна о «бесконечно большом значении бесконечно малых величин»; таковой, в частности, он считал «нелюбовь Керенского к армии» [Там же. С. 415].

В результате непродуманного и непоследовательно-го отношения к армии со стороны Временного прави-

тельства, с сожалением констатировал Степун, была упущена возможность удержать ее, а тем самым широкие народные массы, на своей стороне. По сути, Степун расценивал неспособность Временного правительства пойти в сложившихся условиях на немедленное заключение сепаратного мира с Германией как «спусковой крючок» радикальной Октябрьской революции. Резюмируя в своих мемуарах многолетние размышления о причинах поражения Февральской революции, он писал: «...последнюю причину того, что случилось с Россией, надо искать в том, что народное понимание революции как миротворческой силы, долженствующей положить конец безумию и греху войны, не разделялось ни одним из политических лагерей, кроме большевиков» [Там же. С. 378].

Важным фактором поражения Февральской революции в концепции Степуна выступает демократически фундированная позиция Временного правительства по отношению к разрушительной деятельности партии большевиков во главе с Лениным, которая была широко развернута ими в условиях войны и революции. Последовательное стремление Керенского оставаться в демократическом поле, его нежелание применить насильственные методы в борьбе с большевиками, свидетельствующее о глубине демократических убеждений его самого, подчёркивал Степун, не соответствовали духу времени и темпу стремительно разворачивавшихся событий. Лишь радикальные меры, наряду с «сепаратным миром», такие как «немедленный арест Центрального комитета большевиков» и созыв Учредительного Собрания, «хотя бы в правовом отношении и не корректный» [13. С. 357], считал он, могли остановить рост популярности большевиков, обусловленной не только умелой политикой разжигания низменных страстей народа [2. С. 359], но и их своевременной монополизацией идеи мира как наиболее актуальной для революционной России.

Выявляя глубинные причины нерешительности правительства Керенского, Степун писал: «Я полагаю, что это объясняется не столько его личными качествами, сколько типичной структурой русского демократического сознания. У русских политиков демократического чекана отсутствовало понимание того, что Россия 1914 года находилась не в Новом времени, а, в сущности, в средневековье; что политическая демократия жила в умах интеллигенции, а не в сердцах масс» [23. С. 152].

Неизменно подчеркивая искренность и глубину демократических убеждений Керенского, Степун, тем не менее, считал, что глава Временного правительства должен был отступить от них в борьбе с большевиками, взяв на себя тяжкий «долг греха» в интересах России и революции. «В политике существует, — писал он позднее, — долг греха. Можно душу свою продать для того, чтобы спасти других. Нужно исполнить этот долг греха. И если бы Временное правительство взяло на себя тогда этот долг греха, то не было бы ни больше-

визма, ни национал-социализма» [13. С. 308]. Обратим внимание на значение христианской категории «греха» для размышлений Степуна, впервые применённой им в романе «Николай Переслегин». «Думать, что грех никогда и ни при каких условиях не может быть содержанием нашего долга, – писал он в этой работе, – страшный моралистический оптимизм... Только потому, что наше нравственное сознание постоянно наталкивается на неразрешимое в нём самом, трагическое противоречие *нравственно обязательного греха* (курсив Степуна. – Л.Г.), оно и не завершается в себе самом, но и неизбежно восходит к сверхнравственной идее религиозного искупления» [18. С. 83].

Закрепление методологического значения за христианским понятием «греха», с характерной для него семантикой, позволяло Степуну учитывать особенности менталитета того или иного народа, противоречивость человеческой природы, равно как позволяло избегать построения утопических проектов будущего. В сфере социальной практики, полагал он, представление о «долге греха» способствовало выбору адекватной линии поведения в сложных условиях социального взаимодействия. Подытоживая свое отношение к политике Временного правительства, Степун отмечал в мемуарах: «Осуждая бессилие и безволие Временного правительства, я осуждаю его не за то, что оно до конца пыталось защищать свободу, которую ненавидели его враги, а за то, что оно недостаточно энергично защищало ее от всех свободоненавистников» [2. С. 351]. Большое сожаление Степуна вызывало то, что германская социал-демократия не учла российского опыта и, подобно русским демократам, также оказалась не в состоянии взять на себя «долг греха» и пресечь деятельность национал-социалистов, тем самым открыв им путь к политической власти.

Несмотря на отрицательное отношение Степуна к идеологии и практике большевистской власти, он выступал последовательным противником насильственных методов борьбы с большевизмом. В первые пореволю-

ционные годы он критически относился к Белому движению и любым проектам реставрации монархии в России. В годы Второй мировой войны он занял «оборонческую» позицию, отрицательно воспринимая коллаборационизм многих своих соотечественников в изгнании. По окончании войны он, активизировав идейную борьбу против большевизма, в то же время подтвердил свое резкое неприятие радикальных методов борьбы с коммунистической системой в России. Так, в 1952 г. в условиях набравшей обороты холодной войны он писал: «Как ни сильна во мне тоска по освобождению России от большевистского ига, я все же не принимаю атомной войны как пути к ее освобождению. В этом пункте я решительно расхожусь с большинством наших новых эмигрантов» [12. Л. 4]. В основе такой последовательной позиции Степуна лежали его христианские убеждения и глубокая любовь к России. Несмотря на неприятие такой позиции религиозного мыслителя преобладавшим количеством эмигрантов первой волны, она, тем не менее, способствовала преодолению враждебности к России. Отмечая эту заслугу Степуна, В.С. Варшавский, исследователь эмигрантских пореволюционных течений, писал: «Значение этих высказываний Ф.А. Степуна трудно преувеличить. <...> Не только в подкоммунистической, но и в зарубежной России не было необходимого для демократии духа терпимости и диалога» [28. С. 244].

Таким образом, концепция Русской революции Степуна содержит анализ сложных событий, развернувшихся в России в ходе Февральской и Октябрьской революций, как компонентах единой Русской революции. Религиозный мыслитель, опираясь на междисциплинарную исследовательскую стратегию, сумел отразить многие противоречия трагической, наполненной различными историческими альтернативами эпохи. Размышления Степуна предостерегают от упрощенных интерпретаций Русской революции 1917 г., содержат в себе постановку целого ряда проблем, требующих дальнейшего изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кантор В. Как издаются шедевры. Русский вариант мемуаров Федора Степуна «Бывшее и несбывшееся» // Степун Ф.А. Письма / сост., археограф. работа, вступ. ст. к тому и разделам В.К. Кантора. М.: РОССПЭН, 2013. 683 с.
2. Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. СПб.: Алетейя, 2000. 651 с.
3. Степун Ф.А. Россия между Европой и Азией // Новый журнал. Нью-Йорк. 1962. Кн. 69. С. 251–257.
4. Штаммлер А. Ф.А. Степун // Русская религиозно-философская мысль XX века / под ред. Н.П. Полторацкого : сб. ст. Питсбург : Отдел славянских языков и литературы Питсбургского ун-та, 1975. С. 322–332.
5. Карпович М. Комментарии. О воспоминаниях Ф.А. Степуна // Новый журнал. Нью-Йорк, 1956. № 46. С. 220–237.
6. Штаммлер А. Федор Августович Степун // Новый журнал. Нью-Йорк, 1966. № 82. С. 246–256.
7. Кантор В. Ф.А. Степун: русский философ в эпоху безумия разума // Степун Ф.А. Жизнь и творчество. Избранные сочинения / Федор Августович Степун ; вступ. ст., сост. и ком. В.К. Кантора. М.: Астрель, 2009. С. 3–39.
8. Ермичев А.А. Федор Августович Степун: христианское видение России // Ермичев А.А. Имена и сюжеты русской философии. СПб., 2014. С. 405–425.
9. Киселев А.Ф. С верой в Россию. Духовные искания Федора Степуна. М.: Дрофа, 2011. 364 с.
10. Гаман Л.А. Советская история в изображении Ф.А. Степуна: к постановке вопроса // Вестник Томского государственного университета. Серия: История. Источниковедение. 2005. № 289. С. 6–13.
11. Федор Степун: русский немец и немецкий русский как хранитель высших смыслов европейской культуры: Материалы конференции // Вопросы философии. 2015. № 10. С. 66–124.
12. Письма Ф.А. Степуна к Е.Ю. Рапп // Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1496. Оп. 1. Д. 982.
13. Степун Ф.А. Письма / сост., археограф. работа, вступительные статьи к тому и разделам В.К. Кантора. М.: РОССПЭН, 2013. 683 с.

14. Степун Ф.А. Несколько мыслей по поводу международного съезда историков в Майнце // Вестник Русского студенческого христианского движения. 1955. № 37. С. 31–35.
15. Степун Ф.А. Христианство и политика // Степун Ф.А. Жизнь и творчество. Избранные сочинения / Федор Августович Степун; вступ. ст., сост. и ком. В.К. Кантора. М.: Астрель, 2009. С. 502–534.
16. Степун Ф.А. Германия проснулась // Степун Ф.А. Жизнь и творчество. Избранные сочинения / Федор Августович Степун; вступ. ст., сост. и ком. В.К. Кантора. М.: Астрель, 2009. С. 605–622.
17. Карпович М.М. Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII – начало XX века). М., 2012. 352 с.
18. Степун Ф.А. Николай Переслегин. Томск: Водолей, 1997. 224 с.
19. Степун Ф.А. Мистическое мировидение. Пять образов русского символизма / пер. с нем. Г. Снежинской, Е. Крепак и Л. Маркевич. СПб.: Владимир Даль, 2012. 479 с.
20. Зандер Л. О Ф.А. Степуне и некоторых его книгах // Степун Ф.А. Письма / сост., археограф. работа, вступ. ст. к тому и разделам В.К. Кантора. М.: РОССПЭН, 2013. С. 611–634.
21. Степун Ф.А. Чаемая Россия. СПб.: РХГИ, 1999. 480 с.
22. Степун Ф. (Н. Лугин) Из писем прапорщика-артиллериста. Томск: Водолей, 2000. 192 с.
23. Степун Ф.А. Кем является Александр Федорович Керенский? Демократ и объединение русской эмиграции // Степун Ф.А. Портреты / сост. и послесл. А.А. Ермичева. СПб.: РХГИ, 1999. С. 149–152.
24. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма: репринтное воспроизведение издания YMCA-PRESS, 1955. М.: Наука, 1990. 224 с.
25. Степун Ф.А. Б.Л. Пастернак // Степун Ф.А. Портреты / сост. и послесл. А.А. Ермичева. СПб.: РХГИ, 1999. С. 331–351.
26. Степун Ф.А. По поводу Митиной любви // Степун Ф.А. Портреты / сост. и послесл. А.А. Ермичева. СПб.: РХГИ, 1999. С. 246–259.
27. Степун Ф.А. Религиозный смысл революции // Степун Ф.А. Жизнь и творчество. Избранные сочинения / Федор Августович Степун; вступ. ст., сост. и ком. В.К. Кантора. М.: Астрель, 2009. С. 479–501.
28. Варшавский В.С. Незамеченное поколение. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына; Русский путь, 2010. 544 с.

Gaman Lidiya A. Seversky Institute of Technology – a branch of the National Research Nuclear University of Moscow Institute of Engineering and Technology (Seversk, Russia). E-mail: GamanL@yandex.ru

THE RUSSIAN REVOLUTION OF 1917 ACCORDING TO F.A. STEPUN.

Keywords: revolution; religious symbolism; democracy; Bolshevism.

The aim of the paper is to study the historical and religious views of the Russian religious thinker F.A. Stepun (1884–1965) about the Russian revolution of 1917. The relevance of the subject is proved, its insufficient study despite systematic researchers' interest in his works is emphasized. Sources main of which being Stepun's works and his epistolary heritage are analyzed. The peculiarities of his research strategy combining actually scientific methods of cognition, first of all a critical method, and basic provisions of religious symbolism connected with the history Christian paradigm are considered. The principle belief for his works about the Christianity universality as a living faith, having defined the look of the European civilization to which he attributed Russia as Eastern Europe, is emphasized. His theoretical postulates about the world development orientation, the historical Russian mentality conditionality, asynchrony of the sociocultural modernization of Russia and Europe are touched upon. Such theoretical postulates connected with his Christian beliefs as "historical destiny", "collegiality", "fall" are viewed. Stepun's interest in urgent present problems, his aspiration to avoid abstractedness in historical and theoretical constructions is emphasized. Based on the analysis, the conclusion about his belonging to the historical tendency of "intellectual history" in the definition of the Russian thought historian M.M. Karpovich is proved for the first time. It's necessary to take into account the religious orientation of Stepun's revolution concept. The complexity of his views on "February" and "October" is focused, his objective conclusion about the stages continuity of the revolution of 1917 is emphasized. Its backgrounds and reasons not allowing to consider it as a political coup are discussed. The importance of World War I to start revolution and its stylistics is particularly stressed. The positive Stepun's attitude to the February revolution, him to treat the defeat as a breakdown of the democratic alternative in Russia, is reviewed. His ideas of the Bolshevism that he strictly differentiated considering as a "national fall" and at the same time as a political system are analyzed. Substantially recognizing the Bolshevism as the national phenomenon, Fyodor Stepun yet critically regarded attempts to embed the Bolshevism as a political system to the tradition of the Russian authority. So critically he perceived those explanatory versions of the Bolshevism ignored a long tradition of the Russian liberation movement not being reduced to the Bolshevism. The positive Stepun's evaluation of the February revolution which democratic ideals were considered as viable and important for further Russian development is specially pointed out in the paper. The conclusion about the content and the relevance of Stepun's concept of the Russian revolution of 1917 in the conditions of the civil society formation in modern Russia is drawn.

REFERENCES

1. Kantor, V. (2013) Kak izdayutsya shedevry. Russkiy variant memuarov Fedora Stepuna "Byvshee i nesbyvsheesya" [How masterpieces are published. The Russian version of Fedor Stepun's memoirs "What has been and might-have-been"]. In: Stepun, F.A. *Pis'ma* [Letters]. Moscow: ROSSPEN.
2. Stepun, F.A. (2000) *Byvshee i nesbyvsheesya* [What has been and might-have-been]. St. Petersburg: Aleteyya.
3. Stepun, F.A. (1962) Rossiya mezhdru Evropoy i Aziey [Russia between Europe and Asia]. *Novyy zhurnal*. 69. pp. 251–257.
4. Shtammmler, A. (1975) F.A. Stepun [F.A. Stepun]. In: Poltoratsky, N.P. (ed.) *Russkaya religiozno-filosofskaya mysl' XX veka* [Russian religious and philosophical thought of the 20th century]. Pitsburg: Pitsburg University. pp. 322–332.
5. Karpovich, M. (1956) Kommentarii. O vospominaniyakh F.A. Stepuna [Comments. On the memories of F.A. Stepun]. *Novyy zhurnal*. 46. pp. 220–237.
6. Shtammmler, A. (1966) Fedor Avgustovich Stepun [Fedor Stepun]. *Novyy zhurnal*. 82. pp. 246–256.
7. Kantor, V. (2009) F.A. Stepun: russkiy filosof v epokhu bezumiya razuma [F.A. Stepun: A Russian philosopher in the age of insanity of the mind]. In: Stepun, F.A. *Zhizn' i tvorchestvo. Izbrannye sochineniya* [Life and Art. Selected Works]. Moscow: Astrel'. pp. 3–39.
8. Ermichev, A.A. (2014) *Imena i syuzhety russkoy filosofii* [Names and plots of Russian philosophy]. St. Petersburg: Nauka. pp. 405–425.
9. Kiselev, A.F. (2011) *S veroy v Rossiyu. Dukhovnye iskaniya Fedora Stepuna* [With faith in Russia. The spiritual quest of Fedor Stepun]. Moscow: Drofa.
10. Gaman, L.A. (2005) Sovetskaya istoriya v izobrazhenii F.A. Stepuna: k postanovke voprosa [Soviet history told by F.A. Stepun: To the formulation of the question]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Istochnikovedenie*. 289. pp. 6–13.
11. Kantor, V. et al. (2015) Fedor Stepun: russkiy nemets i nemetskiy russkiy kak khranitel' vysshikh smyslov evropeyskoy kul'tury [Fedor Stepun: Russian German and German Russian as the custodian of the higher meanings of European culture]. Proc. of the Conference. *Voprosy filosofii*. 10. pp. 66–124.

12. Stepun, F.A. (n.d.) Pis'ma F.A. Stepuna k E.Yu. Rapp [Letters from F.A. Stepun to E.Yu. Rapp]. *Russian State Archive of Literature and Art*. Fund 1496. List 1. File 982.
13. Stepun, F.A. (2013) *Pis'ma* [Letters]. Moscow: ROSSPEN.
14. Stepun, F.A. (1955) Neskol'ko mysley po povodu mezhdunarodnogo s"ezda istorikov v Mayntse [A few thoughts about the international congress of historians in Mainz]. *Vestnik Russkogo studencheskogo khristianskogo dvizheniya*. 37. pp. 31–35.
15. Stepun, F.A. (2009a) *Zhizn' i tvorchestvo. Izbrannye sochineniya* [Life and Art. Selected Works]. Moscow: Astrel'. pp. 502–534.
16. Stepun, F.A. (2009b) *Zhizn' i tvorchestvo. Izbrannye sochineniya* [Life and Art. Selected Works]. Moscow: Astrel'. pp. 605–622.
17. Karpovich, M.M. (2012) *Lektsii po intellektual'noy istorii Rossii (XVIII – nachalo XX veka)* [Lectures on the intellectual history of Russia (XVIII - early XX century)]. Moscow: Russkiy put'.
18. Stepun, F.A. (1997) *Nikolay Pereslegin* [Nikolay Pereslegin]. Tomsk: Vodoley.
19. Stepun, F.A. (2012) *Misticheskoe mirovidenie. Pyat' obrazov russkogo simvolizma* [Mystical Worldview. Five images of Russian symbolism]. Translated from German by G. Snezhinskaya, E. Krepak, L. Markevich. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
20. Zander, L. (2013) O F.A. Stepune i nekotorykh ego knigakh [About F.A. Stepun and some of his books]. In: Stepun, F.A. *Pis'ma* [Letters]. Moscow: ROSSPEN. pp. 611–634.
21. Stepun, F.A. (1999) *Chaemaya Rossiya* [Russia that we want]. St. Petersburg: RKhGI.
22. Stepun, F. (N. Lugin) (2000) *Iz pisem praporshchika-artillerista* [From the letters of the ensign artilleryman]. Tomsk: Vodoley.
23. Stepun, F.A. (1999a) *Portrety* [Portraits]. St. Petersburg: RKhGI. pp. 149–152.
24. Berdyaev, N.A. (1990) *Istoki i smysl russkogo kommunizma* [The origins and meaning of Russian communism]. Moscow: Nauka..
25. Stepun, F.A. (1999b) *Portrety* [Portraits]. St. Petersburg: RKhGI. pp. 331–351.
26. Stepun, F.A. (1999c) *Portrety* [Portraits]. St. Petersburg: RKhGI. pp. 246–259.
27. Stepun, F.A. (2009c) *Zhizn' i tvorchestvo. Izbrannye sochineniya* [Life and Art. Selected Works]. Moscow: Astrel'. pp. 479–501.
28. Varshavskiy, V.S. (2010) *Nezamechennoe pokolenie* [The Overlooked Generation]. Moscow: Russkiy put'.

УДК 930.2:82-92(571.1)«19»
DOI: 10.17223/19988613/46/5

Т.П. Серебренникова

ПУБЛИЦИСТИКА А.В. АДРИАНОВА НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТЫ «СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ» В ПЕРИОД РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Исследована публицистическая деятельность А.В. Адрианова, возглавлявшего в годы революции 1917 г. и Гражданской войны крупнейшую за Уралом газету «Сибирская жизнь». Выявлены его статьи, опубликованные в редактируемом издании. Проведен их контент-анализ, позволивший разделить статьи на несколько тематических групп: политические, культурно-образовательные, военные, социально-экономические, археологические и этнографические. Приведены имена наиболее часто встречающихся персоналий. Делается вывод о преобладании статей, посвященных общественно-политическим и военным проблемам.

Ключевые слова: А.В. Адрианов; «Сибирская жизнь»; публицистика; Гражданская война; контент-анализ.

Произошедшие качественные изменения в отечественной исторической науке привели к увеличению популярности биографических исследований. Особенно актуальна тенденция к персонализации истории при исследовании кризисных периодов развития общества [1. С. 64]. Снятие идеологических ограничений в 1980–1990-е гг. позволило сквозь призму жизни и деятельности свидетелей и участников событий дать анализ и оценку историческим событиям и процессам периода революции 1917 г. и Гражданской войны.

Одним из таких деятелей, убежденным противником большевизма был Александр Васильевич Адрианов – исследователь истории и культуры Северной и Центральной Азии, просветитель, журналист, влиятельный член Потанинского кружка, председатель Частных совещаний Сибирской областной думы, редактор «Сибирской газеты» и газеты «Сибирская жизнь».

Историография жизнедеятельности А.В. Адрианова начала складываться с конца XIX в. Первая работа о нём была опубликована в энциклопедическом издании С.А. Венгеровым. В советский период краткие биографические сведения были размещены в «Сибирской советской энциклопедии», где он был представлен как «политический деятель, сыгравший в годы Гражданской войны видную роль в сибирском контрреволюционном движении» [2]. Такая оценка негативно сказалась на изучении наследия А.В. Адрианова. Информация о нём впоследствии была опубликована только в специальных археологических и этнографических научных изданиях. Современная отечественная историография жизни и деятельности А.В. Адрианова представлена разнообразным кругом работ, освещающих его археологическую, этнографическую и политическую деятельность (Н.В. Васенькин, М.А. Дзвлет, В.М. Крюков, Н.С. Ларьков, О.Б. Беликова). К редакторской деятельности А.В. Адрианова обращались И.В. Ваганова и К.А. Михайленко. Темой специального исследования стала публицистическая деятельность Александра Васильевича периода революции и Гражданской войны.

По мнению Д.Л. Шереметьевой, А.В. Адрианов, «оставаясь виртуозом политической публицистики, оказал значительное влияние на общественное мнение и участвовал в борьбе за власть» [3. С. 65]. В этом ключе вызывает интерес углубление представления о содержании публицистики А.В. Адрианова для определения его роли и места в военно-революционных событиях Сибири в период революции 1917 г. и Гражданской войны.

В рассматриваемый период периодическая печать занимала особое место в социуме. В экстремальных условиях она выполняла не только традиционную функцию основного средства массовой информации для населения страны, но и стала плацдармом и одновременно инструментом ожесточенной идейно-политической борьбы [4. С. 3]. Ключевой фигурой, организатором и главным ответственным лицом в газете являлся редактор. В 1917–1919 гг. наблюдалась избыточная нестабильность состава редакторов. Однако мелькавшие в качестве руководителей отдельных номеров газет люди не могли оказать ощутимого влияния на процессы в идейно-информационной сфере. Существенную роль в данном процессе играли постоянные редакторы крупнейших общественно-политических газет края [5. С. 63]. Одним из таких был А.В. Адрианов, стоявший у истоков становления сибирской общественно-политической периодики. К 1917 г. за его плечами был многолетний опыт работы в качестве редактора и издателя: «Сибирская газета», «Отклики Сибири», «Минусинский край». Он был постоянным автором газет «Восточное обозрение» и «Русские ведомости». Это позволило ему вести успешную журналистскую деятельность в крупнейшей газете за Уралом «Сибирская жизнь», редактором которой А.В. Адрианов являлся с 10 марта 1917 г. по 21 декабря 1919 г.

Поскольку нестабильная политическая обстановка Гражданской войны отрицательно влияла на выпуск, учёт и комплектование периодических изданий, то на сегодняшний день ни одна библиотека не имеет пол-

ный комплект газет того периода. Всего просмотрено 639 выпусков. Наиболее полный комплект (279 из 282 номеров) сохранился за 1917 г. За 1918 г. было изучено 111 номеров из 114. Такое их количество обусловлено приостановкой выпуска газеты с 31 января по май, когда в Томске действовала советская власть, и с 21 сентября до января 1919 г. – всеобщей забастовкой рабочих-печатников Томска. Несмотря на то что в 1919 г. издание газеты осуществлялось без перебоев, удалось обнаружить только 249 выпусков из 272.

В результате сплошного просмотра номеров «Сибирской жизни» было выявлено 155 текстов А.В. Адрианова (подписи – А-в, Адрианов и Маляр). Для анализа была отобрана 121 статья, исключение составили сатирические работы, опубликованные под псевдонимом Маляр. Так как тематическое содержание периодики является главной характеристикой, отражающей и определяющей её место в информационной сфере, то для исследования публицистики А.В. Адрианова использовался метод тематического контент-анализа. Смысловая единица тематического анализа – лексические маркеры, отображающие в статьях политическую, культурно-образовательную, военную, социально-экономическую, археологическую и этнографическую сферы. В процессе выборки данных для каждой сферы был составлен тезаурус. С учетом того, что в одной статье может встречаться несколько тем, сумма долей по тезаурусу превышает 100%. Поскольку в годы революции и Гражданской войны важную роль играл субъективный фактор, то на страницах газет встречалось множество имён различных деятелей. В связи с этим в качестве дополнения применялся метод символического контент-анализа. За единицу анализа были приняты персоналии, встречающиеся в статьях А.В. Адрианова.

Из опубликованных статей А.В. Адрианова 59 (49% от общего их числа) посвящены политической жизни общества. Тезаурус (в порядке убывания): большевики – 22 (18%), самодержавное правительство – 17 (14%), антибольшевистские правительства (Временное правительство автономной Сибири, Временное Сибирское правительство, Временное Всероссийское правительство – Директория, Российское правительство) – 15 (13%), советская власть – 14 (12%), Временное правительство России – 10 (8%), революция – 9 (7%), местное самоуправление – 7 (6%), Сибирская областная дума – 7 (6%), Учредительное собрание – 7 (6%), Потанинский кружок – 4 (3%).

Всего в данной теме упоминаются 122 персоналии. Эта группа включает подкатегории: деятели местного самоуправления – 45; члены антибольшевистских правительств – 35; дореволюционные деятели – 16; члены Петроградского совета и Временного правительства – 8; деятели Сибирской областной думы – 9; сибирские областники – 6; лидеры партий – 3.

Наиболее часто встречаемые (более чем в 3 статьях): один из основателей сибирского областничества

Г.Н. Потанин – 25; публицист, этнограф, общественный деятель В.И. Анучин – 8; председатель Временного Сибирского правительства П.В. Вологодский – 8; император Николай II – 5, Верховный правитель России А.В. Колчак – 5, министр народного просвещения Временного Сибирского правительства, Директории, Российского правительства В.В. Сапожников – 5; глава Временного правительства автономной Сибири П.Я. Дербер – 5; министр туземных дел Временного Сибирского правительства М.Б. Шатилов – 4; министр юстиции Всероссийского Временного правительства А.Ф. Керенский – 4; министр юстиции Временного Сибирского правительства Г.Б. Патушинский – 3; министр внутренних дел Временного Сибирского правительства В.М. Крутовский – 3, министр народного просвещения Российского правительства П.И. Преображенский – 3; член Сибирской областной думы Н.Я. Новомбергский – 3; император Александр II – 3; лидер партии эсеров Е.К. Брешко-Брешковская – 3.

Февральская революция 1917 г. резко изменила характер и содержание публицистики А.В. Адрианова. Печатное слово стало для него «методом политической борьбы» [6. С. 62]. «Да здравствует республика!» (1917. № 56. 12 марта) – так называлась первая статья А.В. Адрианова, опубликованная им как редактором газеты «Сибирская жизнь». В ней отмечалось, что Февральская революция прошла быстро и завершилась всероссийским праздником. Говоря о Всероссийском Временном правительстве, А.В. Адрианов отмечал, что в нём нет казнокрадов и изменников своему отечеству, нет старого произвола [7]. Оно исполнило то, что вменялось ему в первую очередь, освободило из ссылки политических врагов самодержавия. В их числе была Е.К. Брешко-Брешковская, встреча с которой произошла 8 марта на станции Тайга. Публицист описывал своё состояние так: «Нетерпением и волнением билось сердце в ожидании момента, когда она, так много сделавшая для освобождения родины, появится перед нами». Сама Е.К. Брешко-Брешковская оценивала Февральскую революцию как великое событие и заявляла о необходимости помощи новому правительству [8].

Кроме того, в марте 1917 г. А.В. Адрианов сформулировал в адрес Всероссийского Временного правительства обращение о назначении пенсии Г.Н. Потанину. Автор описал его бедственное материальное положение, а заслуги Григория Николаевича оценивал как «общечеловеческие и общекультурные» [9].

Отдельно стоит сказать о взаимоотношениях А.В. Адрианова и местного политического деятеля В.И. Анучина. А.В. Адрианов считал своим долгом разоблачить «облик человека, настойчивого, но бесцеремонного, быстро поднявшегося на вершину местной власти и собиравшегося добраться до Учредительного Собрания» [10]. Публицист поставил своей целью пресечь политическую карьеру В.И. Анучина, считая его «человеком вредным в общественном смысле и спо-

собным причинить много зла» [11]. В результате политической дискредитации В.И. Анучин вышел из партии эсеров, был смещен с поста председателя «Томского кооператора» и не смог продолжить политическую карьеру [3. С. 74]. Александр Васильевич был одним из первых, кто разоблачил В.И. Анучина. Впоследствии оказалось, что этот человек стал известен не только из-за своих финансовых махинаций, связанных с его неблагополучными экспедициями, но и фальсификацией писем М. Горького и В.И. Ленина [12. С. 33].

О произошедших изменениях после революции в повседневной жизни общества А.В. Адрианов писал так: «Мы действительно живем под знаком всяческих свобод – свободы совершать убийство, грабежи и кражи всякого рода, свободы лгать и передергивать в печати, только завернувшись в тогу демократа и пришивив красный бантик, свободой бесчинствовать и арестовывать, кого вздумается. Всё можно преодолеть лишь бы это было во славу освобождённой России» [13].

В августе 1917 г. А.В. Адрианов посвятил несколько своих статей бывшему императору России – Николаю II. Он сообщал, что в Тобольске «для таинственных и не менее важных путешественников» приготовили помещение в здании гимназии [14]. «Новые узники Сибири» (Николай II и его семья), по словам публициста, могли рассчитывать на незлобное, человеческое отношение. А.В. Адрианов надеялся, что Николай Романов найдёт тёплый прием и ласку, которую в Сибири обрели Меншиков, Миних, невеста Петра II, старец Фёдор Кузьмич. Автор убеждённо утверждал, что роль Николая Романова в истории самодержавия «кончена бесповоротно». В заключение Александр Васильевич писал: «Мне хотелось бы разрядить обстановку злобы, сгустившейся около имени Романовых, и сказать, что бывший самодержец всё-таки человек, не потерявший прав на человеческое к нему отношение» [15]. «Я бы желал только одного – чтобы это был последний ссылный для Сибири, чтобы с водворением в Тобольск Николая II и его семьи Сибирь навсегда перестанет быть страной ссылки» [16].

Прошедший в октябре 1917 г. первый Сибирский областной съезд А.В. Адрианов подверг критике за длинный и неуместный доклад М.Б. Шатилова о принципах федерации и автономии. Кроме того, М.Б. Шатилов, по мнению А.В. Адрианова, нанёс вред работе съезда выступлением по вопросу о принципах формирования президиума. Автор статьи считал целесообразной позицию подавляющего большинства съезда о делегировании в президиум представителей от областей и национальностей. Публицист полагал, что «формирование президиума из фракционных представителей, несомненно, погубило бы съезд, лишив его деловой, серьёзной почвы, породило бы тотчас же раздоры» [17].

После Октябрьской революции и установления советской власти в центре России в газете «Сибирская жизнь» проводилась откровенно антибольшевистская

линия. А.В. Адрианов не написал о большевиках ни одной специальной статьи, но все его высказывания и комментарии лежали в русле бескомпромиссной борьбы против них. Он изначально оценивал большевиков в категориях национальной борьбы, на фоне которой меркли любые идейно-политические разногласия [3. С. 75]. По поводу произошедших изменений в стране А.В. Адрианов отмечал: «Революционная пена выбросила на поверхность свой мусор, много появилось проходимцев, именующихся социалистами, которые творят разрушительное дело, лгут, клеветают, натравливают, провоцируют, преследуют свои личные цели». Сравнивая советское правительство с гнойником, Александр Васильевич верил, что «это не может тянуться слишком долго – здоровое тело России справится с этой болезнью и освободится от гнойника, как бы он не разросся» [18]. А.В. Адрианов видел опасность большевизма в его нетерпимости, беспринципности и попрании норм элементарной человеческой порядочности [6. С. 29]. Говоря об автономии Сибири, публицист считал невозможным организовать власть совместно с большевиками, потому что «большевистский мир грозит России безнадёжным разрушением слабой промышленности, длительной безработицей и полным крахом земельной реформы» [19].

В июле 1918 г. А.В. Адрианов обращался к темам: Г.Н. Потанин и Потанинский кружок. Он рассказал о прошедшем 25 июня 1918 г. в Томске митинге по инициативе Потанинского кружка [20]. В статьях, посвященных Г.Н. Потанину, осветил поездку Григория Николаевича в Тобольск и Омск, где его торжественно чествовали как создателя идеи областничества [21]. А.В. Адрианов отмечал личное участие во встречах и проводах Г.Н. Потанина членов Временного Сибирского правительства, представителей местного самоуправления и общественных организаций, которые чествовали Григория Николаевича как «великого сибиряка» [22].

К вопросам государственного управления А.В. Адрианов обращался в статье «На путях к возрождению государства» (1919. № 74. 11 апр.). В ней отражена его беседа с А.Н. Гаттенбергером, служившим со 2 сентября 1918 г. томским губернским комиссаром Временного Сибирского правительства, а с 18 ноября 1918 г. – управляющим Министерством внутренних дел Российского правительства. Целью беседы было узнать, как решаются дела в министерстве. Причиной же стало состояние страны «с разрухой всех устоев жизни». По мнению Александра Васильевича, все важнейшие функции внутренней жизни государства обслуживаются и регулируются в государственном масштабе Министерством внутренних дел, на долю которого выпала задача воссоздать из сложившегося хаоса государственную жизнь страны. Кроме того, А.В. Адрианова интересовало взаимодействие министерства с органами местного управления [23]. О государственном управлении А.В. Адрианов также писал в статье «Российское правительство перед забайкаль-

ским казачеством» (1919. № 117. 12 июня; № 118. 13 июня). Он сообщал о наметившемся разрешении конфликта между Верховным правителем А.В. Колчаком и атаманом Забайкальского казачьего войска Г.М. Семеновым, который не признал государственный переворот 18 ноября 1918 г. и власть А.В. Колчака. А.В. Адрианов сообщал, что причины непризнания власти заключаются в «неправильной и недостаточной информации о положении и деятельности Российского правительства, недобросовестности окружения того и другого и растравлении конфликта прессой» [24].

Одной из последних публикаций общественно-политического характера стала статья «Самооборона» (1919. № 207. 1 окт.). В ней автор рассуждал над причинами большевизации населения. По его мнению, главная причина заключалась в развале российской армии в результате революции, во-вторых, амнистия 1917 г., под которую попали несколько миллионов политических и уголовных преступников, в-третьих, неграмотность населения. А.В. Адрианов также писал, что большевики, «разлив свой яд среди масс народа, разрушили государство, сгубили страну и распространяли злое дело на другие страны». «В большевизме нет ничего, кроме безумия и преступления» [25].

Вторую группу анализируемых публикаций А.В. Адрианова составили 57 статей (47%), освещавших вопросы культуры и образования. Тезаурус: периодическая печать – 25 (21%), биографии – 18 (15%), образовательные институты и мероприятия – 17 (14%), духовенство – 5 (4%).

Всего упоминаются 134 персоналии: публицисты – 65 (значительная часть имён – 30 – была представлена в статье «К 25-летию юбилею Сибирской жизни»), деятели культуры и науки – 43, духовенство – 26.

Наиболее часто упоминаемые – сибирский публицист, писатель, исследователь Сибири и Центральной Азии, один из основоположников сибирского областничества Н.М. Ядринцев – 9; основатель первой в Томске публичной библиотеки, первого в Сибири книжного магазина, один из инициаторов создания первого в Сибири университета П.И. Макушин – 6; священник Комаров – 4; редактор газет «Сибирское слово» и «Утро Сибири» В.Е. Воложанин – 3.

В теме «Периодическая печать» отдельного внимания заслуживают статьи, посвящённые газете «Сибирская жизнь». В 1917 г. А.В. Адрианов писал о временной приостановке выхода газеты из-за проблем с поставками бумаги [26]. Приносил извинения перед читателями за ошибки корректоров в статьях [27]. Рассказал о предъявлении требований со стороны представителей совета солдатских и рабочих депутатов отказаться от продажи газеты «Сибирская жизнь» на станции Тайга [28]. Проинформировал о прекращении с 1 декабря 1917 г. публикаций объявлений в газете [29]. В 1919 г. автор напомнил о событиях, произошедших в ночь на 1 февраля 1918 г., когда в помеще-

ние Сибирского товарищества печатного дела ворвались агенты советской республики и объявили «Сибирскую жизнь» закрытой [30]. О 25-летнем юбилее газеты А.В. Адрианов написал в статье «Ознаменование юбилея Сибирской жизни» (1919. № 144. 15 июля), где показал историю газеты [31].

К биографическим статьям были отнесены работы, написанные в связи со смертью известных деятелей: профессора Технологического института Л.Л. Тове, исследователя Тобольской губернии И.Л. Скалозубова, преподавателя иностранных языков В.А. Геблера, акционера А.А. Баландина. Были опубликованы воспоминания о Н.М. Ядринцеве, который, по словам автора, был величайшим сибирским патриотом, отдавшим на службу Сибири весь свой литературный талант [32]. Ещё одну из своих статей А.В. Адрианов посвятил П.И. Макушину. Она была написана в честь 75-летия со дня рождения Петра Ивановича. Автор подробно осветил направления его деятельности и отметил, что никто не сделал больше в области просвещения для Сибири, чем П.И. Макушин [33].

Освещая образовательную проблематику, А.В. Адрианов отметил бедственное положение сельскохозяйственной школы, от существования которой зависело не только развитие сельскохозяйственного образования, но и благополучие Сибири [34]. Кроме того, автор рассказал об открытии университета в Иркутске и общества имени Н.Г. Чернышевского в Саратове для сплочения литературной, политической и общественно-научной общественности [35, 36].

Важное место в работах А.В. Адрианова занимала военная тематика – 35 (21%) статей. Тезаурус: Первая мировая война – 15 (13%), Российская армия – 11 (9%), Чехословацкий корпус – 9 (8%), Гражданская война – 8 (7%), Сибирская армия – 6 (5%). Всего встречается 28 персоналий. Наиболее часто упоминаемый – казачий атаман Г.М. Семёнов – 4.

В 1917 г. А.В. Адрианов сообщал о снижении воинской дисциплины вследствие издания знаменитого «приказа № 1», который предусматривал создание в воинских частях выборных солдатских комитетов, отменял титулование офицеров и выводил Петроградский гарнизон из подчинения старому командованию. Этот приказ расценивался как демократический акт, который на самом деле нарушал необходимый для всякой армии принцип единоначалия и тем самым способствовал падению воинской дисциплины. Александр Васильевич показал, как изменилось течение армейской службы на примере Томска. Он отмечал, что началось разложение, выразившееся в утрате сознания воинского долга и чести, в массовом дезертирстве, в преступном братании с немцами в окопах [37]. Продолжая тему разложения армии, А.В. Адрианов выступил с призывом восстановления военной силы страны [38].

В июле 1917 г. в Томске было принято решение о создании женских батальонов после стихийных демон-

страдий в связи с отправкой на фронт революционно настроенных солдат. А.В. Адрианов полагал, что именно «русская женщина способна напомнить утратившим понимание воинского долга и чести мужчинам, как позорно их поведение перед отечеством и перед всем светом» [39].

Если в 1917 г. А.В. Адрианов уделял больше внимания теме Первой мировой войны и Российской армии, то в 1918–1919 гг. доминирующей темой становится борьба с большевизмом. Внимание автора смещается на нужды созданной в июне 1918 г. на освобожденной от советской власти территории Западно-Сибирской отдельной армии (с конца июля 1918 г. – Сибирская армия). А.В. Адрианов считал необходимым отдать все годные для создания боеспособной армии силы, чтобы отстоять свободу и независимость. Он был обеспокоен тем, что не все офицеры откликаются на обращенный к ним призыв о вступлении в армию Сибирского правительства [40].

Проблема формирования Сибирской армии оставалась актуальной и в 1919 г. Успех пехотного добровольческого полка в боях с красными стал причиной формирования А.Н. Пепеляевым из добровольцев первого сибирского конно-гренадерского полка. А.В. Адрианов придавал большое значение добровольческому движению. Поскольку, по его мнению, «на долю Сибири выпала великая по своему историческому значению роль воссоздания разрушенного государства, роль нового собирателя земли русской» [41].

Особое место А.В. Адрианов отводил Чехословацкому корпусу. Публицист выступал с требованием улучшить положение пленных чехов в Сибири [42]. Осветил историю формирования корпуса, который «со всем пылом славянской души боролся за успехи русской революции с центральными деспотическими державами» [43]. В 1919 г. А.В. Адрианов выражал беспокойство о судьбе Чехословацкого корпуса в связи с его отправкой на родину. Публицист полагал, что это событие чревато чрезвычайными последствиями, так как преждевременный уход из Сибири, до ликвидации «большевистского пожара может привести к тому, что он не потухнет, а разгорится с ещё большей силой» и лишит Сибирскую железную дорогу надежной охраны [44].

К вопросам социально-экономического характера автор обращался в 19 (16%) статьях. Тезаурус: пожертвования – 9 (8%), продовольственное обеспечение – 7 (6%), транспорт – 4 (3%).

В статьях сообщалось о проблемах транспортировки продуктов питания из труднодоступных районов и о недостатке продовольственного обеспечения, вызванном первоначально Первой мировой войной, а впоследствии политикой большевиков. Например, А.В. Адрианов сообщал о продовольственном кризисе в Петрограде. В работе представлены список продуктов, выдававшихся продовольственной управой, а также цены на местных рынках. Александр Васильевич заявлял, что Петроград, центр былой умственной и ад-

министративной жизни страны, умирал физически от голода и истощения. Всё это стало причиной голодных бунтов, происходивших в апреле и время от времени в мае, которые подавлялись советской властью [45].

В своих статьях А.В. Адрианов нередко освещал вопросы, связанные со сбором пожертвований. В частности, он писал об организации сбора средств для семьи, оказавшейся в сложной ситуации, выступал за создание фонда, который бы мог выделять пособия наиболее в них нуждающимся [46]. В 1918 г. призывал оказать материальную поддержку: Временному Сибирскому правительству, воинской силе, городу Томску, раненым и семьям убитых в борьбе с большевиками [47].

Вопросы археологии и этнографии – 13 (11%) статей. Тезаурус: экспедиция – 8 (7%), инородцы – 8 (7%). Имена инородцев (5 персоналий) упоминались в 4 статьях.

А.В. Адрианов писал о состоянии деревень и городов в Урянхайском крае во время Первой мировой войны. Выступал в защиту интересов инородцев: «Из Урянхайского края в Томск» (1917. № 9. 12 янв.; № 12. 15 янв.; № 14. 18 янв.), «В защиту инородцев» (1917. № 85. 23 апр.), «Вымирание инородцев в Сибири» (1917. № 34. 14 фев.), «К вопросу об Урянхае» (1917. № 93. 3 мая), «Славны бубны за горами» (1917. № 232. 24 окт.). О сойотском Новом годе опубликовал статьи «Шага» (1917. № 107. 21 мая; № 110. 26 мая). О новом торговом пути (Америка – Обь – Енисей – Европа) рассказал в статье «Новый путь» (1917. № 119. 6 июня). Стоит отметить, что все статьи по данной проблеме были опубликованы в 1917 г. после возвращения А.В. Адрианова в Томск из последней экспедиции по исследованию Урянхайского края.

Таким образом, журналистскую деятельность А.В. Адрианова во время революции и Гражданской войны нужно признать успешной. «Сибирская жизнь» оставалась ведущей газетой в Сибири вопреки объявлению ей революционно-общественного бойкота в 1917 г., намерению советской власти закрыть ее навсегда в 1918 г. и приостановке выпуска из-за забастовки печатников, длившейся несколько месяцев до 1919 г. [3. С. 98].

Проведенный анализ частоты встречаемости и соотношения преобладающих в статьях тем и персоналий позволил документально подтвердить предположение, что в своих публикациях А.В. Адрианов освещал самый широкий круг вопросов. Однако доминирующей темой была политической жизнь общества. Если в начале 1917 г. А.В. Адрианов апеллировал к темам: Февральская революция, самодержавие и Временное правительство, то с октября 1917 г. доминирующая тема – борьба с большевизмом. На повестку дня были поставлены вопросы, связанные с организацией и функционированием антибольшевистских органов власти. Такая перемена повлияла и на содержание статей, отражавших военную тематику. Вектор интересов автора сместился с тематик, связанных с Первой мировой

войны на Гражданскую войну. Стоит также отметить, что в 1919 г. им было опубликовано гораздо меньше статей общественно-политического характера относительно революционного 1917 г. Это представляется закономерным с учётом того, что газетная периодика выступала индикатором политической активности общества, которая с установлением власти А.В. Колчака существенно сократилась.

Значительное место наряду со статьями, отражавшими общественно-политическую тематику, занимали работы, освещавшие вопросы культуры и образования. К вопросам социально-экономического характера автор обращался гораздо меньше. Так как данные проблемы во многом зависят от политической сферы общества, то и их встречаемость была сопряжена с общественно-политическими темами. Несмотря на то что в 1917–1919 гг. А.В. Адрианов полностью посвятил себя общественно-политической деятельности, в 1917 г. им было опубликовано несколько статей по этнографии и археологии.

В заключение стоит отметить, что 21 декабря 1919 г. вышел последний номер газеты «Сибирская жизнь», которая прекратила своё существование после восстановления советской власти в Томске. Тогда же, в конце декабря, был арестован А.В. Адрианов. В феврале 1920 г. ему было предъявлено обвинение в систематической борьбе с советской властью путём агитации в газете. Считая его одним из непримиримых врагов революции и полагая, что он никогда не примирится с существующей властью, к нему была применена высшая мера наказания – расстрел [6. С. 66]. Томские чекисты привели приговор в исполнение 7 марта 1920 г. Сообщение о расстреле А.В. Адрианова было опубликовано в большевистской газете «Знамя революции», где он был представлен как «главный вдохновитель кровавой политики правительства Колчака» [48]. В декабре 1991 г., согласно закону РСФСР от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий», уголовное дело в отношении А.В. Адрианова было отменено в связи с отсутствием в его действиях состава преступления [49].

ЛИТЕРАТУРА

1. Меркулов С.А., Казакова Е.А. Эволюция взглядов и трансформация подходов в составлении строго документированных научных биографий // Вестник Томского государственного университета. История. 2014. № 2 (28). С. 64–67.
2. Адрианов // Сибирская советская энциклопедия. Новосибирск, 1929. Т. 1 : А–Ж. С. 28–29.
3. Шереметьева Д.Л. Изменить страну, не изменяя себе: публицистика А.В. Адрианова в условиях революции и гражданской войны // Политическая адаптация населения Сибири в первой трети XX века. Новосибирск, 2015. С. 65–99.
4. Шереметьева Д.Л. Газеты Сибири в период «демократической контрреволюции» (конец мая – середина ноября 1918 г.) : дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2011.
5. Шереметьева Д.Л. Корпус редакторов газет Сибири на начальном этапе Гражданской войны (лето – осень 1918 года) // Вестник Тверского государственного университета. Сер. История. 2014. № 3. С. 53–63.
6. Крюков В.М. Александр Адрианов. Последние годы. Томск, 2004.
7. Адрианов А.В. Напрасная тревога // Сибирская жизнь. 1917. 9 марта.
8. Адрианов А.В. Встреча в Тайге // Сибирская жизнь. 1917. 12 марта.
9. Адрианов А.В. Народному правительству для памяти // Сибирская жизнь. 1917. 18 марта.
10. Адрианов А.В. Кто такой В.И. Анучин // Сибирская жизнь. 1917. 7 мая.
11. Адрианов А.В. Моё объяснение обществу // Сибирская жизнь. 1917. 16 мая.
12. Азадовская Л.В., Азадовский К.М. История одной фальсификации. М., 2011.
13. Адрианов А.В. Нечто современное // Сибирская жизнь. 1917. 4 июня.
14. Адрианов А.В. Таинственные пассажиры // Сибирская жизнь. 1917. 8 авг.
15. Адрианов А.В. Моим доброжелателям // Сибирская жизнь. 1917. 12 авг.
16. Адрианов А.В. Водворение царской семьи в Сибирь // Сибирская жизнь. 1917. 12 авг.
17. Адрианов А.В. Первый областной съезд. К порядку на съезде // Сибирская жизнь. 1917. 11 окт.
18. Адрианов А.В. Пробуждение инородческого Алтая // Сибирская жизнь. 1917. 24 нояб.
19. Адрианов А.В. С сибирского съезда // Сибирская жизнь. 1917. 14 дек.
20. Адрианов А.В. В Потанинском кружке // Сибирская жизнь. 1918. 28 июля.
21. Адрианов А.В. Г.Н. Потанин // Сибирская жизнь. 1918. 1 авг.
22. Адрианов А.В. Г.Н. Потанин – почетный гражданин Сибири // Сибирская жизнь. 1918. 13 авг.
23. Адрианов А.В. На путях к возрождению государства // Сибирская жизнь. 1919. 11 апр.
24. Адрианов А.В. Российское правительство перед забайкальским казачеством // Сибирская жизнь. 1919. 12 июня.
25. Адрианов А.В. Самооборона // Сибирская жизнь. 1919. 1 окт.
26. Адрианов А.В. Маленькая беседа с читателем и подписчиком // Сибирская жизнь. 1917. 18 июня.
27. Адрианов А.В. Необходимое объяснение // Сибирская жизнь. 1917. 10 авг.
28. Адрианов А.В. К бойкоту «Сибирской жизни» // Сибирская жизнь. 1917. 10 авг.
29. Адрианов А.В. В интересах населения // Сибирская жизнь. 1917. 10 авг.
30. Адрианов А.В. Годовщина // Сибирская жизнь. 1919. 14 фев.
31. Адрианов А.В. Ознаменование юбилея «Сибирской жизни» // Сибирская жизнь. 1919. 15 июля.
32. Адрианов А.В. Памяти Н.М. Ядринцева // Сибирская жизнь. 1919. 16 окт.
33. Адрианов А.В. Особенный человек // Сибирская жизнь. 1919. 13 июня.
34. Адрианов А.В. Единственная в Сибири сельскохозяйственная школа // Сибирская жизнь. 1918. 11 янв.
35. Адрианов А.В. Иркутский университет // Сибирская жизнь. 1917. 9 нояб.
36. Адрианов А.В. Памяти Н.Г. Чернышевского // Сибирская жизнь. 1917. 25 апр.
37. Адрианов А.В. К вопросу о дисциплине // Сибирская жизнь. 1917. 11 мая.
38. Адрианов А.В. Надо образумиться // Сибирская жизнь. 1917. 16 мая.
39. Адрианов А.В. Женский батальон в Томске // Сибирская жизнь. 1917. 18 июля.
40. Адрианов А.В. На фронт // Сибирская жизнь. 1918. 18 июля.
41. Адрианов А.В. На защиту родной земли // Сибирская жизнь. 1919. 16 окт.
42. Адрианов А.В. Пленные и свободная Россия // Сибирская жизнь. 1917. 19 марта.

43. Адрианов А.В. Чехословаки – наши братья // Сибирская жизнь. 1917. 28 июля.
44. Адрианов А.В. К уходу чехов // Сибирская жизнь. 1919. 30 сент.
45. Адрианов А.В. Умирание Петербурга // Сибирская жизнь. 1918. 29 июня.
46. Адрианов А.В. Сердобольным томичам // Сибирская жизнь. 1917. 29 нояб.
47. Адрианов А.В. Выступление цензовых элементов // Сибирская жизнь. 1918. 23 июня.
48. Знамя революции. Томск. 1920. 9 марта.
49. Заключение старшего помощника прокурора Томской области по делу о реабилитации А.В. Адрианова // Государственный архив Томской области. Электронные данные. Томск, 2006–2015 гг. URL: <http://gato.tomica.ru/publications/biblio/list/1917-1921/pril19/index.html>, свободный (дата обращения: 21.10.2016).

Serebrennikova Tamara P. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: serebrennikva-tma@rambler.ru

PUBLICATIONS OF A.V. ADRIANOV IN THE NEWSPAPER «SIBIRIAN LIFE» DURING THE REVOLUTION 1917 YEAR AND THE CIVIL WAR.

Keywords: A.V. Adrianov; newspaper «Siberian life»; Civil war; content-analysis.

The article elaborates on the journalistic activities of Alexander V. Adrianov during the revolution and the Russian Civil War. A.V. Adrianov is an outstanding researcher of the history and culture of North and Central Asia, social activist and educator, editor of the “Sibirskaya gazeta” (“Siberian Newspaper”) and the “Sibirskaya Zhizn” (“Siberian Life”). From March 1917 to December 1919 he was the editor of the “Siberian Life” newspaper. Adrianov influenced the political direction of the “Siberian life”. A.V. Adrianov published not less than 155 articles. The analysis of the journalistic activities of A.V. Adrianov is based on methods of thematic and symbolic content analysis. The semantic units of the thematic analysis are a lexical markers, which reflect the political, cultural, education, military, social, economic, archaeological and ethnographic fields. The units of the symbolic analysis are personalities. The analysis of publications has proved that the articles by A.V. Adrianov reflected different issues. However, the dominant theme was the political life of the society. At the beginning of 1917, A.V. Adrianov turned to the following themes: the February Revolution, the monarchy and the Interim Government. But after the October Revolution the dominant theme became the struggle against the Bolsheviks. A.V. Adrianov started to draw attention to issues relating to the organization and functioning of the anti-Bolshevik government bodies. This change also affected the content of his articles, which conveyed military themes then. The main topic of his articles was the Civil War. More than that, in 1919 the author has published much fewer articles on social and political issues than during the revolutionary 1917. This seems logical, as the newspaper periodicals were an indicator of political activity by the society, which has decreased significantly under the Kolchak’s government. A significant part of the articles that were published covered the issues of culture and education. Social and economic issues drew much less of A.V. Adrianov’s attention. Given the fact that these problems depended on the political situation in the country, their occurrence depended on the political themes. Despite the fact that in 1917–1919 A.V. Adrianov fully dedicated his time to social and political activities, in 1917 he published several articles on ethnography and archaeology. The last issue of the newspaper “Siberian Life” was published in December 1919. The newspaper was closed after the Soviet rule was restored in Tomsk. By the decision of Tomsk Extraordinary Commission to Combat Counter-Revolution he was executed by shooting at the beginning of March, 1920.

REFERENCES

1. Merkulov, S.A. & Kazakova, E.A. (2014) The evolution of attitudes and transformation approaches in drafting strictly-documented scientific biographies. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State Univeristy Journal of History*. 2(28). pp. 64–67. (In Russian).
2. Adrianov, A.V. (1929) *Sibirskaya sovetskaya entsiklopediya* [Siberian Soviet Encyclopedia]. Vol. 1. Novosibirsk: Sibkrazizdat. pp. 28–29.
3. Sheremeteva, D.L. (2015) Izmenit' stranu, ne izmenyaya sebe: publitsistika A.V. Adrianova v usloviyakh revolyutsii i grazhdanskoj vojny [Changing the country without changing oneself: A.V. Adrianov’s journalism during the revolution and civil war]. In: Shishkin, V.I. (ed.) *Politicheskaya adaptatsiya naseleniya Sibiri v pervoy treti XX veka* [Political adaptation of Siberian population in the early twentieth century]. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 65–99.
4. Sheremeteva, D.L. (2011) *Gazety Sibiri v period “demokraticheskoy kontrrevolyutsii” (konets maya – seredina noyabrya 1918 g.)* [Siberian newspapers during the “democratic counterrevolution” (the late May – mid-November 1918)]. History Cand. Diss. Novosibirsk.
5. Sheremetieva, D.L. (2014) Korpus redaktorov gazet Sibiri na nachal'nom etape grazhdanskoj vojny (leto – osen' 1918 goda) [Siberian newspaper editors at the beginning of the Civil War (summer – autumn 1918)]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya “Istoriya”*. 3. pp. 53–63.
6. Kryukov, V.M. (2004) *Aleksandr Adrianov. Poslednie gody* [Aleksandr Adrianov. Last years]. Tomsk: NTL.
7. Adrianov, A.V. (1917a) Naprasnaya trevoga [A vain anxiety]. *Sibirskaya zhizn'*. 9th March.
8. Adrianov, A.V. (1917b) Vstrecha v Tayge [the Meeting in Taiga]. *Sibirskaya zhizn'*. 1917. 12th March.
9. Adrianov, A.V. (1917c) Narodnomu pravitel'stvu dlya pamyati [To the People's Government to Remember]. *Sibirskaya zhizn'*. 1917. 18th March.
10. Adrianov, A.V. (1917d) Kto takoy V. I. Anuchin [Who is V.I. Anuchin]. *Sibirskaya zhizn'*. 1917. 7th May.
11. Adrianov, A.V. (1917e) Moe ob'yasnenie obshchestvu [My explanation to the public]. *Sibirskaya zhizn'*. 1917. 16th May.
12. Azadovskaya, L.V. & Azadovskiy, K.M. (2011) *Istoriya odnoy fal'sifikatsii* [The history of one falsification]. Moscow: ROSSPEN.
13. Adrianov, A.V. (1917f) Nechto sovremennoe [Something modern]. *Sibirskaya zhizn'*. 1917. 4th June.
14. Adrianov, A.V. (1917g) Tainstvennye passazhiry [Mysterious passengers]. *Sibirskaya zhizn'*. 1917. 8th August.
15. Adrianov, A.V. (1917h) Moim dobrozheletelyam [To my well-wishers]. *Sibirskaya zhizn'*. 1917. 12th August.
16. Adrianov, A.V. (1917i) Vodvorenje tsarskoj sem'i v Sibir' [The Tsar's Family's in Siberia]. *Sibirskaya zhizn'*. 1917. 12th August.
17. Adrianov, A.V. (1917j) Pervyy oblastnoy s'ezd. K poryadku na s'ezde [The first regional congress. To the order at the congress]. *Sibirskaya zhizn'*. 11th October.
18. Adrianov, A.V. (1917k) Probuzhdenie inorodcheskogo Altaya [Awakening of the non-Russian Altai]. *Sibirskaya zhizn'*. 24th November.
19. Adrianov, A.V. (1917l) S sibirskogo s'ezda [From the Siberian Congress]. *Sibirskaya zhizn'*. 14th December.
20. Adrianov, A.V. (1918a) V Potaninskom kruzhke [In Potanin's circle]. *Sibirskaya zhizn'*. 28th July.
21. Adrianov, A.V. (1918b) G.N. Potanin [G.N. Potanin]. *Sibirskaya zhizn'*. 1st August.
22. Adrianov, A.V. (1918c) G.N. Potanin – pochetnyy grazhdanin Sibiri [G.N. Potanin is an honorary citizen of Siberia]. *Sibirskaya zhizn'*. 13th August.
23. Adrianov, A.V. (1919a) Na putyakh k vrozozhdeniyu gosudarstva [On the way to the revival of the state]. *Sibirskaya zhizn'*. 11th August.
24. Adrianov, A.V. (1919b) Rossiyskoe pravitel'stvo pered zabaykal'skim kazachestvom [The Russian government before the Trans-Baikal Cossacks]. *Sibirskaya zhizn'*. 12th June.
25. Adrianov, A.V. (1919c) Samooborona [Self-defense]. *Sibirskaya zhizn'*. 1th October.

26. Adrianov, A.V. (1917m) Malen'kaya beseda s chitatelem i podpischnikom [A small conversation with a reader and a subscriber]. *Sibirskaya zhizn'*. 18th June.
27. Adrianov, A.V. (1917n) Neobkhodimoe ob"yasnenie [The necessary explanation]. *Sibirskaya zhizn'*. 10th August.
28. Adrianov, A.V. (1917o) K boykotu "Sibirskoy zhizni" [To the boycott of "Sibirskaya zhizn'"]. *Sibirskaya zhizn'*. 10th August.
29. Adrianov, A.V. (1917p) V interesakh naseleniya [In the interests of the population]. *Sibirskaya zhizn'*. 10th August.
30. Adrianov, A.V. (1917q) Godovshchina [Anniversary]. *Sibirskaya zhizn'*. 14th February.
31. Adrianov, A.V. (1919d) Oznamenovanie yubileya "Sibirskoy zhizni" [The Commemoration of the Jubilee of "Sibirskaya zhizn'"]. *Sibirskaya zhizn'*. 15th July.
32. Adrianov, A.V. (1919e) Pamyati N.M. Yadrintseva [In memory of N.M. Yadrintsev]. *Sibirskaya zhizn'*. 16th October.
33. Adrianov, A.V. (1919f) Osobennyi chelovek [A special person]. *Sibirskaya zhizn'*. 13th June.
34. Adrianov, A.V. (1918d) Edinstvennaya v Sibiri sel'skokhozyaystvennaya shkola [The only agricultural school in Siberia]. *Sibirskaya zhizn'*. 11th January.
35. Adrianov, A.V. (1917r) Irkutskiy universitet [Irkutsk University]. *Sibirskaya zhizn'*. 9th November.
36. Adrianov, A.V. (1917s) Pamyati N.G. Chernyshevskogo [In memory of N.G. Chernyshevsky]. *Sibirskaya zhizn'*. 25th April.
37. Adrianov, A.V. (1917t) K voprosu o distsipline [On the discipline]. *Sibirskaya zhizn'*. 11th May.
38. Adrianov, A.V. (1917v) Nado obrazumit'sya [We must understand]. *Sibirskaya zhizn'*. 16th May.
39. Adrianov, A.V. (1917w) Zhenskiy batal'on v Tomske [Women's Battalion in Tomsk]. *Sibirskaya zhizn'*. 18th July.
40. Adrianov, A.V. (1918e) Na front [To the front]. *Sibirskaya zhizn'*. 18th July.
41. Adrianov, A.V. (1919g) Na zashchitu rodnoy zemli [To protect their native land]. *Sibirskaya zhizn'*. 16th October.
42. Adrianov, A.V. (1917) Plennye i svobodnaya Rossiya [Prisoners and the Free Russia]. *Sibirskaya zhizn'*. 19th March.
43. Adrianov, A.V. (1917x) Chekhoslovaki – nashi brat'ya [Czechoslovaks are our brothers]. *Sibirskaya zhizn'*. 28th July.
44. Adrianov, A.V. (1919h) K ukhodu chekhov [Towards the departure of the Czechs]. *Sibirskaya zhizn'*. 30th September.
45. Adrianov, A.V. (1918f) Umiranie Peterburga [The Dying Petersburg]. *Sibirskaya zhizn'*. 29th June.
46. Adrianov, A.V. (1917y) Serdobol'nym tomicham [To the kind residents of Tomsk]. *Sibirskaya zhizn'*. 29th November.
47. Adrianov, A.V. (1918g) Vystuplenie tsenzovykh elementov [The census elements]. *Sibirskaya zhizn'*. 23th June.
48. *Znamya revolyutsii*. (1920) 9th March.
49. The State Archives of Tomsk Region. (2006–2015) *Zaklyuchenie starshego pomoshchnika prokurora Tomskoy oblasti po delu o reabilitatsii A.V. Adrianova* [The conclusion of the senior assistant to the prosecutor of Tomsk region in the case of the rehabilitation of A.V. Adrianov]. [Online] Available from: <http://gato.tomica.ru/publications/biblio/list/1917-1921/pril19/index.html>. (Accessed: 21st October 2016).

УДК 94 (477.87) «1944-1945»: 323.1

DOI: 10.17223/19988613/46/6

В.В. Мищанин

ИНТЕРНИРОВАНИЕ И ДЕПОРТАЦИИ ЗАКАРПАТСКИХ ВЕНГРОВ В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (1944–1945 гг.)

Рассматривается непростая судьба закарпатских венгров на завершающем этапе Второй мировой войны и в первые годы становления советской власти в Закарпатье. Начиная с ноября 1944 г. венгерское и немецкое национальное меньшинство края пережили сложные времена национального, политического и идеологического давления, потерпев репрессии по этническому признаку. Началом депортаций закарпатских венгров стало Постановление военного совета 4-го Украинского фронта 13 ноября 1944 г. № 0036, которое предписывало «провести регистрацию всех военнообязанных» лиц немецкой и венгерской национальности, проживающих на территории Закарпатской Украины. В большинстве венгерских населенных пунктов репрессии начались в середине ноября 1944 г. Сначала «военнообязанных» собрали в лагере г. Свалявы, где их держали два месяца, затем по железной дороге переправили в лагеря городов Самбор, Турки, Стрый, а далее – вывезли в глубь Советского Союза. По разным подсчетам, в советские лагеря военнопленных отправили от 25 до 30–50 тысяч закарпатских венгров-мужчин в возрасте от 18 до 50 лет.

Ключевые слова: закарпатские венгры; интернирования; депортации; репрессии; СССР.

Национальная политика первых лет становления советской власти в Закарпатье периода Народной Рады Совета Закарпатской Украины 1944–1945 гг. (далее – НРЗУ) осуществлялась под четким руководством и контролем Советского Союза, который выходил победителем во Второй мировой войне. В результате этой политики немецкое и венгерское национальные меньшинства полиэтнического края понесли ощутимые демографические потери. Тысячи венгров насильно были интернированы в советские лагеря только по этническому признаку.

Советские историки неохотно брались за исследование этой темы. Они писали об этнических изменениях в Закарпатье завершающего этапа Второй мировой войны и первых советских лет исключительно сквозь призму сталинской национальной политики, направленной на создание «советского человека». И это в основном было уделом этнографов [1]. О депортациях закарпатских венгров стало возможным писать только после 1991 г. Первым, кто приоткрыл занавес в этом вопросе, был Н. Макара. Во втором томе коллективной монографии «Очерки истории Закарпатья» [2] и пособия по изучению истории края «Закарпатская Украина: путь к воссоединению, опыт развития (октябрь 1944 – январь 1946)» он в кратких чертах рассматривает национальную политику НРЗУ [3].

Под углом этнополитических преобразований в Закарпатье исследовал эту проблему и А. Малец. Его авторству принадлежит ряд статей по данной проблематике [4, 5]. В 2003 г. он защитил диссертацию на соискание степени кандидата наук «Этнополитические и этнокультурные процессы на Закарпатье 40–80-х гг. XX в.» [6], а 2004 г. издал монографию под одноименным названием [7].

Среди работ последних лет, в которых рассматривается национальная политика первых лет советской вла-

сти, следует назвать исследования Р. Официнского [8] и Т. Шторка [9], опубликованные в коллективной монографии украинско-венгерского издания «Закарпатье 1919–2009 годов: история, политика, культура».

Не обошли вниманием процессы интернирования и депортаций венгерского населения края и венгерские и венгероязычные авторы. Среди них следует выделить З. Богнара [10], Г. Товта [11]. Но больше всего исследовал эти процессы Г. Дупка. Его авторству принадлежит ряд статей [12] и монографий [13, 14]. По этой теме он также защитил диссертацию [15]. Вместе с А. Корсуном Г. Дупка публикует документы, в том числе на венгерском языке [16].

В 2012 г. А. Корсун также стал составителем фундаментального сборника документов и материалов, который наглядно демонстрирует политику советской власти по отношению к национальным меньшинствам края – венграм и немцам [17]. В него вошли не только материалы Государственного архива Закарпатской области, архивов Службы безопасности Украины и МВД Украины в Закарпатской области, но и целого ряда российских архивов (Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории, Российского государственного Военного архива, Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации, Центра хранения историко-документальных коллекций), доступ к которым широкой общественности ограничен. Составитель А. Корсун выделил три блока документов: государственные законодательные и нормативно-правовые документы, документы (архивные), образцы документов из архивно-следственных и уголовных дел. Они позволяют исследователям по-новому подойти к изучению и оценке национальной политики большевиков в 1944–1945 гг. в Закарпатье.

Историк-краевед И. Поп отмечал, что освобождено Закарпатье было де-юре, оставаясь составной частью ЧСР. Сюда из Лондона была выслана административная группа во главе с министром Франтишеком Немец для восстановления чехословацкого государственного управления. Но восстановление чехословацкой администрации не входило в планы руководства Советского Союза. Закарпатская Украина была разделена на две зоны: более развитая центральная часть оставалась под полным контролем военной администрации СССР, юго-восточная (горная) передана будто под управление ЧСР, но вскоре и здесь под контролем советских военных комендатур началось ускоренное создание «народных комитетов» во главе с коммунистами. Военные и карательные органы СССР (СМЕРШ, НКВД) начинают интернирование местных венгров, конфискацию, агитацию за вступление молодежи в советскую армию. Это стало грубым нарушением конституции ЧСР [18. С. 12]. По мнению И. Попа, де-факто с конца 1944 г. Закарпатье оказалось полностью под контролем СССР, т.е. практически было аннексировано. Осуществлялся этот процесс под вывеской «Закарпатская Украина», которой в настоящее время были предоставлены все атрибуты государственности [Там же. С. 13].

По мнению современных исследователей, «судьбу жителей Закарпатья в последние месяцы войны решило то обстоятельство, что, ссылаясь на историческое право, на эту территорию претендовали две страны – Советский Союз и в то время только юридически существующая Чехословакия. Венгерское население, сконцентрированное в городах, а также в Ужанской и Бережской жупах (жупа (комитат) – административная единица), стояло на пути как советских, так и чешских планов» [9. С. 287].

В Постановлении военного совета 4-го Украинского фронта под № 0036 от 13 ноября 1944 г. предписывалось: «Провести регистрацию всех военнообязанных лиц в возрасте от 18 до 50 лет немецкой и венгерской национальности проживающих в настоящее время на освобожденной территории Закарпатской Украины, а также всех чиновников и служащих венгерской полиции и жандармерии, оставшихся на освобожденной территории Закарпатской Украины» [15. С. 385–386]. Военные коменданты при регистрации «военнообязанных» обязывались информировать всех об их повторной явке на сборные пункты 18 ноября 1944 г. Бывших солдат и офицеров венгерской армии должны были немедленно задержать, а остальных военнообязанных, проживающих на территории Закарпатской Украины, «отдельными командами при списках под конвоем направлять на пункты военнопленных». Списки таких лиц передавались отделам СМЕРШ и разведывательным органам пограничных частей охраны тыла фронта. На время проведения операции в Перечине и Хусте дополнительно организовывались два пункта по приему «военнопленных».

В этот же день приказом № 2 военного коменданта города Ужгорода устанавливались четкие определения «регистрации» – ежедневно с 9:00 до 19:00. Определялся и последний день регистрации – 16 ноября 1944 г. Приказ был отпечатан типографским способом для ознакомления с ним закарпатских венгров. Последний пункт приказа гласил: «Всех уклонившихся от регистрации задерживать и привлекать к ответственности по законам военного времени» [Там же. С. 387].

В листовках, расклеенных в венгерских селах Бережской жупы, отмечалось, что военнообязанные в определенное время должны были появиться для переписи. Их сначала отпустили домой, для того чтобы они запаслись одеждой и продуктами «на три дня», приказав снова прийти 18 ноября 1944 г. 19 ноября 1944 г. всех мужчин пешком переправили в сваявский лагерь, где они пробыли почти два месяца.

Количественный учет и настроения венгерского населения края постоянно находились на контроле органов НКВД. Так, в оперативных сводках начальника войск НКВД по охране тыла 4-го Украинского фронта генерал-майора Фадеева и начальника штаба полковника Босого от 14 ноября 1944 г. отмечалось: «мадьярское население Береговая, Севлюша (сегодня – Виноградово) и др. проявляет себя враждебно, а подчас и провокационно» [17. С. 134–135]. В этот же день руководитель венгерской оперативной группы Г. Ольднер в докладной записке «О настроениях венгерского населения» оценивал выход из этой ситуации следующим образом: «а) самыми решительными мерами обезвредить скрывающихся под любым видом венгерских фашистов; б) не отказываться от работы среди венгерского населения. Почва для работы с этой точки зрения очень благоприятная. Но отсутствие работы среди населения заметно портит ее. В частности, предлагаю разрешить распространение венгерской газеты “Мадьяр Уйшаг” и среди местного населения, причем возможен и такой вариант, что часть тиража для венгерского населения Закарпатской Украины печатать с конфигурацией некоторых статей» [Там же. С. 136–137].

Исполнение постановления № 0036 военного совета 4-го Украинского фронта строго контролировалось. Так называемая регистрация всех солдат и офицеров немецкой и венгерской национальности проводилась в 16 комендатурах Закарпатской Украины: Ужгороде, Мукачево, Берегово, Береги, Хусте, Вилоке, Севлюше, Батеве, Драгове, Перечине, Порошкове, Поляне, Сваляве, Середнем, Малом Березном, Великом Березном. Для «обеспечения порядка, охраны и конвоирования» в распоряжение военных комендантов выделялось необходимое количество вооруженных пограничников.

Всего за три дня, с 14 по 16 ноября 1944 г., было «зарегистрировано»: офицеров – 308 (из них 215 венгров), солдат 9 820 (5 801 венгр, 50 немцев), военнообязанных – 4 893 (4 820 венгров, 63 немца), полицейских и жандармов – 303 (203 венгра, 2 немца). С 18 по

21 ноября на повторную регистрацию явились и были направлены в лагеря военнопленных 9 291 человек. Из них: 139 офицеров (125 венгров и 9 немцев); 4 881 солдат (4 444 венгра и 19 немцев); 96 жандармов и полицейских (84 венгра и 1 немец); 4 175 военнообязанных (4 147 венгров и 28 немцев). Как видим, значительное количество зарегистрированных лиц венгерской и немецкой национальности, предчувствуя опасность, не явилось на сборные пункты во второй раз. К примеру, в Севлюше должно было явиться 1 239 таких лиц, пришли и были отправлены в пункты военнопленных 133, в с. Береги из 543 записанных в списки пришли 308, в Мукачево вместо 1 858 явились 660. По этому поводу начальник войск НКВД СССР по охране тыла 4-го Украинского фронта генерал-майор Фадеев докладывал: «В целях задержания указанной категории лиц, производились облавы, осмотр жилых домов, оврагов, лесных массивов, заброшенных зданий и др. мест, где мог бы укрываться преступный элемент. Так – в ночь с 18 на 19.11. проведенной облавой силами 92-го погранполка и 112-й отдельной маневренной группой задержаны в гор. Ужгород 177 человек, из коих – 44 немца, 43 мадьяра, отправлено на фильтрацию в КРО “Смерш” – 16 и освобождено – 84 человека. Операция по изъятию и задержанию лиц немецкой и венгерской национальности, не явившихся на повторную регистрацию – продолжается» [17. С. 146–147].

В конце ноября 1944 г. венгров-мужчин начали забирать в населенных пунктах Верхнетисянского края, Ужгорода и его окрестностей. В декабре 1944 г. было депортировано трудоспособное мужское население из сел, расположенных к юго-западу от Ужгорода: Тийглаш, Малые Ратовцы, Великие Ратовцы, Сюрте, Паладь (Паладь-Комаровцы), Малые Селменцы и переданных позже Чехословакии Великие Селменцы [9. С. 289].

«Всего за период с 18.11 по 16. 12. с.г. (1944 г. – В.М.) войсками НКВД по охране тыла задержан и направлен на пункты военнопленных – 22 951 человек, из них: солдат, сержантов и офицеров – 14 202; военнообязанных немецкой и венгерской национальности – 8 564; жандармов и полицейских – 185», – говорилось в итоговой информации от 17 декабря 1944 г., подготовленной командующему войсками 4-го Украинского фронта И. Петрову [17. С. 166].

Декреты НРЗУ также способствовали выявлению «врагов народа». Вместе с созданием 18 декабря 1944 г. специального суда и следственной комиссии при НРЗУ начала осуществляться и советская система наказаний. Ее главными задачами, как писал И. Евсеев, были подавление сопротивления свергнутых эксплуататорских классов, ликвидация фашистских агентов – украинских буржуазных националистов, которые якобы обманым путем пробрались в руководящие органы народной власти [19. С. 112]. Специальный суд имел достаточно широкие полномочия и был призван «лишить силы все законы и распоряжения венгерского и оккупационных

правительств». Главной его задачей стало наказание «предателей и их помощников граждан Закарпатской Украины, которые своими действиями укрепляли оккупационный режим, в ущерб своему народу», «тайных агентов венгерских и немецких органов», «кто, саботируют действия Народного Совета Закарпатской Украины и которые проводят агитацию и пропаганду, направленные против нашей спасительницы – Красной Армии», а также «все уголовные преступления, рассмотрение которых в Специальном суде будет признано нужным» [20. С. 15–16].

Декрет НРЗУ от 12 января 1945 г. был направлен на выселение «за пределы государства» (Закарпатской Украины. – В.М.) «сейкельских сторожей» (сторожевой службы, задачей которой во времена венгерского режима была охрана путей, объектов, строительства «линии Арпада»). В нем говорилось: «Секелские дорожные стражи размещены венгерско-фашистским правительством на территории Закарпатской Украины с целью ее колонизации антиславянскими элементами, подлежат немедленному выселению за государственные границы вместе с их семьями» [21. С. 2].

И все же части интернированных удалось освободиться из лагеря г. Свалява. Об этом свидетельствует письмо начальника отдела НКВД по делам военнопленных при начальнике тыла 4-го Украинского фронта майора госбезопасности Мочалова, адресованное начальнику СПВ № 2 капитану Ермилову, от 1 января 1945 г., в котором определялись группы интернированных, подлежащих освобождению как ошибочно задержанные, а именно:

«а) русины, украинцы, чехи, словаки, евреи, не служившие в жандармерии, полиции и др. карательных органах, в т.ч. и служившие в венгерской армии, но не в чине офицеров;

б) интернированные старше 45 лет всех национальностей, или инвалиды, которые по заключению врача не могут следовать в тыл, не имеющие офицерского чина и не служившие в жандармерии, полиции и др. карательных органах;

в) интернированные венгерской национальности, состоявшие в коммунистической партии (по свидетельству ЦК компартии Закарпатской Украины)» [22. С. 140]. Также подлежали освобождению 43 интернированных рабочих венгерской национальности, которые работали в Солотвинских соляных шахтах.

Однако «военнообязанных», сконцентрированных в основном в СПВ № 2 г. Свалявы, большинство из которых составляли венгры, постигла тяжелая участь. На 19 ноября 1944 г. здесь было заключено 5 430 человек, которые использовались на восстановлении железной дороги Воловец – Мукачево. Об условиях пребывания в Свалявском лагере можно узнать из докладной записки начальника отдела НКВД СССР по делам военнопленных при начальнике штаба 4-го Украинского фронта майора госбезопасности Мочалова заместителю начальника УПВИ НКВД полков-

нику Воронову, датированной 4 января 1945 г.: «На протяжении 6 недель до 3 тыс. военнопленных вышли из строя, значительная часть которых возвращена лагерю в чрезмерно истощенном состоянии, в рваной, непригодной к носке обуви. Среди военнопленных, используемых на работах, наблюдается высокая смертность» [17. С. 188].

В декабре 1944 г. – январе 1945 г. часть из них переправили по железной дороге в Самбор, а остальных – в лагерь Турки и Стрия, а оттуда – в глубь СССР. Тяжелой выдалась дорога интернированных. «19.12.44 года начальником конвоя 45 железнодорожной строительной бригады капитаном Боровковым сопровождался поезд на железнодорожную станцию города Самбор для сдачи в ФППЛ № 22 военнопленных и интернированных численностью свыше 600 чел. В пути следования умерло 6 чел., трупы которых были выброшены на железнодорожное полотно. Из 610 чел., привезенных в лагерь, 15 чел. умерло у ворот и 9 чел. умерло в день сдачи в спецгоспиталь 2149. 180 больных сразу же помещены в лазарет», – отчитывается майор Мочалов [Там же].

Из 11 071 интернированного, которые по состоянию на 16 января 1945 г. находились на сборных пунктах Самбора, Свалявы, Снины, Перечина, Чергова на работах по восстановлению железной дороги, 9 072 составляли венгры [Там же. С. 210].

Вторая волна арестов началась с введением в действие приказа НКВД № 0016 от 11 января 1945 г., который, по информации А. Корсуна, сохраняется в Государственном архиве Российской Федерации на специальном режиме хранения и недоступен для широкого круга исследователей. Однако определенную завесу над его содержанием открывают нам документы, которые ссылаются на этот приказ. Так, из «Выписки из сведений о движении арестованных» по приказу НКВД № 0016 от 11 января 1945 г. ФППЛ № 22 г. Самбор узнаем, что сюда уже 19 января 1945 г. стали поступать первые арестованные – 91 человек (из них 44 – венгры), в ППВ Перечин – 43, СПВ № 3 (Снина) – 48 человек. На 15 февраля 1945 г. в этих перевалочных лагерях находились 495 человек. Только с 15 по 17 февраля 1945 г. поступили 1 274, выбыли 1 260 (в «тыловые лагеря» – 1 202, госпитали – 50, освобождены – 8) [Там же. С. 221, 224]. Всего через этот лагерь в указанный период прошли 2 378 человек.

Матери и жены, которые остались одинокими, писали многочисленные письма в различные инстанции с просьбой освободить своих родственников. Так, 26 декабря 1944 г. жительница г. Берегово Этель Шимон ходатайствовала перед Береговским военкомом об освобождении своего мужа: «Мой 49-летний мужчина Дом Августин 19 июня 1942 г. из-за своей коммунистической деятельности был арестован и 4 месяца сидел в тюрьме. После этого целый год был под полицейским надзором. В тюрьме он заболел» [23. Л. 6]. Об освобождении своего сына 18-летнего Юлия Надаи из лагеря военнопленных в г. Сваляве просила жительница г. Мукачево Ю. Надаи: «Мой сын является украинской национально-

сти, и родной язык у него украинский, о чем свидетельствует его метрика. Образование получил в украинских школах и его отец украинского происхождения. Не был членом ни одной политической партии и политикой никогда не занимался» [24. Л. 9].

Некоторые попытки защитить венгров, верных коммунистическим идеалам, делало и руководство коммунистической партии Закарпатской Украины (КПЗУ). В Государственном архиве Закарпатской области находим «Списки» таких лиц [23, 25]. Здесь же сохраняются обращения местных народных комитетов с просьбой об освобождении отдельных лиц венгерской национальности, которые долгое время проживали в мире и взаимопонимании с жителями городов или сел. К примеру, народный комитет г. Волове (ныне Межгорье) выдал «правительственное удостоверение», в котором говорилось: «Местный Народный Комитет города Волового этим заверяет, что Иосиф Киш профессиональный учитель и засвидетельствованный правлением горожанской школы (тип учебного заведения) в Воловом. Во время своего быта в городке Волове всегда служил лишь интересам народа и государства, ничем не провинился – его поведение всегда было безупречно. Вследствие этого Народный Комитет просит компетентные власти освободить задержанного» [24. Л. 1].

Таковыми обращениями занимались и руководители местных общин. Например, старосты сел Вешковец (ныне Словакия), Палло (Павлово) обратились с письмом к Будапештской комиссии союзников из перемирия и ходатайствовали об освобождении 44 депортированных своих односельчан. Народный комитет села Береги Береговского округа обратился к уполномоченному НРЗУ с просьбой освободить своих земляков из лагеря в Сваляве (44 человека) и Самборе (36 человек): «Мы, нижеподписавшиеся граждане, просим Вашей помощи освободить этих людей, отпустить их нам на поруки, в чем есть необходимость и для нас, и для государства нашего», – писали береговчане, засвидетельствовавшие свою подпись в окружном секретариате компартии [17. С. 231]. И хотя руководство НРЗУ и лично И. Туряница в пределах своих полномочий пытался освободить закарпатских венгров, большинство интернированных все же прошли ад ГУЛАГа.

Т. Шторк приводит отрывок из коллективного письма вышковцев от 28 февраля 1945 г. венгерскому премьер-министру Миклошу Бейли Далноки с просьбой о помощи освободить своих венгров-земляков: «В Вышкове 27 ноября 1944 г. почти всех венгерских мужчин в возрасте 18–50 лет повезли в российские лагерь. От выполнения повинностей венгры Вышкова никогда не отказывались, поэтому и сейчас явились на место сбора. Дома репрессированных мужчин в очень сложных условиях заменяют слабые женщины и дети, которые надеются на скорое свидание. Но с тех пор, как несколько освобожденных, похожих скорее на живых трупов, принесли вест из лагерных списков – ти-

хое ожидание изменилось в ужасное беспокойство и отчаяние. Несколько 45–50-летних мужчин вернулись неужоженными, в убогой одежде, с таким состоянием здоровья, что сейчас все они лежат больные и может уже никогда не станут здоровыми. Если они в течение семи недель в России настолько истощились, что может случиться с теми, кто находится там уже три месяца без одежды, нормального человеческого питания, обогрева, медикаментов и врача?» [9. С. 289].

В последнее время предпринимаются попытки со стороны представителей венгерского национального меньшинства Закарпатья на государственном уровне осудить те преступления, которые совершались по отношению к венграм и немцам в 40–50-х гг. XX в. Об этом говорится в проекте постановления № 4690 от 11 апреля 2014 г., поданном в Верховную Раду Украины. Целью проекта постановления является выражение сочувствия жертвам необоснованных репрессий, их родным и близким, а также гарантия народу Украины, что права человека и законность будут строго соблюдаться. Согласно проекту постановления его автор И. Гайдош предлагает Раде признать преступным характер и осудить репрессии, которые претерпело гражданское население Закарпатья венгерской и немецкой национальностей в результате неправомерных действий органов власти Советского Союза во время Второй мировой войны и в послевоенное время, в результате чего люди, единственной виной которых была их национальная принадлежность, без решений судебных органов были лишены свободы, содержались в нечеловеческих условиях, подвергались пыткам и лишались жизни [26].

По приблизительным подсчетам, число репрессированных в Закарпатье венгров и немцев составляет от 25 [7. С. 122] до 30–50 тысяч, тогда как число погибших в советских лагерях закарпатских венгров близко к 10–16 тысячам человек [9. С. 290]. Это в основном были

«военнопленные» венгры-мужчины в возрасте от 18 до 50 лет. При этом совсем не учитывали то, что значительная часть репрессированных никогда не служили в венгерской армии, которая во Второй мировой войне вела боевые действия против вооруженных сил СССР.

Итак, период Закарпатской Украины 1944–1945 гг. был чрезвычайно сложным в истории Закарпатья. В октябре 1944 г. край был освобожден Красной армией от немецко-венгерских захватчиков, в ноябре начинается процесс воссоединения Закарпатской Украины с Советской Украиной. Вместе с тем в Закарпатье, в условиях присутствия советских войск, начинается превентивная советизация края. В отношении ко всем неугодным фронтовыми войсками НКВС и органами военной контрразведки «СМЕРШ» к различным категориям населения проявляются политическое недоверие и преследование по национальному принципу.

Венгерское меньшинство края пережило очень сложный период политического, идеологического и национального давления. Венгры и немцы Закарпатья подверглись репрессиям по этническому признаку, которые продолжались в течение целого послевоенного десятилетия. Все это делалось для «нейтрализации» венгерского национального меньшинства и скорейшей советизации Закарпатья. Советское правительство умышленно преувеличивало возможность организованного сопротивления со стороны венгерского и немецкого национального меньшинства. Все это дало возможность органам НКВД создать атмосферу страха, национальной розни, повиновения новой власти. Можем утверждать, что против закарпатских венгров был применен принцип «коллективной вины», а следовательно, и «коллективной ответственности». Дискриминационные меры со стороны советских властей в значительной мере вызвали серьезное замедление прироста венгерского населения в Закарпатье в последующие годы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гроздова И.Н. Этническая специфика венгров Закарпатья // Карпатский сборник. М. : Наука, 1972. С. 95–107.
2. Макара М. Національна політика народної влади // Нариси історії Закарпаття. Т. II (1918–1945) / Редколегія: І. Гранчак, Е. Балагурі, І. Грицак, В. Ілько, І. Поп: історія. Ужгород : Закарпаття, 1995. С. 664–652.
3. Макара М.П. Закарпатська Україна: шлях до возз'єднання, досвід розвитку (жовтень 1944 – січень 1946 рр.). Ужгород, 1995. С. 91–100.
4. Малець О. Етнічні процеси на Закарпатті після встановлення радянської влади (липень 1945–1950 рр.) // Carpatica-Карпатика. Проблеми вітчизняної та зарубіжної історії. Ужгород, 2001. Вип. 12. С. 201–218.
5. Малець О.О. Етнічні процеси угорців Закарпаття в 40–80 рр. XX ст. // Carpatica-Карпатика. Актуальні проблеми історії та етнології. Ужгород, 2003. Вип. 23. С. 293–302.
6. Малець О.О. Етнополітичні та етнокультурні процеси на Закарпатті 40–80-х рр. XX ст. : автореф. дис. ... канд. іст. наук. Львів, 2003. 20 с.
7. Малець О.О. Етнополітичні та етнокультурні процеси на Закарпатті 40–80-х рр. XX ст. Ужгород, 2004. 188 с.
8. Офіційський Р. Етнічні чистки // Закарпаття 1919–2009 років: історія, політика, культура. Ужгород : Ліра, 2010. С. 284–286.
9. Шторк Т. Примусові роботи // Закарпаття 1919–2009 років: історія, політика, культура. Ужгород : Ліра, 2010. С. 286–290.
10. Bognár Zsolt. Malenkij robot, avagy a polgári lakosság tömeges elhurcolása Magyarországról szovjet fogságba 1944–1945-ben. In: Háború, hadsereg, összeomlás, Magyarország katonai részvétele és szerepe a második világháborúban. Budapest, Zrínyi, 2005. 181–190 old.
11. Tóth Gábor. „Eltávolítás haladéktalanul végrehajtandó”. Deportálások Kárpátján a második világháború idején. KMM-FÜZETEK, 2009. Ungvár. 41 old. URL: <http://www.mek.oszk.hu/12500/12547/12547.pdf> (дата обращения: 13.11.2016).
12. Dupka Gyorgy. Genocide the tragedy of the Hungarians of Transcarpathia...They were born Hunqarian: that was their only crime! A book of recollection of the victims of stalinism in Transcarpathia (1944–1946) Edited by Dupka Gyorgy. URL: http://www.hunsor.se/dosszie/hungarian_genocide_in_transcarpathia.pdf (дата обращения: 13.11.2016).
13. Dupka György. Egyetlen bűnünk magyarságunk volt (Emlékkönyv a sztálinizmus kárpátjai áldozatairól 1944–1946). Kárpátjai Magyar Könyvek, 9. Ungvár-Budapest, 1993., 328 old.

14. Dupka György. A mi golgotánk. A kollektív bűnösség elvének alkalmazása a kárpátaljai magyarokkal és németekkel szemben. (A 4. Ukrán Front Katonai Tanácsa határozatainak végrehajtása az NKVD jelentések tükrében, 1944–1946). (Előszó: dr. Tóth Mihály. Utószó: Alekszej Korszun történész). Szolvyai Emlékparkbizottság – Intermix Kiadó. Kárpátaljai Magyar Könyvek, 215. Intermix Kiadó, Ungvár-Budapest, 2012. 376. old. URL: http://www.kmmi.org.ua/books?menu_id=9&submenu_id=26&book_id=380 (дата обращения: 13.11.2016).
15. Dupka György. A kollektív bűnösség elvének alkalmazása a kárpátaljai magyarokkal és németekkel szemben, a 4. Ukrán Front Katonai Tanácsa határozatainak végrehajtása az NKVD-jelentések tükrében, 1944–1946. Doktori (PhD) értekezés. Budapest, 2014. 428 old. URL: <http://mek.oszk.hu/13300/13340/13340.pdf> (дата обращения: 13.11.2016).
16. György Dupka, Alekszej Korszun. A „malenykij robot” dokumentumokban. Előszó: Tóth Mihály, Ukrajna Legfelső Tanácsának képviselője, a Szolvyai Emlékparkbizottság elnöke. Kárpátaljai Magyar Könyvek 83. köt. Ungvár-Budapest, Intermix Kiadó, 1997, 163. old.
17. Закарпатські угорці і німці: інтернування та депортаційні процеси. 1944–1955 рр. Архівні документи і матеріали / Упорядник О. Корсун. Ужгород: Карпати, 2012. 778 с.
18. Поп І. Homo totalitaricus. Історія Закарпаття: критичні роздуми // Карпатський край. 1996. № 5–7 (114).
19. Евсеев И.Ф. Народные комитеты Закарпатской Украины – органы государственной власти (1944–1945 гг.). М., 1954.
20. Вісник Народної Ради Закарпатської України (далее Вісник НРЗУ). 1944. 30 грудня. С. 15–16.
21. Вісник НРЗУ. 1945. 15 січня. С. 2–3.
22. Возз'єднання. Збірник архівних документів і матеріалів (травень 1944 – січень 1946 рр.) про возз'єднання Закарпатської України з Радянською Україною. Ужгород, 2000.
23. Государственный архив Закарпатской области (далее – ГАЗО). Ф. Р-14. Оп. 1. Д. 50.
24. ГАЗО. Ф. Р-14. Оп. 1. Д. 51.
25. ГАЗО. Ф. Р-14. Оп. 1. Д. 8.
26. Проект Постанови про визнання та засудження репресій органів радянської військової адміністрації, здійснених проти угорців та німців Закарпаття під час Другої світової війни та у повоєнний час. URL: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=50633 (дата об'рашення: 17.11.2016).

Mischanyin Vasyil V. Uzhgorod National University (Uzhgorod, Ukraine). E-mail: mistschanyn@mail.ru

INTERNMENT AND DEPORTATION OF THE TRANSCARPATHIAN HUNGARIANS IN CONDITIONS OF SOVIET POWER (1944–1946).

Keywords: Transcarpathian Hungarians; internment; deportation; persecution; USSR.

The article deals with the difficult fate of the Transcarpathian Hungarians at the final stage of the World War II and the first years of Soviet Transcarpathia. In 1944 Hungary, as a country ally of Nazi Germany, became a place of mass deportations. The same applies to Hungarian population living outside the official borders of Hungary. This is the Transcarpathian Hungarians who suffered a similar fate. The task of the Soviet Union - the country-victor of the war, became not the destruction of the deported, and acquisition of workforce. Soviet leaders since the war tried to use prisoners of war and civilian population of the occupied territories as it gratuitous labor. Since November 1944 the Hungarian and German minorities of the region endured difficult times of national, political, and ideological pressures suffered persecution on ethnic grounds. The purpose of our article is to clarify the causes, forms, methods, and the main consequences of deportations of the Hungarian population from the territory of the Transcarpathia in the POW (prisoners of war) camps. To analyze the actions of the military authorities of the 4th Ukrainian Front, in this case, the position of local authorities, rural communities. Based on the works of Ukrainian scientists, Hungarian and Hungarian-speaking authors published in the post-Soviet period, the author tried to analyze the Soviet policy towards the Hungarian minority. Recently, researchers have engaged in publication of previously inaccessible documents, which largely filled the lack of sources. Among the pioneers in this business we call A. Korsun and G. Dupka. The beginning of deportations of Transcarpathian Hungarians became the ruling military council of the 4th Ukrainian Front on 13 November 1944 number 0036 which was supposed “to register for military service all persons aged 18 to 50 years of German and Hungarian nationality residing currently on the liberated territory of Transcarpathian Ukraine...”. In most Hungarian settlements repression began in mid-November 1944. First, “military service” were gathered in Camp of Svalyava town where they were kept for two months, then were transported by train to camps of the cities Sambor, Turka, Stryi, and then – were taken deep into USSR. According to various estimates in Soviet POW camps were sent from 25 to 30–50 thousand Transcarpathian Hungarians men aged from 18 to 50 years. This does not take into account the fact that much of the repressed never served in the Hungarian army, which during World War II led operations against the armed forces of the USSR. We can state that the deportations were carried out for ethnic acquaint. This, in the opinion of the Soviet government was to “neutralize” compact living Hungarian National Minorities in the shortest possible time to carry out activities on the Sovietization of the Transcarpathia.

REFERENCES

1. Grozdova, I.N. (1972) Etnicheskaya spetsifika vengrov Zakarpatt'ya [Ethnic specificity of Hungarians in Transcarpathia]. In: Bromley, yu. V. (ed.) *Karpatskiy sbornik* [The Carpathian Collection]. Moscow: Nauka. pp. 95–107.
2. Makara, M. (1995a) Natsional'na politika narodnoï vladi [National olicy of the popular power]. In: Granchak, I., Balaguri, E., Gritsak, I., Ilko, V. & Pop, I. (eds) *Narisi istorii Zakarpatt'ya* [Essays on the History of Transcarpathia]. Vol. 2. Uzhgorod: Zakarpatt'ya. pp. 664–652.
3. Makara, M.P. (1995b) *Zakarpats'ka Ukraïna: shlyakh do vozz'ednannya, dosvid rozvitku (zhovten' 1944 – sichen' 1946 rr.)* [Transcarpathian Ukraine: The path to reunification of experience (October 1944 – January 1946)]. Uzhgorod: Patent. pp. 91–100.
4. Malets, O. (2001) Etnichni protsesi na Zakarpatti pislya vstanovlennya radyans'koi vladi (lipen' 1945–1950 rr.) [Ethnic processes in Transcarpathia after the Soviet regime restoration (July 1945 – 1950)]. *Carpatica*. 12. pp. 201–218.
5. Malets, O.O. (2003a) Etnichni protsesi ugotorsiv Zakarpatt'ya v 40–80 rr. XX st. [Ethnic Hungarians in Transcarpathia 1940–1980s]. *Carpatica*. 23. pp. 293–302.
6. Malets, O.O. (2003b) *Etnopolitichni ta etnokul'turni protsesi na Zakarpatti 40–80-kh rr. XX st.* [Ethnopolitical and ethnocultural processes in Transcarpathia in 1940–1980s]. Abstract of History Cand. Diss. Lviv.
7. Malets, O.O. (2004) *Etnopolitichni ta etnokul'turni protsesi na Zakarpatti 40–80-kh rr. XX st.* [Ethnopolitical and ethnocultural processes in Transcarpathia in 1940–1980s]. Uzhgorod: Uzhgorod National University.
8. Ofitsinskiy, R. (2010) Etnichni chistki [ethnic cleansing]. In: Vegesh, M. & Fedinets, Ch. (eds) *Zakarpatt'ya 1919–2009 rokiv: istoriya, politika, kul'tura* [Transcarpathia in 1919–2009: History, politics and culture]. Uzhgorod: Lira. pp. 284–286.
9. Shtork, T. (2010) Primusovi roboti [Forced labour]. In: Vegesh, M. & Fedinets, Ch. (eds) *Zakarpatt'ya 1919–2009 rokiv: istoriya, politika, kul'tura* [Transcarpathia in 1919–2009: History, politics and culture]. Uzhgorod: Lira. pp. 286–290.

10. Bogner, Z. (2005) Malenkij robot, avagy a polgári lakosság tömeges elhurcolása Magyarországról szovjet fogságba 1944–1945-ben. [The forced labour of Hungarians in the Soviet Union], or mass deportation of the civilian population in Soviet captivity Hungary in 1944–1945]. In: György, M. (ed.) *Háború, hadsereg, összeomlás, Magyarország katonai részvétele és szerepe a második világháborúban* [War, military, crash, Hungary and the role of military involvement in WWII]. Budapest: Zrínyi. pp. 181–190.
11. Tóth, G. (2009) “Eltávolítás haladéktalanul végrehajtandó”. *Deportálások Kárpátalján a második világháború idején* [“Eltávolítás haladéktalanul végrehajtandó”. Transcarpathia deportations during WWII]. [Online] Available from: <http://www.mek.oszk.hu/12500/12547/12547.pdf>. (Accessed: 13th November 2016).
12. Dupka, G. (ed.) (1993) *Genocide: The tragedy of the Hungarians of Transcarpathia... They were born Hungarian: that was their only crime! A book of recollection of the victims of Stalinism in Transcarpathia (1944–1946)*. [Online] Available from: http://www.hunsor.se/dosszie/hungarian_genocide_in_transcarpathia.pdf (Accessed: 13th November 2016).
13. Dupka, G. (1993) Egyetlen bűnünk magyarságunk volt (Emlékkönyv a sztálinizmus kárpátaljai áldozatairól 1944–1946) [Hungary was one of our sin (Stalinism victims in Transcarpathian 1944–1946)]. *Kárpátaljai Magyar Könyvek*. 9.
14. Dupka, G. (2012) A mi golgotánk. A kollektív bűnösség elvének alkalmazása a kárpátaljai magyarokkal és németekkel szemben. (A 4. Ukrán Front Katonai Tanácsa határozatainak végrehajtása az NKVD jelentések tükrében, 1944–1946) [Our Golgotha. Application of the principle of collective guilt against the Transcarpathian Hungarians and Germans. (Implementation of the 4th Ukrainian Front Military Council decisions in the light of the NKVD reports, 1944–1946)]. *Kárpátaljai Magyar Könyvek*. 215. [Online] Available from: http://www.kmmi.org.ua/books?menu_id=9&submenu_id=26&book_id=380. (Accessed: 13th November 2016).
15. Dupka, G. (2014) *A kollektív bűnösség elvének alkalmazása a kárpátaljai magyarokkal és németekkel szemben, a 4. Ukrán Front Katonai Tanácsa határozatainak végrehajtása az NKVD-jelentések tükrében, 1944–1946* [Application of the principle of collective guilt against the Transcarpathian Hungarians and Germans, 4. Ukrán implementation of the Front Military Council decisions in the light of the NKVD reports, 1944–1946]. PhD Thesis. Budapest. [Online] Available from: <http://mek.oszk.hu/13300/13340/13340.pdf>. (Accessed: 13th November 2016).
16. Dupka, G. & Korszun, A. A “malenykij robot” dokumentumokban [The “malenykij robot” (forced labour of Hungarians in the Soviet Union) documents]. *Kárpátaljai Magyar Könyvek*. 83.
17. Korsun, O. (ed.) (2012) *Zakarpats'ki ugorsti i nimtsi: internuvannya ta deportatsiyni protsesi. 1944–1955 rr. Arkhivni dokumenti i materialy* [Transcarpathian Hungarians and Germans, internment and deportation processes. 1944–1955]. Uzhgorod: Karpati.
18. Pop, I. (1996) Homo totalitaricus. Istoriya Zakarpattya: kritichni rozdumi [Homo totalitaricus. History of Transcarpathia: critical thinking]. *Karpats'kiy kray*. 5–7 (114).
19. Evseev, I.F. (1954) *Narodnye komitety Zakarpatskoy Ukrainy – organy gosudarstvennoy vlasti (1944–1945 gg.)* [People's Committees of the Transcarpathian Ukraine - Government bodies (1944–1945)]. Moscow: Gosyurizdat.
20. *Visnik Narodnoï Radi Zakarpats'koï Ukraïni*. (1944) 30th December. pp. 15–16.
21. *Visnik Narodnoï Radi Zakarpats'koï Ukraïni*. (1945). 15th January. pp. 2–3.
22. Dovganich, O.D., Sheket, A.M. & Delekan, M.V. (eds) (2000) *Vozz'ednannya. Zbirnik arkhivnikh dokumentiv i materialiv (traven' 1944 – sichen' 1946 rr.) pro vozz'ednannya Zakarpats'koï Ukraïni z Radyans'koy Ukraïnoyu* [Reunion. The collection of archival documents and materials (May 1944 – January 1946) on the reunification of Transcarpathian Ukraine with the Soviet Ukraine]. Uzhgorod: Zakarpattya.
23. The State Archives of Transcarpathian Region (GAZO). Fund R-14. List 1. File 50.
24. The State Archives of Transcarpathian Region (GAZO). Fund R-14. List 1. File 51.
25. The State Archives of Transcarpathian Region (GAZO). Fund R-14. List 1. File 8.
26. Ukraine. (n.d.) *Proekt Postanovi pro viznannya ta zasudzhennya represiy organiv radyans'koï viys'kovoï administratsii, zdiysnenikh proti ugortsiv ta nimtsiv Zakarpattya pid chas Drugoi svitovoï viyni ta u povoennyi chas* [The draft resolution on the recognition and condemnation of the repression of the Soviet military administration committed against Germans and Hungarians in Transcarpathia during the Second World War and in the postwar period]. [Online] Available from: http://w1.c1.rada.gov.ua/pls/zweb2/webproc4_1?pf3511=50633. (Accessed: 17th November 2016).

УДК 94:314 (574) «1917/1991»

DOI: 10.17223/19988613/46/7

К.К. Абдрахманова

ОСОБЕННОСТИ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ В ГОРОДСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАЗАХСТАНА В 1950–1970-е гг.

На основе анализа впервые вводимых в научный оборот архивных документов, а также материалов интервью анализируется уровень развития системы общественного питания Центрального Казахстана в 1950–1970-е гг. Проведен комплексный анализ культуры питания, а также степени удовлетворенности населения качеством обслуживания в ресторанах, кафе и столовых. Выявлены основные проблемы, с которыми сталкивалось население региона: неполный ассортимент блюд, дороговизна, анти-санитария. Весьма интересно было проанализировать структуру и рацион питания, дефицит продуктов питания и т.д.

Ключевые слова: история повседневности; городская повседневность; Центральный Казахстан; рацион питания; общественное питание.

Изменение общественно-политической ситуации и экономический рост со второй половины 1950-х гг. оказали существенное влияние на развитие всей сферы торгового обслуживания, в том числе и советского общепита. После сталинского периода пришла «оттепель» и в потреблении: советские и партийные органы наконец-то признали советского человека полноценным потребителем, который должен был получать разнообразную, вкусную и обильную пищу.

Директивные партийные документы пестрели планами, где предусматривалось увеличение сети общественного питания за пять лет не менее, чем на 50% [1–2]. Начиная с 1950-х гг., как отмечают исследователи О. Запорожец и Я. Крупец, главным принципом организации системы общественного питания стало активное использование научных теорий [3]. Обращение к науке как основному источнику знаний о правильном и здоровом питании можно наблюдать везде: от постановлений ЦК КПСС до кулинарных книг, где цитировались высказывания академика Павлова: «Нормальная и полезная еда есть еда с аппетитом, еда с испытываемым наслаждением» [Там же. С. 319].

Основным принципом в советском общественном питании становится соблюдение гигиены и санитарии, для чего велась активная пропаганда: «Мыть руки перед едой, есть на белых скатертях, мыть посуду» и т.д. Или: «Безукоризненная чистота и опрятность в кухне – важнейшее условие, от выполнения которого в значительной мере зависит качество приготовляемой пищи» [Там же. С. 320].

В целом следует отметить, что в 1950-е гг. происходит новое осмысление значений слов «здоровье» и «качество пищи». Если ранее под здоровьем понимали только отсутствие болезни, то теперь – это гармоничное, сбалансированное, правильное развитие организма. В книге «Кулинария за 1955 год» подчеркивается: «Чтобы быть здоровой, пища должна содержать в должной пропорции все питательные вещества, необ-

ходимые человеку для его жизнедеятельности и нормального развития» [Там же].

Эти тенденции стали отражаться в структуре выпускаемых блюд. В частности, в ресторанах Карагандинской области на первом месте находились мясные блюда (21%), затем овощные (7%) и рыбные (6%). Крупяные и мучные изделия составляли – 10%, сладкие изделия – 11%, холодные закуски – 15% [4. Д. 1488. Л. 417–418]. Однако провозглашенные принципы нередко оказывались чрезвычайно далекими от повседневной жизни. Безусловно, разнообразие питания можно было отследить в меню, но реально выбор блюд был ограничен двумя-тремя стандартными видами: «В меню одно, а подают другое...» [Там же. Д. 1945. Л. 230].

К концу 1950-х гг. проблему питания трудящихся решали разнообразные учреждения общепита: столовые, закусочные, кафе и рестораны. Функции каждого заведения общественного питания были четко прописаны. Столовые и закусочные были призваны «обеспечить нормальную работу социалистической промышленности и сельского хозяйства» [2], предоставляя работникам возможность перекусить в обеденный перерыв. Кафе предназначались для отдыха после работы, «чтения газет и журналов, легкого ужина и чашечки кофе» [3. С. 324], а рестораны – для дегустации изысканных блюд, а также для «развлечений и празднований знаменательных дат или семейных событий» [Там же].

Города Центрального Казахстана не были исключением из общего правила. В основном сеть общественного питания находилась в ведении Карагандинского треста столовых и ресторанов. В 1957 г. в системе треста столовых и ресторанов состояли 10 хозяйственных предприятий. С 1 января 1958 г. предприятия общественного питания города Темиртау в связи с реорганизацией были переданы системе Темиртауского Горсмешторга [5. Д. 202. Л. 82]. В 1958 г. в Темиртау были открыты ресторан № 4 и две столовые на 100 по-

садочных мест, павильон-пельменная на 24 посадочных места, столовая на вещевом рынке на 80 посадочных мест, 4 буфета [5. Д. 202. Л. 83]; в г. Балхаше – 2 столовые и 1 буфет; в городе Джезказгане – 2 столовые [5. Д. 201. Л. 105].

По состоянию на 1 января 1959 г. в Караганде функционировали 22 ресторана и столовые, тогда как в конце 1960 г. – 26 на 1494 посадочных места [4. Д. 1488. Л. 416]. Закусочные и буфеты работали при промышленных организациях, и их количество в 1960 г. составило 66 точек на 586 мест [Там же. Л. 417]. С 1959 г. при диетической столовой (единственной на весь город) была организована продажа кондитерских изделий и полуфабрикатов. Эта же столовая являлась базой для школьных буфетов [Там же. Л. 17].

Согласно архивным данным аналогичная тенденция прироста наблюдалась и по другим городам региона. В частности, в г. Джезказган в 1959 г. функционировали 25 столовых и ресторанов на 1920 посадочных мест, тогда как в 1961 г. – 35 на 2938 мест. В г. Темиртау в 1959 г. работали 22 столовые и ресторана на 2078 посадочных мест, в 1961 г. – 41 на 4296 посадочных мест [5. Д. 279. Л. 160].

Во втором полугодии 1961 г. в Караганде были открыты две столовые: столовая при школе № 53 на 124 посадочных места и столовая при артели «Ткач» на 20 посадочных мест. Помимо этого, при шахтах № 42 и 33 были открыты 2 буфета [Там же. Д. 343а. Л. 71].

С 1957 г. некоторые предприятия Карагандинского треста столовых и ресторанов были переведены на самообслуживание [6. Д. 35. Л. 3]. Вспоминает сторожил г. Караганды М.В. Фролова (1943 г.р.): «Обслуживание было хорошим. В столовых было самообслуживание. Брли то, что хотели поесть. Оплачивали на кассе. После убрали все за собой и уходили. Всегда было чисто. Столы были убраны. Вкусно пахло едой. Продавцы были вежливые. И продукты всегда привозили в столовую свежие. Никогда не слышала, чтобы кто-нибудь отравился в столовых. За этим в то время очень строго следили. Никогда не привозили просроченные продукты в столовую. В общежитии мы тоже питались в столовых. Так же мы ходили и в пельменные, где были не только пельмени, но и разные салаты и сладости к чаю»¹. (Здесь и далее в цитатах авторские орфография и пунктуация сохранены.)

Новые объекты системы общественного питания вводились согласно плановому графику, однако, как сообщают источники, этот процесс не всегда проходил своевременно. Из докладной записки за 1959 г. следует: «Из-за плохой работы строительных организаций Совнархоза из года в год срываются строительные работы на таких крупных объектах, как диетическая столовая, столовая на 32-м квартале и кафе-автомат. Наши неоднократные требования и ходатайства через партийные и советские органы ни к каким результатам не привели» [5. Д. 202. Л. 83].

Самыми распространенными и часто посещаемыми учреждениями общепита начиная с 1950-х гг. являлись столовые, которые в основном были закреплены за «заводами, учреждениями, совхозами, машинно-тракторными станциями для обеспечения нормальной работы социалистической промышленности и сельского хозяйства» [2]. Респондент Надежда Александровна Потапова, проработавшая всю жизнь на заводе ЖБИ, отмечает: «Где работаешь, там и питаешься»².

Выполняя свою основную задачу – накормить желающих, они становились совершенными механизмами массового воплощения советских идеологем в повседневность. Партийные директивы, да и сама практика пространственного размещения столовых, предельно четко обозначала желаемый социальный состав их посетителей. В директивных документах рабочие, служащие и учащиеся объявлялись основными клиентами общепита. Таким образом, к концу 1950-х – началу 1960-х гг. и в идеологическом дискурсе, и в повседневной практике усиливается связь общественного питания и производства. Питание вне дома зачастую приобретает оттенок «добровольно-принудительного», выступая своего рода производственной необходимостью.

Столовые, которые располагались при заводах и промышленных учреждениях, в большинстве оказывались малодоступными для неработающих на данных предприятиях горожан или приезжих. Ограниченный доступ превращался в «неприступность» общепита. Таким образом, известный социалистический принцип «кто не работает, тот не ест» из метафоры превращался в неотъемлемую часть советской повседневности. Перекусить во внерабочее время или неработающим (помимо дома) в городах региона городе было весьма не простым делом.

Несмотря на то что общественное питание было одним из основных направлений социальной политики и находилось под тщательным контролем партийных органов, положение в городах Центрального Казахстана в конце 1950-х гг. не претерпело значительных изменений. Как отмечал в 1958 г. начальник областного управления торговли А. Головин, «сеть общественного питания недостаточна и развивается крайне медленно. В связи с быстрым темпом увеличения численности населения в области существующая сеть общественного питания с работой не справляется» [5. Д. 279. Л. 234].

Многие учреждения общественного питания работали в антисанитарных условиях. В частности, столовая № 1 ОРСа треста «Сталинуголь» была очень грязной. Согласно отчету такие неисправности, как задымление плит, отсутствие или плохая работа водопроводной системы, отсутствие горячей воды, разрушение стен и потолков и т.д. являлись нормой [Там же. Д. 201. Л. 3].

Весьма интересное замечание, датированное 30 марта 1958 г., было нами обнаружено в архивных документах. В редакцию газеты «Советская торговля» поступи-

ла заметка-жалоба от работника вагона-ресторана Белова Алексея, который находился в командировке в г. Караганде. Жалоба его имела следующее содержание: «Мы всей бригадой вагона 131 пошли в город и решили пообедать хотя бы в одну из столовых по центральной улице. Зашли в три столовые, но они все были закрыты на обеденный перерыв. Кто-то из прохожих нам порекомендовали пройти в Центральный ресторан. Мы зашли в ресторан, заняли стол, посмотрели меню – меню, правда, обширное. Подошла к нам официантка и спросила заказ. Наш заказ был скромный из 4 блюд. Заказ был принят, одновременно она предложила купить водки. Мы отказались, так как зашли только пообедать. В ответ она отказала нам в обеде, мол, обеды только с водкой. Мы пригласили выйти администратору, фамилия ее Никитина, однако и она также нам ответила и еще надерзила. С трудом пообедали, заставила купить 9 бутылок водки. Хочется отметить, качество обедов было низкое, куда хуже простой столовой, выбора никакого не было. Холодные щи, винегрет из капусты, а на второе блюдо подали варенную печенку вместо жареной. Бесконтрольность и безответственность, принудительно вводят алкоголизм. Прошу редакцию об этом рассказать, чтоб другим неповадно было» [Там же. Л. 26]. Согласно данной жалобе следует, что потребитель был ограничен не только в обслуживании, но и в выборе меню. Жесткие условия, отсутствие конкуренции и выбора.

Были типичны для общепита и комплексные обеды, в них входили рыбные, мясные, овощные, крупяные, молочные и другие блюда. Однако скудность ассортимента и сомнительное качество блюд не редко являлись темой для обсуждения во многих годовых отчетах. К примеру, в докладной записке Карагандинского облторга за 1959 г. читаем: «На протяжении нескольких дней в столовых при шахтах нет мяса, овощей, сельди. Плохо снабжают птицей, нет творога, фруктов, а народ просит» [Там же. Д. 344. Л. 230].

Власть ориентировалась в ситуации, поэтому в 1959 г. было принято Постановление Совета Министров СССР «О дальнейшем развитии и улучшении общественного питания», обозначившее целью организовать централизованное производство полуфабрикатов для комплексного снабжения столовых, кафе, закусочных и других предприятий общественного питания» [7. С. 34]. Однако изменения произошли лишь в худшую сторону. В 1959 г., по сравнению с 1953 г., сократилась доля важнейших продуктов, используемых для приготовления пищи: птицы и мяса – с 35 до 31%, рыбной продукции – с 16 до 11%, овощей – с 30 до 17%, картофеля – с 36 до 22%, растительного масла – с 25 до 12%. Параллельно возрос удельный вес реализации в системе общественного питания продуктов, не требующих кулинарной обработки: консервов – с 10 до 15%, алкогольных и безалкогольных напитков – с 12 до 29%, колбасных изделий – с 13 до 31%, кондитерских – с 10 до 20% (подсчитано по: [8. Оп. 1/10. Д. 20. Л. 139–

242; Д. 25. Л. 12–298; Д. 28. Л. 1–157; Д. 31. Л. 1–158; Д. 34. Л. 2–341; Д. 51. Л. 1–216; Д. 56. Л. 1–209]). Начиная с этого периода реализация указанных товаров в буфетах, закусочных и палатках стала основным видом. К началу 1960-х гг. удельный вес продукции собственного производства снизился до 30%, тогда как удельный вес покупных товаров увеличился до 70% [5. Д. 343а. Л. 25]. Однако, как показывают архивные материалы, эта тенденция имела негативные последствия. Централизованное производство полуфабрикатов не оказало ожидаемого воздействия на увеличение производительности труда в общественном питании, а сопровождалось нерегулярным снабжением доготовочных предприятий. Известно, что в 1975 г. только 10% предприятий общественного питания системы государственной торговли СССР комплексно снабжались тремя видами полуфабрикатов: мясными, рыбными, очищенным картофелем [7. С. 51].

Начиная с 1960-х гг. наблюдаются изменения в культуре общественного питания. С целью популяризации и расширения ассортимента национальных блюд, а также повышения культуры обслуживания в ресторанах и кафе каждый квартал проходили дни национальной кухни: русской, казахской, украинской, литовской, белорусской, грузинской, узбекской и т.д. В магазинах, кулинариях и столовых при промышленных предприятиях были организованы столы предварительных заказов от населения [6. Д. 407. Л. 200].

В меню столовых и ресторанах появились свои фирменные блюда. Например, в столовой № 2 по ул. Джамбула, в кафе «Весна», в ресторане «Караганда» – суп-лапша домашняя, оладьи, курица по-карагандински, салат по-шахтерски, котлеты по-шахтерски, филе по-карагандински, кофе с мороженым и т.д., в кафе «Отдых» – рулет «Юбилейный», блинчики «Аппетитные», в ресторане «Встреча» – фирменное блюдо «Бризоль», в ресторане «Айгуль» – котлета «Айгуль» [5. Д. 489. Л. 563; Д. 997. Л. 117]. В кафе «Ласточка», «Салтанат», «Отдых» четыре раза в неделю проходили вечера эстрадной музыки. В ресторанах «Майкудук», «Казахстан» и «Айгуль» играл «меломан» [Там же. Д. 997. Л. 118].

В августе 1968 г. в кафе «Ласточка» проходил месячник по национальной кухне, что для Караганды было своеобразным ноу-хау. Зал был украшен в украинском стиле, на стенах висели шитые украинским орнаментом полотенца (рушники), официантки были одеты в национальную украинскую одежду. У входа на тумбочке стояли караваи «хлеб-соль». Меню состояло только из украинских блюд: борщ украинский, вареники с картофелем, капустой, творогом, крученики во-лынские, пампушки с чесноком, галушки полтавские и т.д. Это мероприятие впервые транслировалось по телевидению [Там же. Д. 814. Л. 15–16].

М.В. Фролова вспоминает: «А столовая была очень хорошая, большая. Много людей всегда посещало ее. Вкусно всегда готовили. А самое главное, всё всегда

свежее было. Я иногда и с детьми ездила. Им очень нравилось там обедать. Там же покупали и домой что-то. Пироги духовые были всегда вкусные. Пекли их с варением, с павидлом, с капустой, с картошкой, с мясом, со свеклой и с морковью. Детям я покупала пюре с котлетой. Себе – суп или борщ. Запивали все компотом или киселем»¹.

С особой теплотой вспоминают карагандинцы свое посещение столовых. Михайлова Мария Федоровна отмечает: «Вся еда уже стояла на прилавках, мы брали подносы и выбирали, что хотели. Брали обычно первое. На первое были и супы, и борщи, и лапша-суп. На второе мы обычно брали рыбу или котлету с пюре. Всегда в столовой были свежие компоты, варили кисели. Можно было выбрать чай или кофе. Меню было очень разнообразным. Потом мы подходили на кассу, нам кассир считал всё, мы расплачивались. Всё это стоило очень дешево. Кушать и находиться в столовой было приятно. Всегда было чисто, убрано. Все были вежливые и всегда улыбались»³.

В 1950–1970-е гг. большинство советских людей предпочитали питаться в столовых, это было значительно дешевле. Высказывания респондентов подтверждают это. В частности, сторожил Жунусов Тлеухан Елеукенович ответил: «Мы чаще посещали столовые, реже рестораны, кафе. Столовые были очень доступные, зайти можно было любому человеку, заказать первое, второе, третье. Раньше, может быть в то время, мы и критиковали столовые. А сейчас, когда вспоминаешь, сравниваешь с нынешним качеством, все кажется было очень вкусным. У нас в столовой на шахте питались и директора шахты, и даже руководство не стеснялось зайти и покушать. Были пельменные, пельмени готовились у тебя на виду. Или блинные, тоже сразу при тебе пекли блины и клали на тарелку. Все было очень вкусно. Пирожки стоили 5–10 копеек, газированные автоматы стояли на улице по 3 копейки. Были бочки с холодным квасом, бокал стоил 6 копеек, литр – 12 копеек. Квас был очень вкусный, и люди стояли в очереди за квасом и набирали домой 2-х или 3-х литровые банки. В ресторан ходили очень редко, только по большим событиям. Но в ресторанах все было гораздо дороже: брали лишь небольшой салатик, а в основном там были в изобилии алкогольные напитки. В ресторанах только отмечали какое-либо событие, ходили, чтобы потанцевать. В ресторан ходили очень редко, обычно собирались дома друг у друга...»⁴.

Участник интервьюирования Шакерхан Кудайбергенов (1940 г.р.) сообщает: «Посещали мы в основном рабочие столовые, кафе на 55-м квартале, так называемая “Весна” и по улице Советской кафе. По обслуживанию всякое бывало. Особо там не засиживались, дорогих обедов, изысков не заказывали. Поэтому так... слегка поесть, червячка заморить, так сказать. Это устраивало. Ну, в советское время было самообслуживание в столовых. Сам берешь с подносом. В ресторанах обслуживали официанты. Цены были не такие, как

сейчас. На 5 рублей можно было полностью наесться. Можно и даже выпить хорошо»⁵.

Респондент А. Оспанова вспоминает: «А вот когда я работала, мы ходили обедать в столовую завода имени Пархоменко. Там были комплексные обеды. Готовили очень вкусно. Там мы могли взять на 50 копеек и первое, и второе. И все было очень дешево»⁶.

Несмотря на то что профессиональные издания объявляли рестораны и кафе местом, где можно «развлечься, встретиться с друзьями, отметить праздник, знаменательную дату» [3. С. 329], партийные документы убеждали в обратном. Общепит был прежде всего местом питания. Советские рестораны подчинялись общему правилу «работать, чтобы накормить»: «Посетитель приходит в ресторан прежде всего потому, что он хочет получить вкусное, изысканное, деликатесное блюдо, такое кулинарное изделие, которое ему нигде в другом месте и, особенно, в домашних условиях, не приготовят» [Там же].

По воспоминаниям карагандинцев: «Ресторан от столовой внешне ничем не отличался <...> ну, единственно, может быть, тем, что может занавески немножко были посимпатичней, но так чтобы я зашел и почувствовал разницу – нет» [4. Д. 455. Л. 301]. Люди любили посещать рестораны, правда, не все могли себе это позволить. Вспоминает респондент А. Оспанова: «В ресторан нас приглашали знакомые и друзья. Ходили мы туда в основном по праздникам»⁶.

К 1970 г. наблюдается существенное расширение системы общественного питания. В частности, при управлении торговли г. Караганды функционировали: Ленинский, Октябрьский, Кировский, Советский пищеторги, Облплодоовощторг, Горпромторги, «Гастроном», «Одежда», «Хозтовары», универмаг, «Продтовары», а также два треста столовых [Там же. Д. 1945. Л. 27]. В ведении Темиртауского управления торговли находились Первый трест столовых, Спецтрест столовых, Первый и Второй пищеторг и горпромторг [Там же. Л. 28]. В г. Балхаше – трест столовых, горпромторг и горпищторг [Там же]. В г. Абай был создан только горторг, тогда как в Шахтинске функционировали Горторг и трест столовых [Там же. Л. 28 об.]. В г. Джезказган – Горпищторг, Горпромторг и трест столовых [Там же. Л. 29].

В 1979 г. система общепита г. Караганды состояла из 312 объектов, среди них столовые (132), рестораны (5), кафе (15), закусовые (12), буфеты (143), одна пивная [Там же. Д. 455. Л. 194]. Любили горожане посещать и кафе. Респондент А. Оспанова вспоминает: «Мы с мужем обязательно в воскресенье ходили в кафе при кинотеатрах. В городе были кинотеатры Ленина, Юбилейный, которые только открылись. Мы специально ходили туда пораньше и обязательно сидели в кафе. Там и сладкое, и могли позволить себе пиво взять, мороженное, пирожное и лимонад попить. А потом начинался фильм, и мы уходили на него. А вот в кафе мы ходили каждую неделю, когда с детьми ходи-

ли в парк. Там было кафе «Парус», их фирменное корейское блюдо “кукси”, которое подавалось в горячем виде. Очередь была большая, но мы стояли»⁶.

Весьма интересными выглядят структура и рацион питания советского человека в обозначенных хронологических рамках.

Душевое потребление пшеничных хлебопродуктов и картофеля, несмотря на процентное снижение, находилось на первом месте. В частности, в общей структуре потребления у рабочих, служащих и инженерно-технических работников наиболее избыточным являлась доля потребления хлебопродуктов: в 1951–1955 гг. – 45%, в 1956–1965 гг. – 41%, в 1966–1975 гг. – 35% (подсчитано по: [8. Оп. 7. Д. 7. Л. 77; Д. 13. Л. 1]). Сокращение данного вида питания позволяло людям со временем увеличить потребление более ценных продуктов питания: мяса, фруктов, овощей и т.д.

Душевое потребление картофеля к 1970-м гг. снизилось в среднем до 4–5 кг на одного человека в месяц. Тогда как в начале 1950-х гг. ежемесячное потребление картофеля в среднем на одну душу составляло от 6–8 кг (подсчитано по: [Там же]).

Также наблюдалось увеличение удельного веса потребления мяса и мясопродуктов среди горожан Центрального Казахстана. Если в начале 1950-х гг. в среднем потребление составляло 3,5 кг (10%) на человека, то к 1970-м гг. – до 7–8 кг (15–16%) (подсчитано по: [Там же]).

Возросла доля потребления молочных продуктов среди городского населения. Если в начале 1950-х гг. удельный вес в основном занимало молоко, то в 1960–1970-е гг. в рационе питания увеличивается потребление различных видов сыров, масла, кефира, особенно творога. Резко отличается и процентное соотношение данной категории питания за исследуемый период. Ес-

ли ранее оно составляло около 9% на одну душу в среднем за месяц, то к концу 1970-х гг. – 15–17% (подсчитано по: [Там же]).

Из овощей наиболее востребованными были помидоры, огурцы, бахчевые культуры. Если в начале 1950-х гг. потребление овощей и бахчевых культур на одну душу среди горожан составляло 1–2 кг, то к середине 1970-х гг. оно возросло до 5–6 кг. Существенно возросла доля потребления фруктов и ягод в общем рационе питания в среднем на одного человека: вместо 200–300 г в начале 1950-х гг. до 2–3 кг в 1970-х гг. (подсчитано по: [Там же]).

Анализ потребления различных видов продуктов питания по отдельным категориям показал, что к 1970-м гг. люди все чаще стали употреблять продукты, содержащие белки, витамины и минеральные вещества. Эта тенденция благоприятно повлияла на здоровье городского населения Центрального Казахстана.

Из воспоминаний М.В. Фроловой: «В основном мы ели рис, гречку, масло, сметану, молоко, огурцы, помидоры, свеклу, макаронные изделия, сахар, чай, яйца, муку, конфеты, пряники, печенье, колбасы. В то время продукты были очень вкусные. Все продукты были свежие. Овощи и фрукты мы покупали в магазине. Иногда ездили на рынок и закупались там. Мы никогда не брали крупы, сахар мешками. Всегда покупали килограммами»¹.

Для анализа сравним установленные медицинские нормы с калорийностью рациона питания советского человека, а также нормы фактического потребления продуктов питания населением СССР в 1953 г. с научными нормами, разработанными в 1954 г. Институтом питания Академии медицинских наук СССР (в среднем на душу в год, кг) (табл. 1).

Таблица 1

Сопоставление научных норм с фактическим потреблением продуктов питания населением СССР, КазССР и городов Центрального Казахстана в 1953 г.

Продукты	Научные нормы	Фактическое потребление по СССР в 1953 г.	Фактическое потребление по КазССР в 1953 г.	Фактическое потребление по городам Центрального Казахстана
Хлеб и хлебобулочные изделия	121	180	178	175
Картофель	114	153	77	75
Овощи и бахчевые	141	66	–	12
Фрукты и ягоды	98	13	–	1,7
Мясо и мясопродукты	65	32	31	38
Рыба и рыбопродукты	18,6	8,9	–	4,8
Молоко и молочные продукты	540	175	162	41
Яйца, шт.	350	84	76	15
Сахар	31,4	21	17	21

Примечание. Таблица составлена на основе данных: Советская жизнь. 1945–1953 / сост. Е.Ю. Зубкова, Л.П. Кошелева и др. М.: РОССПЭН, 2003. С. 127; ГАКО. Ф. 596. Оп. 7. Д. 181. Л. 150; Д. 193. Л. 141, 144.

Сравнительный анализ фактических норм питания городского населения Центрального Казахстана с данными по СССР и Казахской ССР с научными нормами показал, что действительное потребление

основных продуктов питания резко отставало от научных норм за исключением норм потребления хлеба, которая была в 1,5 раза выше установленных.

Потребление картофеля в городах Центрального Казахстана было в 1,5 раза ниже нормы, но в целом по СССР фактическое потребление превышало допустимую норму в 1,3 раза. Фактическое потребление молока и молочных продуктов в городах Центрального Казахстана было в 13 раз ниже нормы, в 4 раза ниже в целом по СССР и в 3,5 раза ниже по Казахской ССР. Ситуация с потреблением мяса и мясных продуктов в целом по СССР, Казахской ССР и городам Центрального Казахстана была практически одинаковой, но по отношению к установленной Академией питания норме – ниже в 1,7 раза.

Аналогичные низкие показатели прослеживались и по остальным продуктам питания: потребление рыбы и рыбных продуктов было в 3,8 раза ниже допустимой нормы, яиц – в 23, сахара – в 1,4 раза. Ограниченное количество потребления молочных, мясных и рыбных продуктов, яиц и сахара приводило к большому недостатку в пищевом рационе полноценного животного белка, жиров, витаминов групп А и В. Потребление овощей в городах Центрального Казахстана было в 17,5 раза ниже установленной нормы, а фруктов и ягод – в 65 раз. Низкое потребление овощей и фруктов явилось причиной значительного дефицита витамина С. Согласно заключению Академии питания СССР, недостаток белка и витаминов А, В, С способствует уменьшению сопротивляемости организма человека различным формам заболеваний.

В целом, по заключению Академии питания СССР, проанализировавшей рацион питания населения по союзным республикам, Казахская ССР по суммарной калорийности всех продуктов питания в 1954 г. занимала 9-е место – 2 721 калория (после Эстонской ССР, Латвийской ССР, Литовской ССР, Грузинской ССР, РСФСР, Белорусской ССР, Азербайджанской ССР, Украинской ССР) [9. С. 129].

Однако калорийность продуктов питания среднестатистического промышленного рабочего оставалась тогда значительно ниже физиологической нормы, определенной Институтом питания АМН СССР в 3 053 калории в сутки на человека [10. С. 13].

По уровню, составу и структуре питания Казахская ССР из трех существующих групп была отнесена ко 2-й группе, которая характеризовалась следующим показателем: «В пищевом рационе имеются все продукты, однако продуктов животноводства потребляется явно недостаточно и калорийность их составляет 22–23% от калорийности всех продуктов» [9. С. 129].

Таким образом, питание в 1950–1960-е гг. оставалось однообразным и низкокалорийным. Мизерное душевое потребление мясных, молочных продуктов, овощей и фруктов оказывало существенное влияние на здоровье населения, так как именно в эти годы замечен высокий рост желудочно-кишечных и инфекционных заболеваний в городах Центрального Казахстана.

Для полного анализа сравним медицинские нормы питания за 1970-е гг., опубликованные и разработанные в те же годы. Согласно этим данным суточная потребность лиц с незначительными физическими затратами составляла 2 880 ккал, легкий механизированный физический труд требовал 3 000 ккал в сутки, немеханизированный труд со значительными физическими затратами – 3 200 ккал, немеханизированный труд со средними и большими нагрузками – 3 700 ккал [11].

За 1961–1980 гг. калорийность среднестатистического рациона выросла на 9,1%. Наблюдается качественное улучшение рациона жителей СССР: доля животной пищи возросла с 21 до 26%. Таким образом, среднестатистический рацион питания в СССР приблизился к рекомендуемому уровню потребления для легкого немеханизированного труда (табл. 2).

Для выяснения уровня питания жителей СССР сравним калорийность и качество рациона с международными данными за аналогичный период.

Анализ данных показал, что СССР по калорийности питания занимал первое место среди развитых стран Запада и США (табл. 3). Однако качество питания уступало развитым странам из-за высокой доли растительной пищи в рационе. Подобный дисбаланс был связан с уровнем потребления молочных продуктов, мяса и фруктов (табл. 4).

Таблица 2

Калорийность и качество питания советского человека в 1961–1980 гг., ккал. в день [11]

Показатель	1961 г.	1965 г.	1970 г.	1974 г.	1978 г.	1980 г.
Всего килокалорий	3095,3	3213,6	3354,8	3356,9	3387,3	3378,3
Из них растительной пищи	2446,3	2541,9	2541,4	2499,2	2515,2	2512,6

Таблица 3

Сопоставление рациона питания и калорийности в СССР с зарубежными странами [11]

Страна	1961 г.		1971 г.		1980 г.	
	Ккал.	%	Ккал.	%	Ккал.	%
СССР	3095,3	79	3354,8	75,7	3378,3	74,3
США	2883,7	64,9	3025,8	67,8	3167,5	69,5
Великобритания	3240,7	61,7	3277,5	61,6	3116	62,7
Австрия	3190,2	68	3232,1	67,7	3351,2	65
Швеция	2834,7	63,6	2903,5	68,6	2986,4	64,1
Япония	2467,6	90,4	2704	83,2	2722,8	80,9

Таблица 4

Уровень потребления фруктов, мясных и молочных продуктов в СССР и зарубежных странах, кг / г [11]

Страна	1961 г.			1971 г.			1981 г.		
	Мясо	Молоко	Фрукты	Мясо	Молоко	Фрукты	Мясо	Молоко	Фрукты
СССР	39,6	157,5	18,4	48,6	194,4	36	59,3	168,1	54,3
США	88,8	266,1	76,9	108,3	243,5	93,4	108,1	238,4	106,2
Великобритания	69,4	228,7	54,8	72,5	231,5	62,2	69,2	226,8	59,7
Австрия	65,7	219,2	134,1	78,4	219,4	109,4	100,2	245,4	102,7
Швеция	50,6	298,8	61	51,9	311	84,2	63	374,3	84,2
Япония	7,4	18,1	29,2	19,6	45,4	52,9	30,2	56,6	52,6

Потребление мяса и мясных продуктов в СССР с 1961 по 1981 г. возросло, даже удалось в этом приблизиться к Швеции. Однако уровень потребления молока, молочных продуктов и фруктов все еще оставался очень низким. В целом качественный уровень питания оставлял желать лучшего. Эти факты подтверждаются и воспоминаниями старожилов. Многие респонденты отмечали острую нехватку цитрусовых. Вспоминает Айгуль Оспанова: «Фрукты мы мало видели. В основном ели ранетки, ягоды. Насобираем этих сладких ягод и наедемся. И в магазин идти не надо. Мандарины, бананы – это все было в дефиците, поэтому их ели очень редко. Такого продовольствия, как сейчас, – это нам во сне снилось. Денег хватало, но не было этой продукции. В те годы были такие конфеты, как “красная шапочка”, “мишка косопалый”. Иногда мы могли себе позволить их купить. Они стоили килограмм – 5 рублей 50 копеек. Мы даже знали, сколько штук выйдет на сто грамм»⁶.

Участник интервью Шакерхан Кудайбергенов отмечает: «Хотелось цитрусовых, их не возили, а деньги были»⁵.

Бахыт Куртбаева к числу дефицитных товаров отнесла «мандарины, лимоны, апельсины. Вот этого хотелось бы, но этих продуктов не было в достатке в магазине»⁷.

Респондент Жакия Джашибекова прокомментировала: «Конечно, как в нынешнее время, не было такого ассортимента фруктов, мы их как бы ели, но привозили их сезонно. Например, апельсины как-то у нас связывались только с Новым годом, потому что они появлялись на прилавках ближе к декабрю. Сейчас, конечно, апельсины, мандарины любых сортов привозятся из разных стран и продаются круглый год. Раньше вкус и запах апельсина, аромат цитрусовых будоражил и сразу напоминали елку, Новый год»⁸.

Безусловно, если сравнить структуру питания городского населения региона 1970-х гг. с населением 1950-х гг., то мы увидим существенное улучшение. Потребление основных продуктов питания среди рабочих угольной промышленности (согласно материалам статистического управления Карагандинской области) представлено в табл. 5.

Таблица 5

Потребление основных продуктов питания рабочих угольной промышленности в Карагандинской области в 1960–1970-е гг. (в среднем на члена семьи за год, кг)

Наименование продуктов	1963 г.	1967 г.	1969 г.	1970 г.	1971 г.
Мука и хлеб в переводе в муку	145,1	141,3	139,4	136,2	133,8
Крупы, бобовые и макароны	14,3	15,0	15,1	14,9	15,7
Картофель	67,1	86,2	86,4	101,3	92,3
Овощи и бахчевые	69,7	77,5	64,6	79,8	82,3
Фрукты и ягоды	7,2	15,2	15	25,2	19,9
Мясо и мясопродукты	54,3	62,1	64,7	66,5	72,8
Рыба и рыбопродукты	7,8	8,1	9,5	9,5	9,2
Молоко и молочные продукты (включая масло животных)	297	313,8	324	346,8	367,9
Масло растительное и другие жиры	5,5	5,6	6,7	8,6	8,6
Яйца, шт.	129	150	152	169,1	206
Сахар	21,3	23,4	22,5	22,6	23,4
Кондитерские изделия	15,5	15,8	16,1	16,0	16,2

Примечание. Таблица составлена на основе данных: ГАКО. Ф. 596. Оп. 7. Д. 804. Л. 27; Д. 891. Л. 10–11; Д. 989. Л. 8; Д. 1034. Л. 40; Д. 1256. Л. 13–14.

Душевое потребление пшеничных хлебопродуктов, несмотря на процентное снижение, находилось практически на первом месте. В частности, в общей структуре потребления с 1963 по 1971 г. на одного рабочего угольной промышленности в среднем за год приходилось от 133 до 145 кг хлебопродуктов (11–12 кг в месяц). Тогда как в 1951–1953 гг. их потребление в год составляло от 200–210 кг (17–18 кг в месяц) [8. Оп. 7. Д. 33. Л. 140]. Сокращение данного вида питания по

сравнению с 1950-ми гг. позволяло людям со временем увеличить потребление более ценных продуктов питания – молока, мяса, фруктов, овощей и т.д.

В общей структуре потребления на первый план вышло потребление молока и молочных продуктов. Если в 1951–1953 гг. оно не превышало 5 кг в среднем за месяц на одного человека (или 60 кг в год) [Там же], то к концу 1960-х г. достигло 27 кг (или 324 кг в год), в начале 1970-х г. – 31 кг (или 368 кг в год). Однако здесь необ-

ходимо учитывать, что органами статистического управления в структуру питания за 1960–1970-е гг. в эту категорию включили такие продукты, как масло животных, различные виды сыров, кефир, особенно творог. Рост данной категории продуктов свидетельствует не только о расширении рациона питания населения, но и о существенном его улучшении.

Душевое потребление картофеля в 1960–1970-е гг. практически осталось неизменным по отношению к 1950-м гг. – на уровне 7–8 кг в среднем на одного человека в месяц.

Наблюдалось увеличение удельного веса потребления мяса и мясопродуктов среди горожан Центрального Казахстана. Если в 1950-е гг. в среднем в месяц потребление составляло около 3 кг на человека (или 36 кг за год) [11], то в 1960-е гг. – 5 кг (61 кг за год), в начале 1970-х гг. – 6 кг (или 73 кг за год).

Из списка овощей и бахчевых наиболее востребованными стали помидоры, огурцы, бахчевые культуры. Если в 1950-х гг. потребление овощей и бахчевых культур на одну душу составляло среди горожан от 1–2 кг [Там же], то к началу 1970-х гг. возросло до 6–7 кг. Существенно возросла доля потребления фруктов и ягод в общем рационе питания в среднем на одного человека: вместо 200–300 г [Там же] в 1950-х гг. до 1,5–2 кг в 1970-х гг.

Существенные изменения наблюдались в потреблении яиц. Если в 1950-х гг. оно в среднем за месяц на одного человека не превышало 1 шт. [Там же], то в 1960-е гг. составляло 10–12 шт., в 1970-е гг. – 14–17 шт.

Незначительно повысилось потребление рыбных продуктов и достигло к 1970-м гг. 800 г вместо 250–300 г в 1950-е гг. [Там же].

Анализ потребления различных видов продуктов питания по отдельным категориям показал, что к 1970-м гг. люди все чаще стали употреблять продукты, насыщенные белками, витаминами и минеральными веществами. Эта тенденция благоприятно повлияла на здоровье городского населения Центрального Казахстана.

В воспоминаниях респонденты приводят свой рацион питания за 1960–1970-е гг. К примеру, участник опроса Оспанова Айгуль говорит: «У нас, казахов, основное блюдо бешбармак. Поэтому мы часто брали мясо за 1,2 руб. Также покупали колбасу. Любили пить сладкий чай с молоком. В те годы можно было многое купить за 1 рубль. Бабушка отправляла меня в магазин, дав три рубля. Я покупала 300 грамм масла, хлеб или сайку, мясо. В детстве у нас была сладость – это монпансье. Стоило оно 1 рубль за килограмм. В детстве мы любили еще одну сладость, которая у нас в городе была очень популярна. В Старом городе жило очень много переселенцев. Рядом с нами по соседству жили китайцы, корейцы, чеченцы и татары. Помню дедушку китайца, который продавал нам сладость – петушки на палочках, как нынешние чупачупсы. Петушки стоили

5 копеек, но в основном он их менял на пустые бутылки. За одну бутылку он нам отдавал по 5 петушков. Когда он ходил по улицам, то всегда кричал “Петушкииии!”, и мы все бежали»⁶.

В семье Куртбаевых в корзине питания в основном были продукты растительного происхождения. Основная причина – отсутствие материальной возможности позволить себе это довольствие. Вспоминает Б. Куртбаева: «В основном мы ели морковь, свеклу, картошку, немного мяса и рыбы. Ели в основном овощные салаты, а также обязательно каши, супы, борщ, окрошка. Очень редко делали пельмени и по праздникам национальное блюдо – бешбармак. Мясо мы ели редко, потому что моя зарплата не позволяла покупать ежедневно мясо»⁷.

Жительница г. Караганды Жакия Джашибекова отмечает: «В нашей семье мясо всегда было в достатке, так как мы резали согум по традиции казахских обычаев. Запасы круп у нас всегда были. Мука, сахар... – все было доступно и не считалось дефицитом. Единственное, какие-то виды конфет были дефицитом и не всегда лежали на прилавках магазина. В целом мы жили в достатке. Мы ели и копченую колбасу, и сыр, и масло. Рыбы было вдоволь, рядом с нами был магазин “Океан”, где были разные сорта рыб. Рыбы были очень качественные и очень хорошие, жирные, селедочные и мы могли себе это позволить»⁸.

Характеризуя свой семейный рацион питания, Жакия Жетписбаевна рассказывает: «Наш рацион, возможно, не был таким сильно разнообразным, обильным какими-то экзотическими или заморскими продуктами, но в основном обязательно в нашем рационе питания всегда присутствовало мясо, оно могло быть вареное, тушенное, жаренное, котлеты или пельмени. Обязательно были крупы, картофель, макаронные изделия, овощи, особенно капуста и свекла. Из сладостей были конфеты, печенья, мармелады и что-то мы сами пекли»⁸.

Обычный рацион питания был в семье Потаповых. Вспоминает Надежда Александровна: «Рацион был обыкновенный – борщ, пельмени, манты. Кстати баурсаки тоже (круглые шарики из теста, обжаренные в масле). На Урале, где я раньше жила, помню, было точно такое же блюдо, называлось “кольца”. Просто делали из теста кольца, а здесь баурсаки. И мы тоже стал печь баурсаки. Мы не знали, что такое манты, корейские салаты. Приехав сюда, познакомились с национальными блюдами разных народов. Салаты сначала мы пробовали у корейцев, потому что их нигде не продавали. А потом сами научились все это готовить»².

Сравнительную оценку питанию дает респондент Эльмира Кудайбергенова, которая анализирует качество питания городов Казахстана в 1970-х гг.: «В 1970-е гг. я жила в городах Джезказгане, Никольске (ныне Сатпаев). Что я могу сказать про продукты? Джезказган и Сатпаев были плохо обеспеченными городами. За молоком надо было стоять в очереди 2 часа, чтобы взять

хлеб – простоять час. На полках магазина не было разнообразия. В 1980-х гг. мы переехали в Кокчетав, там было хорошее обеспечение, было очень много молока, кефира, сметаны, творога в свободной продаже. В общем, Кокчетав оказался сытным городом, чем Джезказган, Караганда, Никольск. В целом в нашей семейной корзине были хлеб, молоко, мясо, чай, макароны, картошка и иногда рис»⁹.

В шахтерской семье Жунусовых основными продуктами питания были рожки, яйца, все молочное. Респондент вспоминает: «Мясо в основном брали в магазине. На базаре домашнее мясо брали очень редко. Не каждый день, потому что не принято было на базарах отовариваться часто. Тем более в Караганде их было не очень много. Овощной продукции было много. Насчет фруктов: я бы не сказал, что их было много. Но, овощные магазины были полные картошкой, морковью. В 1970-е гг. можно было приобрести и халву, и сладкое. Ну и конфеты, хотя они тоже были в дефиците. В 1980-е гг. вообще во всем начался дефицит»⁴.

Характеризуя свой семейный рацион питания, Тлеухан Елеукенович отмечает: «По утрам в основном ели яичницу, потому что яйца были в избытке, так как у нас была своя птицефабрика в Караганде. Яйца, а также рожки и консервы всегда были в изобилии. Ну и раз в день, может быть, какой-нибудь суп из мяса, к примеру, из баранины. К тому же в то время неплохо кормили нас на шахтах. Давали горячее питание и тортики. Шахтеров очень хорошо кормили. Можно было зайти в столовую, кулинарию и набрать там рыбу. Самой распространенной была жаренная рыба минтай. Дешевыми были всевозможные пирожки. Везде продавались чебуреки. Насчет питания все было очень хорошо. Голодными никто не ходил»⁴.

Достаточно простой рацион питания был в семье Оспановой Айгуль. В частности, она вспоминает: «Рацион был у нас обыденный. По утрам, когда собирались в школу, бабушка всегда вставала с нами и готовила чай. Мы ели хлеб с маслом и чай с комковым сахаром. В школу нам давали 10 копеек, на которые мы могли купить пирожок и кисель или чай. На обед у нас обязательно был чай и жареная картошка на большой сковороде. Жарили картошку на бараньем курдюке»⁶.

Немного лучше рацион питания был у семей, имеющих подсобное хозяйство. Вспоминает Мария Федоровна: «В основном мы ели картофель, помидоры, морковь, кабачки, баклажаны, мясо, молоко, творог, сметану, яйца. На первое, как и в каждой семье, мы готовили разные супы, борщ и солянку. На второе мы готовили плов, картошку-толченку, пельмени, манты, жарили котлеты, запекали уток и курей. В холодильнике всегда стояло сало, яйца вареные, всегда был лук зеленый. Моя старшая дочь не любила обедать в школьной столовой и бегала на большой перемене домой. Пожарит яйца с салом, хлеб, лук порежет. Поест и назад в школу на уроки шла. Мы жили рядом со школой. Когда дети были маленькие, я им готовила каши,

молочные супы, варила какао. Молока у нас было много. В детских садах в то время прекрасно кормили. Моя младшая дочь с 4 месяцев была в садике. И ходить там начала, и разговаривать. В то время как-то в декрет никто не выходил. Деньги были очень нужны. Нянечки в детском саду внимательно смотрели за детьми. Когда не придешь, дети всегда были сухие. В то время памперсов не было. Палзунки меняли постоянно. Даже стирали в садике. Одна нянечка смотрела за 14 детьми до года. Ей их помогали кормить. А все остальное она делала сама. Дети в садике никогда не плакали. И с удовольствием бежали в садик. Для гостей мы всегда готовили бешбармак. Это было обязательное блюдо на нашем столе в любой праздник. Когда приезжал кто-нибудь, то резали уток или гусей. Запекали в духовке. Жарили котлеты, кабачки всегда жарили. Соления доставали разные на стол. Все свое было – домашнее. Рыбы у нас всегда много было. Мы заказывали пласты хека. Вот мы его тушили, пережарим, добавим лук, сметану и тушим в казанке. Вкуснятина получалась. А летом всегда рыба была: карп, сазан, карась. Рыбаки ловили и сдавали в столовую рыбу. Мы там рыбу и покупали. Можно было купить столько, сколько надо. Лишь бы деньги были. Если нет денег, то нам давали рыбу под ведомость, потом из зарплаты вычитали. Рыбу мы и коптили, и сушили. Мужчины всегда ели рыбу с пивом. Каждый четверг считался рыбным днем. И всем они нравились, особенно детям. Говорили: “Вот бы рыбный день, каждый день был”»³.

Мария Васильевна Фролова вспоминает: «Мы готовили все, что и готовим сейчас. На первое варили борщи, супы. На второе жарили картошку. Любили лепить манты, вареники, пельмени и галушки. Также покупали компоты и лимонады. Сладкое к чаю или сами пекли, или в магазине покупали. Но в основном покупали в магазине. Детям я всегда варила молочные каши»¹.

Многонациональный состав населения Центрального Казахстана оказал влияние на повседневный рацион питания. Домашняя кухня не только по праздникам, но и в повседневной жизни включала в себя национальные блюда разных народностей. Вспоминает Айгуль Оспанова: «Из национального блюда мы готовили бешбармак, когда приглашали гостей. А в кругу молодых, то есть сестры, друзья, когда справляли день рождения детей, мой муж любил больше не бешбармак, а манты и голубцы. Часто мы готовили плов в казане. Нельзя не сказать о наших фирменных баурсаках и казахских лепешках – шелпекках. У нас были друзья русские, которые всегда готовили казахские национальные блюда. Моя соседка Света любила готовить бешбармак, поэтому она научилась у меня»⁶.

Богатый ассортимент блюд разных национальностей был представлен в семье Михайловых. Хозяйка дома Мария Федоровна с удовольствием вспоминает: «На новый год мы всегда готовили бешбармак. Утку или гуся запекали в духовке. Это было обязательным блюдом. Брали гуся, начиняли яблоками и рисом, за-

шивали его и запекали. Всегда старались салатов побольше сделать: хе, зимний, сельдь под шубой и другие. Пекли разные торты, пирожные. На праздники жарили котлеты, мясо запекали, соленья, картошку тушили, плов варили, окрошку делали, голубцы, перец фаршировали. Вот это мы и готовили в то время»³.

Мария Васильевна Фролова делится своими воспоминаниями: «На Пасху мы обязательно красили яйца, пекли булочки, куличи, пасхи. Всегда приходили гости к нам на все праздники. Бешбармак тоже готовили из конины, свинины или говядины. Также жарили котлеты и рыбу, варили манты, пельмени и вареники. Всегда готовили салаты. Ингредиенты на салаты в магазине были доступны. Можно было приготовить что угодно, лишь бы деньги были. А так старались на праздники побольше пельменей налепить. Также были и соленья разные. На зиму мы всегда солили и огурцы, и помидоры»¹.

Бахыт Куртбаева (1955 г.р.) вспоминает: «В основном готовили манты, бешбармак, плов. Из других национальных блюд мы обожали борщ, окрошку и манты»⁷.

Тлеухан Елеукенович с мужской точки зрения так оценил свою домашнюю кухню в советское время: «В семейном кругу по праздникам в основном готовили бешбармак, винегреты, салаты оливье, но выбора там особого такого не было. В основном рацион был одинаковый. Винегрет, манты или бешбармак. То есть такой ассортимент»⁴.

Своими впечатлениями поделилась респондент Надежда Александровна Потапова: «Я не знаю, как у других. В моей семье центральным блюдом было на любой праздник – это манты, оливье, винегрет, мясо в духовке, салаты»².

Джашибекова Жакия отмечает советскую однотипность: «Традиционно это манты, бешбармак, оливье – без него никак, потом появились селедка под шубой, хе (морковча), салат из свеклы, огурцы и помидоры консервированные. Кухня была интернациональная»⁸.

Таким образом, результаты опроса подтвердили, что кухня в советских семьях в Центральном Казахстане была представлена разными национальными блюдами. Был широкий ассортимент блюд из разных национальных кухонь. Но были и свои коронные блюда – бешбармак, манты и оливье.

Проблемы «блат», «дефицит», «советские очереди» являлись неотъемлемой чертой советской торговли. Сотрудник магазина или склада, который имел доступ к дефицитным товарам, автоматически возводился в ранг «нужного» человека. Быть знакомым с таким человеком считалось очень удачным и называлось блатом. Блат, таким образом, является практикой обхода формальных процедур, регулирующих доступ к ресурсам, как правило, относящимся к сфере личного потребления.

Вспоминает Кудайбергенова Эльмира: «В советское время продавцы очень хорошо себя чувствовали, пото-

му что все пытались завести с ними знакомства. Если знакомый продавец – он тебе оставит по блату и хорошее мясо без костей, и какие-нибудь консервы, например, красную икру завозили, но редко-редко, можно было попросить баночку оставить. Мы не пользовались блатом, потому что нас родители так приучили, ни у кого ничего не просить. А кто с продавцами в хороших отношениях были, они всегда по блату чего-нибудь покупали. Особенно, если завмаг твой приятель или друг, это вообще было прям хорошо. Можно было продуктов набрать дефицитных, и одежду набрать дефицитную. А мы брали в магазине все, что продавалось»⁹.

Для некоторых блат был обыденностью. Вспоминает Жакия Джашибекова: «Это, наверное, для нас было нормальным явлением, что по блату можно было достать какие-то завозные или импортные продукты. Часто это были болгарские консервированные изделия, которые не всегда были в продаже. По блату люди могли через знакомых брать такие товары, как одежда, обувь и т.д.»⁸.

Вспоминает Тлеухан Жунусов: «Лично я по блату ничего не покупал. Ну, так был наслышан, что люди по блату берут мебель и ковры. На импортные ковры и мебель записывались в очередь. Потому что в магазинах стояла мебель Карагандинской фабрики, которая была однотипная, ведь ассортимент был небольшой. Чтобы взять спальную гарнитуру или ковер, нужно было иметь знакомых или доплачивать»⁴.

Основными причинами распространения блата респондент Бахыт Куртбаева (1955 г.р.) считала следующие: «Советский блат был распространен, так как не было богатого ассортимента одежды и мебели. Поэтому многие доставали все через блат. Так как у нас в торговле не было знакомых, мы как-то обходились простыми вещами. Но хотелось особенно зарубежных товаров»⁷.

Таким образом, мы убедились, что блат был обыденностью в повседневной жизни людей. Большая часть промышленных товаров, необходимых в быту, не доходила до прилавков магазинов, а разбиралась «по своим» рукам еще на складах. Позже такой товар отлично распродавался на «барахолках» в десятки раз дороже.

Своеобразное отношение было и к очередям. Кто-то возмущался, а кто-то относился с пониманием. Вспоминает Э. Кудайбергенова: «Это было почти нормой, потому что за всем надо было стоять в очереди. Если копченую или докторскую колбасу “выбросили” (привозили) в магазин, то надо было стоять 2 часа в очереди. Конечно, это раздражало, в очереди ругались постоянно. Но за всем надо было стоять, если не будешь стоять, останешься без колбасы или без мяса»⁹.

Об очередях 1970-х гг. говорит Мария Васильевна: «Да, очереди не всегда были. Только перед праздниками. А таких больших очередей я не помню. Зато в очереди общались друг с другом. Так видятся време-

ни не было. Целыми днями мы были на работе. А еще и подрабатывали. Вот в очереди в магазине увидимся, поговорим. Говорят люди за мебелью, за машинами в очереди стояли. Но я с этим сама не сталкивалась. Поэтому мало что могу сказать. На рынке очереди часто были. Пытались купить что-то подешевле, сторговаться»¹.

Вспоминает Потапова Н.А.: «К советским очередям никак нельзя относиться, кроме как негативно. Кто хочет отработать смену и потом стоять 3–4 часа в очереди за килограммом колбасы? Если у тебя нет с собой ребенка, тебе дадут только килограмм. Если у тебя есть ребенок, ты радуешься, потому что тогда дадут 2 килограмма. Как к очередям можно относиться?! Если у тебя праздник и тебе нельзя купить водки, не отстояв в очереди. Как к ним можно относиться? Конечно, плохо. Там, кстати, и скандалили. Даже драки были. Это уже когда совсем. Было по-всякому. Люди же разные. Скандалы были всегда. Без этого очередь не простояшь»².

Сдержанно к очередям относился Шакерхан Кудайбергенович: «Не любил стоять в очереди, но был вынужден и терпел»³.

Хотелось бы отметить, что в 1980-е гг. очереди стали массовыми. В частности, Тлеухан Жунусов вспоминает: «Очереди были всегда. Но наиболее трудно с этой проблемой, то есть самые жестокие очереди появились в 1980-х гг., когда было невозможно что-то купить. Люди с утра занимали, ждали привоза продуктов. К вечеру их привозили. Все в этих очередях давились, в основном не было сосисок, колбасных изделий, мяса. Мясо тогда вообще не было в современном понимании каждодневно, были суп-наборы. И люди с работы до закрытия магазинов стояли в очередях. Если кто-либо смог набрать на несколько дней, или они там вставляли всей семьей, набирали по пять, по шесть человек, можно было и не каждый день стоять в очередях. В нашей семье кто был выходной, тот и занимал очередь по возможности»⁴.

Респондент Куртбаева Бахыт отмечает: «Очереди были ужасные, после пяти давали продукты, те, кто не работал, шел занимать очередь. Это были племянники

и племянницы, они с утра занимали очередь. Потом мы приезжали всей семьей и брали продукты. Тогда давали масло, помню, по полкилограмма, это буквально ничего для большой семьи. В общем, приходилось стоять всей семьей по 2–3 часа в очереди за пол килограмма мяса, за килограмм колбасы и т.д. Особенно тяжело с очередями было в 1990-е гг. Длинные и бесконечные очереди, нехватка продуктов – это было тяжело. Когда некому было стоять в очередях, приходили после работы, и если доставалось что-то, было очень радостно. Магазины работали до 8 вечера, и если я успевала после работы что-то взять, считалось, что этот день был удачный. Если не успевали, приходилось питаться другими продуктами, какие были дома: овощные супы, каши и т.д. Но чаще всего мы старались закупить продукты в субботу или в воскресенье»⁵.

Аналогичное мнение было у другого респондента Потаповой О.: «Это уже ближе к 1980-м гг. очереди были. Ну, тогда, конечно, всем не нравилось. Кому нравилось, придешь с работы, и стоять в очереди за курицей или за уткой?»⁶

Таким образом, очереди в советское время считались нормой повседневной жизни. Людям не нравилось, но приходилось терпеть. Тем не менее наличие очереди в обществе – это признак дефицита в стране. Люди либо теряли личное время в очередях, либо через блат доставали необходимые продовольственные и непродовольственные товары.

Некоторые из данных выводов типичны и для Центрального Казахстана, однако в целом ситуация с продовольственным снабжением, а соответственно, и с питанием горожан была более благоприятной по сравнению с некоторыми регионами СССР. Таким образом, питание горожан и становление системы общественного питания – это составные части социальной сферы общества, успешное развитие которой являлось органической составляющей процесса урбанизации. За 1950–1970-е гг. наблюдалось существенное увеличение количества столовых, ресторанов и кафе; улучшилось продовольственное снабжение, и соответственно, качество питания горожан Центрального Казахстана.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Интервью с М.В. Фроловой (1943 г.р.), записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2016 г.

² Интервью с А.Потаповой Н. (1958 г.р.), записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2016 г.

³ Интервью с М.Ф. Михайловой (1948 г.р.), записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2016 г.

⁴ Интервью с Т.Е. Жунусовым (1958 г.р.), записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2016 г.

⁵ Интервью с Ш.К. Кудайбергеновым (1940 г.р.), записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2016 г.

⁶ Интервью с А. Оспановой (1952 г.р.), записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2016 г.

⁷ Интервью с Б.Ш. Куртбаевой (1955 г.р.), записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2016 г.

⁸ Интервью с Ж.Ж. Джашибековой (1963 г.р.), записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2016 г.

⁹ Интервью с Э.Ш. Кудайбергеновой (1966 г.р.), записано К.К. Абдрахмановой в Караганде в 2016 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. О мероприятиях по дальнейшему развитию советской торговли // Правда. 1953. 23 окт.
2. О мероприятиях по улучшению работы предприятий общественного питания // Правда. 1956. 13 марта.

3. Запорожец О., Крупец Я. Советский потребитель и регламентированная публичность: новые идеологемы и повседневность общепита конца 50-х // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985 / под ред. Е. Ярской-Смирновой и П. Романова. М.: ООО «Вариант»; ЦСПГИ. 2008. 376 с.
4. Государственный архив Карагандинской области (далее – ГАКО). Ф. 691. Оп. 1.
5. ГАКО. Ф. 555. Оп. 1.
6. ГАКО. Ф. 613. Оп. 1.
7. Басков Л.П. Системность в планировании общественного питания. М.: Экономика, 1983. 120 с.
8. ГАКО. Ф. 596.
9. Советская жизнь. 1945–1953 / сост. Е.Ю. Зубкова, Л.П. Кошелева. М.: РОССПЭН, 2003. 720 с.
10. Казанцев Б.Н. «Неизвестная» статистика уровня жизни рабочего класса // Социологическое исследование. 1993. № 4. С. 3–14.
11. Мендкович Н. Питание в СССР в «эпоху застоя» (1960–1980-е гг.). URL: http://actualhistory.ru/zastoi_foods

Abdrakhmanova Kymbat K. Karaganda State University of the name of academician E.A. Buketov (Karaganda, Kazakhstan). E-mail: kimbab_abd@mail.ru

PUBLIC CATERING FEATURES IN EVERYDAY LIFE IN CENTRAL KAZAKHSTAN IN THE 1950–1970-IES.

Keywords: history of everyday life; the urban daily life; Central Kazakhstan; the level of nutrition; food.

The aim of this article is to study the characteristics of catering in the cities of Central Kazakhstan in the 1950–1970-ies in the aspect of history of everyday life. The aim identified the following objectives: to study the development of public catering in the cities of Central Kazakhstan, to identify the quality and level of service of catering, to determine the structure and diet, to compare the peculiarities of national cuisines. The article was written on the base of documentary sources (not used previously) from the state archive of the Karaganda region, as well as memoirs of old residents. A comprehensive and critical analysis of statistical data allowed to analyze the structure and diet of the urban population of Central Kazakhstan in the 1950–1970-ies. In the conditions of modernization of all aspects of life of the Kazakh society, many problems related to the revision of the role of historical science in the society arose to the domestic historical science. One of the important tasks of Kazakhstan's historical science which requires urgent solution is the revision of existing and introduction of new directions in historical research. One of unexplored issue is the history of people's daily life in various aspects. In Soviet times everyday life did not found its mass distribution and fundamental development, although it was considered. Study of this subject in the Kazakh historiography is appropriate and necessary. As it is not directed to the consideration of the peaks of development of society, state and prominent figures, but to study of ordinary people lives, the masses. The Soviet public catering in 1950–1970-ies experienced significant changes. Using scientific theories, a new understanding of the meanings of the words "health" and "quality of food" were the main principles in a correct and balanced diet. In the industrial regions of the country, including in Central Kazakhstan, the system of public catering began to expand everywhere: canteens, snack bars, restaurants, cafes. Workers, employees and students were declared to be main customers of the catering in directive documents. As the multinationality of Central Kazakhstan was considered, the system of public catering had days and months of national cuisines: Kazakh, Russian, Ukrainian, Lithuanian, Belarusian, Georgian, Uzbek, etc. In the course of the study the author came to the following conclusions. In general, during the 1950–1970-ies a significant expansion of establishments of public catering can be observed, as well as improving of food supply and consequently the quality of supply of the citizens of Central Kazakhstan. Analysis of consumption structure and diet of different types of food in certain categories showed that by the 1970-ies in daily practice people increasingly began to consume foods rich in proteins, vitamins and minerals. However, as it was evidenced by the materials of interviews with residents, the shortage of many foods remained: citrus, sweets, fruits, etc. In turn, the deficit caused such integral features of Soviet trade as "blat" (profitable connections) and a queues.

REFERENCES

1. *Pravda*. (1953) O meropriyatiyakh po dal'neyshemu razvitiyu sovetskoy torgovli [On the measures for the further development of Soviet trade]. 23rd October.
2. *Pravda*. (1956) O meropriyatiyakh po uluchsheniyu raboty predpriyatiy obshchestvennogo pitaniya [On measures to improve the work of public catering enterprises]. 13th March.
3. Zaporozhets, O. & Krupets, Ya. (2008) Sovetskiy potrebitel' i reglamentirovannaya publichnost': novye ideologemy i povsednevnost' obshchepita kontsa 50-kh [The Soviet consumer and regulated publicity: New ideologies and daily routine of public catering in the late 1950s]. In: Yarskoy-Smirnova, E. & Romanova, P. (eds) *Sovetskaya sotsial'naya politika: stseny i deystvuyushchie litsa, 1940–1985* [Soviet social policy: Scenes and characters, 1940–1985]. Moscow: ООО Вариант, TsSPGI.
4. The State Archives of Karaganda Region (GAKO). Fund 691. List 1.
5. The State Archives of Karaganda Region (GAKO). Fund 555. List 1.
6. The State Archives of Karaganda Region (GAKO). Fund 613. List 1.
7. Baskov, L.P. (1983) *Sistemnost' v planirovanii obshchestvennogo pitaniya* [The system approach in the planning of public catering]. Moscow: Ekonomika.
8. The State Archives of Karaganda Region (GAKO). Fund 596.
9. Zubkova, E.Yu. & Kosheleva, L.P. (2003) *Sovetskaya zhizn'. 1945–1953* [Soviet life. 1945–1953]. Moscow: ROSSPEN.
10. Kazantsev, B.N. (1993) "Neizvestnaya" statistika urovnya zhizni rabochego klassa [The "unknown" statistics of the working class living standard]. *Sotsiologicheskoe issledovanie*. 4. pp. 3–14.
11. Mendkovich, N. (n.d.) *Pitanie v SSSR v "epokhu zastoya" (1960–1980-e gg.)* [Food in the USSR in the "era of stagnation" (1960–1980s)]. [Online] Available from: http://actualhistory.ru/zastoi_foods.

УДК 94(571) +654.197
DOI: 10.17223/19988613/46/8

В.С. Кан

СОЗДАНИЕ КЫЗЫЛСКОЙ СТУДИИ ТЕЛЕВИДЕНИЯ В ТУВЕ (1959–1966 гг.)

Статья посвящена начальному этапу истории Кызылской студии телевидения в Тувинской АССР (1959–1966 гг.). Всесторонняя помощь СССР (финансовые средства, специалисты, оборудование и материалы) и контроль партии позволили форсировать строительство телецентра и создание телестудии. В то же время в связи с объективными трудностями строительства телестудию открыли позже, чем планировали, – 10 июня 1966 г. Работу тувинской телестудии организовали в сжатые сроки, используя готовый опыт. Преимущества телевидения использовали в идеологических и культурных целях. Сдерживали телефикацию Тувы неудачное расположение телецентра, а также слабая доступность телевизоров для населения во второй половине 1960-х гг. (высокая стоимость, сложность приобретения).

Ключевые слова: история; Тува; телефикация; Кызылская телестудия; партия; пропаганда.

Становление местного телевидения в национальных автономиях Советского Союза, в том числе в Туве, шло ускоренными темпами. XX съезд КПСС в 1956 г. определил задачу широкого развития телевидения, которое было признано огромной силой политического и культурного развития трудящихся на местах. Во второй половине 1950-х гг. быстро расширялась сеть телецентров и телевизионных ретрансляционных станций. Если в 1955 г. в РСФСР было 4 телецентра – в Москве, Ленинграде, Свердловске и Томске, то к 1961 г. их стало 52, а число ретрансляционных станций достигло 14. С каждым годом производство телевизоров в РСФСР росло, но их все равно не хватало: 1950 г. – 11,9 тыс., 1951 – 25,3 тыс., 1952 – 37,4 тыс., 1953 – 84,1 тыс., 1954 – 254,3 тыс., 1955 – 494,7 тыс., 1956 – 596,2 тыс., 1957 – 707,8 тыс., 1958 – 979,3 тыс., 1959 – 1 279 тыс., 1960 – 1 700 тыс. [1. Оп. 15. Д. 94. Л. 14]. Люди повсеместно проявляли к новому средству массовой информации огромный интерес, о чём свидетельствует и быстрый рост производства телевизоров в стране. За 10 лет производство телевизоров в СССР выросло многократно.

Подготовительные мероприятия по созданию местного телевидения стартовали в Тувинской АССР в конце 1950-х гг., а завершились в июне 1966 г. Это произошло позже, чем в других республиках РСФСР, но в более сжатые сроки. В представляемой статье мы рассматриваем, как создавалась Кызылская телестудия, какие факторы влияли на этот процесс. В частности, показано, как шла подготовка технических условий для работы телестудии (строительство Кызылского телецентра, установка его оборудования), формировался ее штат, внедрялись правила работы, а также какой была тематика первых телепередач.

Данная тема относится к числу малоизученных и впервые рассматривается с привлечением широкого круга источников. Эмпирическую базу статьи составили документы Российского государственного архива социально-политической истории, Государственного

архива Республики Тыва, материалы республиканских газет и опроса ветеранов тувинской журналистики. Ряд использованных источников впервые вводится в научный оборот. При подготовке статьи привлекались сведения из публикаций Е.Т. Тановой [2] и Ч.Б. Булытовой [3], основанные на воспоминаниях участников событий. Ценные сведения были обнаружены в публикациях С.Д. Маады [4, 5] и главного инженера Производственно-технического управления связи Тувинской АССР А.К. Иргита (технические характеристики Кызылской телестудии, способы телефикации республики, статистика о наличии у населения телевизоров в 1973 г. и др.) [6. С. 78–80].

Проведенное исследование показало, что предварительные технические работы с целью выбора места расположения будущего телецентра были проведены в конце 1950-х гг. Рассматривались два варианта его возведения: 1) в черте столицы – в г. Кызыле; 2) на возвышенности к юго-востоку от г. Кызыла. В первом случае расходы были меньшими, но из-за расположения столицы в котловине, т.е. в межгорном понижении рельефа, телесигнал распространялся бы только на населенные пункты в радиусе 50 км от г. Кызыла. Возведение телецентра к юго-востоку на возвышенности создавало возможность обеспечить вещанием также районный центр – с. Бай-Хаак. Однако это требовало установки более мощных технических сооружений и, соответственно, значительно больших затрат. При этом другие районные центры (Сарыг-Сеп, Туран, Хову-Аксы и пр.) все равно не получали бы сигнал [1. Оп. 15. Д. 56. Л. 64].

25 декабря 1959 г. в Бюро ЦК КПСС по РСФСР обратился первый секретарь Тувинского обкома КПСС С.К. Тока. Он просил разрешить строительство телецентра в 1960 г., ссылаясь на отдаленность республики от крупных промышленных и культурных центров страны, расширение сети учебных заведений, увеличение числа организаций и рабочих, инженерно-технических работников и студентов, неуклонный рост

культурных запросов трудящихся и отсутствие собственной радиовещательной станции [1. Оп. 15. Д. 56. Л. 62–63].

К заявлению прилагалась справка о технических данных, подписанная главным инженером Тувинского областного управления Министерства связи П. Осетниковым. Строительство требовало 9–10 млн руб., в том числе технических сооружений – 8,5–9 млн руб. Предстояло построить техническое здание, открытую трансформаторную подстанцию и антенную опору (башню или мачту) высотой 60–80 м. Техническое здание должно было иметь полезной площади не менее 400 м², чтобы в нем могли разместиться телевизионная аппаратная, кинопроекторная, перемоточная, телестудия, энергоблок, мастерская и другие производственные службы. Телецентр предусматривал создание одной телепрограммы, состоящей из студийных передач (концертов, рекламно-информационных и др.) и кинофильмов [Там же. Л. 64].

Просьба Тувинского обкома КПСС завершалась словами: «Целесообразней телецентр разместить в центральной части города, построив новые или приспособив существующие помещения другого назначения, с охватом телепередачами кроме населения Кызыла таких населенных пунктов, как Сесерлиг, Кара-Хаак, Черби, колхоз “Советская Тува”, Зубовка и совхоз “Победа”» [Там же. Л. 65].

ЦК КПСС удовлетворил просьбу Тувинского обкома. 29 января 1960 г. Госплану РСФСР и Министерству связи РСФСР поручили внести проект строительства телецентра в г. Кызыле в семилетний план и изыскать необходимые для этого средства [Там же. Л. 66].

21 марта 1960 г. Тувинский обком КПСС принял решение «просить Совет министров РСФСР в целях наиболее полного удовлетворения возросших культурных запросов трудящихся Тувы, а также улучшения качества трансляции, разрешить строительство в г. Кызыле радиостанции и телевизионного центра, включить строительство этих объектов в народнохозяйственный план 1961 г.» [7. Оп. 1. Д. 1428. Л. 8].

Подготовка проектно-сметной документации телецентра была завершена в 1963 г. В 1964 г. на заседании бюро партии по этому вопросу выступили Ю.Л. Аранчин и С.К. Тока. Постановили следующее: «Учитывая отдаленность Тувинской АССР от центральных областей и идя навстречу пожеланиям трудящихся республики <...> просить Министерство связи СССР включить начало строительства телецентра в г. Кызыле на 1964 г. с окончанием его в 1965 г., для чего выделить капвложений на 1964 г. – 400 тыс. руб., 1965 г. – 448 тыс. руб.» [Там же. Д. 1786. Л. 7].

Салчак Калбакхорекович Тока держал процесс строительства телецентра под личным контролем. Впервые в республике возводился столь сложный объект. Он был всенародной стройкой: на нее мобилизовали всех высококвалифицированных строителей г. Кызыла, в выходные дни помогали сотрудники комитета.

Вид телебашни, удивительно вписавшейся в кызылский ландшафт, для многих быстро стал привычным. Жители столицы писали в газеты, чтобы узнать, когда откроется телецентр. В мае 1965 г. на их вопросы ответил в газете «Тувинская правда» начальник Тувинского радиоцентра О.И. Кожевников. Он пояснил, что из-за неблагоприятного рельефа местности доступна будет одна программа в черно-белом изображении в городской черте столицы и ряде близлежащих населенных пунктов [8]. Увеличить зону действия телецентра рассчитывали с помощью ретрансляционных станций. Кстати, при выборе места строительства Улан-Удэнского телецентра тоже не учли особенности распространения ультракоротких волн в условиях сильно пересеченной местности. Поэтому в течение первых двух лет его передачи могли смотреть только жители г. Улан-Удэ и поселений в радиусе чуть более 50 км [9. С. 155].

С 1964 г. в Туву стала поступать сложная телевизионная техника новейшего типа – ультракоротковолновая с частотным модулированием. Она позволяла обеспечить высококачественное вещание одновременно двух программ – на русском и тувинском языках. Обслуживать новую технику предстояло местным инженерам и техникам, которых заблаговременно отправили на учебу за пределы республики.

Параллельно с проведением строительных и технических работ Тувинский обком КПСС и Комитет по радиовещанию и телевидению при Совете Министров Тувинской СССР приступили к подготовке национальных кадров для будущей телестудии. 20 мая 1964 г. на заседании Тувинского обкома КПСС постановили «рекомендовать Е.Т. Танову 1930 г. рождения, тувинку, члена КПСС с апреля 1959 г., высшее образование, работающую редактором молодежного и детского вещания Комитета по радиовещанию и телевидения при Совете Министров Тувинской АССР слушательницей Высшей партийной школы при ЦК КПСС» [7. Оп. 1. Д. 1879. Л. 25]. Впоследствии она вспоминала, что одновременно ее готовили для руководящей работы [2. С. 68].

Завершить возведение Кызылской телестудии¹ и показать первые пробные изображения планировали в 1965 г. Но графики и планы производства строительно-монтажных работ, несмотря на все усилия строителей, не выполнялись. На рубеже 1965–1966 гг. работы приостановились, так как не хватило 100 м² дерево-стружечной массы для полов студии. Задержалось устройство вентиляционной системы [10].

Советский Союз старался оказывать всестороннюю помощь республике, но материалы, необходимые для строительства и оборудования телестудий, требовались по всей стране. 11 января 1966 г. член коллегии Министерства связи СССР И.И. Домбровский сообщил в интервью корреспонденту ТАСС о завершении сооружения телецентра в Кызыле. Он пояснил, что Тува относилась к районам Крайнего Севера и Восточной Си-

бири, находившихся в отдалении от магистральных радиорелейных линий. Строительство центров в таких районах было приоритетной задачей советского государства в 8-й пятилетке (1966–1970 гг.) [11]. В начале 1966 г. с поступлением необходимых материалов установку оборудования студии продолжили.

17 января 1966 г. Комитет по радиовещанию и телевидению при Совете министров СССР утвердил временно в штатном расписании тувинского комитета 8 новых должностей: заместителя председателя комитета, старшего редактора, режиссера, звукорежиссера, диктора-практиканта, оператора, осветителя, заведующего фильмотекой, и увеличил фонд заработной платы [12. Оп. 1. Д. 77. Л. 9].

В первом квартале 1966 г. была принята группа сотрудников: телеоператор Ш.М. Ортеней, режиссер С.А. Баир, осветитель студии О.М. Ондар-оол, звукооператор Б.М. Ляндуп, старший редактор теленовостей О.К. Намчылак, диктор-практикант Б.К. Монгуш. В штат радиостудии зачислили К.Ч. Сагды и Д.Е. Ондара, позже их перевели в телестудию.

11 февраля 1966 г. из обкома партии перевели Сандро Даваевича Маады и назначили заместителем председателя Комитета (до 31 августа 1966 г.). Сам С.К. Тока поручил ему помочь открыть телестудию. Впоследствии С.Д. Маады вспоминал: «Создавать совершенно новое, до тех пор никому неизвестное информационное учреждение, поставить его на ноги было очень трудным делом» [4].

Чтобы ускорить открытие телестудии, ещё на завершающей стадии строительства телецентра занялись установкой оборудования. В первом квартале 1966 г. оно поступило в Комитет полностью. Ключевым элементом технического комплекса был аппаратно-студийный комплекс, который установили инженеры из Новосибирска, Ленинграда и Хабаровска совместно с работниками радиотелецентра [10]. Помимо этого, инженеры определили в близлежащих населенных пунктах радиус распространения телеволн и проверили на месте наличие телесигнала. Они несколько раз объехали г. Шагонар, села Черби, Шамбалыг, Баян-Кол, Суг-Бажы, Сарыг-Сеп и другие населенные пункты.

Первые телетрансляции состоялись в марте–апреле 1966 г. в дни проведения XXIII съезда КПСС. Салчак Тока стремился, чтобы об этом событии большой политической важности жители Тувы узнали именно по телевидению. С.Д. Маады писал: «Стояла задача – начать пробную трансляцию программ, осветить в эфире работу съезда всеми доступными способами» [4].

Первая пробная передача вышла 29 марта 1966 г.² Выходили вживую, т.е. картинка напрямую шла в телеэфир посредством одной любительской кинокамеры [13]. Текст на тувинском языке читала Борбаа Монгуш, на русском – Светлана Сат. Дикторы сообщили о начале XXIII съезда КПСС и делегатах, выбранных партийной организацией Тувы – первом секретаре обкома КПСС С.К. Тока, председателе Совета министров Ту-

винской АССР М.К. Мендуме и главном зоотехнике совхоза «Уюк» М.А. Сметаниной. Показали фотографии с изображением делегатов съезда и их проводов в аэропорту. После этого С.К. Тока горячо поздравил народ с открытием тувинского телевидения – его речь записали на пленку заранее.

Далее последовали теленовости на тувинском и русском языках, документальный фильм «Ленин – жив», передача для детей «Приходи, сказка», художественный фильм «Мама, папа, цирк и я».

8 апреля во второй пробной передаче показали работу XXIII съезда КПСС, который завершился в Москве, а также новости, кинофильм для детей «Босногий гарнизон» и концерт артистов греческой эстрады «Эллада».

Подготовка этих пробных программ потребовала от сотрудников колоссальных усилий. По словам С.Д. Маады, «в первых телеэфирах было легко транслировать фильмы. А с собственными передачами, которые производятся на студии, было очень трудно. Из-за технических проблем иногда пропадал звук, когда говорил диктор. Из-за отсутствия наушников с микрофонами приходилось общаться жестами и мимикой через окошки на дверях. А фильмы или готовые сюжеты перебрасывались на кассеты, поставишь их и оставалось лишь наблюдать» [4].

О первых трансляциях несколько раз заранее сообщали по радио, но немногие зрители видели их. По данным публикации С.Д. Маады, можно предположить, что в столице республики было нескольких сотен телевизоров [5]. В своих воспоминаниях К.Ч. Сагды назвала конкретную цифру – в первое время у населения в Кызыле было 400 телевизоров, со временем их стало больше – 1 000. Маленькие черно-белые телевизоры были предметом роскоши и престижа. А в районах только состоятельные люди могли себе позволить их [14].

Во второй половине 1960-х гг. советская промышленность выпускала следующие марки телевизоров: ЛППТ-40 мощностью 25 ватт, «Огонек», «Электрон» «Изумруд», «Экран», «Зорька», «Чайка», «Рубин-106» и др. Одним из наиболее распространенных был телевизор «КВН-49», запущенный в серию с 1949 г. [15]. Он стоил более 900 руб. (несколько средних зарплат). Высокая стоимость и трудность приобретения телевизора не останавливали людей. Ветераны вспоминают, что все, кто мог, покупали телевизоры, наблюдался ажиотаж. Телевизоры превратились в предмет спекуляций, за ними стояли в очередях. Причем сложно было купить не только телевизор, но и запчасти к нему. По этим причинам долгие годы телепередачи смотрели коллективно – в квартирах счастливых владельцев телевизоров, которых с каждым днем становилось больше.

Руководители республики предполагали, что телецентр сдадут в эксплуатацию в апреле или мае 1966 г., но тщетно. 26 мая 1966 г. на заседании бюро Кызылского городского комитета КПСС обсудили ход строительства пусковых объектов предприятия «Кы-

зылстрой», в числе которых был телецентр. По его итогам руководителей строительного предприятия наказали за неоднократные переносы срока сдачи в эксплуатацию телецентра и установили окончательный срок – 1 июня 1966 г. [16. Оп. 1. Д. 610. Л. 56].

6 июня 1966 г. в Туву прибыла группа специалистов-телевизионщиков в составе: диктор С.Д. Кондинкин, режиссер Г.Л. Гаркавая, телеоператор В.И. Клиндухов и кинооператор Ю.А. Косарьков. В те годы в стране закрывались небольшие студии телевидения, такая участь постигла и Бийскую студию. Из Абакана приехали режиссеры Н.Я. Лысенко и А.М. Конушкин.

Прибывшие сотрудники имели профессиональное образование и опыт работы на телевидении. К примеру, С.Д. Кондинкин получил театральное образование в Тобольском культпросветучилище. С августа 1960 г. он работал диктором Бийской телестудии. Профессиональный диктор, талантливый журналист, увлеченный человек. Его творческая деятельность оставила заметный след в истории тувинского радио и телевидения. А.М. Конушкин закончил актерское отделение Тульского филиала Школы-студии МХАТ и режиссерские курсы при Всесоюзном Доме народного творчества им. Н. Крупской, стаж его работы на телевидении составлял три года [17. Оп. 1. Д. 78. Л. 9].

В аэропорту гостей тепло встретил председатель комитета Н.Д. Шиирипей. На первое время их разместили в гостинице, затем, с июля по октябрь 1966 г., они жили прямо в студии телевидения. В июле С.Д. Кондинкину, В.И. Клиндухову, Г.Л. Гаркавой, Ю.А. Косарькову и членам их семей были выплачены подъемные средства за счет командировочных средств телестудии [Там же. Д. 59. Л. 26].

Помощь опытных специалистов позволила ускорить открытие Кызылской телестудии, которое состоялось 10 июня 1966 г. По мнению Е.Т. Тановой, это долгожданное событие свершилось раньше по настоянию С.К. Тока. К этому времени студия была оборудована не до конца: не было фото-кинолаборатории, техники, в том числе кинокамер и материалов. Не хватало столов и стульев, не был отрегулирован вопрос с транспортом [18. Оп. 1. Д. 18. Л. 38]. Требовались киномеханики, редакторы и другие специалисты.

В 16 часов дня у здания телецентра состоялся праздничный митинг. Сначала выступили руководители республики и Комитета по радиовещанию и телевидению при Совете министров Тувинской ССР, затем представители приемочной комиссии, строителей и работников связи. Они благодарили строителей и подчеркивали большое значение открытия тувинского телевидения. Последним слово взял С.К. Тока. Он отметил, как много надежд Коммунистическая партия и Советское правительство возлагают на телевидение, затем перерезал ленточку и открыл телецентр [19].

11 июня 1966 г. С.Д. Маады рассказал читателям о работе Кызылской телестудии в газете «Шын». Во второй половине года планировался регулярный выпуск

телепередач по три часа в день, с декабря 1966 г. – по четыре часа. В течение 30 мин – трансляции передач, подготовленных телестудией, а в остальное время – кинофильмов и концертов. Главное место отводилось передаче «Последние известия» [5].

С июня работа Комитета стала строиться по двум направлениям: радио- и телестудия. 12 июня телестудия начала вести регулярные телепередачи [18. Оп. 1. Д. 18. Л. 31]. С июня по август 1966 г. передачи выходили в эфир три раза в неделю по 2 часа 40 мин. В 19.00 для зрителей ставили новости, обычно – сообщения из республиканских газет на двух языках, в 19.10 – союзную телехронику, а с 19.20 до 21.40 – спектакли, концерты, познавательные очерки. Программы предварял титр-заставка «Показывает Кызыл». Через несколько секунд раздавался приветливый голос С.Д. Кондинкина «Добрый вечер, дорогие телезрители...». Далее он передавал слово Б.К. Монгуш для чтения текста на тувинском языке [20].

В июне 1966 г. штат телестудии составил 26 человек, часть сотрудников пришла в телестудию, имея богатый опыт работы на радио (М.Ф. Якушева, А.И. Чараш-оол, П.Б. Гриценко, О.О. Сувакпит и др.). Работало четыре редакции: теленовостей (с 1967 г. – «Последних известий»), политвещания (с 1967 г. – пропаганды), литературно-драматического и музыкального вещания, молодежного и детского вещания. В июне 1966 г. объем местного вещания был 47 минут. [18. Оп. 1. Д. 18. Л. 31]. Работников не хватало, поэтому на первых порах они часто совмещали обязанности и осваивали смежные специальности.

Правила установили такие же, как в радиостудии. С июня еженедельно стали проводить «летучки» (собрания), на которых обсуждали текущую работу, в том числе передачи, прошедшие за неделю. Была организована творческая, производственная и техническая учеба сотрудников. Первоначальные знания по тележурналистике новички усваивали от прибывших специалистов, опытных коллег.

20 июня 1966 г. на партийном собрании решили: в пятидневный срок оформить художественный совет, до 1 сентября – при первичной организации при Комитете по радиовещанию и телевидению Тувинской АССР партийную, профсоюзную, комсомольскую организации [Там же. Л. 38], в сентябре – местный комитет профсоюза. Руководителем месткома коллектив сразу выбрал С.Д. Кондинкина, и он оставался им долгие годы. Была образована редколлегия телестудии в следующем составе: И.В. Милонов (редактор), члены редколлегии – Ю.А. Косарьков, Я.С. Чолдак [Там же. Л. 82]. С 1 июля был введен авторский гонорар [Там же. Л. 32].

4 июля 1966 г. на заседании бюро Тувинского обкома КПСС утвердили первый план работы телестудии на третий квартал. С ноября 1966 г. все телевизионные редакции ежемесячно составляли планы, в которых указывали название передачи, число, время и лицо, ответственное за ее выпуск.

На телевидении была установлена цензура. Перед выходом в эфир тексты передач проверяли руководители комитета и Управления по охране военных и государственных тайн в печати при Совете министров Тувинской АССР (обллит). Судя по отчетам цензоров, часть сделанных ими вычерков не допускала разглашение тайн, отнесенных к разряду государственных и военных (сведения военного характера, статистика по транспорту, связи, гражданской промышленности, сельскому хозяйству и т.д.). В то же время по политическим мотивам запрещались материалы, в которых критиковалась деятельность партии и ее лидеров, культурно-массовых учреждений, а также поднималась тема национальной культуры тувинцев. Телевидение, как и другие СМИ, подвергались контролю партии, чтобы служить унификации массового сознания. Поэтому за нарушения в идеологическом содержании материалов строгим партийным взысканиям подвергались все ответственные сотрудники.

В третьем квартале 1966 г. шли организация постоянных рабочих мест и меблировка служебных помещений. У некоторых сотрудников не было даже столов и стульев [18. Оп. 1. Д. 18. Л. 32].

В декабре 1966 г. приступили к организации редакций журналов «За технический прогресс», «Экран народного контроля», «Труженица Тувы» на общественных началах [17. Оп. 1. Д. 76. Л. 2]. Так создавался актив внештатных авторов, которых призывали вскрывать сильные и слабые стороны работы предприятий и их руководителей. Однако зона и степень критики были дозированными.

В четвертом квартале 1966 г. расширилась сетка телевещания. Выходили в эфир пять раз в неделю, кроме среды и воскресенья. Общий объем вещания составлял в среднем 4 часа 30 мин [18. Оп. 1. Д. 18. Л. 1–2]. Газеты регулярно информировали о передачах на ближайшее время. 15 июня 1966 г. в газете «Тувинская правда» появилась рубрика «Программа голубого экрана», а 18 июня – рубрика «Телевидение» в газете «Шын»

(«Правда»). Телевидение становилось неотъемлемым элементом общественной жизни республики, создавались условия для усиления его воздействия на общество.

В информационных и тематических телепрограммах проводилась идея о направляющей и руководящей роли партии в жизни советского и тувинского народа, важности поддержки ее политики, успехах партийного строительства в Туве. Нехватка и низкая квалификация многих сотрудников, отсутствие опыта работы отрицательно отражались на содержании вещания. Передачи в это время выходили в основном в информационных жанрах (информация, корреспонденция, репортаж), часто транслировали концерты и кинофильмы.

Таким образом, Кызылская телестудия создавалась с 1959 г. – т.е. позже, чем в других автономиях СССР. Телецентр возводился с 1964 по 1966 г. Отправка значительных финансовых средств, специалистов, телеоборудования и материалов, а также контроль обкома позволили форсировать этот процесс. Однако из-за сложности объекта, нехватки материалов и квалифицированных специалистов на заключительном этапе завершить строительство здания в срок не удалось.

29 марта и 8 апреля 1966 г. состоялись пробные трансляции, которые приурочили к XXIII съезду КПСС. Официальное открытие телестудии состоялось 10 июня 1966 г. и стало значимым событием в жизни республики. Группа опытных телевизионщиков, прибывшая из Бийска и Абакана, помогла наладить ее работу. Правила установили такие же, как в радиостудии (планирование, многоуровневый контроль, взаимообучение, большая роль общественных организаций и т.д.). Преимущества телевидения использовались в первую очередь в идеологических и культурных целях.

Сдерживающими для телефикации Тувы стали сложность горного рельефа, расположение центра (в низине) и малочисленность телеприемников у населения (высокая стоимость, трудность приобретения телевизоров и запчастей к ним).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вероятно, в связи с расположением телестудии в столице республики ее называли Кызылской.

² Судя по тексту первого сценария, который передал филиалу Всероссийской государственной телерадиовещательной компании Государственной телерадиовещательной компании «Тыва» С.А. Баир, первая пробная передача состоялась 29 марта – в день открытия XXIII съезда КПСС, а вторая – 8 апреля 1966 г. В воспоминаниях С.Д. Маады указано, что первую пробную передачу показали 28 марта, а 29 марта – вторую. Мы придерживаемся мнения о выходе пробных передач 29 марта и 8 апреля 1966 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 556.
2. Танова Е.Т. «Говорит и показывает Кызыл...» // Любовь моя Кызыл. Автобиографическая повесть. Кызыл: ОАО «Тываполиграф», 2014. С. 66–71.
3. Булытова Ч.Б. Становление тувинского телевидения и его развитие на рубеже XX и XXI столетий // Вопросы изучения истории и культуры народов Центральной Азии и сопредельных регионов: матер. Междунар. науч.-практ. конф. 5–8 сент. 2008 г. / сост. А.О. Дыртык-оол, У.П. Опей-оол. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2006. С. 190–196.
4. Маады С. Баштайгы дамчыдылгалар (Первые передачи) // Шын. 1996. 30 марта.
5. Маады С. Культура амыдыралынг улуг болуушкун (Большое событие в культурной жизни) // Шын. 1966. 11 июня.
6. Иргит А.К. Перспективы развития телевидения в Тувинской АССР // Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Кызыл, 1973. Вып. XVI. С. 78–80.
7. Центр архивных документов партий и общественных организаций Государственного архива Республики Тыва (далее – ЦАДПОО ГАРТ). Ф. 2.
8. Кожевников О. «Голубые экраны» – в наших квартирах // Тувинская правда. 1965. 4 мая.

9. Пономаренко С.В. Становление и развитие материально-технической базы телевидения в Бурятии в 1960–1970 годы // Вестник Бурятского государственного университета. 2011. № 7. С. 155–159.
10. Туманов В. Перед тем, как выйти в эфир // Тувинская правда. 1966. 17 марта.
11. Наше телевидение сегодня и завтра // Тувинская правда. 1966. 11 янв.
12. Государственный архив Республики Тыва (далее – ГАРТ). Ф. 122. Оп. 1. Д. 77.
13. Кенин-Лопсан М. Тувинскому телевидению – 25 лет // Молодежь Тувы. 1991. 12 июня.
14. Дыдый Сотпа. Жизнь в телевизоре // Центр Азии. 2013. № 18.
15. Тываның аныяктары (Молодежь Тувы). 1966. № 2–3.
16. ЦАДПОО ГАРТ. Ф. 3.
17. ГАРТ. Ф. 122.
18. ЦАДПОО ГАРТ. Ф. 67.
19. Кызылдың телевидениеси ачыттыгын (Открылось Кызылское телевидение) // Шын. 1966. 11 июня.
20. Остачук А. Показывает Кызыл // Тувинская правда. 1966. 19 июня.

Kan Valeriya S. Tuvan Institute of Humanities and Applied Social and Economic Research (Kyzyl, Russia). E-mail: kan-tuva@mail.ru

CREATION OF KYZYL TELEVISION STUDIOS IN TUVA (1959–1966).

Keywords: history; Tuva; equipping for TV; Kyzyl TV studio; party; propaganda.

The goal of the article is to reconstruct the process of the creation of the Kyzyl TV Studio, as well as its influencing factors. In particular, the article shows how technical conditions for the work of the TV Studio were prepared (construction of the Kyzyl TV centre, installation of its equipment), its staff was formed, work rules were introduced, and presents the subjects of its first TV programs. The empirical base is made up of documents stored in the Russian State Archive of Socio-Political History and in the State Archive of the Republic of Tuva, publications of national newspapers and a survey conducted among veterans of Tuvan journalism. Most sources are introduced into scholarly debate for the first time. The research has demonstrated that the creation of the Kyzyl TV Studio was created in two stages. From the late 1950s to 1964, technical works aimed at selecting a location for the TV centre were carried out, design and estimate documentation was drafted, and sources and amount of funds for construction were defined. From 1964 to 1966, the TV centre building was erected, equipment was installed, and the preparation of national engineering and journalism staff started. It progressed rapidly thanks to a comprehensive assistance by the USSR (in funds, specialists, equipment and materials) and party control. Due to the complexity of the building being erected, scarcity of skilled construction workers and engineers and lack of materials at the final stage of construction, the construction of the TV centre protracted in its final stage. The materials necessary for the construction of the TV centre and the equipment of the TV studio were needed countrywide. The first TV broadcasts were transmitted before construction and technical works were finished in March and April 1966. On 10 June 1966, the Kyzyl TV studio, not yet completely equipped, was solemnly inaugurated. Speeding up these events, the leaders of the Communist Party sought to make use of ideological opportunities offered by television. It became a means of reproducing the political power system, where the party occupied the pivotal place. In June 1966, a TV studio appeared in the structure of the Radio and TV Broadcasting Committee of the Council of Ministers of the Tuvan ASSR. The core of its staff was made up of specialists that came from Abakan and Biysk, as well as of experienced journalists. The radio studio adopted the same rules that had been already in use by the TV studio (planning, multilevel control, internal training, an important role of public organizations, etc.). In the second half of 1966, programs “Latest News”, movies and concerts were broadcast. The preparation level of the studio’s own programs was rather low due to the lack of staff, low qualification and combination of functions by the staff. The creation of the Kyzyl TV studio was generally forced, which made it costly. The disadvantageous location of the TV centre in the lowland became a constraining factor in Tuva’s equipping for television. Increasing the coverage area of the TV centre’s signal by means of relay stations proceeded slowly, as it required significant investments. Programs of the Kyzyl TV studio were to a large extent inaccessible to the population of the Republic due to difficulties of acquisition and high prices of TV sets. Like in other cities of the country, TV programs used to be watched collectively, in flats of lucky owners of TV sets, whose number was increasing every day.

REFERENCES

1. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 556.
2. Tanova, E.T. (2014) *Lyubov' moya Kyzyl. Avtobiograficheskaya povest'* [Kyzyl, My Love. Autobiography]. Kyzyl: OAO Tyvapoligraf. pp. 66–71.
3. Bulytova, Ch.B. (2006) Stanovlenie tuvinskogo televideniya i ego razvitiye na rubezhe XX i XXI stoletiy [The formation of Tuvan television and its development at the turn of the 21st century]. *Voprosy izucheniya istorii i kul'tury narodov Tsentral'noy Azii i sopredel'nykh regionov* [On studying the history and culture of the peoples of Central Asia and adjacent regions]. Proc. of the International Conference. September 5–8, 2008. Kyzyl: Tuv. kn. izd-vo. pp. 190–196.
4. Maady, S. (1996) Bashtaygy damchydylgalar [First programs]. *Shyn*. 30th March.
5. Maady, S. (1966) Kul'tura amydyralynga ulug boluushkun [A great event in cultural life]. *Shyn*. 11th June.
6. Irgit, A.K. (1973) Perspektivy razvitiya televideniya v Tuvinskoy ASSR [Prospects for the development of television in the Tuvan ASSR]. *Uchenye zapiski Tuvinskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, literatury i istorii*. XVI. pp. 78–80.
7. Centre for archival documents of parties and public organizations of the State Archives of the Republic of Tuva (TsADPOO GART). Fund 2.
8. Kozhevnikov, O. (1965) “Golubye ekrany” – v nashikh kvartirakh [“Blue screens” in our apartments]. *Tuvinskaya pravda*. 4th May.
9. Ponomarenko, S.V. (2011) Stanovlenie i razvitiye material'no-tehnicheskoy bazy televideniya v Buryatii v 1960–1970 gody [Formation and development of the material and technical base of television in Buryatia in 1960–1970]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta – BSU Bulletin*. 7. pp. 155–159.
10. Tumanov, V. (1966) Pered tem kak vytyti v efir [Before going on air]. *Tuvinskaya pravda*. 17th March.
11. *Tuvinskaya Pravda*. (1966) Nashe televidenie segodnya i zavtra [Our television today and tomorrow]. 11th January.
12. The State Archives of the Republic of Tuva (GART). Fund 122. List 1. File 77.
13. Kenin-Lopsan, M. (1991) Tuvinskomu televideniyu – 25 let [25 years of Tuvan television]. *Molodezh' Tuvy*. 12th June.
14. Dydydy Soppa. (2013) Zhizn' v televizore [Life in the TV]. *Tsentr Azii*. 18.
15. *Tываның аныяктары* [Molodezh' Tuvy]. (1966) 2–3.
16. Centre for archival documents of parties and public organizations of the State Archives of the Republic of Tuva (TsADPOO GART). Fund 3.
17. The State Archives of the Republic of Tuva (GART). Fund 122.
18. Centre for archival documents of parties and public organizations of the State Archives of the Republic of Tuva (TsADPOO GART). Fund 67.
19. *Shyn*. (1966) Kyzylдын televideniyesi azyhtyngan [Kyzyl television opened]. 11th June.
20. Ostapchuk, A. (1966) Pokazyvaet Kyzyl [Kyzyl shows]. *Tuvinskaya pravda*. 19th June.

УДК 94(470+571)
DOI: 10.17223/19988613/46/9

М.О. Тяпкин

СОДЕРЖАНИЕ И ГЕНЕЗИС ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЛЕСНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Рассматриваются теоретические аспекты государственной политики. Показаны особенности формирования государственной лесной политики в России. Описывается содержание государственной лесной политики, находившееся в тесной связи с политическим режимом и социально-экономическим развитием страны. Отмечается особая роль важнейших элементов государственной лесной политики – рационального лесопользования и охраны лесов. Характеризуется эволюция подходов к пониманию сущности государственной лесной политики.

Ключевые слова: лесная политика; принципы лесной политики; лесная собственность; лесное хозяйство; охрана лесов.

В январе 2016 г. Президент Российской Федерации подписал указ, согласно которому «в целях привлечения внимания общества к вопросам экологического развития Российской Федерации, сохранения биологического разнообразия и обеспечения экологической безопасности» 2017 г. объявлен в России годом экологии. Россия является одной из крупнейших лесных держав. Леса в нашей стране являются стратегическим ресурсом, фактором сохранения биологического разнообразия и обеспечения экологической безопасности. Каждый гражданин нашей страны имеет право на благоприятную окружающую среду, а государство обязано создать условия и гарантии для реализации этого права. Обострившиеся в последние десятилетия экологические проблемы и другие неблагоприятные факторы, в том числе в сфере лесопользования, требуют комплексного подхода к формированию долгосрочной государственной лесной политики, которая должна определить перспективные направления развития лесного сектора России и стать основой для формирования и функционирования рационального лесного хозяйства.

В нашей стране накоплен богатый исторический опыт организации взаимодействия человека и природы, в том числе в сфере эксплуатации и охраны лесных ресурсов. Этот опыт требует изучения, анализа, систематизации учета и рецепции в практической деятельности государственных и общественных природоохранных организаций. В рамках данной статьи мы делаем попытку рассмотреть процесс формирования государственной лесной политики в России и проследить изменения ее содержания, которые происходили под влиянием разнородных социально-экономических и политических факторов. Научная новизна такого подхода заключается в том, что он предполагает проведение содержательного анализа и рассмотрение генезиса лесной политики России с точки зрения теории государственного управления на конкретном историческом материале.

Государственная политика, с точки зрения теории государственного управления, определяется как совокупность целей, задач, приоритетов, принципов, стра-

тегических программ и плановых мероприятий, которые разрабатываются и реализуются органами государственной власти с учетом интересов населения с целью достижения позитивных результатов в определенной сфере общественных отношений [1. С. 75].

Для разработки и реализации государственной политики, являющейся (в идеале) концентрированным выражением интересов всего общества, государство создает систему специализированных административных органов. Ответственными за реализацию государственной политики являются административные органы, создаваемые специально для осуществления государственного управления в конкретной сфере общественных отношений. Правовой основой деятельности органов и учреждений, ответственных за реализацию государственной политики, является совокупность правовых норм, которая со временем может складываться в отдельную отрасль, регулирующую конкретную сферу общественных отношений.

Политический или управленческий цикл развития государственной политики проходит в своей эволюции несколько этапов. Начальной стадией формирования государственной политики является ее инициирование, т.е. определение реально существующих общественных проблем и возможных путей их решения. На этом же этапе происходит первоначальное определение целей государственной политики, т.е. основных направлений ее будущего развития и возможных и желаемых позитивных результатов, которые могут получать формальное выражение в разного рода программных документах: стратегиях, концепциях и пр.

Следующим этапом становится разработка и легитимация государственной политики путем формирования нормативно-правовой базы, определения принципов, методов, технологий и средств реализации поставленных целей, а также создания системы органов и учреждений, ответственных за ее реализацию. Все это вместе взятое представляет собой так называемый оптимальный механизм реализации политики, включающий в себя организационно-управленческую, нормативно-правовую, финансово-экономическую составляющую, а также систему управления персоналом. Си-

стема может подвергаться трансформациям в процессе поиска оптимальной модели функционирования.

После формирования базовых установок государственной политики начинается ее непосредственная реализация, в процессе которой содержание и вектор государственной политики могут меняться в зависимости от объективных факторов, а также субъективных взглядов и устремлений ее инициаторов или исполнителей. Для успешной реализации государственной политики могут быть использованы экономические, административные, правовые и иные методы воздействия, а также ресурсы, имеющиеся в распоряжении государства. Промежуточные результаты политики выявляются в процессе мониторинга, который может стать основанием для корректировки выбранного курса в целом или по отдельным направлениям вплоть до признания его неэффективным с последующим прекращением.

Все вышесказанное относится и к такой разновидности государственной политики, как лесная политика, основной задачей которой является определение «принципов и направлений деятельности, принятых органами государственной власти в соответствии с социально-экономической и природоохранной политикой страны в целях формирования решений в области управления, использования и сохранения лесов в интересах общества» [2. С. 6].

Складывание лесной политики происходило в тесной зависимости и под влиянием политических и социально-экономических условий и факторов. Значение и ценность леса предопределили довольно раннее включение лесных массивов в гражданско-правовой оборот. Первые правовые нормы, регламентировавшие отношения в сфере лесопользования, касались защиты интересов собственника от незаконных посягательств на его лесное имущество, поэтому ряд исследователей датируют процессы зарождения лесного права временем принятия Русской правды [3. С. 68]. Однако разрозненные правовые нормы не складывались в единую правовую систему, поскольку для этого не существовало объективных причин и предпосылок. В. Врангель в работе «История лесного законодательства Российской империи» отмечал, что «огромное изобилие лесов, отдаленность от берегов моря и, наконец, самое политическое состояние России, раздробленной на множество мелких удельных княжений и страждущей под тяжким игом полудиких монголов и татар, достаточно объясняют причину позднего появления у нас лесных законов» [4. С. 2–3]. В допетровское время нормативные акты в сфере лесного хозяйства носили характер «случайных распоряжений правительства, вызываемых каждый раз частными случаями» [5. С. 3].

Строго определенной даты возникновения государственной лесной политики назвать невозможно, поскольку этот процесс может «рассматриваться как акт одноразовый и, вместе с тем, непрерывно длящийся» [6. С. 7]. Однако начало оформления основ государ-

ственной лесной политики, на наш взгляд, можно датировать временем правления Петра I, когда потребность государства в корабельной древесине предопределила необходимость законодательного регулирования отношений в сфере лесопользования и лесоохраны, а также привела к созданию специализированного управленческого аппарата.

В широком смысле слова лесную политику можно определить как отношение государства к лесу и мотивы этого отношения (В.Н. Петров), в связи с чем одной из важнейших черт отечественной государственной лесной политики в дореволюционный период являлась ее тесная зависимость от личности монарха, поскольку «при одних государях лесоохранный закон поддерживался и даже несколько развивался, при других же его значение падает и даже сводится к ничтожеству» [7. С. 344].

Известный дореволюционный лесовод Н.М. Зобов связывал отсутствие до XVIII в. лесного хозяйства и лесного законодательства с тем, что «до Петра Первого леса в России не имеют почти никакого значения. Ими всякий мог пользоваться как воздухом или водой. Это эпоха изобилия лесов при малой в них потребности». Причиной появления лесного хозяйства в России становится потребность в корабельном лесу, «потому леса приобретают государственное значение, создается строгое лесное законодательство и управление» [8. С. 80].

Формирование государственной лесной политики было начато благодаря упорству Петра I в реализации идеи создания военного и торгового морского флота и превращения России в морскую державу. По мнению И.В. Шутова, примеров подобного «феноменального внимания первого лица государства к лесам не было и нет не только в России, но и в других странах» [9. С. 10–11]. Роль Петра I в появлении российского лесного хозяйства была так велика, что председатель Лесного общества В.Т. Собичевский, выступая 2 марта 1896 г. на торжественном заседании по случаю 25-летия общества, охарактеризовал российского императора как «первого русского древовода и лесовода» (цит. по: [10. С. 154]).

В основу государственной лесной политики Петра I было положено несколько принципов: преобладание государственных интересов над партикулярными, обязательная служба дворян по надзору за заготовкой и охраной корабельных лесов, ограничение свободного лесопользования, назначение суровых наказаний за рубку ценных деревьев.

Насколько сильно зависел вектор развития государственной лесной политики от взглядов и устремлений Петра I, настолько же существенно ее содержание изменилось после его смерти. В связи с этим какой-либо системной лесной государственной политики вплоть до второй половины XVIII в. в Российской империи не существовало. Стратегическое планирование отошло на второй план и уступило место поиску тактических

способов решения существовавших и мнимых проблем в развитии лесной отрасли в зависимости от политической конъюнктуры.

Лесная политика претерпевает значительные изменения и приобретает новые черты начиная со второй половины XVIII в., поскольку принципы, заложенные в нее Петром I, устарели и требовали обновления. Важнейшими направлениями реформирования лесной отрасли стали восстановление прав частных лесовладельцев на собственные лесные дачи, постепенное освобождение дворян от обязательной лесной службы, изменение правового статуса лесов, исходя из их владельческой принадлежности, а также коммерциализация казенной лесной отрасли.

В соответствии с указом Екатерины II от 22 сентября 1782 г. помещики получили неограниченное право собственности на все леса, произрастающие в пределах их владений, в том числе имевшие статус заповедных. В указе были закреплены два самых распространенных заблуждения относительно российского лесного хозяйства. Во-первых, законодатель полагал, что «казенные наши дачи столько изобилуют лесными произрастаниями, что флоты наши всегда тем могут удовлетворяться». Во-вторых, то, что «радетельные помещики приложат старание их о всевозможном охранении лесов своих от напрасного истребления и о размножении растений их в собственную свою и потомства их пользу» [11].

Разделение лесного фонда на строго различаемые по владельческой принадлежности категории, произошедшее при Екатерине II, заложило новую парадигму развития дореволюционной лесной политики. Государственные леса подлежали хозяйственному устройству, эксплуатации и охране как казенное имущество, «правительство стало обращать внимание на важность для государственных интересов установления надлежащего хозяйства в лесах» [12. С. 1]. Устройство казенных лесов должно было служить примером для частных лесовладельцев, однако лесное ведомство, «обладавшее наибольшей суммой специальных знаний, систематически устранялось от всякого влияния на развитие хозяйства в лесах частновладельческих, хотя бы даже в форме содействия» [13. С. 325]. Таким образом, состояние частных лесов, освобожденных от правительственного надзора, полностью зависело от их владельцев.

Дореволюционный правовед С. Ведров писал, что в 1782 г. «кончается в России история лесоохранения и начинается, с одной стороны, история управления казенными лесами, а, с другой, печальная летопись истребления частных лесов их собственными хозяевами вследствие малопродуктивности лесной собственности вообще и стремления к превращению лесной недвижимой собственности в деньги» [14. С. 171]. Частные леса, вышедшие из-под государственной опеки, стали быстрыми темпами уничтожаться, поскольку «владельцы старались как можно скорее обратить их в деньги, опа-

саясь, чтобы рубка опять не воспрещена была правительством» [15. С. 502].

Правление Павла I отмечено кардинальными переменами в системе лесного хозяйства Российской империи, прежде всего в сфере лесоуправления. Вместе с тем говорить о том, что коренным образом была изменена государственная лесная политика, было бы преувеличением. На наш взгляд, речь шла скорее о постепенной модернизации существовавшей системы. Лесное хозяйство по-прежнему рассматривалось как сырьевой источник кораблестроительной индустрии. Для более эффективного управления корабельными лесами и их охраны в 1798 г. был учрежден Лесной департамент, именовавшийся первоначально Департамент для Лесной части при Интендантской экспедиции Адмиралтейств-коллегии. Лесной департамент за короткий отрезок времени не только сохранил и приумножил все достижения петровского времени, но и создал условия для внедрения более совершенных форм управления лесами, как в центре, так и на местах [16. С. 47].

На протяжении всего дореволюционного периода Лесной департамент оставался центральным органом государственного лесного управления. Несмотря на периодические модернизации различных сторон его деятельности, основные задачи по сохранению, умножению и рациональному использованию казенного лесного фонда оставались неизменными. Нахождение лесного ведомства в составе того или иного центрального учреждения довольно четко выражало вектор развития государственной лесной политики и характер задач, стоявших перед лесным ведомством. Лесная служба являлась структурной частью сначала военноморского, затем финансового учреждений, но окончательно «обосновалась» в ведомстве, отвечавшем за эксплуатацию государственных земельных и лесных ресурсов (1837–1894 гг. – Министерство государственных имуществ, 1894–1905 гг. – Министерство земледелия и государственных имуществ, 1905–1915 гг. – Главное управление землеустройства и земледелия, 1915–1918 гг. – Министерство земледелия, 1918–1919 гг. – Министерство земледелия и колонизации).

В начале XIX в. возникает и постепенно наполняется конкретным содержанием новая государственная лесная политика, основными принципами которой стали повышение рентабельности казенного лесного хозяйства и превращение леса в источник постоянных доходов для государства. Для реализации этой задачи предпринимались конкретные действия: формирование новой нормативной базы (в том числе принятие в 1802 г. первого Лесного устава), приведение лесов в известность и разделение их на лесосеки, развитие лесопользования и лесоохраны, лесной торговли, в том числе внешней, формирование системы лесоводческих учебных заведений и т.д. Содержание этих и других преобразований рассматривалось нами в предыдущих работах [17. С. 214–220]. В рамках данной статьи мы ограничимся констатацией факта, что к середине

XIX в. в России была сформирована новая лесная политика, лейтмотив которой выразил М.М. Орлов, который писал, что «цель лесного хозяйства заключена в извлечении из леса, при наименьших затратах, постоянного наибольшего дохода, при условии не только сохранения леса, но и его постепенного улучшения, влекущего за собой в будущем поднятие доходности» [18. С. 374].

Основным собственником лесов в дореволюционной России, при наличии многообразия форм лесной собственности, оставалось государство, которое осуществляло использование и охрану лесов непосредственно или передавая свои полномочия другим ведомствам, в чьем управлении и распоряжении находились выделенные лесные участки.

По официальным данным Лесного департамента, к 1914 г. общая площадь лесов европейской и азиатской России составляла около 480 млн дес., из которых в ведении казенного лесного управления находилось около 338 млн дес., т.е. 70% лесных ресурсов. Основные лесные владения казны были сосредоточены в азиатской части страны, однако даже к началу Первой мировой войны Лесной департамент признавал, что «сколько-нибудь точными сведениями о пространстве лесов Азиатской России мы в настоящее время не располагаем» [19. С. 203]. По результатам командировки в Сибирь в 1910 г. управляющий ГУЗиЗ докладывал императору, что огромные лесные массивы, принадлежавшие казне в Азиатской России, практически не приведены в известность [20. С. 304]. Согласно перспективным планам Лесного департамента к 1919 г. должно было закончиться лесоустройство в европейской части страны, а к 1929 г. планировалось привести в известность леса Азиатской России [21. С. 26].

Леса других форм собственности, в том числе частные и общественные, в Европейской России составляли около 35%, в азиатской части – около 28%. Указанные 28%, или 86 млн дес., включали в себя не только леса Кабинета ЕИВ, переселенческие и казачьи наделы, но и лесные территории, которые не были обследованы и закреплены за казной. С правовой точки зрения последняя категория лесов не являлась собственностью казны, и местное население пользовалось ими свободно без каких-либо ограничений. Из общей лесной площади азиатской части страны более 220 млн дес. (56,7%) составляли леса единственного владения казны, 8,9% – леса, из которых происходило выделение наделов крестьянам, 34,4% – неразмежеванные между населением и казной лесные массивы. Частное лесовладение присутствовало лишь в европейских губерниях, где его доля составляла 21% от общей лесной площади (35 млн дес.) [22. С. 20–25].

Лесоводческое профессиональное сообщество дореволюционной России осознавало необходимость наличия единого подхода к ведению лесного хозяйства на территории всей страны, однако в условиях многообразия форм собственности на леса реализовать это было

невозможно. Лесная политика по своему определению может быть только государственной, и не только потому, что основные лесные запасы находятся в государственной собственности, но, главное, по причине того, что именно государство имеет необходимые механизмы реализации, контроля и принуждения. Немаловажным является также то обстоятельство, что государственная лесная политика должна обладать внутренним единством, иметь в своей основе принципы, определяемые и реализуемые в масштабах всего государства, всего лесного фонда страны.

В середине XIX в. начинается теоретическая разработка основополагающих принципов лесной политики, сначала в работах немецких ученых [23], а затем в работах отечественных лесоводов и правоведов [24–26]. Основной задачей этих исследований являлась разработка системы рационального лесопользования, которое учитывало бы биологические и социально-экономические факторы развития лесного хозяйства.

В начале XX в. в связи с увеличением роли лесного хозяйства в экономическом развитии страны у исследователей появляется устойчивый интерес к вопросам развития государственного лесного хозяйства и лесной политики [27–34]. В исследовании Н.И. Фалеева «Лесное право» присутствовало определение лесной политики как идеи о целесообразном ведении лесного хозяйства в индивидуальных, национальных и общечеловеческих интересах [35. С. 25]. Содержание лесной политики сводилось преимущественно к поиску и определению наиболее рационального способа эксплуатации лесов в зависимости от их владельческой принадлежности.

После Февральской революции 1917 г. коренные изменения государственного механизма монархической России затронули лесное ведомство, такое, на первый взгляд, далекое от политики. Лесное хозяйство не могло развиваться бессистемно, оно требовало формирования новых подходов и принципов организации, отвечавших изменившимся политическим реалиям. Вопросы собственности на землю и лес оказались краеугольным камнем русской революции. Идеи социализации и национализации природных ресурсов, до того времени существовавшие лишь на теоретическом уровне, в программах политических партий вдруг получили реальную возможность претворения в жизнь. Революция и смена власти создали благоприятную почву для преодоления недостатков существовавшей лесохозяйственной системы прежде всего в вопросах организации охраны лесов.

На открывшемся в апреле 1917 г. в Петрограде I Всероссийском съезде лесоводов и лесных техников председатель Временного совета Всероссийского союза лесоводов, известнейший ученый-лесовод Г.Ф. Морозов обозначил главные задачи лесоводческого сообщества следующим образом: признание лесов государственным достоянием; широкое и планомерное удовлетворение лесом местного населения; служение

лесу под лозунгом «Берегите лес!». Участники съезда проголосовали за национализацию лесов, поддерживая позицию Г.Ф. Морозова: «Лес должен принадлежать только государству, и последнее должно быть хозяином в нем. <...> Государственность — это общность интересов; лес, принадлежа государству, принадлежит тем самым всем, и только государство может целесообразно распоряжаться им в интересах всенародных» [36. С. 50]. В установлении единой государственной формы собственности на лес лесоводам виделся единственный способ его сохранения в период революционной смуты и условие для развития лесного хозяйства в послереволюционные годы.

Дальнейшее развитие революционных событий 1917 г. создали предпосылки для формирования рационального лесного хозяйства на основе единого правового режима владения лесами, поскольку «изменение формы собственности (провозглашение исключительной государственной социалистической собственности на леса) повлекло за собой изменение системы управления лесным хозяйством и формирование новой лесной политики» [37. С. 41]. Одним из основных идеологов формирования новой государственной лесной политики Советской России, основанной на принципе общенародной собственности на лес, стал Н.И. Фалеев — руководитель лесного ведомства и член коллегии Народного комиссариата земледелия РСФСР.

Изменения государственного устройства привели к тому, что на страницах прессы, в лесоводческой литературе, в выступлениях представителей различных общественных организаций начинают активно обсуждаться предложения о том, как распорядиться судьбой российских лесов и сформировать новую лесную политику [38–53]. Национализация земель и лесов повлекла за собой коренной пересмотр системы лесопользования, лесного законодательства и других элементов лесохозяйственного механизма. Потребовались новые методологические подходы к формированию и реализации государственной лесной политики. Многие из них нашли отражение в принятом в 1923 г. первом Лесном кодексе РСФСР.

Однако надежды лесоводов не оправдались: советское лесное хозяйство оказалось в подчиненном положении по отношению к лесной промышленности, а приоритетом его развития стала идея о максимально широкой эксплуатации природных лесных ресурсов. Некоторые вопросы государственной лесной политики косвенно затрагивались в более поздних обобщающих работах, рассматривающих итоги развития лесного хозяйства за определенные периоды [54–59]. Однако необходимость в разработке единой государственной лесной политики отпала, сам термин вообще был исключен из профессионального оборота, результатом чего стали содержательная неопределенность лесной политики и отсутствие комплексной разработки данной проблематики на протяжении всего советского периода [37. С. 22].

В постсоветский период вопросы лесной политики вновь приобрели новое звучание, что, как и раньше, было вызвано коренными преобразованиями в политической и социально-экономической сферах. История развития лесного хозяйства последних десятилетий насыщена реформами различного масштаба и последствий, что находило отражение в теоретических исследованиях. Ключевыми событиями в новейшей истории лесной отрасли стало включение Федерального агентства лесного хозяйства в состав Министерства природных ресурсов и экологии РФ в 2000 г. и принятие в 2006 г. нового Лесного кодекса РФ. Безусловно, основной целью этих и других трансформаций являлась оптимизация системы управления лесным хозяйством. Экспертные оценки проводимых преобразований давались самые разные, вплоть до полного неприятия предлагаемых нововведений. Современная модель управления лесной отраслью и система нормативного регулирования лесных правоотношений все еще далека от совершенства. Рациональное лесопользование, в том числе сохранение лесных ресурсов, невозможно без целенаправленной государственной лесной политики. Среди современных исследований, посвященных изучению государственной лесной политики, можно выделить работы А.П. Петрова, В.Н. Петрова, С.К. Быковского, И.В. Лебедева, С.В. Мясникова, Р.В. Боброва, С.А. Иванова и др. [6; 37; 60. С. 17–30; 61. С. 55–57; 62. С. 166–169; 63; 64. С. 428–431; 65. С. 20–22]. Лесная политика авторами рассматривается как самостоятельный объект и как составная часть экологической и природоохранной политики, но вместе с тем следует согласиться с С.В. Мясниковым, что «на сегодняшний день в отечественной науке нет однозначных определений лесной политики, неясен вопрос о ее сущности» [64. С. 428].

В 2008 г. совместным приказом Министерства промышленности и торговли и Министерством сельского хозяйства была утверждена «Стратегия развития лесного комплекса Российской Федерации на период до 2020 года», которая определяет направления развития лесной промышленности. Однако его существенным недостатком является то, что он «предусматривает меры по развитию лесной промышленности без принятия достаточных взаимосогласованных мер и направлений развития в области охраны и защиты лесов» [61. С. 55].

В связи с этим возникла насущная необходимость формирования единой концепции развития всего огромного лесохозяйственного и лесопромышленного комплекса, поскольку Россия обладает одними из самых больших запасов древесины в мире. В 2012 г. Федеральным агентством лесного хозяйства был подготовлен проект лесной политики России, который был утвержден распоряжением Правительства РФ № 1724-р от 26.09.2013 г. под названием «Основы государственной политики в области использования, охраны, защиты и воспроизводства лесов в Российской Федерации на период до 2030 года». Документ носит концептуальный

характер и определяет принципы, цели и задачи государства в области использования, сохранения и воспроизводства лесов, а также механизмы их реализации.

Условием успешной реализации государственной лесной политики должна стать консолидация усилий всех заинтересованных сторон: и теоретиков, смотрящих «на лес», и практиков, смотрящих «из леса» (по образному выражению В.Н. Петрова). Не вызывает также сомнения и то, что степень эффективности реализации государственной политики, как в целом, так и по отдельным направлениям, напрямую зависит от учета интересов общества, его ценностных установок и конкретно-исторических условий, а также имеющегося исторического опыта. И.В. Лебедев справедливо отмечал, что характер взаимоотношений государства и леса зависит от имеющихся традиций в области использования лесных ресурсов, в связи с чем «построение “будущей лесной политики” невозможно без связи с “прошлым” и “настоящим”» [63. С. 4].

Таким образом, государственная лесная политика России представляет собой необходимый и неотъемлемый элемент системы рационального природопользования. Формирование лесной политики происходило в тесной зависимости от социально-экономической и

политической обстановки в стране, а также взглядов главы государства на роль лесной отрасли в хозяйственном механизме. Содержание лесной политики на протяжении последних трехсот лет неоднократно менялось, однако лесные ресурсы всегда играли особую роль в формировании государственного бюджета, укреплении обороноспособности и обеспечении экономической и экологической безопасности страны.

Исторический опыт показывает, что наиболее приемлемой формой собственности на лес является государственная. Несмотря на относительную громоздкость и «неповоротливость» государственной системы лесного хозяйства, только единообразие формы собственности способно обеспечить сохранность ценных лесных ресурсов. Вместе с тем необходимо создавать систему общественного участия в формировании государственной лесной политики с целью создания гарантий реализации права граждан на благоприятную окружающую среду. Сегодня в России принято несколько нормативных актов, устанавливающих основополагающие принципы лесной политики, однако их успешная реализация возможна лишь при условии учета интересов и консолидации сил всех заинтересованных в сохранении нашей уникальной природы сторон.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственная политика и управление : в 2 ч. М., 2006. Ч. 1. Концепции и проблемы государственной политики и управления.
2. Лесная политика России. Проект. М., 2012.
3. Манин В.А. Зарождение русского лесного законодательства и проблема правовой регламентации охраны лесов в России до конца первой четверти XVIII в. // Вестник Югорского государственного университета. 2007. Вып. 7.
4. Врангель В. История лесного законодательства. СПб., 1841.
5. Романовский М. Курс русского лесного законодательства. СПб., 1881.
6. Петров В.Н. Лесная политика и лесное право. СПб., 2007.
7. Арнольд Ф.К. История лесоводства (репринтное изд. 1895 г.). М., 2004.
8. Зобов Н.М. Петр Великий как первый лесовод в России // Лесной журнал. 1872. № 2.
9. Шутов И.В. Вехи лесного хозяйства России. СПб., 2012.
10. Рохленко Д. Петр Великий. Флот и лес // Наука и жизнь. 2003. № 5.
11. Именной, данный Сенату указ «О распространении права собственности владельцев на леса, в дачах их растущие» (22 сентября 1782 г.) [№ 15518] // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. СПб., 1830. Т. 21. С. 676.
12. Нехорошев Т.В. Краткий обзор деятельности казенного лесного управления за 1893–1902 гг. СПб., 1903.
13. Шилов Д. Наше лесоохранение. Критические очерки по поводу магистерской диссертации Ведрова «Лесоохранение по русскому праву» // Лесной журнал. 1880. Кн. 5.
14. Ведров С. О лесоохранении по русскому праву. СПб., 1878.
15. Вейнберг Я. Лес. Значение его в природе и меры к сохранению. М., 1884.
16. Зверев А.И. 205 лет образования Лесного департамента России // Устойчивое лесопользование. 2003. № 1.
17. Тяпкин М.О., Соболева Т.Н. Некоторые аспекты лесной политики Российской империи в первой четверти XIX в. // Известия Алтайского государственного университета. 2015. № 4/2 (88).
18. Орлов М.М. Организация лесного хозяйства // Энциклопедия русского сельского хозяйства. СПб., 1902. Т. VI.
19. Фаас В.В. Лесные богатства Азиатской России // Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 2.
20. Записка Председателя Совета министров и главноуправляющего землеустройством и земледелием о поездке в Сибирь в 1910 г. // Вопросы колонизации. 1911. № 8.
21. Страхов В.В. О реформе лесоустройства в России // Использование и охрана природных ресурсов в России. 2010. № 3.
22. Результаты бывшего казенного лесного хозяйства к 1914 году / под ред. В.В. Фааса. СПб., 2010.
23. Шваппах А. Лесная политика, политика охоты и рыболовства / пер. с нем. А.В. Костяева. СПб., 1910.
24. Анненков С. О лесном богатстве России и о выгоднейшем способе разработки его. СПб., 1856.
25. Рудзкий А. Лесные беседы. Для русских лесовладельцев и лесничих. СПб., 1881.
26. Кайгородов Д. Беседы о русском лесу. СПб., 1881.
27. Рудзкий А. Лекции государственного лесного хозяйства, читанные в 1885–1886 гг. в Петербургском лесном институте. СПб., 1917.
28. Арнольд Ф. Русский лес : в 3 т. СПб., 1893–1899.
29. Общие основания организации лесного хозяйства. Составленные по лекциям проф. М.М. Орлова. СПб., 1903.
30. Рудзкий А. К вопросу о прямой роли леса в народном хозяйстве. СПб., 1906.
31. Орлов М.М. Нужды русского лесного хозяйства. СПб., 1909.
32. Зайцев Д.М. Государственное лесное хозяйство в связи с аграрной реформой и нуждами промышленности. СПб., 1910.
33. Сазонов Т. Лесное государственное хозяйство. СПб., 1912.

34. Леонтьев А., Мещерский И. Лес. Значение леса. Как хозяйствовать в лесу и как разводить его. СПб., 1913.
35. Фалеев Н.И. Лесное право. М., 1912.
36. Истомина Э.Г. Лесоохранительная политика России в XVIII – начале XX в. // Отечественная история. 1995. № 4.
37. Петров В.Н. Лесная политика и охрана лесов. СПб., 1998.
38. Богословский С.А. К вопросу о государственном лесном хозяйстве. Пг., 1923.
39. Богословский С.А. Как устраивается правильное лесное хозяйство. Пг., 1919.
40. Кузнецов Н.А. Государственные леса и пользование ими при земельной реформе. Киев, 1917.
41. Кузнецов Н.А. Организация лесного хозяйства. М., 1919.
42. Морозов Г.Ф. О лесоводственных устоях. М.; Пг., 1922.
43. Орлов М.М. Об основах русского государственного лесного хозяйства. Пг., 1918.
44. Переход В.И. Теория лесного хозяйства. Минск, 1925.
45. Переход В.И. Введение в учение о лесном хозяйстве. Ветлуга, 1920.
46. Сажин Д.К. Крестьянские леса. М., 1918.
47. Ткаченко М.Е. Задачи лесной политики на Севере. Доклад совещанию по изучению Севера при РАН. Пг., 1923.
48. Ткаченко М.Е. Изучение лесных богатств СССР и путей их использования. М., 1929.
49. Фалеев Н.И. Коммунистическое лесное хозяйство // Лесная политика. М., 1918. Вып. 4.
50. Фалеев Н.И. Лесные органы // Лесная политика. М., 1918. Вып. 6.
51. Фалеев Н.И. Отмена частной собственности // Лесная политика. М., 1918. Вып. 2.
52. Фалеев Н.И. Принципы обобществления лесов // Лесная политика. М., 1918. Вып. 1.
53. Шульц А.И. Основы советской лесной политики. Л., 1925.
54. Лесная промышленность СССР. 1917–1957 : в 3 т. М., 1957.
55. Лесное хозяйство СССР за 50 лет (1917–1967 гг.). М., 1967.
56. Перепечин Б.М., Филинов Н.П. Лесопользование в СССР (1946–1962 гг.). М., 1964.
57. Цапляев В.П. Лесное хозяйство СССР (Основные итоги лесохозяйственной деятельности). М., 1965.
58. Лесное хозяйство СССР. М., 1977.
59. Цымек А.А. Социалистическое лесное хозяйство. М., 1977.
60. Бобров Р.В. Экономические аспекты лесной политики // Лесное хозяйство. 1990. № 11.
61. Быковский В.К. К вопросу о понятии государственной лесной политики // Юридический мир. 2014. № 2.
62. Иванов С.А. Государственная лесная политика: основные направления и роль в стимулировании рационального лесопользования // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2009. № 4 (28).
63. Лебедев И.В. Лесная политика советского государства: исторический опыт и проблемы : дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.
64. Мясников С.В. Государственная лесная политика в России: проблемы и противоречия // Проблемы современной экономики. 2012. № 4 (44).
65. Петров А.П. Экономические и правовые основы формирования региональной лесной политики // Лесное хозяйство. 1995. № 1.

Tyapkin Mikhail O. Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Barnaul, Russia). E-mail: tyapkin@rambler.ru

CONTENT AND GENESIS OF THE STATE FOREST POLICY OF RUSSIA.

Keywords: forest policy; principles of forest policy; forest property; forestry; forest conservation.

The aim of this work is studying of process of formation of the state forest policy and change of its contents depending on the political regime existing in the country and the directions of social and economic development of the state. The article was prepared with the attraction of a wide range of the researches devoted to various problems of the state forest policy. Works of Russian and foreign historians, legal experts and forestry specialists are used. In the article the theoretical characteristic of the state forest policy is considered from the point of view of the theory of public administration. As result of the work done the author came to the following conclusions. The maintenance of the state forest policy during the pre-revolutionary period was in close dependence on the identity of the monarch and his political views. The state forest policy of Russia began its formation in the XVIIIth century, which was directly connected with activities in formation of military and trade navy by Peter I. State's requirement of wood for ships has predetermined need of legislative regulation in the sphere of forest exploitation and forest conservation, and also has led to creation of specialized administrative agency. In the second half of the 18th century the state forest policy got new features: the rights of private forest owners were restored, noblemen were exempted from obligatory forest service, the legal status of the forests changed, forestry gradually became commercial. Benefit extraction from the state forest resources operation becomes the basic principle of forest policy at the beginning of the XIXth century. Realization of the state forest policy has been assigned on the Forest Department created in 1798. One of the problems of Russian forest policy was the variety of forms of ownership. After changing of a political regime in the country in 1917 the sole state ownership on all forest resources became the basic principle of forest policy. Nationalization of the lands and the forests has caused radical revision of system of forest management, the forest legislation and other elements of the forestry mechanism. However the Soviet forestry developed in the direction of the maximum wide use of natural resources therefore it was dependent on the forest industry. Theoretical research of the state forest policy during the Soviet period was not practically conducted. At the present day the forestry is in process of searching of optimum model of functioning. Rational forest exploitation, including preservation of forest resources, is impossible without purposeful state forest policy. At the process of the formation and the realization of the state forest policy it is necessary to consider the domestic historical experience.

REFERENCES

1. Smorgush, L.V. (ed.) (2006) *Gosudarstvennaya politika i upravlenie: v 2-kh ch.* [State Policy and Management: In 2]. Part 1. Moscow: ROSSPEN.
2. Russia. (2012) *Lesnaya politika Rossii. Proekt* [Russian forest policy]. Moscow: [s.n.].
3. Manin, V.A. (2007) *Zarozhdenie russkogo lesnogo zakonodatel'stva i problema pravovoy reglamentatsii okhrany lesov v Rossii do kontsa pervoy chetverti XVIII v.* [The origin of Russian forest legislation and the problem of legal regulation of forest protection in Russia until the late 18th century]. *Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta*. 7.
4. Wrangel, V. (1841) *Istoriya lesnogo zakonodatel'stva* [History of forest legislation]. St. Petersburg: Fisher.
5. Romanovskiy, M. (1881) *Kurs russkogo lesnogo zakonodatel'stva* [Russian forest legislation]. St. Petersburg: A.F. Devrien.

6. Petrov, V.N. (2007) *Lesnaya politika i lesnoe pravo* [Forest policy and forest law]. St. Petersburg: Saint Petersburg State Forest Technical University.
7. Arnold, F.K. (2004) *Istoriya lesovodstva* [The history of forestry]. Moscow: MSFU.
8. Zobov, N.M. (1872) Petr Velikiy kak pervyy lesovod v Rossii [Peter the Great as the first silviculturist in Russia]. *Lesnoy zhurnal*. 2.
9. Shutov, I.V. (2012) *Vekhi lesnogo khozyaystva Rossii* [Landmarks of forestry in Russia]. St. Petersburg: St. Petersburg Polytechnic University.
10. Rokhlenko, D. (2003) Petr Velikiy. Flot i les [Peter the Great. Fleet and Forest]. *Nauka i zhizn'*. 5.
11. Russia. (1830) Imennoy, dannyy Senatu ukaz "O rasprostraneni prava sobstvennosti vladel'tsev na lesa, v dachakh ikh rastushchie" (22 sentyabrya 1782 g.) [№ 15518] [Decree "On the extension of the ownership rights to forests in their summer cottages" (September 22, 1782) [No. 15518]]. In: *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Vol. 21. St. Petersburg: [s.n.].
12. Nekhoroshev, T.V. (1903) *Kratkiy obzor deyatel'nosti kazennogo lesnogo upravleniya za 1893–1902 gg.* [A brief overview of the activities of the state forest management for 1893–1902]. St. Petersburg: Novel Press.
13. Shilov, D. (1880) *Nashe lesookhraneniye. Kriticheskie ocherki po povodu magisterskoy dissertatsii Vedrova "Lesookhraneniye po russkomu pravu"* [Our forest preservation. Critical essays on the Master's Thesis "Forest conservation on Russian law" by Vedrov]. *Lesnoy zhurnal*. 5.
14. Vedrov, S. (1878) *O lesookhraneni po russkomu pravu* [About forest conservation under Russian law]. St. Petersburg: [s.n.].
15. Weinberg, Ya. (1884) *Les. Znachenie ego v prirode i mery k sokhraneniyu* [Forest. Its meaning in nature and measures to preserve]. Moscow: E.Lissner i Yu.Roman.
16. Zverev, A.I. (2003) 205 let obrazovaniya Lesnogo departamenta Rossii [205 years of education of the Forest Department of Russia]. *Ustoychivoe lesopol'zovanie – Sustainable Forestry*. 1.
17. Tyapkin, M.O. & Soboleva, T.N. (2015) The Evolution of the Forest Management System of the Russian Empire in the Second Part of the 18th Century. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai State University Journal*. 4/2 (88). DOI: 10.14258/izvasu(2015)4.2-36
18. Orlov, M.M. (1902) Organizatsiya lesnogo khozyaystva [Organization of forestry]. In: Rudzkiy, A.F. (ed.) *Entsiklopediya russkogo sel'skogo khozyaystva* [Encyclopedia of Russian Agriculture]. Vol. 6. St. Petersburg: A.F. Debrien.
19. Faas, V.V. (1914) Lesnye bogatstva Aziatskoy Rossii [Forest wealth of Asian Russia]. In: Tsvetkov, M. (ed.) *Aziatskaya Rossiya* [Asian Russia]. Vol. 2. St. Petersburg: The Resettlement Department of the General Directorate for Land Management and Agriculture.
20. The Council of Ministers and the Chief Executive of Land Management and Agriculture. (1911) Zapiska Predsedatelya Soveta ministrov i glavnoy upravlyayushchego zemleustroystvom i zemledeliem o poezdke v Sibir' v 1910 g. [Note by the Chairman of the Council of Ministers and the Chief Executive of Land Management and Agriculture on his trip to Siberia in 1910]. *Voprosy kolonizatsii*. 8.
21. Strakhov, V.V. (2010) O reforme lesoustroystva v Rossii [On the reform of [Russian forest management]. *Ispol'zovanie i okhrana prirodnkh resursov v Rossii*. 3.
22. Faas, V.V. (ed.) (2010) *Rezultaty byvshego kazennogo lesnogo khozyaystva k 1914 godu* [The results of the former state forestry by 1914]. St. Petersburg: St. Petersburg Polytechnic University
23. Shvappakh, A. (1910) *Lesnaya politika, politika okhoty i rybolovstva* [Forest policy, policy of hunting and fishing]. Translated from German by A.V. Kostyaev. St. Petersburg: [s.n.].
24. Annenkov, S. (1856) *O lesnom bogatstve Rossii i o vygodneyshem sposobe razrabotki ego* [About Russian forest wealth and the most profitable way of developing it]. St. Petersburg: Ministry of State Property.
25. Rudzkiy, A. (1881) *Lesnye besedy. Dlya russkikh lesovladel'tsev i lesnichikh* [Forest talks. For Russian forest owners and foresters]. St. Petersburg: [s.n.].
26. Kaygorodov, D. (1881) *Besedy o russkom lese* [Conversations about the Russian forest]. St. Petersburg: A.F. Devrien.
27. Rudzkiy, A. (1917) *Lektsii gosudarstvennogo lesnogo khozyaystva, chitaniye v 1885–1886 gg. v Peterburgskom lesnom institute* [Lectures of the state forestry delivered in 1885–1886 in St. Petersburg Forestry Institute]. St. Petersburg: [s.n.].
28. Arnold, F. (1893–1899) *Russkiy les: v 3-kh t.* [Russian Forest: In 3 vols]. St. Petersburg: A.F. Marks.
29. Orlov, M.M. (1903) *Obshchie osnovaniya organizatsii lesnogo khozyaystva* [Common grounds for the organization of forestry]. St. Petersburg: [s.n.].
30. Rudzkiy, A. (1906) *K voprosu o pryamoy roli lesa v narodnom khozyaystve* [On the direct role of forests in the national economy]. St. Petersburg: [s.n.].
31. Orlov, M.M. (1909) *Nuzhdy russkogo lesnogo khozyaystva* [Needs of Russian forestry]. St. Petersburg: M.P. Frolova.
32. Zaytsev, D.M. (1910) *Gosudarstvennoe lesnoe khozyaystvo v svyazi s agrarnoy reformoy i nuzhdami promyshlennosti* [State forestry in connection with agrarian reform and the needs of industry]. St. Petersburg: Sankt-Peterburgskoe lesoustroitel'noe i zemel'no-tekhnicheskoe tovarishchestvo.
33. Sazonov, T. (1912) *Lesnoe gosudarstvennoe khozyaystvo* [Forest State Economy]. St. Petersburg.
34. Leontiev, A. & Meshcherskiy, I. (1913) *Les. Znachenie lesa. Kak khozyaystvovat' v lesu i kak razvodit' ego* [Forest. The value of the forest. How to farm in the forest and how to breed it]. St. Petersburg: V. Bezobrazov i K^o.
35. Faleev, N.I. (1912) *Lesnoe pravo* [Forest law]. Moscow: I.D. Sytin.
36. Istomina, E.G. (1995) Lesookhranitel'naya politika Rossii v XVIII – nachale XX v. [Russian forest policy in the 18th – early 20th centuries]. *Otechestvennaya istoriya*. 4.
37. Petrov, V.N. (1998) *Lesnaya politika i okhrana lesov* [Forest policy and protection of forests]. St. Petersburg: Nauka.
38. Bogoslovskiy, S.A. (1923) *K voprosu o gosudarstvennom lesnom khozyaystve* [On the state forestry]. Petrograd: [s.n.].
39. Bogoslovskiy, S.A. (1919) *Kak ustroivaetsya pravil'noe lesnoe khozyaystvo* [How is the right forestry managed?]. Petrograd: [s.n.].
40. Kuznetsov, N.A. (1917) *Gosudarstvennye lesa i pol'zovanie imi pri zemel'noy reforme* [State forests and their use in land reform]. Kyiv: [s.n.].
41. Kuznetsov, N.A. (1919) *Organizatsiya lesnogo khozyaystva* [Organization of forestry]. Moscow: [s.n.].
42. Morozov, G.F. (1922) *O lesovodstvennykh ustoyakh* [About silvicultural foundations]. Moscow; Petrograd: [s.n.].
43. Orlov, M.M. (1918) *Ob osnovakh russkogo gosudarstvennogo lesnogo khozyaystva* [On the foundations of Russian state forestry]. Petrograd: Devyataya Gos. tip.
44. Perekhod, V.I. (1925) *Teoriya lesnogo khozyaystva* [Theory of forestry]. Minsk: [s.n.].
45. Perekhod, V.I. (1920) *Vvedeniye v ucheniye o lesnom khozyaystve* [Introduction to the doctrine of forestry]. Vetluga: Vetluzhsk. vneshkol'nyy p/otd.
46. Sazhin, D.K. (1918) *Krest'yanskies lesa* [Peasant forests]. Moscow: NKZ.
47. Tkachenko, M.E. (1923) *Zadachi lesnoy politiki na Severe. Doklad soveshchaniyu po izucheniyu Severa pri RAN* [Tasks of forest policy in the North. Report to the meeting on the study of the North in the Russian Academy of Sciences]. Petrograd: [s.n.].
48. Tkachenko, M.E. (1929) *Izucheniye lesnykh bogatstv SSSR i putey ikh ispol'zovaniya* [Studying the forest wealth of the USSR and ways of using it]. Moscow: [s.n.].
49. Faleev, N.I. (1918a) *Kommunisticheskoe lesnoe khozyaystvo* [Communist Forestry]. *Lesnaya politika*. 4.
50. Faleev, N.I. (1918b) *Lesnye organy* [Forest authorities]. *Lesnaya politika*. 6.
51. Faleev, N.I. (1918) *Otmena chastnoy sobstvennosti* [Abolition of private property]. *Lesnaya politika*. 2.
52. Faleev, N.I. (1918d) *Printsipy obobshchestvleniya lesov* [Principles of the socialization of forests]. *Lesnaya politika*. 1.
53. Schultz, A.I. (1925) *Osnovy sovetskoy lesnoy politiki* [Fundamentals of Soviet forest policy]. Leningrad: [s.n.].
54. Popov, V.A. (ed.) (1957) *Lesnaya promyshlennost' SSSR. 1917–1957: v 3-kh t.* [Timber industry of the USSR. 1917–1957]. Moscow: Goslesbumizdat.
55. Rubtsov, V.I. (ed.) (1967) *Lesnoe khozyaystvo SSSR za 50 let (1917–1967 gg.)* [Forestry in the USSR for 50 years (1917–1967)]. Moscow: Lesnaya promyshlennost'.

-
56. Perepechin, B.M. & Filinov, N.P. (1964) *Lesopol'zovanie v SSSR (1946–1962 gg.)* [Forest use in the USSR (1946–1962)]. Moscow: Lesnaya promyshlennost'.
 57. Tsaplyaev, V.P. (1965) *Lesnoe khozyaystvo SSSR (Osnovnye itogi lesokhozyaystvennoy deyatel'nosti)* [Forestry of the USSR (Main results of forestry activities)]. Moscow: Lesnaya promyshlennost'.
 58. Vorobiev, G. (ed.) (1977) *Lesnoe khozyaystvo SSSR* [the USSR Forestry]. Moscow: Lesnaya promyshlennost'.
 59. Tsymek, A.A. (1977) *Sotsialisticheskoe lesnoe khozyaystvo* [Socialist forestry]. Moscow: Lesnaya promyshlennost'.
 60. Bobrov, R.V. (1990) Ekonomicheskie aspekty lesnoy politiki [Economic aspects of forest policy]. *Lesnoe khozyaystvo*. 11.
 61. Bykovskiy, V.K. (2014) About the notion of the state forest policy. *Yuridicheskiy mir – Judicial World*. 2. (In Russian).
 62. Ivanov, S.A. (2009) The state forestry policy: Main trends and role in stimulating of the rational use of forest resources. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta – Vestnik of Saratov State Socio-Economic University*. 4(28). (In Russian).
 63. Lebedev, I.V. (1992) *Lesnaya politika sovetskogo gosudarstva: istoricheskiy opyt i problem* [Forest policy of the Soviet state: Historical experience and problems]. History Cand. Diss. Moscow.
 64. Myasnikov, S.V. (2012) State forestry politics in Russia: problems and contradictions. *Problemy sovremennoy ekonomiki – Problems of Modern Economics*. 4 (44). (In Russian).
 65. Petrov, A.P. (1995) Ekonomicheskie i pravovye osnovy formirovaniya regional'noy lesnoy politiki [Economic and legal basis for the formation of regional forest policy]. *Lesnoe khozyaystvo*. 1.

УДК 94(47)

DOI: 10.17223/19988613/46/10

В.П. Зиновьев

СИБИРЬ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ МОДЕРНИЗАЦИИ

Исследование выполнено в рамках государственного задания подведомственных Минобрнауки РФ образовательных организаций по проекту 33.1687.2017/ПЧ «Интеллектуальный и ресурсный потенциал Северной Азии: исторический опыт развития и ответы на вызовы современности».

Предпринята попытка рассмотреть историческую ретроспективу и определить современное геополитическое положение Сибири в России и мире. Автор отмечает, в частности, что регион, при всех трудностях и особенностях его развития, обладает природными и интеллектуальными ресурсами, достаточными для того, чтобы стать одним из наиболее перспективных географических территорий планеты.

Ключевые слова: Сибирь; природные и интеллектуальные ресурсы; модернизация.

Одним из важнейших вопросов истории нашего региона в Новейшее время является определение стратегии его развития. Историки и экономисты не раз предлагали модели развития Сибири после распада СССР и смены политической власти, давали определение ее места в России и геоэкономике [1–2]. Свой взгляд высказывал и автор настоящей статьи [3–4]. Прошло достаточно времени, для того чтобы вновь оценить ситуацию. В этом и состоит задача настоящей публикации.

Россия – одно из наиболее молодых обществ, сформировавшееся на 2–5 тысяч лет позднее, нежели цивилизации Средиземноморья, Передней и Юго-Восточной Азии, на 500–1000 лет позднее основных обществ Европы. Великороссия, сформировавшись на периферии Европы и севернее цивилизаций Азии, заняла наименее благоприятные для жизни территории Северной Евразии. Освоение этой скудной на отдачу земли в аграрный период развития требовало значительно больше усилий, чем в Западной Европе, вследствие больших расходов на производство при меньшей природной производительности. Громадные просторы требовали больше расходов на транспорт, оборону.

Эти обстоятельства за тысячу лет сформировали существующие ныне традиции российского общества. В экономической сфере – это общинность, артельность организации труда, сильное участие государства как собственника и распорядителя, условность частной собственности; в социальной сфере – это корпоративность, резкое расслоение общества на узкий слой элиты, небольшой средний слой и бедное большинство; в политической сфере – это противостояние сильного авторитарного государства и общества, высокая степень коррупции; в сфере культурной – это полиэтничность, поликонфессиональность, веротерпимость.

Сложившиеся в аграрный период традиции пока мало изменились вследствие краткого периода существования в России индустриального общества, окон-

чательно сложившегося лишь во второй половине XX в. Это породило ощущение вечности российских традиций, их изначальности, миф об особой судьбе России, особой духовности, соборности ее народа. Болезнь роста воспринимается нашими почвенниками как неизменная суть российского общества. Вместе с тем невозможно, подобно «западникам», отрицать своеобразие российской истории, общества, характера и перспектив развития. Дискуссии о характере развития страны не утихают уже третий век.

Международные отношения играли в становлении российского государства и общества гигантскую роль, особенно в последние три века. После того, как Московия вышла победителем в борьбе за гегемонию в Восточной Европе в соперничестве с Золотой Ордой и Польско-Литовским государством, она стала Россией – евразийской державой, наследницей Киевской Руси и Джучиева улуса. Участие в европейской политике стало мощным фактором модернизации страны. Чтобы вновь не попасть в европейские аутсайдеры и не утратить своих завоеваний, Россия была вынуждена раз за разом идти на техническую и социальную модернизацию раньше, чем для того созревали внутренние предпосылки.

Именно внешними обстоятельствами обусловлены модернизационные скачки начала XVIII в. (поражение в начале Северной войны), середины XIX в. (поражение в Крымской войне), начала XX в. (поражение в Первой мировой войне), конца XX в. (поражение в холодной войне). Внешнеполитические неудачи становились наиболее яркими показателями неконкурентоспособности страны, неэффективности ее экономической и социальной системы по сравнению с развитыми странами мира.

Каким же образом Россия реагировала на вызовы времени раньше и теперь? Попытаемся ответить хотя бы на часть этого вопроса. Общими для всех кризис-

ных ситуаций были проведение реформ в области экономики, социальной сферы, в управлении страной, усиление роли государства во всех сферах жизни общества. В экономике государство усиливалось как собственник и дирижер. Общими явлениями становились мобилизация средств в руках государства, милитаризация промышленности, усиление социальной напряженности вплоть до вооруженных конфликтов. В условиях дефицита времени и ресурсов, острой международной конкуренции в начале XX в. родился российский вариант индустриального общества – государственно-капиталистический в отличие от англо-саксонского частнокапиталистического, но и его осуществить полностью не удалось. Мобилизационная экономика и тоталитарный режим стала ответом на внешнее давление и военные угрозы. Страна пожертвовала для сохранения независимости и своей модели развития, кроме 21 млн убитых в Великой Отечественной войне, рынком и демократией. Те, кто обвиняет СССР в тоталитаризме, сами были той причиной, которая деформировала индустриальное общество в нашей стране.

Нынешняя ситуация не является исключением из общего правила. Россия вновь переживает общий кризис и необходимость модернизации. Какие меры должно предпринять современное российское государство, чтобы осуществить постиндустриальный модернизационный рывок? Традиция и практика указывает на тот же набор государственного инструментария, который использовался ранее государями и коммунистами. Это реформы в области управления, усиление государственного участия в экономике через регулирование и укрепление государственной собственности при опоре на дееспособный частный сектор, усиление военно-промышленного комплекса как рычага для оздоровления промышленности и модернизации армии, увеличение закупок технологии и оборудования в более развитых странах.

Какие негативные российские традиции сейчас сохранены? Это гигантские размеры коррупции, криминализация части бизнеса и политики, негативное отношение большинства общества к частной собственности и недоверие к государственным структурам, противостояние общества и политической элиты. Частная собственность вследствие этого сохраняет свою условность, а деловая элита чрезвычайно недоверчива.

Каких новшеств по сравнению с предыдущими кризисами можно ожидать в современной ситуации? Прежде всего следует выделить претензию на роль социального лидера интеллигенции. Именно интеллигенция сыграла главную роль в крушении социалистической системы, бюрократическая ее часть образовала органы власти, она же сформировала ведущую часть легального бизнеса.

Каковы будут внешнеполитические последствия российской модернизации? Россия наверняка вновь будет претендовать на безусловную гегемонию в постсоветском пространстве и на роль равноправного игро-

ка в мировой и европейской политике, но без претензий на мировую гегемонию.

Внешнеполитической особенностью современного кризиса является смена стратегического курса на расширение территории, характерного для предыдущих веков, на стратегию удержания и освоения завоеванного ранее. Пустынные пространства Северной Евразии, почти целиком оказавшиеся в России, стали в индустриальное время ее главным богатством. Эта мысль должна стать главной в разработке стратегии безопасности страны и в отношениях с другими крупными государствами мира, в том числе США, где немалое число политиков мечтает «добить» и расчленить Россию хотя бы под видом учреждения свободной конфедерации республик [5. С. 239–240].

Нынешнее руководство страны сделало шаги в нужном направлении: предприняты усилия в наведении элементарного порядка в экономике и сфере управления, начинают возвращаться на свое место этика и мораль, столь презируемые в ельцинской России. Президент В.В. Путин правильно уловил главное желание людей – «порядок». Люди поверили в «Единую Россию» и Президента В.В. Путина, потому что они призывают к порядку, к соблюдению норм и законов. Последние выборы в парламент страны это наглядно продемонстрировали.

События последних лет показали, что с Россией вновь считаются, она в числе самых сильных стран мира, ведет самостоятельную политику. Она не надеется только на ресурсы стран СНГ, а сколачивает евразийский блок из Китая, Индии, Бразилии, Южной Африки, Пакистана, Ирана, Турции. Решение сирийского кризиса вопреки интересам стран атлантического блока – показатель первых успехов в этом направлении.

Вместе с тем более чем скромны успехи в росте уровня жизни населения. Продолжительность жизни по-прежнему ближе к африканской, чем к кубинской. Социальные проблемы не решаются в один час, нужны годы, взаимное доверие власти, бизнеса и общества. В этом еще одна ахиллесова пята современного российского общества.

Каково место Сибири в этом социально-экономическом и геополитическом раскладе? И через сто лет она останется главным лабазом страны, а в ближайшие 15–20 лет – главным валютным цехом и поставщиком денег в федеральный бюджет. Основные природные богатства еще не тронуты, нужно восстановить геологию, изучение и охрану биоресурсов хотя бы до советского уровня. Вместе с тем следует ожидать от наиболее сильных стран мира попыток поставить под свой контроль ресурсы Сибири.

Однако надеяться только на природные богатства нельзя. Стратегической целью властей и общества в Сибири должно стать приоритетное развитие интеллектуального потенциала, развитие системы образования, инновационных технологий. В перспективных планах администраций сибирских регионов такие зада-

чи уже ставятся. Наряду со старыми научно-образовательными центрами (Омск, Томск, Новосибирск, Барнаул, Кемерово, Красноярск, Иркутск) растут Тюмень, Сургут, Нижневартовск. На нефтяном Севере деньги ТЭКа непосредственно переливаются в сферу образования. Хотя в целом ТЭК Сибири мало влияет на жизненный уровень большинства населения края, слабо связан с остальными отраслями экономики. Сибири остается экологический ущерб, а доходы – Москве и Санкт-Петербургу. На это прямо указывает «кричалка» болельщиков футбольного клуба «Томь» накануне игры с питерским «Зенитом»: томичи – «А у нас в Сибири газ, а у вас?», питерцы – «А у нас с него доход – вот». Пока московские власти и бизнес считают сибиряков мышами в лабазе, а не хозяевами, от сибиряков следует ждать фрондерства.

Главной проблемой Сибири и через 10–15 лет останутся слабый транспорт и дефицит населения. Seriously вести разговоры о том, что в холодной Сибири слишком много людей, могут только теплолюбивые англосаксы, которые критикуют российский опыт освоения Сибири [6]. У нас нет других территорий, в Сибири, чтобы задержать бегущее на юг и запад население, надо оставлять большую долю доходов. С 1989 г. по настоящее время за Уралом стало на 2 млн жителей меньше: не 32 млн, а 30 [7]. Население растет только в нефтегазовых регионах – Тюменской и Томской областях, хотя это не самые лучшие для жизни места на Земле [8. С. 114].

Есть основания говорить о том, что в Сибири сохранится этнополитическая стабильность, что является не меньшим стратегическим ресурсом, чем нефть или

газ. Сибирь – единственная территория на христианско-мусульманской дуге от Боснии до Алтая, где не высекаются искры. Однако приток мигрантов из Центральной Азии потребует больше внимания к этническим проблемам края [9].

Анализ геополитической ситуации, в которой развивается Сибирь, сделанный учеными Новосибирска 19 лет назад, верен и сейчас [1]. Можно даже констатировать, что геополитическое значение сибирских природных ресурсов растет, это сильный козырь во взаимоотношениях с Европой и Китаем.

В целом нет оснований для пессимистических прогнозов для Сибири и России, так как еще есть богатейшие природные и интеллектуальные ресурсы. Практика показала, что даже при реализации мобилизационных моделей в стране достигались позитивные результаты. Однако сейчас нет бездонного людского ресурса российской деревни, за счет которой ранее цари и генсеки осуществляли громадь своих планов. Советское наследство поизносилось, а нового построено слишком мало. С модернизацией экономики, к чему так страстно призывал Е.М. Примаков [10], надо спешить не на словах, а на деле. Можно сколько угодно ругать большевиков за методы действия, но они, не успев прийти к власти в 1917 г., уже в 1918 г. взялись за индустриализацию страны – приняли к исполнению план государственной электрификации России. После смены власти в 1991 г. прошла четверть века, но технологический уклад страны не изменился, мы по-прежнему торгуем сибирским сырьем, а не высокотехнологической продукцией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сибирь в геополитическом пространстве XXI века. Новосибирск : Изд-во ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1998. 238 с.
2. Евразия: региональные перспективы. Сборник материалов международной научной конференции 1–4 июня 2007 г. Новосибирск : Сиб. науч. изд-во, 2007. 185 с.
3. Зиновьев В.П. Россия: исторические традиции и вызов времени // Вестник института России государственного университета Джинг-Джи. Тайбей, 2001. Вып. 1. С. 233–237.
4. Zinoviev Vasilii. The problem of trust in the EU – Russia relation: a view from Siberia // EU and Russia: Face to Face / Materials of the international conference. Tomsk, 2007. S. 375–381.
5. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М. : Междунар. отношения, 2000. 256 с.
6. Хилл Ф., Гэдди К. Сибирское бремя. М. : Науч.-образоват. форум по междунар. отношениям, 2007. 328 с.
7. Численность населения регионов России 2016. Крупные регионы России и федеральные округа по населению. Список // www.statdata.ru : сайт о странах, городах, статистике населения и пр. URL: www.statdata.ru/largest_regions_russia, свободный.
8. Зиновьев В.П. Этапы хозяйственного освоения Северной Азии: демографический аспект // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 413.
9. Зиновьев В.П. Экспертиза скрытой социальной напряженности и проявлений экстремизма и ксенофобии // Археология и этнография Приобья: материалы и исследования : сб. тр. кафедры археологии и этнологии. Томск : ТГПУ, 2008. Вып. 2. С. 46–55.
10. Примаков Е.М. Россия: необходима замена экономической модели // Примаков Е. Мысли вслух. М. : Российская газета, 2011. С. 91–115.

Zinoviev Vasily P. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: vpz@tsu.ru; v.p.zinoviev@yandex.ru

SIBERIA IN CONTEMPORARY RUSSIA: HISTORICAL TRADITIONS AND PERSPECTIVES OF MODERNIZATION.

Keywords: Siberia; natural and intellectual resources; modernization.

According to the author, the main aim of the present article is to define contemporary geopolitical position of Siberia in Russia and in the world. Siberia became part of the Russian state at the end of XVI – XVIII centuries as part of the heritage of the Golden Horde. It was inhabited and mastered by Russian colonists, it became a part of the Russian world with its multiethnic, multi-confessional, religious tolerance. As a part of Russia, Siberia passed all the economic, social and political transformation in the XIX – early XXI centuries – war, revolution, the Soviet state and the capitalist project of industrial society, the economy and the mobilization totalitarian regime and is now experiencing a new country with a modernization crisis. The author believes that the position of Siberia in Russia and

in the world is determined by the presence of abundant natural resources, most of which have not yet been explored. Siberia is the main pantry of the country and in the next 15–20 years it will be the main “currency department” and supplier of money in the federal budget. But the strategic goal of the authorities and society in Siberia is a priority to the development of intellectual potential. The future plans of the administrations of Siberian regions have already put such tasks. Along with the old scientific and educational centers (Omsk, Tomsk, Novosibirsk, Barnaul, Kemerovo, Krasnoyarsk, Irkutsk), grew Tyumen, Surgut, Nizhnevartovsk. Cities of Siberia, especially Tomsk and Novosibirsk, become points of growth of the new information world. On the North oil money directly to the FEC are poured into education. The main problem in Siberia and in 10–15 years will remain weak and the lack of public transport. Seriously to talk about that in the cold of Siberia only heat-loving Anglo-Saxons are too many people who criticize the Russian experience of development of Siberia. In Siberia, to delay traveling to the south and west of the population and prevent the rebelliousness of the local community, it is necessary to leave more funds from the exploitation of natural resources. From 1989 to the present time in the Urals was 2 million inhabitants less, 32 million and 30 million population is growing only in the oil and gas regions — The Tyumen and Tomsk regions. In Siberia remain ethno-political stability, which is an important strategic resource. Siberia – the only territory in the Christian-Muslim arc from Bosnia to the Altai, where not strike sparks. However, the migration flow from Central Asia will require more attention to the ethnic problems of the region. The author concludes that the geopolitical significance of Siberian natural resources is growing, is a strong Russian trump card in international relations, there is no reason for the pessimistic forecasts of development of Siberia and Russia as a whole, while there is abundant natural and intellectual resources. Practice has shown that even with the implementation of models of mobilization in the country achieved positive results. But now the Soviet legacy worn out, and a new generation of businesses built too small. With the modernization of the economy, what so ardently called E.M. Primakov, have to hurry, not in words but in deeds.

REFERENCES

1. Boiko, V.I. et al. (ed.) (1998) *Sibir' v geopoliticheskom prostranstve XXI veka* [Siberia in the geopolitical space of the 21st century]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS.
2. Vodichev, E.G. (ed.) (2007) *Evraziya: regional'nye perspektivy* [Eurasia: Regional perspectives]. Novosibirsk: Sibirskoe nauchnoe izdatel'stvo.
3. Zinoviev, V.P. (2001) Rossiya: istoricheskie traditsii i vyzov vremeni [Russia: historical traditions and the challenge of time]. *Vestnik instituta Rossii gosudarstvennogo universiteta Jing-Ji*. 1. pp. 233–237.
4. Zinoviev, V. (2007) The problem of trust in the EU – Russia relation: a view from Siberia. *EU and Russia: Face to Face*. Proc. of the International Conference. Tomsk. pp. 375–381.
5. Brzezinski, Z. (2000) *Velikaya shakhmatnaya doska* [A Great Chess Board]. Translated from English. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
6. Hill, F. & Gaddy, C. (2007) *Sibirskoe bremya* [The Siberian burden]. Translated from English. Moscow: Nauchno-obrazovatel'nyy forum po mezhdunarodnym otnosheniyam.
7. Statdata.ru. (2016) *Chislennost' naseleniya regionov Rossii 2016. Krupnye regiony Rossii i federal'nye okruga po naseleniyu* [Population of Russian regions in 2016. Large regions of Russia and federal districts by population]. [Online] Available from: www.statdata.ru/largest_regions_russia.
8. Zinoviev, V.P. (2016) Periods of economic development in North Asia. The demographic aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 413. (In Russian). DOI: 10.17223/15617793/413/17
9. Zinoviev, V.P. (2008) Ekspertiza skrytoy sotsial'noy napryazhennosti i proyavleniy ekstremizma i ksenofobii [Examination of hidden social tension and manifestations of extremism and xenophobia]. In: Lukina, N.V. (ed.) *Arkheologiya i etnografiya Priob'ya* [Archeology and ethnography of the Ob region]. Issue 2. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University. pp. 46–55.
10. Primakov, E.M. (2011) *Mysli vslukh* [Thinking aloud]. Moscow: Rossiyskaya gazeta. pp. 91–115.

ПРОБЛЕМЫ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

УДК 94(437.3)

DOI 10.17223/19988613/46/11

А.О. Пеганов

СВЯЩЕННИК НА АВСТРО-РУССКОМ ФРОНТЕ. ВОЕННЫЙ ДНЕВНИК ЙОЗЕФА ТИСО (АВГУСТ–ОКТЯБРЬ 1914 г.)

В начале Первой мировой войны 26-летний католический священник Й. Тисо (будущий президент Словакии в 1939–1945 гг.), мобилизованный в армию Габсбургов, принял участие в первых боях на австро-русском фронте. Тисо подробно описал свои военные впечатления и опубликовал их в 1915 г. под названием «Дневник с Северного фронта». Его заметки заметно выделяются среди печати военного времени не только своим пространством, но и реалистическим восприятием действительности (их автор даже не скрывает случаи массовых убийств мирного населения войсками Австро-Венгрии). Через анализ данного источника, а также архивных документов (из фондов Словацкого национального архива о довоенной деятельности Й. Тисо), как и современной историографии данной проблемы, статья выделяет основополагающие элементы мировоззрения юного Й. Тисо и определяет его этнополитическую самоидентификацию, отношение к войне, словацкому национализму и Дунайской империи.

Ключевые слова: Венгрия; Словакия; Галиция; Первая мировая война; мемуары; католическая церковь; национализм; идентичность; Дуалистическая монархия.

Католический священник доктор Йозеф Тисо (1887–1947 гг.) в основном известен как президент Словацкой республики в 1939–1945 гг., государства-сателлита нацистской Германии. Персонаж-табу для коммунистической историографии в Чехословакии, после Бархатной революции 1989 г. он стал, пожалуй, самой обсуждаемой исторической личностью в Словакии, а круг посвященных ему биографий регулярно пополняется [1–4]. Дебаты историков о Й. Тисо, как его критиков, так и почитателей («неолюдаков»), сосредоточены главным образом на деятельности Тисо внутри движения словацких националистов, особенно во время Второй мировой войны. При этом ключевые споры ведутся о характере связей Тисо с нацистской Германией и мере его ответственности за депортации словацких евреев¹.

Старт своей политической карьеры сам Й. Тисо датировал концом Первой мировой войны, когда он вступил в Словацкую народную («людацкую») партию [5. S. 37; 6. F. Nar.sud. K. 52. Запись показаний Й. Тисо (4 ноября 1945 г.). S. 1]. Тем не менее до 1918 г. Тисо вовсе не был аполитичен. Еще до войны, сразу после окончания семинарии, Тисо начал тесно сотрудничать, а позже стал членом крупнейшей католической партии Венгерского королевства – Народной партии (венг. «Néppárt», «Ниппарт»)², стоявшей в оппозиции к либеральному правительству в Будапеште. Близость Тисо к Ниппарту повлекла в последующие годы ряд обвинений против него в мадяронстве (перенимании мадярской этноидентификации) [1. S. 46–49]. Обращалось внимание, что Й. Тисо не только писал в мадярской прессе, но даже мадяризировал свое имя в соответствии с правилами венгерской транскрипции (даже когда он писал по словацки)³.

В период Первой мировой войны Й. Тисо показал себя патриотом Дуалистической монархии, поддерживая «справедливую борьбу» Центрального блока против Антанты как своими многочисленными газетными статьями, так и в рядах войск Габсбургов. Армейский опыт Й. Тисо был достаточно краток. Зачисленный в 26 лет полевым капелланом (т.е. полковым священником) в августе 1914 г., Тисо был демобилизован через год. Весьма любопытно, что Тисо подробно записал свои впечатления начальных месяцев Великой войны, когда он стал свидетелем первых боев на австро-русском фронте. Эти записи были опубликованы в 1915 г. под названием «Дневник с Северного фронта» в провинциальной газете «Нитрамедеи сэмле»⁴, традиционно поддерживающей Народную партию [7. S. 17–84; 8].

Многословный и пространственный дневник Й. Тисо о войне (их словацкий перевод составляет порядка 35 тысяч слов) представляет собой интереснейший документ. С одной стороны, он позволяет лучше понять политические и жизненные установки их молодого автора. С другой стороны, эти очерки можно интерпретировать как отражение восприятия Великой войны в среде немногочисленной словацкой интеллигенции. Вовлеченность Тисо в лагерь политической оппозиции, к которой принадлежала Народная партия, видимо, способствовала сохранению критического тона при описании военной действительности. Однако следует учитывать, что дневник был, по всей вероятности, отредактирован накануне печати, как не стоит забывать и о существовании военной цензуры (которая, правда, смотрела на клерикальные издания сквозь пальцы) [9. S. 190]. Поэтому данный источник скорее нужно рассматривать в качестве некоего продукта католической

военной публицистики, а не настоящего «интимного журнала».

В 1930-е гг., когда Й. Тисо стал влиятельной фигурой политической сцены Чехословакии⁵, его публицистическая деятельность во время Великой войны начала привлекать внимание его противников. Так, людацкий политик (и биограф Й. Тисо) Константин Чулен вспоминал, что, например, президент Чехословакии Эдвард Бенеш заказал в конце 1930-х гг. перевод венгерских статей Тисо из «Нитрамедеи сэмле» с целью поиска компрометирующих материалов на священника. Однако, заявляет Чулен, никаких обличительных фраз в статьях Тисо бенешовцы не нашли [1. S. 46–48]. Уже после Второй мировой войны, когда Тисо находился под чехословацким следствием по обвинениям в госизмене, прокуратура также заинтересовалась его статьями в мадьярской католической прессе до 1918 г. [6. F. Nar.sud. K. 52. Письма органов чехословацкой безопасности о поиске газет «Нитрамедеи сэмле» за 1916 г. (19.02.1946), «Нитра» за 1918 г. и «Воля люду» за 1919–1920 гг. (15.03.1946)]. Во время допросов в 1946 г. следователи дотошно выпытывали у Тисо цели и форму его сотрудничества с «Нитрамедеи сэмле». Организовав перевод его статей за 1916–1917 гг. (статьи 1915 г. они не смогли найти), они заставили Тисо комментировать содержание каждой отдельной статьи [6. F. Nar.sud. K. 52. Zapisnica v trestnej veci proti dr. Jozefovi Tisovi. 08.03.1946. S. 19–20].

О тисовом «Дневнике с Северного фронта» упоминают не только биографы Й. Тисо, но и многие специалисты истории Первой мировой войны (напр.: [10. P. 62–63]). Несмотря на это кажущееся «научное знакомство» с его военной мемуаристикой, до сих пор не было выпущено ни одной публикации, комплексно анализирующей данный источник. Историкам скорее известен факт существования фронтовых записей Тисо, но их содержание остается во многом обойденным вниманием научной литературой. Это, видимо, объясняется тем, что дневник Тисо не подтверждал яркой приверженности автора ни к радикальному словацкому, ни к шовинистическому мадьярскому националистическому движению. Несмотря на это, дневник, естественно, заслуживает детального внимания историков-словакистов, центрально-европеистов, как и специалистов по империи Габсбургов или Первой мировой войне. Отсюда исходит задача данной статьи – проанализировать военные записи Й. Тисо и определить причины, которые побудили автора к публикации, а также те вопросы, которые более всего интересовали и беспокоили Тисо в период его нахождения на фронте. Наконец, мы попытаемся охарактеризовать, как Й. Тисо в 1914–1915 гг. относился к словацкому и мадьярскому национализму. В качестве источниковой базы исследования мы привлекли не только полное собрание его статей [7], но и документы Словацкого национального архива из фонда «Народный суд», в котором содержатся записи допросов Й. Тисо в 1945–1946 гг. Эти записи

являются на сегодняшний день одним из главных источников, которые проливают свет на личную жизнь священника до 1918 г. [8].

Вначале скажем несколько слов о биографии юного Йозефа Тисо. Он родился 13 октября 1887 г. в небольшом городке Велка Битча в северо-западном углу Венгерского королевства. Тисо происходил из крестьянской католической словацкой семьи. В 15 лет он поступил в пиаристскую гимназию в уездном центре Нитра, в 100 км к югу от Биче. Показав себя талантливым и прилежным учеником, в 1906 г. Тисо был рекомендован в Коллегиум Пазманеум в Вене – главную семинарию для венгерских теологов. Во время учебы в Пазманеуме Тисо постоянно получал от педагогов похвальные отзывы. Также он не порывал связей с нитранскими клериками, что создало почву для обвинения Тисо в 1909 г. в «пан-славизме». Инцидент возник в связи с упоминанием Тисо «обострения межэтнических отношений» в его личной переписке с товарищем из Нитранской семинарии. Тем не менее это происшествие было закрыто без серьезных последствий для Тисо, который был рукоположен в священники в 1910 г. В следующем году он получил степень доктора богословия. С 1910 до лета 1914 г. Тисо служил приходским священником в трех небольших словацких городках (Ошчадници, Райец, Бановци) [3. S. 21–32].

На начало сотрудничества Тисо с Народной партией указывает выход его статей в партийной прессе. Первая серия журнальных статей, напечатанная в 1913 г., озаглавленная «Это и то об алкоголе», была опубликована в еженедельнике «Крестян» («*Krest'an*») – словацкоязычном рупоре Народной партии [7. S. 7–17]. Она живо обличала негативные последствия чрезмерного употребления спиртных напитков. Алкоголь, утверждал Тисо, отрицательно сказывался на здоровье словаков, способствовал детским заболеваниям, экономическому обнищанию и религиозному упадку. По его мнению, потребление алкоголя словаками Венгрии следовало рассматривать через призму этно-религиозного конфликта (католических) словаков с иудеями-евреями, которые являлись хозяевами трактиров. При этом Тисо прямо обвинял правящие верхушки в получении политического капитала со спаивания словацкого населения, поскольку трактирщики агитировали словаков голосовать за правительственную Либеральную партию⁶.

В начале августа 1914 г. Йозеф Тисо был зачислен в 71-й пехотный полк общей армии Австро-Венгрии. Этот полк, состоящий из новобранцев трех меди (уездов) Северной Венгрии (Тренчин, Туриец и Орава), был самой «словацкой» по составу военной единицей габсбургской армии (словаки составляли около 85% его рядовых). Тренчинский полк дважды привлекал широкое внимание в 1914–1918 гг. В первый раз – в начале войны, во время битвы под Красником в августе 1914 г. в Когрессовой Польше на территории России. Тогда полк, потеряв половину офицеров и более двух сотен человек, прослыл как эталон дисциплины и самопожертвования в

армии Монархии. Второй раз полк «прославился» в июне 1918 г., когда его словацкие солдаты подняли мятеж, выступив против их передислокации из Сербии на итальянский фронт. Эти два эпизода служат наглядной иллюстрацией снижения словацкой лояльности к «старому режиму» с 1914 по 1918 г.⁷

Й. Тисо, как и другие мобилизованные католические священники, был зачислен в строй в качестве полевого капеллана. Как член офицерского корпуса он получил слугу и лошадь, даже несмотря на то, что он не умел ездить верхом. После нескольких падений с лошади Тисо решил передвигаться пешком и на полковых телегах. Его служба на передовой завершилась в середине октября 1914 г., когда ему поставили диагноз нефрит. Пройдя лечение, Тисо был перенаправлен в тыловой гарнизон в Комарно в Северной Венгрии. Там он оставался до февраля 1915 г., когда ему назначили новый оздоровительный курс. После этого он был прикреплен в армейский госпиталь в Словении. Между тем, начиная с января 1915 г. первые части «военного дневника» Тисо начали публиковаться в католическом еженедельнике г. Нитры «Нитрамедеи сэмле». Осенью 1915 г., благодаря занятию должности преподавателя теологии в Нитре, Тисо был окончательно демобилизован. В Нитре он оставался до конца войны, работая в пиаристской гимназии и Большой семинарии. В конце 1917 г. он вступил в ряды местного филиала Народной партии.

Все подписанные статьи Тисо, опубликованные до 1918 г., появлялись в печатных органах Народной партии⁸. При этом если до 1914 г. Йозеф Тисо писал на словацком, то в годы войны – на венгерском. Из его военных публикаций «Дневник с Северного фронта» стал самой обширной. В печатной форме дневник состоит из 53 частей, которые печатались практически в каждом еженедельном выпуске «Нитрамедеи сэмле» с января 1915 по январь 1916 г. Дневник Тисо оказался самым продолжительным очерком с передовой линии, опубликованным в периодических изданиях Верхней Венгрии [15. Р. 55]. Военные записи Тисо, несмотря на их «косноязычный» и не всегда разборчивый венгерский язык (который для Тисо был все-таки не родным), все-же очевидно считались редакцией газеты одной из «изюминок». Все дневниковые отрывки печатались всегда сразу за редакционной статьей, чаще всего на 2-й стр. (сама газета имела объем в 8 стр.).

«Дневник с Северного фронта» описывает около семидесяти дней военной службы Тисо. Первая упоминаемая дата – 8 августа 1914 г., когда священник был, вероятно, мобилизован. Последняя запись была сделана 18 октября 1914 г., когда Тисо покинул свой полк в связи с болезнью. Его повествования сосредоточены на трех крупных процессах: успешное наступление австро-венгерских войск в Люблинской операции (в августе), их отступления до реки Сан (в сентябре) и контр-наступление (в октябре). В дневнике Тисо уделяет первостепенное внимание перемещению его полка, встре-

чам с местным населением (особенно из числа католического духовенства) и действиям русской армии. Он обычно дает информацию о погоде, особенно если она была дождливой или холодной. Упоминания физической усталости, недостатка сна, холода, вшей и крыс встречаются также регулярно. Дневник описывает некоторые сражения. Изображение первого боя полка, произошедшего в конце августа у Красника в Конгрессовой Польше, – очень яркое и эмоциональное. Тисо реалистично отметил страдания раненых солдат, случаи паники, охватившей их во время боя, а также сожжение войсками местных деревень. Эти фактологические заметки переплетены с личными размышлениями Тисо о характере войны и ее проблемах.

Почему Йозеф Тисо написал дневник? В первой его части, опубликованной в январе 1915 г., автор утверждает, что он руководствовался задачей засвидетельствовать события войны. По сообщению Тисо, идея написания дневника появилась у него в момент, когда ему одели военный козырек во время мобилизации в августе 1914 г. Он уверяет, что дневник основан на его собственных впечатлениях и информации. Тисо сравнивает свой дневник с травелогом, в котором содержится описание духовного состояния человека между военными страданиями, опасностями и бедствиями [7. S. 17–18]. Год спустя, в январе 1916 г., когда последняя часть дневника была опубликована, риторика Тисо резко изменилась. Его стиль стал менее личным и более «патриотичным». Тисо теперь пафосно написал, что его дневник призван прославить огромные физические усилия и моральные жертвы, которые платит каждый, выполняя свой долг. Последнее предложение дневника звучит следующим образом: «Их имена сохраняются века, время не уничтожит их память» [17. S. 83].

30 лет спустя, в 1946 г., Тисо признал, что его военный дневник был подготовлен по просьбе редактора «Нитрамедеи сэмле» др. Лайоша Франциси. Тисо даже согласился, что его публикации в данном издании были написаны в угоду «мадьярских кругов» [6. F. Nar.sud. K. 52. Zapisnica v trestnej veci proti dr. Jozefovi Tisovi. 08.03.1945]. Историк Иван Каменец считает, что благодаря регулярным патриотическим статьям в «Нитрамедеи сэмле» Тисо пользовался доверием и поддержкой нитранского епископа и местной администрации [3. S. 30]. Помимо предположения о финансовой заинтересованности Й. Тисо в подготовке столь пространной «годовой» колонки в газете (которая, может быть, оплачивалась) можно гипотезировать и другой его явный интерес к сотрудничеству с «Нитрамедеи сэмле». Так, кажется вероятным, что главный редактор издания Лайош Франциси, также являвшийся ректором семинарии в Нитре (и главой местной ячейки Народной партии), мог, в благодарность за регулярные статьи Тисо, способствовать его освобождению от военной службы в конце 1915 г. через предоставление ему должности преподавателя в своей семинарии.

Военное передвижение 71-го полка составляет основной стержень дневникового повествования Й. Тисо. В то же время то, что делал он сам, описано скорее хаотично и мозаично. По свидетельству дневника, за два месяца службы в 71-м полку Тисо провел только несколько католических месс для солдат: три раза в августе (9, 18 и 20-го числа), три раза в сентябре (23-го и дважды 27-го) и ни одной в октябре [7. S. 19, 25, 26, 58, 61]. Из дневника следует, что большую часть службы, за исключением времени короткого сна, Тисо провел в пути, следуя за своим полком через различные австрийские и российские территории.

Достаточно систематичное описание военных обязанностей Тисо можно найти в его серии статей «Священник на фронте» (опубликована в феврале–марте 1916 г. также в «Нитрамедии сэмле») [7. S. 89–95]. Основываясь на своем опыте, священник пишет, что полевой капеллан должен служить мессы для полка, исповедовать солдат, ухаживать за больными, хоронить мертвых и вести некоторые административные записи (например, регистрировать погибших солдат). Согласно Тисо, в период наступления полковой священник практически не может служить мессу и он прикреплен к штаб-квартире полка. Во время сражений капеллан молится с солдатами, прежде чем они идут в атаку. Затем он помогает в санчасти раненым и исповедует умирающих. После окончания сражения священник хоронит мертвых, часто в общих могилах. Если полк должен немедленно наступать или отступать, добавляет Тисо, погибшие солдаты остаются в поле непогребенными [7. S. 90–92].

Каково было мнение Йозефа Тисо о войне? Практически во всех опубликованных текстах он отстаивает идею абсурдности, античеловечности и дикости «современной войны». В эссе «Священник на фронте» он пишет, что «вероятно, никто не знает, что является целью войны» [7. S. 90]. Вместе с тем его нельзя считать пацифистом и сторонником мира любой ценой. Тисо желал скорейшего завершения войны только в случае победы Австро-Венгрии, которая, по его мнению, вела «справедливую войну» [7. S. 22]. При описании мобилизации в августе 1914 г. он отмечает, что «все были в восторге и полны радостных ожиданий», «все были готовы умереть за короля и за Родину» [7. S. 18]. В другой дневниковой записи Тисо желает Монархии и ее союзникам успеха, так как это будет гарантировать, как он пишет, «победу правды и морального порядка» [7. S. 75].

Й. Тисо пронес прогабсбургский военный патриотизм через все страницы дневника – запись от 1 октября вполне характерна: «Каждый патриот должен принести жертву за Родину по приказу короля» [7. S. 66]. Тисо регулярно называет войска Австро-Венгрии «героической армией» [7. S. 35], а ее мертвых солдат «героями» и даже «мучениками» [7. S. 46].

Такие слова, как «жертва» и «мученик», не были случайными в словаре Тисо. Как и следовало ожидать

от священнослужителя, он интерпретировал войну через христианско-церковную семантику. В августе 1914 г. Тисо пишет, что «Провидение» явно оказывало поддержку Монархии. В доказательство этому он говорит: «Только две недели назад появились плакаты по всеобщей мобилизации, а сегодня мы уже стоим на русском пороге» [7. S. 22].

В другом месте дневника Тисо даже предполагает, что павшие солдаты будут воскрешены. Описывая могилу австро-венгерского солдата, он отметил, что «здесь отдыхают остатки героической души, которая за свою великую жертву ожидает славное спасение» [7. S. 46].

Несмотря на такой военно-религиозный пафос, Тисо между строк критикует военное командование Австро-Венгрии. Например, когда офицерский корпус его полка разместился в доме священнослужителя, Тисо явно негодовал. Его возмутило, что «приют для спасения душ» стал «центром операции для убийств, требующей мести и крови» [7. S. 21]. Кроме того, Тисо весьма подозрительно относился к информации, которую армейское командование распространяло среди солдат. Он догадывался, что такая информация, особенно если она касалась успехов центральных держав, была не всегда правильной, и что ее задачей было поддержание высокой армейской морали [7. S. 25, 51, 52]. Например, Тисо верилось с трудом, что «великое отступление» габсбургской армии из Галиции в сентябре 1914 г. было заранее спланированной операцией. Когда его командир объявил, что армия Монархии одержала победу на русскими под Лембергом и взяла 200 тысяч военнопленных, он скептически написал: «Мы не можем ощущать влияние блестящей победы, и мы отступаем также, как и раньше» [7. S. 54].

Весьма болезненно Тисо реагировал на страницах дневника на суровые военные реалии. Больше всего молодой священник был потрясен принесенными боевыми действиями ущербом и человеческими страданиями. После первых серьезных столкновений своего полка Тисо очень реалистично описывает муки окровавленных солдат без рук, ног или с травмированными лицами. В своем дневнике он задается вопросом: «Где я? Что здесь происходит?» [7. S. 31]. На следующий день при обходе раненых Тисо якобы не мог избавиться от темных мыслей: «Сколько покалеченной молодой энергии здесь утекает, сколько кормильцев и надежд бедных семей ждут здесь смерти!» [7. S. 32]. Антивоенная риторика Тисо усиливается, когда он описывает жестокие действия российской армии. После упоминания случая, когда козачи искромсали разведывательный отряд его полка на куски, Тисо пишет: «Военная жестокость может только увеличить человеческую дикость. Разбивается и ломается все, что создал тяжелый труд многих столетий; мышление людей настолько исказилось, что убийство, которое когда-то считалось преступлением и влекло наказание, теперь считается героизмом, за которое можно ожидать награду» [7. S. 35–36].

Кажется удивительным, что Тисо как священнослужитель одобряет суровые меры армии Австро-Венгрии против гражданских лиц. Например, он считает армейские реквизиции продовольствия или имущества справедливыми, потому что войска «платят» за изъятое [7. S. 35]. Кроме того, он полагает «не бесполезным» арест любого гражданского как потенциального «шпиона», который находился поблизости от наступающей армии. Если это будет доказано, добавляет Тисо, этот человек будет казнен [7. S. 36]. Наиболее ярким примером, приводимым им о безжалостной военной юстиции, является случай сожжения села Быштицы в Конгрессовой Польше. По словам Тисо, кто-то выстрелил из этой деревни в наступающих солдат 71-го полка, убив одного из них. В ответ полк окружил и поджег село; все убегающие жители были расстреляны. Тисо пишет: «Армия судит быстро ее врагов, ее не волнует, сколько невинных людей будут страдать вместе с преступником, потому что чрезвычайные обстоятельства не позволяют провести более точное расследование» [7. S. 39].

Как Й. Тисо изображал антагонистов Великой войны? На семантическом уровне Тисо мыслит двумя категориями военного времени: «мы» и «наши враги». Границы между этими группами подвижны, и «гражданские лица» занимают место транзитной серой массы. Говоря об отдельных группах, Тисо чаще всего упоминает русских / россиян, казаков и поляков. В целом, описывая группу, он использовал смесь различных маркеров: гражданство, географическая привязка, этническое происхождение, религиозная принадлежность, а также профессия или социальный класс.

Среди «врагов» Йозеф Тисо описал самым детальным образом российскую армию и казаков. Как некомбатант он чаще всего видел солдат противника в плену. Впервые Тисо встретил российского военнопленного 16 августа 1914 г. Он явно проявлял сострадание к этому «бледному и тонкому молодому человеку», который, «к счастью», был ранен без опасности для жизни. Тисо добавил, что «этот солдат имеет тот же вид, как и наши, и, может быть, он выглядит более плачевно» [7. S. 24]. Однако по мере продолжения войны тисово описание армии Романовых приобретает темные тона. Он обвиняет русские войска в несоблюдении Женевской конвенции и насилии над мирным населением, медицинскими и религиозными работниками, а также военнопленными из армии Австро-Венгрии [7. S. 35, 44].

Тема российской политики на территории оккупированной австрийской Галиции особо подробно описана им. 16 сентября Тисо отмечает, что наступающие казаки сжигают местечки и деревни на их пути [7. S. 56]. Регулярно он упоминает, что царская армия проводит принудительные поборы и грабит мирных жителей, отнимая у них продукты питания, одежду и обувь [7. S. 72]. В октябре 1914 г., когда 71-й полк проходит через освобожденные галицкие территории, Тисо отмечает, что солдаты Николая II ограбили даже цер-

ковь. Таким образом, он делает вывод: «Воистину, нет ничего удивительного в том, что народ как один и особенно священники убегают перед прибывающими русскими» [7. S. 66–67]. В другом освобожденном селе Тисо отмечает, что «местные много жалуются на русских, называя их обычными бандитами, которые пришла грабить, а не сражаться» [7. S. 73].

Описывая войска Российской империи, Тисо дает оценку их военной мощи. С одной стороны, он пересказывает разные случаи, доказывающие слабость царской армии: когда казаки выезжают в австрийский тыл для покупки мяса (!), Тисо интерпретирует это как признак отсутствия в русской армии достаточного количества продовольствия [7. S. 62]; заметив, что оставленные в окопах трупы царских солдат разуты, он склонен верить, что армия Романовых недостаточно экипирована [7. S. 73]; когда его полк пленил 18-летнего солдата, Тисо пришел к выводу о том, что генералы Николая II должны испытывать недостаток людей, если они посылают на фронт таких молодых юношей [7. S. 68–69]. С другой стороны, Тисо не скрывает, что русские сражаются храбро, что их оборонительные сооружения хороши [7. S. 36, 40] или что российская артиллерия превосходит австро-венгерскую по мощности [7. S. 46]. После битвы у Красника Тисо записал: «...до сих пор мы только недооценили русских. <...> Но сопротивление, которое они оказали нам, показывает, что они, по меньшей мере, почетные враги для нас» [7. S. 41].

Описывая гражданских лиц империй Габсбургов и Романовых, Тисо выделяет в разных категориях поляков и евреев. Он выражает сочувствие первым и явно испытывает антипатию ко вторым. Несколько раз священник упоминает с удовольствием, что поляки – искренне религиозные католики, которые даже в своих бедных деревнях строят новые костелы [7. S. 21, 24, 30]. Тисо подчеркивает, что царский режим в Конгрессовой Польше не пользуется популярностью: государство здесь не создает польскоязычные школы, а поляки не отправляют своих детей в русскоязычные школы: «Бедные поляки учатся писать друг от друга или, если есть поблизости немецкая колония, которая может иметь свою собственную школу, то поляки отправляют своих детей туда, где они научатся немецкому, русскому и польскому» [7. S. 47].

Тисо близка идея антироссийского польско-австро-венгерского союза. Подтверждая эту мысль, Он пересказывает его разговоры с польскими католическими священниками, которые якобы надеются на свое «освобождение» армией Габсбургов. Й. Тисо заключает, что конгрессовые «интеллектуальные элементы, особенно польские священники, радостно поменяют их хозяина», т.е. российский режим на австро-венгерский [7. S. 81].

В августе 1914 г. Тисо отмечает, что как австрийские, так и российские поляки приветствуют войска Дуалистической монархии [7. S. 21, 29]. Он «восхищенно» слушал польского священника на австро-российской

границе, который «желал русским смерти также, как жители Будапешта или Вены» [7. S. 21]. Другой местный священнослужитель подтверждает, что конгрессовые поляки молятся за успех габсбургской армии в надежде, что это принесет воссоединение расчлененной польской нации. Священник добавляет: «Мы молимся за победу Монархии <...> но в любом случае мы не будем согласны установить узкие отношения с прусской государственной властью» [7. S. 81].

Отношение Тисо к евреям на страницах дневника достаточно отстраненное, а предвоенный антисемитизм почти не заметен. Его взаимодействие с ними сводится к минимуму: только тогда, когда Тисо нужно что-то (например, ночлег или еда), он отваживается приблизиться к евреям. Описывая «гостиницу» в одной галицийской деревне, где он провел ночь, он ассоциирует владельца-еврея этой «грязной» гостиницы с обманом, торговлей алкоголем и желанием обогатиться [7. S. 20–21]. Тем не менее одна вещь объединяет в глазах Тисо поляков и евреев: обе группы преследовались русскими. 9 сентября он записал слова польского священника о том, что казаки «беспощадные и кровожадные люди», «ненавидят более всего, после евреев, поляков» [7. S. 49].

Йозеф Тисо также описал некоторые меры габсбургских войск, которые подрывали доверие местного населения к австро-венграм. Во время наступления в Конгрессовой Польше в начале сентября 1914 г. Тисо отмечает: «Чем больше мы проникаем внутрь России, тем больше местное население не доверяет нам и бежит из деревень» [7. S. 47]. Он указывает, что при приближении 71-го полка местные жители прячутся в домах [7. S. 34, 35]. Он объясняет это страхом реквизиций: «Жители деревни долго не выходят из домов, они боятся нас, и если мы спрашиваем что-нибудь, они отвечают “у нас нету, пан”!» [7. S. 35].

Несколько жестоких инцидентов отмечены Тисо во время битвы под Красником. 27 августа он упоминает деревню, которая была сожжена с двух сторон войсками Габсбургов и Романовых. Ее жители, пишет священник, «если они не погибли, потеряли свое имущество и дом, они потеряли все совершенно невинно!» [7. S. 38]. В тот же день, когда Тисо проходит через деревню Бытшица, сожженную его товарищами, и смотрит на стоящих на коленях сельских жителей, просящих о пощаде, он записывает в дневнике следующее: «Мы смотрим с беспомощным состраданием на них, но мы не находим мужество представить себе, что эти покорные ныне люди, следуя жажде мести, смогут сделать, если мы будем отступать назад» [7. S. 39].

По мере того как война продолжается, Й. Тисо отмечает снижение престижа Австро-Венгрии среди польского населения. Когда ее армия снова вошла в Конгрессовую Польшу в октябре 1914 г., Тисо отмечает изменения в польских настроениях: «...все подтверждает, что их сердца ближе к российской стороне», — записал он 14 октября. Теперь местные жители объяс-

няют солдатам Монархии, что их не следует «освободить» от Романовых. Вместо этого, по их словам, солдаты Габсбургов должны освободить галицийских поляков [7. S. 81]. Тисо замечает, что российские войска могли рассчитывать изредка на поддержку местных не только в Конгрессовой Польше, но даже в Галиции. Так, он приводит в пример одного лесника, который в разговоре с офицерами 71-го полка оптимистично оценивает перспективу возможной российской аннексии своего региона. В присутствии Тисо лесник говорит своим сыновьям, что они тогда будут учиться в Петрограде. Священник объясняет галицийские симпатии к России бедностью этого региона: говоря о «предателях», Тисо заключает «*Paupertas maxima meretrix est*» (лат. «Нищета это величайшая блудница»). Далее он добавляет: «Шпионы действительно набираются из этих примитивных людей, которые готовы предать за несколько сверкающих рублей» [7. S. 22].

Небезынтересно рассмотреть, как Тисо идентифицировал самого себя в начале Великой войны. Несомненно, что положение священнослужителя как в гражданской, так и в военной жизни, играло самую важную роль в самовосприятии Тисо. На страницах своего дневника он изредка называет себя «полковым капелланом» [7. S. 18, 47] или «венгерским католическим священником» [7. S. 21].

Дневник свидетельствует, что Тисо испытывал чувство единения со своим полком. Это самоотождествление, видимо, было основано не только на совместном опыте двухмесячной военной жизни, но и на общей религиозной, географической и этнической принадлежности. В одном месте Тисо именует 71-й полк «сыновьями гор Арвы и Тренчина» [7. S. 32].

Другие фразы раскрывают словацкий (или, шире, славянский) характер 71-го полка: 14 сентября 1914 г. он признал, что его полковые товарищи «не так решительно и целеустремленно сражались, как чисто мадьярские войска». С другой стороны, по наблюдению Тисо, самооценка солдат выросла, когда они услышали о храбром поведении добровольческих чешских и моравских войск вблизи [7. S. 55].

Редкие фразы Тисо показывают, что он также идентифицировал себя со словаками. 14 октября Тисо цитирует польского священника, который хвалил, согласно Тисо, «нашу религиозность» следующей фразой: «Я слышал, что словаки являются религиозными, но теперь я видел это своими собственными глазами» [7. S. 80]. После ухода из полка 18 октября 1914 г. Тисо записал: «Общая судьба связывает сердце людей так сильно, что прощание трудно, даже если оно приносит сразу же облегчение и освобождение от несчастий и бед» [7. S. 83].

Свое отношение к «мадьярскому национализму» в годы Первой мировой войны Й. Тисо подробно прокомментировал в 1946 г.: «Я не соглашался с мадьярским пониманием вопроса меньшинств. Я никогда не считал словака, румына, хорвата, серба или немца

мадьяром, говорящим на другом родном языке; я считал члена отдельной национальности членом той или иной этнической группы, но одновременно и венгерским гражданином» [6. F. Nar.sud. K. 52, Zapisnica v trestnej veci proti dr. Jozefovi Tisovi, 08.03.1946. S. 13]. В принципе, эта трактовка хорошо соотносится с тисовской публицистикой периода Великой войны.

Тисо позиционирует себя на страницах дневника как «патриота» Двуетной монархии и верноподданного ее правителя Франца-Иосифа. Несмотря на венгерское гражданство, по-видимому, лояльность Тисо к Монархии занимает более важное место, нежели к Венгрии в одиночку. Например, во время пересечения границы между Венгрией и Австрией в середине августа 1914 г. он сухо записал: «Мы оставили Карпаты (т.е. Венгрию. – *А.П.*) и начали поездку на низинах Галиции (в Австрии. – *А.П.*)» [7. S. 20]. Но когда Тисо пересек австро-русскую границу 23 августа, его мысли были более возбуждены: «В мирное время мы чувствуем эмоции, если мы пересекаем границу другой страны, теперь же это нечто совсем другое – это не туристическая поездка, а вооруженное проникновение в другую страну!» [7. S. 29]. После возвращения в Австро-Венгрию 12 сентября Тисо с облегчением пишет: «Слава Богу, мы дома!» [7. S. 52].

Записи дневника позволяют предположить, что монархия Габсбургов, при условии уменьшения ее межэтнических и межклассовых трений, представляла бы для Тисо идеальную форму организации Средней Европы: 3 октября 1914 г., описывая реконструкцию обрушившегося моста, Тисо записал: «Почти все народы Монархии смешались у этого сломанного моста, и мы восхитительно ладим друг с другом». Отмечая, что немцы, мадьяры, словаки и румыны «помогают друг другу как братья», Тисо желает, чтобы эта терпимость продолжалась и после войны.

Он также замечает: «Можно было видеть, что разожженная между ними враждебность находится не внутри различных народов (Монархии. – *А.П.*), но это – яблоко Эриды, искусственно брошенное между ними» [7. S. 68].

Подводя итоги, отметим, что анализ военного дневника Й. Тисо позволяет не только рассмотреть ход боевых действий на австро-русском фронте, но и раскрыть ряд персональных характеристик ее автора. Так, дневник, как и другие примеры тисовской публицистики в изданиях Ниппарт, показывает, что их автор не прятал свою словацкую этническую принадлежность (хоть и не акцентировал ее в годы войны).

В целом самоидентификация Тисо в 1914–1915 гг. складывалась из нескольких перекрещивающихся категорий: католик, священник, военный, словак, гражданин Венгрии и подданный монархии Габсбургов. Каждая из них сосуществовала с другими и могла стать на некоторое время доминирующей социальной маской.

Традиционные взгляды, обращенные на «Дневник с северного фронта», пытались установить, если их автора следовало считать мадьяром или словаком. Соглашаясь с мнением, что Й. Тисо в 1914–1915 гг. позиционировал себя как «словака», в нашей статье выделяется другой аспект: Тисо испытывал большую эмоциональную привязку к Дуалистической монархии в целом, чем к Венгрии. Вероятно, это объясняется доминированием прогабсбургской атмосферы в католической церкви и общей армии Монархии – двух оплотах стабильности Дунайской империи, а также надеждами Тисо (как и некоторых других словацких политиков той поры, таких как М. Годжи), что Вена могла защищать словацкое население Венгрии от притеснений со стороны будапештских властей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья основана на докладе, представленном на международной конференции «Writing at war, writing the war. Soldiers and civilians of Austria-Hungary at the Great War» (13–14 октября 2016 г., Иналько, Париж). Автор благодарит словацких историков Габриэлу Дудекову, Богумилу Ференчухову и Душана Ковача за прочтение черновой версии статьи и их полезные комментарии.

² Народная партия (венг. «Néppárt») – католическая политическая партия в Венгрии в 1895–1918 гг. В 1895–1906 и 1910–1917 гг. состояла в оппозиции к доминирующей на политическом поле Венгрии Либеральной партии; в 1906–1910 и 1917–1918 гг. – член правительственной коалиции. Ниппарт прежде всего выступала против проведенных в Венгрии в 1890-х гг. секулярных реформ, ограничивавших полномочия католической церкви и способствовавших интеграции евреев / иудеев в венгерское общество. Антисемитские лозунги получили особо широкое распространение в риторике политического католицизма. Касаясь других («христианских») этнических меньшинств Венгрии, Народная партия настаивала на уважении их культурных прав. Вместе с тем затухание словакофильских настроений внутри Ниппарт, пережив свой пик на рубеже века, способствовало постепенному удалению из партии наиболее радикальных словацких священников, сплотившихся вокруг Андрея Глинки, которые образовали в 1906 г. собственную Словацкую народную партию.

³ До 1918 г. Тисо писал свою фамилию «Tiszó», после – «Tiso». Стоит отметить, что практика мадьяризации фамилий была широко распространена даже среди наиболее националистических словацких политиков.

⁴ «Nyitramegyi Szemle» («Нитрамеден сэмле», венг. «Обзор Нитранского уезда») – локальный католический политический еженедельник (содержащий также литературные и экономические статьи), публиковался в Нитре в 1895–1941 гг. До 1918 г. его редакторами выступали католические священники, а сама газета освещала ситуацию в Нитранской епархии (венгерские медьи Нитра, Тренчин и Барш). На рубеже веков «Нитрамеди сэмле», как единственная локальная оппозиционная пресса, играла весьма важную роль. Издание было близко к «Народной партии» и поддерживало ее во время избирательных кампаний. Газета, как и венгерские людаки, отстаивала защиту «национальных» прав словаков в соответствии с венгерским законом 1868/44 (см.: [14. S. 125–126]). Примечательно, что газета была закрыта по решению людацкой администрации в период президентства Й. Тисо в Словакии.

⁵ В 1927–1929 гг. Й. Тисо был министром здравоохранения Чехословакии, в 1938–1939 гг. – главой автономного правительства Словакии, а в 1939–1945 гг. – президентом Словацкой республики (см.: [3]).

⁶ Политика Либеральной партии, нацеленная на интеграцию евреев / иудеев в венгерское общество, отмечается и историками (см.: [11]).

⁷ До войны словацкие полки считались военным командованием империи Габсбургов вполне лояльными (например, габсбургский план по оккупации Венгрии во время правительственного кризиса 1906 г. предполагал задействовать в первую очередь именно словацких солдат). В 1918 г. словаки оказались самой мятежной этнической группой в армии (см.: [12. S. 137–174; 13]).

⁸ В 1946 г. Й. Тисо на допросе сообщил, что помимо статей для «Нитрамедеи сэмле» он также писал с 1917 г. анонимные публикации для глинковского издания «Духовни пастиер» (слов. «Duchovný pastier»). Тисо уверял, что как преподаватель семинарии в Нитре он не мог подписываться под статьями на словацком – за такую «провинность» ему якобы «угрожало» перенаправление в какую-нибудь «глухую деревню» (см.: [6. F. Nar.sud. K. 52. Zapisnica v trestnej veci proti dr. Jozefovi Tisovi. 08.03.1946. S. 19–20]).

ЛИТЕРАТУРА

1. Čulen K. Po Svätoplukovi druhá naša hlava. Život Dr. Jozefa Tisu. Bratislava : Garmond, 1992. S. 545.
2. Ďurica M.S. Jozef Tiso 1887–1947. Životopisný profil. Bratislava : LÚČ, 2006. S. 592. URL: <http://portaro.eu/husav/authorities/9039>.
3. Kamenec I. Tragédia politika, kňaza a človeka. (Dr. Jozef Tiso 1887–1947). Bratislava : Premedia, 2013. S. 197.
4. Ward J.M. Priest, Politician, Collaborator. Jozef Tiso and the Making of Fascist Slovakia. Ithaca and London, 2013. P. 362.
5. Zamlčaná pravda o Slovensku. Diel 2. Dr. Jozef Tiso o sebe. Jeho obhajovacia reč pred tzv. Národným súdom v Bratislave dňa 17–18 marca 1947. Bratislava : S-G-T Plus, 1996. S. 417.
6. Словацкий национальный архив (Slovenský národný archív v Bratislave).
7. Fabricius M. and Suško L. (eds.). Jozef Tiso. Prejavy a články. Zv. 1 (1913–1938). Bratislava : Academic Electronic Press, 2002. S. 570.
8. Dudeková G. Protirečivé spomienky? // OS. Fórum občianskej spoločnosti. 2006. № 1–2. S. 102–115.
9. Kováč D. (ed.). Prvá svetová vojna. 1914–1918. Bratislava : Veda, 2008. S. 326.
10. Houlihan P.J. Catholicism and the Great War: Religion and Everyday Life in Germany and Austria-Hungary, 1914–1922. Cambridge : Cambridge University Press, 2015. P. 287.
11. Konrád M. Jews and politics in Hungary in the Dualist era, 1867–1914 // East European Jewish Affairs. 2009. № 2. P. 167–186.
12. Dangl V. Pod zástavou cisára a kráľa. Kapitoly z vojenských dejín Slovenska. 1848–1914. Bratislava : Typoset, 2009. S. 280.
13. Déak I. The ethnic question in the multinational Habsburg Army, 1848–1918 // Ethnic Armies: Polyethnic Armed Forces from the Time of the Habsburgs to the Age of Superpowers. Wilfried Laurier University Press, 1990. P. 21–49.
14. Potemra M. Bibliografia inorečových novín a časopisov na Slovensku do roku 1918. Martin : Matica slov., 1963. S. 818.
15. Vörös L. The social representation of the Slovaks in the north Hungarian Magyar Regional Press in the Years 1914–1918 // Historický časopis. 2008. № 56. Supplement. P. 41–73.

Piahana A. Toulouse University (Toulouse, France). E-mail: piahana@gmail.com

THE PRIEST ON THE AUSTRO-RUSSIAN FRONT. WAR DIARY OF JOSEF TISO (AUGUST–OCTOBER 1914).

Keywords: Hungary; Slovakia; Galicia; First World War; memoirs; Catholic Church; nationalism; identity.

This paper analyzes the experience and social identities of the Catholic priest Jozef Tiso in the beginning of the Great War. The actuality of this research is based on the consideration of the key importance of Tiso's political role in the Slovak national movement (Tiso became the President of Slovakia in 1939–1945). The question of the ethnic-national self-identification of Tiso before 1918 remains an acute debatable topic. This paper confronts the two dominant views in historiography that Tiso felt himself or as a “Slovak patriot” or as a “Hungarian/Magyar patriot” before 1918. The main source of this study is Tiso's personal diary, which he produced during his military services in the Habsburg army on the Austro-Russian front in August–October 1914. The diary contains Tiso's observations, ideas and fears and it reflects many details of the struggle in Congress Poland and Galicia at the beginning of Great War. Tiso's notes are also exceptionally realistic: he described the suffering of wounded soldiers, cases of panic that gripped the soldiers during combat. Tiso did not even hide the cases of massacres of civilians by the troops of Austria-Hungary. In addition, the diary reveals the inner world of this young priest. It shows how Tiso perceived the war, its participants and military perspectives. After Tiso left the frontline due to illness, he began to publish his memoirs under the title “Diary from the Northern front” in January 1915 in a local clerical weekly “Nyitramegyi szemle”. By the end of the publication of the diary in January 1916, Tiso was finally discharged and began to teach at the seminary. This paper confronts Tiso's war diary (as well as other examples of his publications in the clerical press) and Tiso's post-WW2 testimonies about his before-1918 life (which gathered at the Slovak National Archives in Bratislava). The paper concludes that during the fighting in Galicia, Tiso felt himself a “patriot” of Austria-Hungary and supported the “just war” against the Entente. Also, the paper confirms that Tiso did not associate himself with the Magyars and did not hide his Slovak ethnicity (though he not accentuated it). The paper states that the social identity of Jozef Tiso in 1914–1915 consisted of several intersecting categories: a Catholic, a priest, a soldier, an ethnic Slovak, Hungary's citizen and the Habsburg's subject. Each of this identity coexisted with others, and could become a dominant social role for a moment. This article helps to understand better not only the personality of J. Tiso, but also the attitude of the Slovak intellectuals to the Great War and the Habsburg Empire.

REFERENCES

1. Čulen, K. (1992) *Po Svätoplukovi druhá naša hlava. Život Dr. Jozefa Tisu* [Our second head after Svatopluk. The life of Dr. Jozef Tiso]. Bratislava: Garmond.
2. Ďurica, M.S. (2006) *Jozef Tiso 1887–1947. Životopisný profil* [Jozef Tiso, 1887 – 1947. The biographical profile]. Bratislava: LÚČ. [Online] Available from: <http://portaro.eu/husav/authorities/9039>.
3. Kamenec, I. (2013) *Tragédia politika, kňaza a človeka. (Dr. Jozef Tiso 1887–1947)* [The tragedy of a politicians, priest and man. (Dr. Jozef Tiso 1887–1947)]. Bratislava: Premedia. pp. 197.
4. Ward, J.M. (2013) *Priest, Politician, Collaborator. Jozef Tiso and the Making of Fascist Slovakia*. Ithaca and London: Cornell University Press.
5. Hoffman, G. et al. (1996) *Zamlčaná pravda o Slovensku. Diel 2. Dr. Jozef Tiso o sebe. Jeho obhajovacia reč pred tzv. Národným súdom v Bratislave dňa 17–18 marca 1947* [Suppressed truth about Slovakia. Part 2. Dr. Jozef Tiso about himself. His defense plea from. National Court in Bratislava, March 17 – 18, 1947]. Bratislava: S-G-T Plus.
6. *Slovenský národný archív (Slovenský národný archív v Bratislave)* [Slovak National Archives (Slovak National Archives in Bratislava)].
7. Fabricius, M. & Suško, L. (eds.) *Jozef Tiso. Prejavy a články. Zv. 1 (1913–1938)* [Jozef Tiso. Speeches and articles. Vol. 1 (1913–1938)]. Bratislava: Academic Electronic Press.
8. Dudeková, G. (2006) *Protirečivé spomienky? [Contrasting memories?]. OS. Fórum občianskej spoločnosti. 1–2. pp. 102–115.*

9. Kováč, D. (ed.). (2008) *Prvá svetová vojna. 1914–1918* [First World War. 1914–1918]. Bratislava: Veda. pp. 326.
10. Houlihan, P.J. (2015) *Catholicism and the Great War: Religion and Everyday Life in Germany and Austria-Hungary, 1914–1922*. Cambridge: Cambridge University Press.
11. Konrád, M. (2009) Jews and politics in Hungary in the Dualist era, 1867–1914. *East European Jewish Affairs*. 2. pp. 167–186. DOI: 10.1080/13501670903016282
12. Dangl, V. (2009) *Pod zástavou cisára a kráľa. Kapitoly z vojenských dejín Slovenska. 1848–1914* [Under the banner of emperors and kings. Chapters of Slovakian military. 1848–1914]. Bratislava: Typoset.
13. Déak, I. (1990) The ethnic question in the multinational Habsburg Army, 1848–1918 [J. In: Dreisziger, N.F. (ed.) *Ethnic Armies: Polyethnic Armed Forces from the Time of the Habsburgs to the Age of Superpowers*. Wilfried Lauriel University Press. pp. 21–49.
14. Potemra, M. (1963) *Bibliografia inorečových novín a časopisov na Slovensku do roku 1918* [Bibliography of foreign newspapers and magazines in Slovakia in 1918]. Martin: Matica slov.
15. Vörös, L. (2008) The social representation of the Slovaks in the north Hungarian Magyar Regional Press in the Years 1914–1918. *Historický časopis*. 56. pp. 41–73.

УДК 327(73):(510)«1943-1944»
DOI: 10.17223/19988613/46/12

Д.В. Рагозин, Доан Тхи Хоа Гуэ

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ПО ПРОБЛЕМЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ БИРМЫ ОТ ЯПОНСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ (1943–1944 гг.)

Японская оккупация Бирмы в первой половине 1942 г. лишила Китай наземного пути сообщения с союзниками, превратив ее освобождение в важную задачу внешней политики США. На основе анализа ряда источников – документов американского государственного департамента, слушаний в конгрессе США, документов Дж. Маршалла, воспоминаний и дневников американских дипломатов, военных и журналистов (Дж. Белдена, Ф. Дорна, Дж. Дэвиса, Дж. Стилуэлла, Ф. Эдлриджа и других) – авторы исследуют разногласия между союзными державами, в сфере интересов которых находилась проблема освобождения Бирмы.

Ключевые слова: бирманский фронт; Вторая мировая война; Дальний Восток; генерал Дж. Стилуэлл; освобождение Бирмы; правительство Чан Кайши; японская оккупация.

К началу 1943 г. союзники почти полностью захватили стратегическую инициативу в антияпонской войне. Однако, несмотря на это, США и Великобритания по-прежнему не имели решающего превосходства над врагом на Дальнем Востоке, а основными направлениями их усилий продолжали оставаться фронты Европы и Северной Африки. Западные союзники еще не успели приобрести опыт ширококомасштабных наступательных действий в джунглях, в результате чего старались ограничиться операциями небольшого масштаба, стремясь в то же время создать материально-технические предпосылки для более активного наступления на позиции японцев в будущем [1. С. 261–264; 2. С. 215, 240].

Как и прежде, руководство Соединенных Штатов надеялось добиться активизации действий вооруженных сил правительства Чан Кайши на китайском фронте, принимая в расчет выгодное географическое положение Китая, а также огромный демографический и ресурсный потенциал этой страны. Авианалеты на японские позиции с опорой на базы ВВС на китайской территории могли вынудить врага перебросить туда часть своих сил с тихоокеанского фронта, что способствовало бы наступлению американской армии в этом регионе. Но осуществление подобных расчетов во многом зависело от возобновления наземных коммуникаций с Китаем, попавших в руки врага после захвата Японией основной части Бирмы в период с февраля по июнь 1942 г. [1. С. 414; 3. С. 414].

Общая стратегия Вашингтона и Лондона в антияпонской войне стала важным пунктом в повестке дня встречи лидеров США и Великобритании в г. Касабланка (Марокко), проходившей с 14 по 24 января 1943 г. Обсуждение вопросов войны на Дальнем Востоке вскрыло острые разногласия между союзниками. Продолжая придерживаться доминировавшего в течение 1942 г. оборонительного подхода к военным действиям, американское командование считало возможным проведение небольших наступательных опе-

раций. За это, в частности, высказывались председатель объединенного комитета начальников штабов (ОКНШ) американской армии Дж. Маршалл и главнокомандующий ВМФ США адмирал Э. Кинг, ратовавшие за организацию наступления в Бирме. Ожидалось, что данное наступление поможет укрепить боевой дух китайцев и будет способствовать активизации действий на Дальнем Востоке в целом. Наряду с этим американский ОКНШ рассматривал возможность реализации плана наступательной операции, нацеленной на освобождение только северной части Бирмы [3. С. 59–62, 65, 67; 4. С. 369].

Британское руководство считало своей главной задачей возвращение колониальных владений Великобритании, оккупированных японцами в начале войны. Исходя из этого, Лондон стремился лишь к прочному удержанию стабильной оборонительной линии, пресекая попытки дальнейшего японского продвижения. Англичане также не были заинтересованы в реализации замыслов американского командования в отношении Бирмы. В Лондоне явно опасались, что возможная неудача новой кампании на бирманском фронте может отрицательно повлиять и на ситуацию в Индии. Британские представители в Касабланке указывали на то, что отсутствие у союзников достаточных военно-морских сил для захвата стратегической инициативы в Бенгальском заливе резко снижает возможность успешных действий в Бирме. Они утверждали, что захват столицы Бирмы и главного порта страны – Рангуна – потребует перебросить в Азию значительную часть средств, необходимых для проведения десантных операций в Европе. После отказа китайской стороны участвовать в наступлении на бирманском фронте в первой половине 1943 г. Лондон еще более ужесточил свою позицию [3. С. 61–65; 5. Р. 356].

Американская делегация стремилась убедить британских представителей в огромной важности наступления в Бирме в 1943 г. Так, Маршалл и Кинг опровергали мнение о том, что новая бирманская кампания

может отразиться на ходе военных действий в Европе негативно. Вашингтон намекал, что не станет жертвовать собственными интересами на Дальнем Востоке, даже если это приведет к отсрочке начала наступления союзников в Европе. Американцы считали, что активизацию действий на европейском театре необходимо дополнить усилением активности в Восточной Азии. Дж. Маршалл дал понять, что возможный срыв наступления в Бирме может повлечь за собой вывод части американских войск из Европы. Аргументы британской стороны о нехватке военно-морских сил для содействия крупному наступлению союзников на бирманском фронте были опровергнуты доводом адмирала Кинга, заявившего о возможности постройки соответствующего числа военных судов в США ввиду наличия достаточного времени до начала операции по освобождению Бирмы [3. С. 62, 65–66; 4. С. 369].

Среди главных обстоятельств, повлиявших на результаты встречи в Касабланке, следует упомянуть прогрессирующий рост экономической и военной зависимости Лондона от Соединенных Штатов, ощутимо сужавший пространство внешнеполитического маневра для Великобритании. Уступив нажиму Вашингтона, британцы столкнулись с необходимостью корректировки собственной позиции в некоторых вопросах. В частности, У. Черчиллю пришлось уступить в вопросе об участии английских войск в наступательной операции ограниченного масштаба на бирманском фронте в 1943 г. согласно плану под наименованием «Соуси». Однако ему удалось выторговать условие, по которому сроки перехода в наступление предстояло утвердить в начале июля якобы из-за необходимости более детального изучения ситуации в районе боевых действий [6. Р. 200–201; 7. С. 607; 8. Р. 272].

План «Соуси», к реализации которого первоначально предполагалось приступить в ноябре 1943 г., был одобрен союзным командованием в районе Китай – Бирма – Индия на февральской встрече в Калькутте (Индия), где Америку представляли генералы Г. Арнольд, К. Биссель и Б. Соммервил, Китай – министр обороны в правительстве Чан Кайши Хо Инцин и министр иностранных дел Сун Цзывэнь, а Великобританию – фельдмаршалы Дж. Дилл и А. Уэйвелл. Стороны согласились с необходимостью проведения активной подготовки к наступательной операции. Чан Кайши проинформировал Ф. Рузвельта, что войска Китая будут готовы к выполнению поставленных задач в оговоренные сроки, но исключительно согласно плану, утвержденному союзным командованием [5. Р. 357].

На рубеже 1942–1943 гг. Лондон предпринял неудачное наступление в районе населенного пункта Акьяб (Бирма), задействовав только три дивизии британских сухопутных сил. Но, не располагая никакой поддержкой со стороны Китая, англичане, столкнувшись с активным японским сопротивлением, понесли ощутимые потери и были вынуждены отступить к исходным рубежам. Невзирая на очевидную неподготов-

ленность наступления, ввиду которой оно стало для британцев настоящей мясорубкой, Черчилль добился его реализации, следуя прежде всего политическим расчетам и стремясь показать партнерам по антияпонской коалиции свое желание активно действовать в Тихоокеанском бассейне. Эта неудача привела к заметному ухудшению ситуации на англо-японском фронте, отмене наступления в районе реки Чиндуин и резко снизила вероятность того, что британское командование согласится участвовать в дальнейших операциях по освобождению Бирмы в обозримом будущем [3. С. 122; 9. С. 220–221].

Фактический провал наступления англичан на Акьяб привел к появлению серьезных опасений среди представителей союзного командования по поводу возможной судьбы планировавшегося на 1943 г. наступления на бирманском фронте. Тем не менее на необходимости проведения данной операции настаивал генерал Дж. Стилуэлл, назначенный в феврале 1942 г. командующим подразделениями вооруженных сил США в Китае и начальником объединенного штаба при Чан Кайши [10. Р. 191–192].

Рассмотрение комплекса проблем, связанных с китайско-бирманско-индийским фронтом, продолжилось на конференции с участием лидеров союзных держав, проходившей в Вашингтоне с 11 по 25 мая 1943 г. Ф. Рузвельт не упускал случая напомнить своим партнерам по переговорам о необходимости реально подержать китайское сопротивление японской агрессии. На это же были направлены инициативы входившего в американскую делегацию генерала Стилуэлла, предложившего обучить и вооружить за счет США шестьдесят сухопутных дивизий вооруженных сил Китая с целью использовать их для освобождения Бирмы, направить в Китай американский экспедиционный корпус, а также тесно увязать наступление на бирманском фронте с операциями союзников в юго-западном районе Тихого океана. Генерал считал необходимым освободить Бирму в 1943 г., поскольку оценивал экономическое положение Китая как катастрофическое. Другие члены делегации Соединенных Штатов на Вашингтонской конференции также настаивали на необходимости активизации действий в Бирме ввиду исключительного значения ее территории для поддержки правительства Чан Кайши, указывая на наличие достаточных для этой операции сил и средств. Предлагался план и менее масштабного наступления, предусматривавшего захват Акьяба, Мьиткыны и острова Рамри в Бенгальском заливе [11. Р. 157; 12. Р. 264–265].

Однако, по мнению Черчилля, новая кампания на бирманском фронте была нежелательна для Лондона, поскольку рост объемов военно-экономической помощи Китаю, помимо прочего, вызвал бы усиление влияния последнего в регионе, а появление частей китайской армии в Бирме могло укрепить позиции сторонников независимости этой страны от Великобритании. В результате члены британской делегации настаивали

на невозможности успешного проведения данной операции в течение, по крайней мере, 1943 г. По мнению Черчилля, старавшегося отодвинуть наступление в Бирме на возможно более поздний срок, лучше всего для союзников было бы отказаться в обозримом будущем от активных действий на бирманском фронте. Отсюда – предложения британцев о захвате иных стратегически значимых районов, в частности Суматры с целью связать там крупные силы японцев [7. С. 643–644; 11. Р. 161–162].

Представители США продолжали настаивать на необходимости освобождения Бирмы, пригрозив перенести центр тяжести военных усилий Вашингтона с европейского театра на азиатский. Так, Дж. Маршалл объявил о возможности коренного изменения стратегической концепции, ориентированной на приоритетность разгрома Германии, если крупное наступление на позиции Японии сможет гарантировать победу союзников в войне в течение менее продолжительного периода [3. С. 186; 11. Р. 161–162].

В итоге Черчиллю пришлось принять тезис о недостаточной активности англичан на бирманском направлении и даже произвести некоторые кадровые изменения в составе англо-индийского командования. Например, с поста английского главнокомандующего в Индии был смещен А. Уэйвелл, чей авторитет оказался подорван неудачным наступлением на Акьяб и которого Стилуэлл обвинял в противодействии бирманскому наступлению. Новым командующим стал генерал К. Окинлек, а Уэйвелл занял пост вице-короля Индии. Это позволило британцам отложить начало новой бирманской кампании ввиду необходимости ввести нового командующего в курс его обязанностей. Американское командование с недоверием отнеслось к принятым на Вашингтонской конференции решениям относительно операций в районе Китай – Бирма – Индия. Генерал Стилуэлл охарактеризовал это следующим образом: «Возникает ощущение, что Черчилль управляет Рузвельтом и что <...> англичан вообще не интересует война на Тихом океане» [10. Р. 205–206].

Решения Вашингтонской конференции послужили поводом к переносу даты начала операций в Бирме на неопределенное будущее. Своего рода уступкой в отношении Чунцина¹ послужил план освобождения северных районов Бирмы, не предусматривавший захвата Рангуна при участии флота, действовавшего в Бенгальском заливе и одобренного руководством Китая и лично Чан Кайши 12 июля 1943 г. Последний, однако, по-прежнему опасался возможной неудачи всей кампании без активного участия в ней военно-морских сил Великобритании. Результатом явились еще большие, нежели до этого, трудности, с которыми пришлось столкнуться генералу Стилуэллу при осуществлении подготовки к наступлению на бирманском фронте. Хотя Чан и одобрил план «Соуси», рассчитанный на освобождение только северной части Бирмы, он, как и прежде, гарантировал участие Китая в его осуществлении толь-

ко при условии участия в нем расквартированных в Индии английских частей. В то же время К. Окинлек, подобно А. Уэйвеллу, скептически относился к вероятности успеха планировавшегося наступления; британцы не верили в то, что китайцы смогут добиться в Бирме решающего перелома [10. Р. 205, 212; 13. Р. 542].

Рузвельт и Черчилль продолжили обсуждение вопросов взаимодействия с Китаем на Квебекской конференции, состоявшейся 17–24 августа 1943 г. Делегация США настаивала на необходимости не только освобождения северной Бирмы, но и нанесения удара по врагу на юге этой страны, что предлагалось осуществить не позднее мая 1944 г. Дж. Маршалл оценивал важность успешного наступления на бирманском фронте настолько высоко, что ставил в зависимость от него благоприятный для союзников исход всех планировавшихся в районе Тихого океана наступательных действий. Взгляды американского командования на данную проблему отражал предложенный представителями США проект итогового заявления: «Занимаемые Японией позиции похожи на слоеный пирог, в середине которого находится собственно Япония, прикрытая корочкой из ряда островов. Одна из оконечностей “пирога” уперлась в Бирму, тогда как другая – в Соломоновы острова. Разумнее сконцентрировать силы на строительстве Бирманской дороги, открывающей наиболее короткий путь к Японии через территорию Китая. Следует предпочесть удар по той оконечности японского пирога, которая расположена рядом с его начинкой». Исходя из этой установки, руководство Соединенных Штатов старалось убедить британских представителей согласиться с необходимостью распространить наступательные действия на всю Бирму [14. С. 206].

Формально одобрив планы освобождения северной Бирмы, англичане отказывались обсуждать вопросы, связанные с операциями в южной Бирме и действиями флота со стороны Бенгальского залива, избегая каких-либо конкретных обязательств в связи с этим. Черчилль даже предлагал перенести начало наступления на юге Бирмы на ноябрь 1946 г., ссылаясь в качестве причины как на недостаток ресурсов для одновременного нанесения ударов по врагу в Западной Европе и в бассейне Тихого океана, так и на трудности, связанные с действиями крупных армейских частей в условиях бирманских джунглей [3. С. 196; 14. С. 206].

Несмотря на это, сторонам удалось достичь соглашения по поводу необходимости проведения наступательных операций в районе Китай – Бирма – Индия в целях «восстановления наземных путей сообщения с Китаем, а также обеспечения безопасности и улучшения воздушного пути» [15. С. 387; 16. Р. 61].

Одним из важнейших итогов встречи лидеров союзных держав в Квебеке явилось создание СЕАК (сокращение от South East Asia Command) – новой командной структуры для руководства союзными силами в Юго-Восточной Азии – на Цейлоне, в Бирме, Малайе

и на Суматре. Выведение командования готовившимися в данном регионе наступательными операциями из сферы ответственности командования британскими войсками в Индии преследовало цель ускорения подготовки этих операций и повышения их эффективности. Новый орган начал функционировать с октября 1943 г. с прибытием в Дели, где первое время находилась его штаб-квартира, первого главы СЕАК — адмирала Л. Маунтбэттена. Характерной чертой СЕАК стала чрезмерная запутанность его организационной структуры, заметно препятствовавшая эффективной деятельности. Например, генерал Стилуэлл являлся заместителем командующего, но, вместе с тем, будучи сам командующим подразделениями китайской армии на бирманском фронте, он должен был подчиняться командующему 14-й армией англичан генералу У. Слим, который находился в подчинении у командующего 11-й группой армий генерала Дж. Джиффарда; последний же, в свою очередь, подчинялся Маунтбэттену и Стилуэллу. Очевидно, что посредством настолько сложной схемы подчиненности в новом командовании в Лондоне рассчитывали установить контроль над действиями подведомственных Стилуэллу подразделений китайской армии в Бирме [10. Р. 218; 17. С. 122].

Между тем дислоцированные на бирманском фронте подразделения вооруженных сил Китая начали медленно продвигаться вперед с 26 октября 1943 г. Предвидя возможность перехода союзников в наступление, японцы принимали меры превентивного характера. В частности, проводилось укрепление японских оборонительных позиций в Бирме. Например, численный состав оккупационной армии в этой стране был доведен до двухсот тысяч в составе восьми дивизий. Также существенно возросла активность ВВС Японии, а окрестности города Мьиткына в Северной Бирме стали местом дислокации японских передовых аэродромов, перемещенных туда с целью нанесения ударов по проложенной американскими летчиками авиалинии над Гималаями, получившей от них прозвище «Горб» за то, что она проходила через высокогорный и очень опасный для полетов район.

К 1943 г. «Горб» остался единственной коммуникационной линией, связывавшей Китай с союзниками. В результате японцы получили возможность перехватывать самолеты союзной транспортной авиации, а их бомбардировщики стали регулярно совершать налеты на ее базы в индийской провинции Ассам и на стратегически важные Читтагонг и Калькутту. При этом японские штабы разрабатывали наступательную операцию, чтобы прервать сообщение по железной дороге Димапур—Ледо, по которой доставлялись грузы находившимся там англо-индийским частям, а также шло снабжение созданного незадолго до этого тренировочного центра для китайских войск в Рамгархе. Токио предпринимал шаги с целью укрепления позиций Японии в бассейне Индийского океана и в особенности на Никобарских и Андаманских островах [18. С. 457; 19. С. 307–309].

С 23 ноября по 6 декабря 1943 г. в Каире (Египет) прошла встреча руководителей США, Великобритании и Китая с небольшой паузой в ее работе на время поездки Рузвельта и Черчилля в Тегеран (Иран) для переговоров с представителями советского руководства во главе со Сталиным. Конференция проходила на фоне значительных изменений в стратегической обстановке, наблюдавшейся на протяжении всего 1943 г. Так, союзные вооруженные силы перешли в решительное наступление на всех основных фронтах Второй мировой войны. Планы освобождения Бирмы пользовались единодушной поддержкой американского ОКНШ. За активные действия в Бирме ратовал и президент Рузвельт, стремившийся сделать каирскую встречу как можно более результативной с точки зрения китайцев. Линия американского командования по отношению к Китаю была сформулирована в проекте итогового заявления следующим образом: «По соображениям политического и военного характера, а также в связи с принятыми обязательствами важно провести наступление “Тарзан” (наступление на бирманском фронте. — *Авт.*) и связанную с ним морскую десантную операцию. В противном случае могут иметь место нежелательные политические последствия, а также серьезные последствия... для военных действий не только в Бирме и Китае, но и в юго-западной части Тихого океана» [20. С. 211]. Инициативы американской стороны относительно действий в Бирме включали наступательные операции англичан в направлении реки Чиндуин и Араканских гор наряду с продвижением китайцев в северной части страны. Планировался и захват Андаманских островов с помощью операций британского флота [21. С. 465–468].

Чан Кайши не скрывал заинтересованности в подключении китайской армии к боям в Бирме, в которых она должна была сыграть роль главной ударной силы. Однако выдвигалось условие, что одновременно с сухопутными операциями на бирманском фронте следовало организовать также воздушные и морские операции. Оптимальный вариант решения проблемы увеличения поставок в Китай Чан видел в освобождении Рангуна и его порта, а также в возобновлении перевозок по наземной дороге, проходившей через северную Бирму. Исходя из этого, китайцы настаивали на необходимости развития наступления в направлении города Мандалай после достижения целей наступления в районе Чиндуина и Араканских гор с одновременным развертыванием действий британских ВМС в Бенгальском заливе и высадкой морского десанта на бирманском побережье в районе Рангуна. Чан Кайши утверждал, что «Бирма — ключ ко всей азиатской кампании. После изгнания противника оттуда он сделает своим оплотом Северный Китай, а затем — Манчжурию. Изгнание из Бирмы станет для японцев тяжелым ударом, в силу чего они будут упорствовать ради удержания там собственных позиций» [22. Р. 314]. Чунцин объявил условие присоединения Китая к операциям по освобожде-

нию Бирмы – увеличение ежемесячного объема американских военных поставок в Китай до 12 000 т [10. Р. 255; 21. С. 461; 22. Р. 159].

Как и прежде, в Лондоне не испытывали восторга в связи с американскими предложениями об организации крупномасштабного наступления в Бирме, которая по словам Черчилля, «была далека от Японии <...> отвлекаться туда, дать увязнуть там нашим войскам, означало лишить нас принадлежащей нам по праву доли в победе на Дальнем Востоке» [23. С. 303–304]. Британский премьер возражал против увязки действий китайской армии в Бирме с действиями английских ВМС в Бенгальском заливе ввиду того, что это могло привести к срыву высадки американско-британских сил в континентальной Европе. Чан ответил, что несоординированность сухопутных и наземных операций вызовет очередной разгром китайцев и тем самым окончательно сломит их волю к сопротивлению. Американцы выступили арбитром в споре Черчилля с Чан Кайши: в целом поддерживая точку зрения китайского руководства, Дж. Маршалл выразил готовность США и Китая к проведению военно-морских операций в Бенгальском заливе с последующей высадкой морского десанта на побережье Бирмы в полном соответствии с планом «Баканир». Считая, что такого рода действия приведут к резкой активизации китайских войск, Ф. Рузвельт, без консультаций с британской стороной, сообщил Чану о том, что «Баканир» будет осуществлен.

28 ноября – 1 декабря 1943 г. состоялась Тегеранская конференция, в которой приняли участие лидеры ведущих держав антигитлеровской коалиции – Рузвельт, Черчилль и Сталин. Во время конференции от советского руководства было получено подтверждение согласия на присоединение СССР к антияпонской коалиции после завершения войны в Европе, данного еще в ходе Московского совещания министров иностранных дел союзных держав в октябре 1943 г. [24. С. 95].

Вооруженные обещаниями Кремля о скором вступлении в войну на Дальнем Востоке, делегации США и Великобритании вернулись в Каир, где 3 декабря возобновили обсуждение вопросов антияпонской стратегии в отсутствие китайцев. Американские представители продолжали требовать реализации плана «Баканир» предупреждая, что в противном случае Китай выйдет из войны. Тем не менее Черчилль настаивал, что готовность СССР присоединиться к антияпонской войне делала необходимой тщательную ревизию всех касающихся ее стратегических планов. Поскольку премьер-министра не устраивал пункт о предоставлении Великобританией основной части военно-морских сил для действий в Бенгальском заливе, он ратовал за отказ от плана «Баканир», намекая, что Лондон не сумеет выполнить свои обязательства, связанные с открытием второго фронта в Европе, так как высадка англо-американского десанта на французском побережье требовала участия всех десантных судов, которыми располагали на тот момент Соединенные Штаты и Велико-

британия. Британская делегация сумела воспользоваться резким снижением интереса американцев к проблеме увеличения активности китайских войск, на фоне чего развертывание широкомасштабных операций на бирманском фронте было не более чем политическим жестом в отношении Китая. Черчилль еще до отъезда в Тегеран заявил о желании «запротоколировать тот факт, что он отказывается удовлетворить просьбу Чан Кайши о том, чтобы мы предприняли десантную операцию одновременно с сухопутными операциями в Бирме» [23. С. 235]. Адмирал У. Леги свидетельствовал, что «ни на одной из предшествующих конференций британцы не оказывали столь решительного сопротивления американским предложениям» [11. Р. 213]. В результате, не желая продолжать дипломатическую борьбу по отныне второстепенному вопросу, Ф. Рузвельт 5 декабря сообщил Черчиллю об отказе от плана «Баканир», объяснив это решение членам ОКНШ решительным отказом британского руководства в предоставлении военных судов для действий в Бенгальском заливе и проведения десантной операции на побережье Бирмы [20. С. 210; 22. Р. 676, 687–688, 701–703, 705].

Чан был проинформирован об отмене плана «Баканир» ввиду активизации действий в Европе, что могло обеспечить разгром Германии летом 1944 г. и для чего было необходимо задействовать все имевшиеся в распоряжении западных союзников десантные корабли, делая, таким образом, десантную операцию на побережье Бенгальского залива невозможной. Китайцам было предложено дожидаться времени, когда высадка десанта в Бирме станет возможной, либо провести наступление ограниченного масштаба в северной части этой страны [22. Р. 725].

Отказ от операции «Баканир» сильно уязвил Чан Кайши тем, что его мнение было, по сути, проигнорировано, в результате чего судьба северо-бирманского наступления также оказалась сомнительной. Чан не верил в целесообразность активных действий в Бирме; не верил он и в боеспособность собственной армии, полагая, что возможность успеха не может составлять более одного процента. Генералу Стилуэллу стоило больших усилий переубедить руководство Китая относительно вероятности успешного исхода кампании и без участия британских ВМС, как и в том, что реальное преимущество в силах было за союзниками [10. Р. 264–266].

Изучались самые разные методы принуждения Чан Кайши к согласию на реализацию наступательных планов относительно бирманского фронта, включая физическое устранение Чана и его последующую замену на более приемлемую для Вашингтона фигуру. Данный способ обсуждался Стилуэллом и руководителем куньминского тренировочного центра Ф. Дорном. Американский генерал упоминал при этом соответствующее сверхсекретное распоряжение Рузвельта, сделанное якобы в устной форме. Было необходимо

разработать план покушения, способный не вызвать ни малейших подозрений в причастности к нему США. Разработка такого плана была поручена Дорну. В конечном счете оптимальным вариантом было признано устранение Чан Кайши и его супруги Сун Мэйлин в результате авиакатастрофы, детали которого были тщательнейшим образом проработаны во время инспекционного визита в Рамгарх (Индия). Но приказ президента США об устранении китайского лидера так и не поступил, в результате чего от покушения пришлось отказаться [10. Р. 252; 25. Р. 75–79].

Между тем Сун Мэйлин сделала все возможное, чтобы убедить Чана в необходимости и возможности освобождения северной Бирмы. В итоге Стилуэлл был наделен всеми необходимыми полномочиями, которые требовались для командования дислоцированными на бирманском фронте подразделениями китайской армии [10. Р. 265–266].

Генерал уехал в район боев 20 декабря 1943 г., где находился почти непрерывно по июль 1944 г. «Только иногда, во время длительных ночных перелетов, он оставлял руководство ходом кампании», – сообщал служивший при Стилуэлле фронтовой корреспондент Дж. Белден. В первый период боев в северной Бирме, который начался в октябре 1943 г., в сражениях принимали участие не все части вооруженных сил Китая, обученные и вооруженные с американской помощью в рамгархском и куньминском тренировочных центрах; при этом оставшиеся пятнадцать дивизий стояли без дела в Юннани, а их участие в боевых действиях китайское командование обусловило освобождением Андаманских островов и проведением десантной операции на бирманском побережье Бенгальского залива. Тем не менее союзники располагали в Бирме существенным перевесом в силах. Линия фронта имела дугообразную форму и в целом повторяла контуры границы между Китаем и Бирмой. Ее большая протяженность, труднопроходимый горный рельеф и сравнительно небольшое количество войск, принимавших участие в военных действиях, делали фронт прерывистым. Позиции сторон находились на большом расстоянии друг от друга, и только важнейшие районы противоборства были заняты войсками. Непосредственного соприкосновения главных сил той и другой стороны практически не было, а разделявшая их зона превратилась в арену действий диверсионно-разведывательных частей. Боевые операции велись далеко не на всех участках; их конечная цель заключалась в овладении Мьиткьиной – важнейшим стратегическим объектом северной Бирмы. Находившимся в распоряжении Стилуэлла войскам удалось нанести существенный урон противнику уже в начале боев. В частности, были освобождены значимые в военном отношении населенные пункты – Камаинг, Могаунг и Лунлин; от японцев была очищена равнина Таро. В течение первых восьми недель кампании китайцы углубились в бирманскую территорию на 240 км, к началу марта 1944 г. выйдя к

населенному пункту Валоубум [10. Р. 266–267, 279; 26. С. 295, 297].

Руководство Великобритании продолжало добиваться корректировки стратегических планов СЕАК и прежде всего – переноса акцента с наступательных операций в Бирме на боевые действия в других районах противоборства с Японией и находящиеся в большем соответствии с британскими имперскими интересами. Данным критериям отвечал разработанный СЕАК план наступления в Малайе и на Суматре, известный под наименованием «Калверин» и предполагавший отказ от дальнейших действий на севере Бирмы, а также от прокладки наземных коммуникаций между Индией и Китаем через этот регион. Помимо прочего, появление английских войск на Суматре делало возможным усиление влияния Лондона на Индонезию за счет сильно ослабленных и находившихся в то время под германской оккупацией Нидерландов, колонией которых Индонезия была до начала войны. Но осуществление «Калверина» противоречило интересам Соединенных Штатов, в результате чего он не получил одобрения американского ОКНШ, а президент Рузвельт даже проинформировал Черчилля о своей озабоченности в связи с появлением этого плана. В итоге в мае 1944 г. командование вооруженных сил США объявило взятие Мьиткьины и прокладку наземных путей сообщения с Китаем через бирманскую территорию основной целью генерала Стилуэлла вне зависимости от СЕАК [12. Р. 290; 13. Р. 755–756; 27. Р. 465–467].

Решением от 15 сентября 1943 г. японская Императорская ставка отнесла Бирму к разряду территорий, которые надлежало удерживать всеми доступными средствами. Планы командования японской армии относительно операций в Бирме на 1944 г. учитывали имевшийся у союзников существенный перевес сил, а также их готовность к проведению наступательных операций. При этом в качестве наиболее эффективного способа противодействия замыслам противника японцы рассматривали упреждающий удар по американским и британским военным объектам на северо-востоке Индии. Еще весной 1942 г. японский генеральный штаб приступил к разработке соответствующего наступательного плана, а в марте 1944 г. в Токио сочли, что подходящее время для упреждающих действий на бирманском фронте пришло, отдав приказ о наступлении на расположенный в индийской провинции Ассам город Имфал с целью уничтожить наземную инфраструктуру воздушного пути над южными Гималаями («Горб»). Достигнутые противником успехи могли поставить под удар продвигавшиеся в Бирме части китайской армии, в результате чего американское командование потребовало от правительства Чан Кайши перебросить туда находившиеся в китайской провинции Юннань дивизии, подготовленные и снаряженные при поддержке США специально для операций на бирманском фронте. Этого удалось добиться лишь ценой решительного демарша со стороны официального Ва-

шингтона и угрозы полностью прекратить снабжение указанных дивизий, которая вынудила Хо Инцина в апреле 1944 г. санкционировать их использование в Бирме. Меры, принятые Чунцином и Лондоном, позволили выбить врага из окрестностей Имфала и к июню остановить японское наступление. Инициатива в Северной Бирме полностью перешла к союзникам, а урон, нанесенный ими живой силе японцев, составил 78 000 убитых, раненых, плененных и пропавших без вести. Застав противника врасплох, ведомые Стилуэллом подразделения китайской армии 17 мая 1944 г. овладели аэродромом Мьиткыны, однако смогли захватить весь город лишь к 3 августа из-за ожесточенного сопротивления засевшего там гарнизона. Взятие Мьиткыны означало достижение конечной цели наступления союзников на севере Бирмы, после чего боевые действия были прекращены на период муссонных дождей [18. С. 457; 27. Р. 414; 28. Р. 12].

Бирманский успех имел важные последствия для всего Дальневосточного региона. Во-первых, японцы лишились пяти хорошо обученных и оснащенных дивизий, а трем был нанесен тяжелый урон в живой силе и технике. Во-вторых, освобождение Мьиткыны, одного из главных авиаузлов Юго-Восточной Азии, означало провал японских планов установления блокады контролируемой правительством Чан Кайши части Китая, так как в результате была проложена новая, более короткая и безопасная авиалиния, связавшая Китай с Индией и позволившая более чем удвоить количество перевезенных грузов – с 18 000 т в июне 1944 г. до 39 000 т в ноябре. В-третьих, подтвердилась правильность расчетов генерала Стилуэлла, а его авторитет как военачальника значительно вырос. Например, заместитель начальника штаба американской армии генерал Т. Хэнди в меморандуме на

имя Дж. Маршалла указывал, что, справляясь со своими задачами в Китае, Стилуэлл одолел такие препятствия, с которыми не сталкивался ни один союзный командующий, «по сути, создав в Бирме китайскую армию заново», несмотря на противодействие как британской администрации в Индии, так и руководства Китая. Хэнди назвал тактику Стилуэлла «великолепной», а бои за Мьиткыну – шедевром. Умелое командование действовавшими на бирманском фронте подразделениями китайской армии позволило китайцам впервые за все время антияпонской войны разгромить первоклассного противника, сделав генерала популярной фигурой в Китае [12. Р. 317; 25. Р. 81; 27. Р. 502–506].

И все же северо-бирманская победа не привела к перелому в тихоокеанской войне. Невзирая на то что возможность существенно нарастить поставки для нужд правительства Чан Кайши была создана, успех кампании в Бирме почти не оказал влияния на обстановку непосредственно в Китае, которая оставалась напряженной, и не привел к пересмотру стратегических планов союзников, рассматривавших китайский фронт как второстепенный согласно решениям, принятым на конференциях в Каире и Тегеране [29. Р. 1430; 30. Р. 4688; 31. Р. 164–166]. В результате в ходе Второй Квебекской конференции, прошедшей при участии Ф. Рузвельта и У. Черчилля 12–16 сентября 1944 г., было решено передать Лондону инициативу в дальнейшей борьбе за освобождение Бирмы от японцев. В условиях, когда результаты Второй мировой войны были фактически предрешены, руководство Великобритании сочло возможным более активно заняться операциями на бирманском фронте, которые завершились полной победой британцев в июле 1945 г. [20. С. 508].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В Чунцине в 1937–1945 гг. размещалось возглавляемое Чан Кайши правительство Китая.

ЛИТЕРАТУРА

1. История Второй мировой войны 1939–1945. М. : Воениздат, 1976. Т. 6. 520 с.
2. Сапожников Б.Г. Китай в огне войны (1931–1950). М. : Наука, 1977. 351 с.
3. Мэтлофф М., Снелл Э. Стратегическое планирование в коалиционной войне 1941–1942 гг. М. : Воениздат, 1955. 496 с.
4. Севостьянов Г.Н. Дипломатическая история войны на Тихом океане. От Пирл-Харбора до Каира. М. : Наука, 1969. 648 с.
5. Tuchman B. Stilwell and the American Experience in China, 1911–1945. N.Y. : Macmillan, 1971. XV, 621 p.
6. Wedemeyer A. Wedemeyer Reports! N.Y. : Henry Holt, 1958. 497 p.
7. Черчилль У. Вторая мировая война. М. : Воениздат, 1991. Кн. 2. 671 с.
8. Young A. China and the Helping Hand, 1937–1945. Cambridge : Harvard University press, 1963. XX, 502 p.
9. Можейко И.В. «Западный ветер – ясная погода». Юго-Восточная Азия во Второй мировой войне. М. : Наука, 1984. 352 с.
10. Stilwell G. The Stilwell Papers. N.Y. : William Sloane, 1948. XVI. 357 p.
11. Leahy W. I Was There. N.Y., 1950. 527 p.
12. Davies J. Dragon by the Tail. American, British, Japanese, and Russian Encounters with China and One Another. N.Y. : Norton, 1972. 448 p.
13. Roosevelt and Churchill. The Complete Correspondence. Vol. I–III. Princeton : Princeton University Press. 1984. Vol. II. 773 p.
14. Международные отношения на Дальнем Востоке / ред. кол.: Е.М. Жуков (отв. ред.) и др. М. : Мысль, 1973. Кн. 2. 294 с.
15. История дипломатии. М. : Политиздат, 1975. Т. 4. 752 с.
16. Tsou Tang. America's Failure in China, 1941–1950. Chi. : University of Chicago Press, 1963. XVIII. 614 p.
17. Элдридж Ф. Гнев в Бирме. Не цензурированные записи о генерале Стилуэлле и международных интригах на Дальнем Востоке. М. : Воениздат, 1947. 219 с.
18. История Второй мировой войны 1939–1945. М. : Воениздат, 1976. Т. 7. 522 с.
19. Хаттори Такусиро. Япония в войне 1941–1945. М. : Воениздат, 1973. 629 с.

20. Эрман Дж. Большая стратегия (авг. 1943 – сент. 1944 гг.). М. : Иностранная литература, 1958. 633 с.
21. Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс. Глазами очевидца. М. : Иностранная литература, 1958. Т. 2. 679 с.
22. U.S. Department of State. Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1943. Conferences at Cairo and Tehran. Wash.: GPO, 1961. 932 p.
23. Черчилль У. Вторая мировая война. М. : Воениздат, 1991. Кн. 3. 702 с.
24. Тегеранская конференция руководителей трёх союзных держав – СССР, США и Великобритании : сб. док. М. : ИИЛ, 1978. 197 с.
25. Dorn F. Walkout with Stilwell in Burma. N.Y. : Thomas Y. Crowell Company, 1971. VIII. 258 p.
26. История Второй мировой войны 1939–1945. М. : Воениздат, 1977. Т. 8. 536 с.
27. The Papers of George Catlett Marshall. Baltimore : Johns Hopkins University Press, 1996. Vol. 4. XXX, 773 p.
28. Roosevelt and Churchill. The Complete Correspondence. Princeton : Princeton University Press, 1984. Vol. III. 742 p.
29. U.S. Congress. Senate. Committee on the Judiciary. Institute of Pacific Relations. Hearings before the Subcommittee to Investigate the Internal Security Act and Other Internal Security Laws. 82nd Congress. First Session. Wash. : GPO, 1951. Pt. 5. 470 p.
30. U.S. Congress. Senate. Committee on the Judiciary. Institute of Pacific Relations. Hearings before the Subcommittee to Investigate the Internal Security Act and Other Internal Security Laws. 82nd Congress. First Session. Wash. : GPO. 1952. Pt. 13. 550 p.
31. Thorne C. Allies of a Kind. The United States, Britain, and the War against Japan, 1941–1945. L. : Hamish Hamilton, 1978. XXII. 772 p.

Ragozin Dmitry V. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia). E-mail: dvr@tpu.ru; Doan Thi Hoa Hue. Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia). E-mail: regionoved@mail.ru

DIPLOMATIC STRUGGLE ON THE ISSUE OF THE LIBERATION OF BURMA FROM THE JAPANESE INVADERS (1942–1943).

Keywords: Burmese front; Chiang Kai-shek's Government; the Far East; General George Stillwell; the Japanese occupation; the liberation of Burma; World War II.

The authors focus on the impact of the difficulties in inter-allied relations during World War II on the recovery of ground communications between the Western Allies and the Chiang Kai-shek Government-controlled part of China in order to deliver military and economic aid to the latter. The objective of this study is to analyze the relationship between the issue of assistance to the Government of Chiang Kai-shek from the United States and the problem of Burma's liberation from the Japanese and its impact on US-Chinese relations at the decisive stage of the war. Much attention is paid to the role of Great Britain in addressing this issue, the leadership of which feared that the rapprochement between the US and China could lead to a decrease in the authority of the British Empire in Asia and the loss of its position in the Far East, which made the situation even more acute. The relevance of the research subject is determined by the importance of Chinese front in Allied strategy during the initial period of the anti-Japanese war, the importance of cooperation between the US and China for the American post-war reconstruction plans in the Far East, and the growing role of China in world politics. The principles of historicism, objectivity and causality served as a methodological basis of this article. The originality of the study is based on the involvement of a large number of historical sources which were not previously involved or involved insufficiently by Soviet and Russian scholars, such as, for example, documents of the US Army Chief of Staff General George Marshall, a number of the documents of the US State Department, memoirs and diaries of Henry Stimson, the generals Henry Arnold, Albert Wedemeyer, George Stilwell, Claire Chennault et al.; it is based as well on comprehensive analysis of political and military cooperation between Washington and the Government of Chiang Kai-shek. The authors come to the conclusion that there were sharp differences between the United States, Britain, and China on almost all issues related to the provision of assistance to the Government of Chiang Kai-shek and the liberation of Burma for this purpose, which has led to the transfer of a practical solution of this problem on the final stage of the war with Japan, causing permanent friction between the US and China due to the failure to deliver economic and military aid to China in sufficient volumes, to the failure of the Chinese armed forces to conduct active offensive operations and to the reduction in the strategic importance of the Chinese front as a result of decisions taken at the Cairo and Teheran conferences.

REFERENCES

1. Grechko, A., Zhilin, P., Zhukov, E., Kulikov, V. & Fedoseev, F. (eds) (1976a) *Istoriya vtoroy mirovoy voyny 1939–1945* [The History of the Second World War, 1939–1945]. Vol. 6. Moscow: Voenizdat.
2. Sapozhnikov, B.G. (1977) *Kitay v ogne voyny (1931–1950)* [China in the fire of war (1931–1950)]. Moscow: Nauka.
3. Mattloff, M. & Snell, E. (1955) *Strategicheskoe planirovaniye v koalitsionnoy voyne 1941–1942 gg.* [Strategic planning in the coalition war of 1941–1942]. Translated from English. Moscow: Voenizdat.
4. Sevostyanov, G.N. (1969) *Diplomaticheskaya istoriya voyny na Tikhom okeane. Ot Pirl-Kharbora do Kaira* [Diplomatic history of the war in the Pacific. From Pearl Harbor to Cairo]. Moscow: Nauka.
5. Tuchman, B. (1971) *Stilwell and the American Experience in China, 1911–1945*. New York: Macmillan.
6. Wedemeyer, A. (1958) *Wedemeyer Reports!* New York: Henry Holt.
7. Churchill, W. (1991a) *Vtoraya mirovaya voyna* [The Second World War]. Book 2. Translated from English. Moscow: Voenizdat.
8. Young, A. (1963) *China and the Helping Hand, 1937–1945*. Cambridge: Harvard University press.
9. Mozheyko, I.V. (1984) *“Zapadnyy veter – yasnaya pogoda”*. *Yugo-Vostochnaya Aziya vo vtoroy mirovoy voyne* [“The western wind is clear weather.” Southeast Asia in the Second World War]. Moscow: Nauka.
10. Stilwell, G. (1948) *The Stilwell Papers*. New York: William Sloane.
11. Leahy, W. (1950) *I Was There*. New York: Morrow.
12. Davies, J. (1972) *Dragon by the Tail. American, British, Japanese, and Russian Encounters with China and One Another*. New York: Norton.
13. Roosevelt, F. & Churchill, W. (1984a) *Roosevelt and Churchill. The Complete Correspondence*. Vol. II. Princeton: Princeton University Press.
14. Zhukov, E.M. (ed.) *Mezhdunarodnye otnosheniya na Dal'nem Vostoke* [International Relations in the Far East]. Book 2. Moscow: Mysl'.
15. Gromyko, A.A. & Zemskov, I.N. (eds) (1975) *Istoriya diplomatii* [History of diplomacy]. Vol. 4. Moscow: Politizdat.
16. Tsou Tang. (1963) *America's Failure in China, 1941–1950*. Chicago: University of Chicago Press.
17. Eldridge, F. (1947) *Gnev v Birme. Ne tsenzurovannyye zapisi o generale Stiluelle i mezhdunarodnykh intrigakh na Dal'nem Vostoke* [Wrath in Burma. Not censored records of General Stilwell and international intrigues in the Far East]. Translated from English by P. Rappoport. Moscow: Voenizdat.
18. Grechko, A., Zhilin, P., Zhukov, E., Kulikov, V. & Fedoseev, F. (eds) (1976b) *Istoriya vtoroy mirovoy voyny 1939–1945* [The History of the Second World War, 1939–1945]. Vol. 6. Moscow: Voenizdat.
19. Takushiro, H. (1973). *Yaponiya v voyne 1941–1945* [Japan in the war of 1941–1945]. Translated from Japanese. Moscow: Voenizdat.

20. Erman, J. (1958) *Bol'shaya strategiya (avg. 1943 – sent. 1944 gg.)* [The Great Strategy (August 1943 – September 1944)]. Translated from English. Moscow: Inostrannaya literatura.
21. Sherwood, R. (1958) *Ruzvel't i Gopkins. Glazami ochevidtsa* [Roosevelt and Hopkins. Through the eyes of an eyewitness]. Vol. 2. Translated from English. Moscow: Inostrannaya literatura.
22. U.S. Department of State. (1961) *Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1943. Conferences at Cairo and Tehran*. Washington: GPO.
23. Churchill, W. (1991b) *Vtoraya mirovaya voyna* [The Second World War]. Book 3. Translated from English. Moscow: Voenizdat.
24. Gromyko, A. (ed.) (1978) *Tegeranskaya konferentsiya rukovoditeley trekh soyuznykh derzhav – SSSR, SShA i Velikobritanii* [Tehran Conference of the leaders of the three Allied Powers – USSR, USA and Great Britain]. Moscow: IPL.
25. Dorn, F. (1971) *Walkout with Stilwell in Burma*. New York: Thomas Y. Crowell Company.
26. Grechko, A., Zhilin, P., Zhukov, E., Kulikov, V. & Fedoseev, F. (eds) (1977) *Istoriya vtoroy mirovoy voyny 1939–1945* [The History of the Second World War, 1939–1945]. Vol. 8. Moscow: Voenizdat.
27. Bland, L.I., Stoler, M.A., Stevens, S.R. & Holt, D.D. (eds) (1996) *The Papers of George Catlett Marshall*. Vol. 4. Baltimore: Johns Hopkins University Press.
28. Roosevelt, F. & Churchill, W. (1984b) *Roosevelt and Churchill. The Complete Correspondence*. Vol. III. Princeton: Princeton University Press.
29. U.S. Congress. Senate. Committee on the Judiciary. Institute of Pacific Relations. (1951a) *Hearings before the Subcommittee to Investigate the Internal Security Act and Other Internal Security Laws*. 82nd Congress. First Session. Pt. 5. Washington: GPO.
30. U.S. Congress. Senate. Committee on the Judiciary. Institute of Pacific Relations. (1951b) *Hearings before the Subcommittee to Investigate the Internal Security Act and Other Internal Security Laws*. 82nd Congress. First Session. Pt. 13. Washington: GPO.
31. Thorne, C. (1978) *Allies of a Kind. The United States, Britain, and the War against Japan, 1941–1945*. London: Hamish Hamilton.

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ, ЭТНОГРАФИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

УДК 947.1 (571.13)

DOI: 10.17223/19988613/46/13

С.Ф. Татауров

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В г. ТАРЕ В XVII–XIX вв.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Программы повышения международной конкурентоспособности ТГУ.

Рассматриваются материалы археологических раскопок г. Тары, свидетельствующие о развитии торговых отношений в XVII–XVIII вв. Анализируются счетные и мерные палочки, гирьки, торговые пломбы и бирки. По результатам исследования делается вывод об основных направлениях торговых потоков, проходивших через Тару в XVII–XVIII вв., специализировавшихся на торговых отношениях с Китаем и Средней Азией. Торговые пломбы указывают на конкретные торговые дома Российского государства, с которыми заключали соглашения тарские купцы.

Ключевые слова: Западная Сибирь; город; торговля; счет; пломба; гиря; транзит.

В археологической науке торговые отношения, их территориальность и интенсивность определяются преимущественно по набору предметов, которые имеют не местное происхождение и именуются импортом. Например, наличие в погребениях в курганных комплексах саргатской культурно-исторической общности раннего железного века большого количества импортных предметов – украшений, посуды, оружия и т.д. – позволяет исследователям писать об устойчивых торговых отношениях с населением Средней Азии, Китая и т.д. В этот период торговые отношения имели меновой характер, когда не использовались деньги или денежные эквиваленты. По этой причине, кроме импортных предметов, нет никаких свидетельств, указывающих на эти самые торговые отношения. Ситуация изменяется, когда торговые отношения начинают проводиться в системе государственных отношений. Определенные органы начинают контролировать этот процесс, вводят свою систему мер и весов, проводят торги в рамках денежной системы государства и взимают за это определенный процент.

Первые свидетельства оформления государственных торговых отношений в Западной Сибири относятся к периоду тюрко-татарской государственности XIV–XVI вв., когда правители устанавливали определенный размер дани со своих подданных, делали попытки введения своих денежных систем, заключали торговые соглашения с другими государствами и т.д. Но фактически на настоящий момент мы не имеем комплекса предметов, который позволяет делать выводы об уровне развития торговых отношений в этих государственных образованиях. По этой причине мы не можем говорить и об уровне государственности этих образо-

ваний, так как именно торговый инструментарий является одним из основных маркеров любого государства.

На этом фоне археологические материалы, получаемые в результате исследования русских городов в Сибири, дают достаточно полное представление об уровне развития торговых отношений российского государства в Западной Сибири для XVII–XVIII вв. Причем на основании этих материалов есть возможность выделить серию предметов и инструментов, которые позволяют воссоздавать весь процесс торговых отношений: от места производства товара, его транспортировки и места непосредственного осуществления торговых операций и, собственно, процесс продажи товара. Более того, именно торговые материалы позволяют, в известной мере, перейти к конкретным историческим личностям, чья деятельность была связана с исследуемыми археологическими комплексами.

В основу данной работы легли материалы раскопок одного из первых русских городов в Сибири – Тары, которые осуществляются с 2007 г. Омским филиалом ИАЭТ СО РАН, Омским и Томским государственными университетами. За восемь сезонов в историческом центре города исследован ряд культовых, административных и жилищно-хозяйственных комплексов, собрано более 10 тыс. артефактов. Материалы позволяют показать для каждого исторического периода с момента его основания и до настоящего времени особенности планировки города, во многом воссоздать облик города и его жителей, их культуру. Для исследования нам особенно важно, что значительная часть раскопанных площадей пришлась на место расположения в XVIII–XX вв. базарной площади, где и располагались основные торговые места города.

Тара претерпела несколько кризисных моментов, в ходе которых городу и его жителям приходилось существенно переустраивать свое городское и личное хозяйство – осваивать новые, во многом новаторские занятия. Следует отметить, что тарчане неоднократно с честью выходили из сложных ситуаций, причем на протяжении более полутора столетий сдерживая постоянные набеги кочевников со стороны казахстанских степей. С момента основания города, который был поставлен как крепость и имел военно-административное предназначение, у Тары начались проблемы с продовольственным снабжением. За несколько лет горожане освоили близлежащие охотничьи и рыболовные угодья, организовали первые хлебные запашки и уже к 1625 г. проблема была решена. В отличие от других сибирских русских городов – Пелыма, Сургута и отчасти Тобольска, которые во многом зависели от поставок продовольствия из Европейской России, Тара с середины XVII в. полностью обеспечивала себя продуктами питания, а с открытием Московско-Сибирского тракта превратилась в один из основных продовольственных рынков Сибири.

Город-крепость был поставлен на перекрестке торговых путей и на многие десятилетия стал основным центром в Западной Сибири для торговых отношений со Средней Азией и Китаем. Первоначально город в основном принимал торговые караваны и служил в определенной мере перевалочной базой на границе русских земель, отправляя их дальше на север в Тобольск. Но в конце XVII в., после сокращения караванной торговли, тарские купцы сами стали прокладывать пути в Китай и Среднюю Азию, и примерно через сто лет Тара становится преимущественно торговым городом.

После переноса регионального центра в г. Омск и со смещением основных торговых потоков на более удобные южные дороги в XIX в. Тара стала развиваться как торгово-промышленный город, восполняя отток капиталов за счет открытия предприятий по переработке сельскохозяйственной продукции, фасовке и оформлению продукции из Китая и Средней Азии. Именно в это время город стал одним из основных транзитных центров в системе завоза чайного листа в Россию.

В данной работе мы рассмотрим археологические материалы, связанные с торговой стороной города, а именно на торговом «инвентаре», т.е. на тех предметах, при помощи которых торговали сибирские купцы, – это мерные инструменты и торговые пломбы.

Мы не будем подробно описывать найденную в ходе раскопок коллекцию монет. Сами по себе денежные знаки не обязательно свидетельствуют о товарно-денежных отношениях. Наличие огромного количества серебряных монет-чешуек в погребениях хантыйских или мансийских князцов не является доказательством высокого уровня торговых отношений в их владениях. То же можно сказать о западноевропейских счетных жетонах, которые массово фиксируются в погребениях тюркоязычного населения XVII–XVIII вв., но не явля-

ются денежным эквивалентом. Наличие монет в городе мы не можем игнорировать, их количество в культурных горизонтах свидетельствует об определенном уровне денежных отношений, но монеты указывают только на сам факт торговли.

Тара была богатым городом. В частных коллекциях горожан и просто у жителей на руках в настоящее время находится огромное количество монет. Благополучие горожан подтверждают и материалы раскопок. На настоящий момент найдено более ста российских монет, из них 10% относится к XVIII в., 70% – к XIX в., 20% – к XX в. (русские и советские). Монет XVII в. не найдено, причем в Тарском краеведческом музее в наличии есть всего две копейки Алексея Михайловича и столько же у местных тарских коллекционеров. Это объясняется тем, что в XVII в. город больше воевал, нежели торговал. Денежное жалование поступало крайне нерегулярно и к тому же часто заменялось разным снаряжением или товарами. Не найдено монет иностранного производства, но в Тарском краеведческом музее в нумизматическом фонде и в этнографических коллекциях женских украшений есть арабские дирхемы и западноевропейские счетные жетоны. В целом нумизматический материал по своей хронологии соответствует периоду торгового расцвета города.

Археологические коллекции достаточно полно демонстрируют нам весь ассортимент товаров, поступавший в г. Тару как путем транзитной торговли с европейской частью России, Уралом, Средней Азией и Китаем, так и в результате торговых операций с местными центрами Западной Сибири – Тюменью, Колыванью и т.д. В этот перечень входят ткани, винные бутылки, столовая посуда, предметы быта и многое другое, что нашло отражение в сохранившихся торговых книгах города.

Для этого периода проделано достаточно много исследований, посвященных торговым отношениям [1–3], поэтому мы не будем на этом останавливаться. Необходимо отметить, что для Тары следует исключить находки, связанные с военной стороной существования города, так как Тара снабжалась оружием и вооружением напрямую из столиц российского государства, поэтому значительная часть огнестрельного оружия была произведена за границей и попала в Россию в виде трофеев.

Основную ценность для изучения торговли имеют измерительные инструменты. Именно они позволяют исследователям определить систему счета и измерений, используемую в данном населенном пункте. Материалы раскопок некоторых сибирских городов дают такую возможность. Особенно это касается Мангазеи, где в достаточном ассортименте представлены счетные палочки, гири, детали разновесов и т.д., хотя авторы исследований ограничились пока перечнем ввозимых товаров [4. С. 159, 178].

В ходе раскопок усадебного комплекса, расположенного на территории Тарской крепости, в сенях дома

найлены две счетные палочки: целые, ровные, четырехгранные, со следами потертости от долгого использования. Одна палочка поделена на 10 отрезков линиями, которые пересекают всю грань палочки, каждый отрезок в свою очередь был поделен на 10 частей зарубками по ребру палочки. Длина палочки 55 см. Вторая палочка поделена на 4 части, каждая из них также размечена на 10 отрезков. Длина инструмента 23 см. Палочки иллюстрируют две системы счета, которые применялись в это время, — десятичную и четвертичную. Судя по потертостям, возможно, их использовали не только как счетные, но и как измерительные инструменты. В этом плане интересна еще одна счетная палочка — из Тарского крае-

ведческого музея, которая являлась еще и мерной палочкой (рис. 1, 5). Она изготовлена из длинного прямого отростка лосиного рога, на концах заострена, имеет длину 40 см, диаметр 0,8 см. Ребра размечены по всей длине примерно через 5 мм.

Помимо счетных в Таре найдены мерные палочки — целые и в обломках (рис. 1, 6–7). Это круглые в сечении палочки или плоские рейки с ручками и рабочей частью, которая размечена глубокими зарубками. В основном деления шли примерно через 0,5 или 1 см, и в зависимости от этого разметка шла на длину 10 или 20 см. Следует отметить, что одна из мангазейских палочек (рис. 1, 4) была одновременно и мерной.

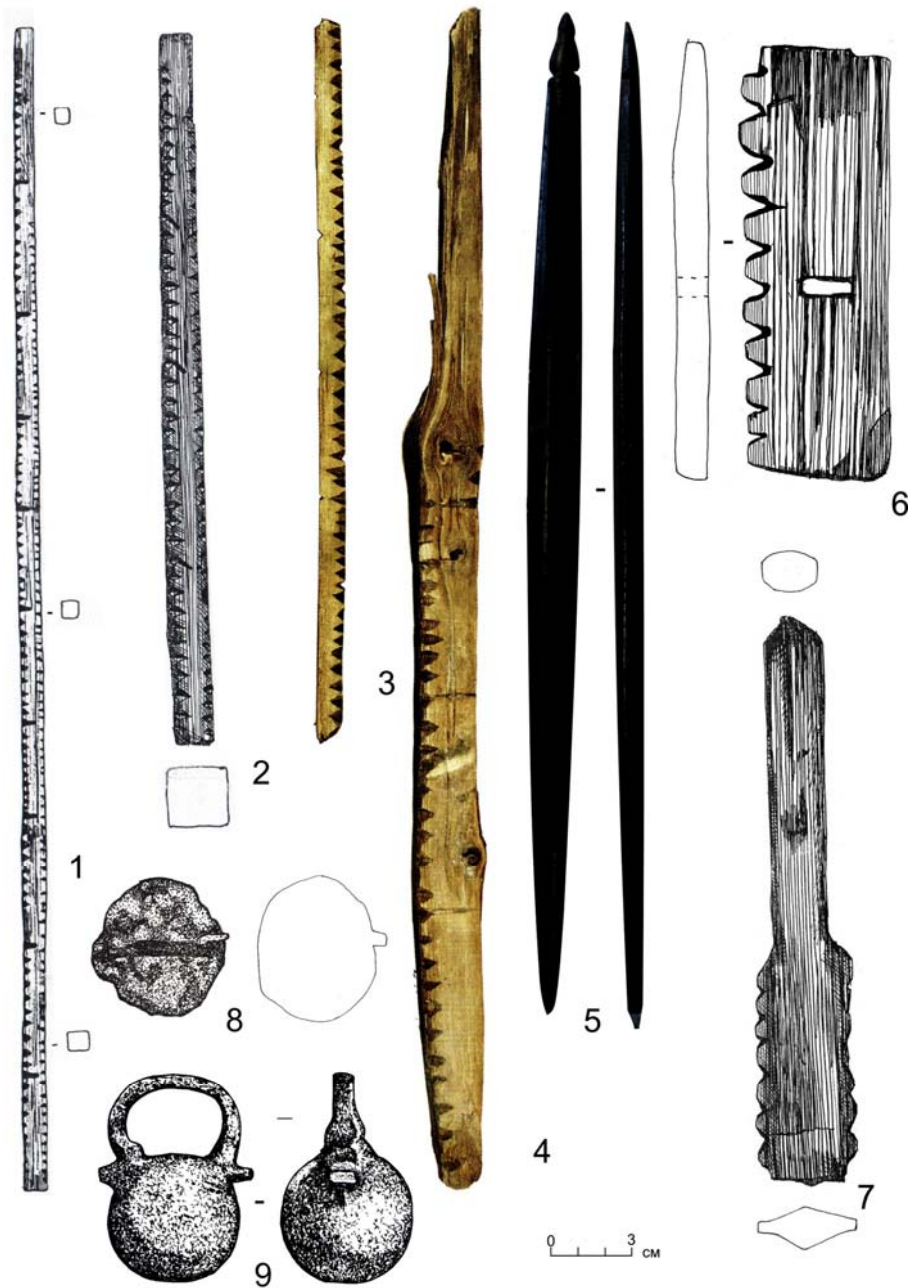

Рис. 1. Принадлежности торговли: 1–5 — счетные палочки; 6–7 — мерные палочки; 8–9 — гири. 1, 2, 5–7 — Тара; 3, 4, 9 — Мангазея

Мерные палочки использовались для измерения сыпучих и жидких товаров. В Сибири, как и в остальной России, долгое время сохранялась натуральная система мер, особенно в питейных заведениях. Палочкой можно было намерить определенное количество меда, вина, муки и т.д. В Таре долгое время сохранялась традиция, по которой можно было намерить и продать три меры меда или другого продукта. «Мера» исчислялась «коренною мерою жидкостей» – традиционной ведреной системой расчета жидкости [5. С. 232], согласно которой отсчет шел в оба направления: как в сторону больших объемов, исчисляемых количеством ведер, так и в сторону меньших объемов, исчисляемых частями ведра [6]. Палочку опускали в корчагу или кадушку определенного объема и определяли остаток меда, муки или другого товара или, наоборот, наливали в идентичную емкость определенное его количество по этой мерке. То же самое проделывали и с другими жидкими или сыпучими продуктами. Например, при определении количества солода в корчаге при варке пива.

Использование мерных палочек для определения объема жидкости или сыпучих тел в Западной Сибири, в частности в Таре, практиковалось достаточно долго – до начала широкого использования стеклянных, одно-, двух- и трехлитровых банок, т.е. до середины XX в. И сегодня с помощью мерок измеряется остаток топлива в цистернах, бензобаках, уровень масла в двигателях, количество пороха в патроне и т.д.

К предметам, связанным с торговлей, относится найденная в Таре гиришка (рис. 1, 8). Аналогичные гири обнаружены в Мангазее (рис. 1, 9), на татарском поселении XVII–XVIII вв. Бергамак III, в 60 км от Тары [7]. К сожалению, пока в Таре не найдены разновесы, но, вероятно, они были распространены, как и в Мангазее.

Наиболее интересной находкой являются торговые пломбы. Это одна из немногих категорий находок, которая позволяет установить личность владельца и привозимый на продажу товар.

Торговые пломбы, найденные в Таре, зафиксированы в поздних культурных горизонтах – с середины XVIII в. до конца XX в. Известны находки пломб более раннего времени, например свинцовая пломба-заклепка с латинскими буквами из воеводской усадьбы в Томске, относящаяся к распространенному в Европе типу пломб и свидетельствующая о торговых связях с Западом [8. С. 211]. При раскопках Тары на центральной площади города, ранее Базарной, найдено 4 пломбы. Еще 10 хранятся в Тарском краеведческом музее, куда они попали от поисковиков и коллекционеров. 10 пломб относятся к XVIII–XIX вв., 4 – к XX в. Уточнить хронологическое определение пломб пока сложно из-за их малого количества и отсутствия типологии товарных пломб для Сибири. Мы вынуждены опираться на время существования торговых домов, к которым принадлежат найденные пломбы.

По своей специфике они делятся на товарные пломбы, которые прикреплялись к транзитным грузам, и стационарные – использовавшиеся для опечатывания зданий – складов и магазинов. Это очевидно из надписей на них: в одних случаях указан владелец товара или торговый дом, в других – буква «М» и номер магазина. Например, пломба магазина № 7, который располагался по адресу ул. Ленина, 2 на Базарной площади и раньше принадлежал купцу Н.К. Машинскому, а с середины XX в. стал магазином и назывался «Ткани» (рис. 2, 7).

Все пломбы по материалу изготовления разнородны, судя по структуре металла на пломбы шли самые разнообразные сплавы свинца с медью, оловом и т.д. Металлографический анализ пока не делался, после его проведения, вполне возможно, удастся выявить мастерские по изготовлению этих предметов. Практически все они изначально представляли собой круглые диски или цилиндрики диаметром от 1,1 до 2,3 см и толщиной от 0,2 до 1 см. У многих в процессе перевозки сильно оббиты края, имеются заусеницы. Внутри пломб имеются отверстия для веревочки или проволоки, с помощью которых и связываются ушки ящиков или другой тары.

Пломбы использовали многократно, поэтому после очередного использования пломбу покрывали сургучом, для того чтобы хорошо видеть повреждения, если ее вскрывали.

На пломбах имеются надписи. По технологии они делятся на два типа: сделанные при изготовлении (штамповки или отливки) или оттиснутые специальными щипцами при пломбировании. К сожалению, надписи полустерты и плохо читаются. Но некоторые мы смогли прочесть и установить владельца.

Две пломбы принадлежат московскому торговому дому Перловых (рис. 2, 1, 3). Эта купеческая семья известна с XVIII в., когда московский купец Иван Михайлович, прихожанин церкви Алексея Митрополита, что в Рогожской слободе, записался в купеческую гильдию и занялся розничной торговлей. Его сын Алексей в 1787 г. открыл в Москве розничные чайные лавки, а в 1807 г. принял новую фамилию Перлов. В 1864 г. его сын Василий Алексеевич Перлов создал фирму «Перлова Василия с сыновьями. Товарищество чайной торговли». В конце XIX в. Перловы уже имели 88 магазинов в России и Европе. В 1869 г. его младший сын, Сергей Васильевич, основал собственную фирму – Товарищество чайной торговли «Сергей Васильевич Перлов и Ко» с собственной чаеразвесочной фабрикой. Еще больше увеличилась сеть оптовых складов и розничных магазинов в разных городах Российской Империи. Возросло и число поставщиков, чай везли уже не цибиками, а эшелонами и пароходами. Каждый ящик с товаром, каждый вагон эшелона, каждый трюм парохода имели не только письменную маркировку груза, но были опечатаны свинцовыми товарными пломбами его владельца.

Рис. 2. Торговые пломбы: 1–4 – пломбы торгового дома С. Перлова; 5–6 – пломбы торгового дома Харитонов; 7 – пломба магазина № 7 «Ткани»; 8 – пломба Санкт-Петербургской компании 1781 г.; 9 – деревянная дощечка-пломба. 1, 5, 8, 9 – археологические материалы г. Тары 2012–2014 гг. 2, 4 – по [9]; 3, 6–7 – из коллекций Тарского краеведческого музея

Фамильным символом стал чайный куст, украсивший нашлемник герба, шесть крупных жемчужин озаменовали фамилию, а девиз был избран «Честь в труде» – все это и изображалось на пломбах [9].

К сожалению, в настоящий момент нет конкретных сведений о деятельности торгового дома Перловых в Таре, с кем из тарских купцов он имел договоры, но, очевидно, что этот торговый дом был постоянным торговым партнером в Таре.

Помимо чая через Тару шел поток сопутствующих товаров – кофе, специи, сахар и т.д. В связи с этим характерны две пломбы с надписью «Харитоновский рафинад» и «Харитоновский сахар» (см. рис. 2, 5, 6). В городе такой купеческой фамилии не было, но зато купеческая династия Харитоновых достаточно известна на Урале – на Ирбитской ярмарке и в Екатеринбурге – и входила в чайную компанию Высоцких – крупнейших поставщиков и оптовых продавцов чая в Российской Империи. Поэтому эта торговая пломба на сахарных ящиках вместе с товарами компании Высоцких в Таре оказалась совсем не случайно [10].

Любопытна пломба Санкт-Петербургской импортной компании (см. рис. 2, 8). Это единственная пломба с датировкой – 1781 г. Хорошая сохранность позволяет рассмотреть торговый знак: в верхней части располо-

жен герб Российского государства, посередине год, ниже – лежащая на боку гирька с прямым крестом на тулове.

Еще одна интересная находка в археологических коллекциях г. Тары указывает на другую категорию торговых пломб-бирок. Это дощечки с отверстиями на краях для веревок, которыми увязывали тюки с товарами (см. рис. 2, 9). В данном случае на дощечке сделана надпись «Хмель». Известно, что при караванной торговле основную массу товара перевозили в тюках, в частности – чай (в цибиках по 40 кг), ткани, одежду и многое другое. Впоследствии подобные дощечки использовали при перевозке тяжелых или крупногабаритных грузов, например мешков с солью, связок заготовок из дерева для производства определенных товаров и т.д.

Подводя итог, отметим, что археологические материалы достаточно хорошо иллюстрируют торговую историю г. Тары, специализировавшейся на торговых отношениях с Китаем и Средней Азией, указывают на конкретные торговые дома Российского государства, с которыми заключали соглашения тарские купцы. Данная работа, возможно, послужит началом изучения собственно процесса торговли по археологическим материалам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вилков О.Н. Китайские товары на тобольском рынке в XVII в. // История СССР. 1958. № 1. С. 105–124.
2. Вилков О.Н. Тобольские таможенные книги XII в. // Города Сибири (эпоха феодализма и капитализма). Новосибирск : Наука, 1978. С. 65–76.
3. Вилков О.Н. Очерки социально-политического развития Сибири конца XVI – начала XVIII в. Новосибирск : Наука, 1990. 368 с.
4. Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: новые археологические исследования (материалы 2001–2004 гг.). Екатеринбург ; Нефтеюганск : Магеллан, 2008. 296 с.
5. Прозоровский Д.И. Древние русские меры жидкостей // Журнал Министерства народного просвещения. 1854. № 3. С. 231–268.
6. Жук А.В. Русская система питейных мер (Из опыта исторической метрологии) // Рыцарь сибирской археологии : сб., посв. памяти В.И. Матющенко. Омск : Изд-во ОмГУ, 2007. С. 148–167.
7. Татауров С.Ф., Татаурова Л.В. Раскопки поселения Бергамак III в Муромцевском районе Омской области летом 1997 года // Новое в археологии Прииртышья. Омск, 1999. С. 101–119.
8. Чёрная М.П. Воеводская усадьба в Томске. 1660–1760-е гг.: историко-археологическая реконструкция. Томск : ИД «Д'Принт», 2015. 276 с.
9. Шилкин Д.Г. Тара и упаковка. Иллюстрированный журнал для производителей и потребителей упаковочных машин, материалов и изделий. М. : Тара и упаковка, 2008. № 3 (105). С. 78–79.
10. ФКУ «Уральское окружное управление материально-технического снабжения МВД России». URL: <http://uums.utk.ru/hist.php?page=5;http://urbibl.ru/Knigi/uralskaya-starina/vip-5-9.html>.

Tataurov Sergey F. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: TatSF2008@rambler.ru

ARCHAEOLOGICAL EVIDENCES OF TRADE RELATIONSHIP IN THE TOWN OF TARA IN XVII–XIX CENTURIES.

Keywords: Western Siberia; city; trade; count; seal; weights; transit.

The author analyzed the materials of archaeological excavations of the Tara historic center, one of the first Russian towns in Western Siberia founded in 1594. The data demonstrate the development of trade relations in the town. The archaeological materials from archaeological diggings of the Russian towns in Siberia, give us quite complete idea of the development level of trade relations of the Russian state in Western Siberia for the XVII–XVIIIth centuries. The basis of this work was formed by materials of excavation of the historic center of Tara, which were performed by us since 2007. For eight seasons in the historic center of the city a number of religious, administrative and housing and economic complexes were investigated, more than ten thousand artifacts were collected. The author considered specific materials, which are calculating and measuring sticks, weights, trade seals and labels. Calculating sticks allow detecting used systems of the count; in the case of Tara were applied decimal and quaternary systems. Measured sticks also allow defining measuring systems for liquid and dry goods. One of the most interesting categories of the finds from Tara excavations are the trade seals. It is one of the few finds categories, which allows identifying a proprietor and certain goods brought to the place of sale. Finds of trade seals are fixed in the cultural horizons since the middle of the XVIIIth century and practically until the end of the XXth century. In total during the excavations on the town's central square, earlier the marketplace, 4 seals were found. The 10 additional seals are still stored in Tara Historical Museum, where they have got from searchers and collectors. By their the specifics they are divided into commodity seals, which were attached to transit cargoes and stationary – used for sealing of buildings – warehouses and shops. By production material all seals are diverse, judging by structure of metal – for seals were used the most various lead alloys with copper,

tin, etc. There are inscriptions on the seals. They are divided by technology into two types – made during the goods' production (while stamping or casting) or imprinted by special nippers while sealing. The trade seals allow transferring archaeological material to a personal level. In conclusion the author summarizes the analysis of materials and concludes on the main directions of trade currents held by Tara in the XVII–XVIII centuries. The archaeological materials rather well illustrate trade history of the town of Tara. They show the specialization in trade relations with China and Central Asia, indicate the specific trade houses of the Russian state, which Tara's merchants concluded agreements. This work, perhaps, will serve as the beginning of actually studying of trade process on archaeological materials.

REFERENCES

1. Vilkov, O.N. (1958) Kitayskie tovary na tobol'skom rynke v XVII v. [Chinese goods in the Tobolsk market in the 17th century]. *Istoriya SSSR*. 1. pp. 105–124.
2. Vilkov, O.N. (1978) Tobol'skie tamozhennye knigi XVII v. [Tobolsk customs books in the 17th century]. In: Vilkov, O.N. (ed.) *Goroda Sibiri (epokha feodalizma i kapitalizma)* [Siberian cities (the era of feudalism and capitalism)]. Novosibirsk: Nauka. pp. 65–76.
3. Vilkov, O.N. (1990) *Ocherki sotsial'no-politicheskogo razvitiya Sibiri kontsa XVI – nachala XVIII v.* [Essays on the socio-political development of Siberia at the end of the 16th – early 18th centuries]. Novosibirsk: Nauka.
4. Vizgalov, G.P. & Parkhimovich, S.G. (2008) *Mangazeya: novye arkheologicheskie issledovaniya (materialy 2001–2004 gg.)* [Mangazeya: New archaeological research (materials of 2001–2004)]. Ekaterinburg; Nefteyugansk: Magellan.
5. Prozorovskiy, D.I. (1854) Drevnie russkie mery zhidkostey [Ancient Russian measures of liquids]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 3. pp. 231–268.
6. Zhuk, A.V. (2007) Russkaya sistema piteynykh mer (Iz opyta istoricheskoy metrologii) [Russian system of drinking measures (From the experience of historical metrology)]. In: Tikhonov, S.S. (ed.) *Rytsar' sibirskoy arkheologii* [The Knight of Siberian Archeology]. Omsk: Omsk State University. pp. 148–167.
7. Tataurov, S.F. & Tataurova, L.V. (1999) Raskopki poseleniya Bergamak III v Muromtsevskom rayone Omskoy oblasti letom 1997 goda [Bergamak III excavations of in Muromtsevsky district of Omsk region in the summer of 1997]. In: Tataurov, S.F. (ed.) *Novoe v arkheologii Priirtysh'ya* [New in the archeology of Irtysh area]. Omsk: Omsk State University. pp. 101–119.
8. Chernaya, M.P. (2015) *Voevodskaya usad'ba v Tomske. 1660–1760-e gg.: istoriko-arkheologicheskaya rekonstruktsiya* [The Voivode estate in Tomsk in the 1660–1760s: Historical and archaeological reconstruction]. Tomsk: D'Print.
9. Shilkin, D.G. (2008) Tara i upakovka. Illyustrirovanny zhurnal dlya proizvoditeley i potrebiteley upakovochnykh mashin, materialov i izdeliy [Package and packaging. Illustrated magazine for manufacturers and consumers of packaging machines, materials and products]. *Tara i upakovka – Package and Packaging*. 3(105). pp. 78–79.
10. FКУ “Ural'skoe okružnoe upravlenie material'no-tehnicheskogo snabzheniya MVD Rossii” [Ural District Department of Material and Technical Supply of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. [Online] Available from: <http://uums.utk.ru/hist.php?page=5>; <http://urbibl.ru/Knigi/uralskaya-starina/vip-5-9.html>.

УДК 930

DOI: 10.17223/19988613/46/14

Л.И. Агафонов, Н.Е. Колчева

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ ПОСТРОЙКИ ДЕРЕВЯННОЙ ЧАСОВНИ НА КОРДОНЕ КОМСА (ТУРУХАНСКИЙ РАЙОН, КРАСНОЯРСКИЙ КРАЙ)

Задача определения времени сооружения многих исторических объектов и памятников деревянного зодчества и в настоящее время остается актуальной. Сибирь, особенно ее северная часть, до сих пор хранит деревянные постройки, которые представляют интерес для изучения истории освоения этой огромной территории. В статье представлены результаты применения дендрохронологического метода при определении возраста деревянной часовни с колокольной в бывшей дер. Комса (Туруханский район, Красноярский край). Использованный метод позволил определить время постройки часовни (середина 1910-х гг.) и сделать предположение о не простой истории ее строительства, которое пришлось на годы масштабных потрясений в России.

Ключевые слова: деревянная архитектура; дендрохронология; датирование построек; Сибирь.

Сибирь до сих пор богата памятниками деревянного зодчества и просто историческими зданиями, выполненными из дерева. В последние десятилетия активно идет организация музеев под открытым небом, таких, как архитектурно-этнографический музей «Тальцы» под Иркутском, Омский государственный историко-культурный музей-заповедник «Старина Сибирская» и другие подобные музеи [1. С. 61–65; 2; 3. С. 98–104]. Но есть деревянные постройки, которые затерялись на огромных сибирских просторах и ждут своих исследователей. Для обеспечения сохранности исторических памятников был принят Федеральный закон, который направлен на сохранение, популяризацию и государственную охрану объектов культурного наследия народов Российской Федерации [4]. Однако для многих памятников деревянного зодчества отсутствуют исторические сведения о датах их постройки, которые могли бы дать дополнительную информацию об истории объекта и других событиях, с ним связанных. В последние годы особое значение приобрели междисциплинарные исследования этнографов, архитекторов, дендрохронологов при выполнении программ по сохранению культурного наследия как федерального, так и регионального уровня [5. С. 103–110; 6. С. 72–77; 7. С. 164–168; 8. С. 83–89; 9. С. 33–39].

Уже много десятилетий в бывшей деревне Комса (Туруханский район, Красноярский край) стоит деревянная часовня с колокольной (рис. 1). В 1985 г., после организации в этих краях Центральносибирского государственного биосферного заповедника (ЦГБЗ), жители деревни были расселены в соседние поселки, а опустевшая деревня стала кордоном заповедника. Поселение Комса известно с 1764 г. как зимовье Комсино. Позднее, в начале XIX в., вдоль Енисея пролегла зимняя дорога на север, и через каждые 25–30 км стали создавать линию ямских станков, что соответствовало дневному перегону санной почтовой упряжки. С этого времени зимовье стало станком Комсинским. По данным 1859 г., в Комсе стояло 5 домов с общим количе-

ством жителей 47 человек. К 1914 г. станок вырос до размеров небольшой деревни Комса, в которой было уже 23 дома и проживали 132 человека – 69 душ мужского пола и 63 – женского [10]. Деревня располагалась на землях Дубческого прихода Енисейской епархии, но какое-либо упоминание о часовне, времени ее постройки и кто духовно окормлял прихожан в комсинской часовне до сих пор не найдено. Из архива Туруханского краеведческого музея известно лишь о времени её закрытия (май 1931 г.) и что в часовне была открыта изба-читальня, что было вполне характерно для того времени.

Материал и методика исследования. В 2015 г. сотрудники заповедника проявили интерес к истории возникновения часовни на кордоне Комса. Осенью этого года нами были взяты спилы с бревен часовни для определения времени её постройки по древесно-кольцевым хронологиям. Дендрохронологический метод использует особенности формирования годичных колец деревьев, которые формируются под влиянием погодных условий территории, и эти условия одинаково влияют на величину радиального прироста всех деревьев в текущем году.

Таким образом, каждый год формируются годичные кольца, характерные для условий конкретного года. Образуется последовательность годичных колец за весь период жизни деревьев, которая достаточно уникальна и неповторима во времени. Эту последовательность называют древесно-кольцевой хронологией (ДКХ) или просто хронологией. Каждое дерево за период жизни формирует индивидуальную ДКХ, и для одного вида деревьев они достаточно синхронны между собой, но могут различаться с хронологиями других видов деревьев по причине различий в физиологических особенностях.

Погодно-климатические факторы (температура воздуха, атмосферные осадки), определяющие ширину годичного кольца, влияют одновременно на физиологические процессы всех деревьев. В результате инди-

видуальные хронологии деревьев одного вида и произрастающие в одинаковых лесорастительных условиях формируют синхронные кривые прироста. Различия могут быть в абсолютной величине погодичного прироста, но не в последовательности изменений за период

жизни каждого дерева. Эти особенности ДКХ широко используются в экологических исследованиях [11, 12], а также для датировки деревянных археологических и исторических объектов [13. С. 43–57; 14. С. 67–76; 15. С. 390–393].

Рис. 1. Часовня на кордоне Комса: слева – колокольня, справа – основное строение, за которым видна алтарная часть (фото Л.И. Агафонова)

Ширину годичных колец измеряли на комплексе LINTAB, который подключен к компьютеру со специальным программным обеспечением TSAP [16].

Далее в специальном пакете дендрохронологических программ (Dendrochronological Program Library, DPL) [17] проводят сравнение индивидуальных хронологий между собой и с существующей мастер-хронологией, которая должна охватывать период времени от современности до предполагаемого времени постройки исторического объекта и является контрольной для исследуемого региона. Этот процесс в дендрохронологии называют перекрестным датированием. Датирование необходимо для привязки тестируемой хронологии к мастер-хронологии и обнаружения возможных выпадающих или ложных годичных колец, которые нужно выявить и устранить, поскольку в противном случае хронология будет иметь неверную привязку во времени, что исказит весь временной ряд хронологии. Хронологии, не датированные между собой и с региональной мастер-хронологией, не могут быть использованы для последующего определения времени постройки деревянных объектов.

Всего с часовни было взято 6 спилов. Четыре спила были взяты в разных местах с венцов сруба в нижней части, но не с самых нижних, которые иногда могут менять из-за гниения древесины. Места сбора были выбраны таким образом, чтобы не повредить внешний облик часовни. Использование спилов с нижней части постройки наиболее полно отображает время начала

строительства. Еще два спила были взяты с окончаний стропильных бревен под крышей часовни.

Результаты исследования и обсуждение. Венцы бревен, с которых были взяты спилы, выполнены из стволов кедра сибирского (*Pinus sibirica* DoTour.), что было установлено по особенностям анатомического строения древесины [18]. Все спилы имели следы механической обработки поверхностей (обтесывались топором, имели выбранный паз для укладки в сруб). В лаборатории дендрохронологии Института экологии растений и животных УрО РАН (г. Екатеринбург) спилы были подготовлены для дальнейшей работы и измерены приросты годичных колец по одному или двум радиусам на каждом спиле. Возраст спила с наибольшим количеством годичных колец составил 265 лет. Характеристики спилов приведены в табл. 1.

В качестве региональной мастер-хронологии использовалась ДКХ по кедру, полученная для профиля постоянного экологического мониторинга, заложенного на правом берегу р. Енисей в 2006 г. напротив кордона Комса. Общая длительность хронологии составляет 286 лет, с 1720 по 2005 г. Учитывая, что по историческим сведениям зимовье Комсино возникло в 1764 г., использованная мастер-хронология на 44 года перекрывает период от начала хронологии до возникновения поселения, следовательно, она может быть использована для датировки часовни. Региональная хронология получена на основе 19 индивидуальных хронологий с 15 деревьев кедра сибирского. Для построения этой хронологии использовалась программа

ARSTAN [19]. Эта программа позволяет избавиться от влияния возрастного тренда каждого дерева и сигнала не климатического характера, который может присутствовать в индивидуальных хронологиях. В программе физические единицы измерения (мм) индивидуальных хронологий в процессе их стандартизации для каждого года переводятся в относительные единицы, нормированные к некоторому среднему значению, – процент от среднего по хронологии значения ширины годичного кольца. Эти единицы называют индексами прироста. Дендрохронологическая характеристика индивидуальных хронологий, используемых для построения региональной хронологии, представлена в табл. 2. Региональная хронология строилась методом кубического сплайна на основе стандартизированных индивидуальных хронологий в программе ARSTAN. Региональная хронология получила код КР0 и показана на рис. 2.

Индивидуальные хронологии по спилам часовни датировались с региональной хронологией КР0 в про-

грамме COFESHA [20. С. 69–78], для чего рассчитывались коэффициенты корреляции между региональной хронологией и каждой индивидуальной ДКХ в окне длительностью 50 лет с шагом через каждые 25 лет. Программа предлагает варианты соответствия по времени датируемой хронологии с мастер-хронологией. По результатам корреляционного анализа подбираются годы начала индивидуальных хронологий, которые могут быть применены для датирования с региональной хронологией. Далее полученные результаты сравнивались в графическом режиме визуально на экране компьютера. Визуальная проверка соответствия датируемых хронологий и мастер-хронологии одному и тому же интервалу времени завершает процесс датировки. Из предложенных программой выбирается тот вариант, который полностью согласуется с региональной мастер-хронологией.

По результатам датирования установлено, что хронологии по спилам с часовни кордона Комса охватывают период с 1638 по 1930 г. (табл. 3).

Таблица 1

Характеристики спилов, взятых с часовни на кордоне Комса, ЦГБЗ

Код спила	Древесная порода	Количество измеренных радиусов	Количество годичных колец по радиусу	Положение спила в конструкции часовни
КСН1	кедр	R1, R2	205, 229	Нижний венец
КСН2	кедр	R1	194	Нижний венец
КСН3	кедр	R1	265	Нижний венец
КСН4	кедр	R1, R2	171, 179	Нижний венец
КСН5	кедр	R1, R2	177, 174	Стропила
КСН6	кедр	R1, R2	126, 125	Стропила

Таблица 2

Дендрохронологическая характеристика индивидуальных хронологий, вошедших в региональную хронологию КР0

Код хронологии	Период роста, гг.	Возраст, лет	Межсерийный коэффициент корреляции
КРО011	1861–2005	145	0,63
КРО012	1891–2005	115	0,59
КРО021	1878–2005	128	0,67
КРО022	1874–2005	132	0,60
КРО031	1854–2005	152	0,55
КРО032	1855–2005	151	0,54
КРО041	1720–2005	286	0,65
КРО042	1796–2005	210	0,60
КРО051	1816–2005	190	0,63
КРО061	1730–2005	276	0,65
КРО071	1757–2005	249	0,64
КРО081	1855–2005	151	0,71
КРО091	1795–2005	211	0,47
КРО101	1724–2005	282	0,55
КРО111	1747–2005	259	0,57
КРО121	1748–2005	258	0,64
КРО131	1748–2005	258	0,41
КРО141	1807–2005	199	0,43
КРО151	1870–2005	136	0,73

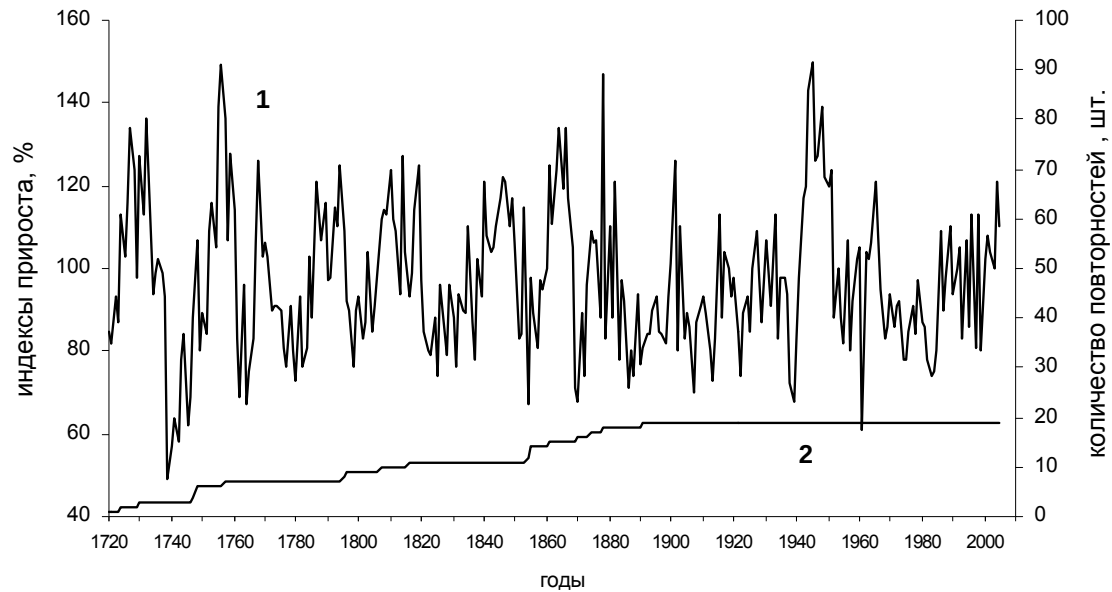

Рис. 2. Региональная мастер-хронология по кедру сибирскому (1), количество использованных для ее построения индивидуальных хронологий и их протяженность во времени (2)

Таблица 3

Результаты датирования индивидуальных хронологий по радиусам спилов часовни кордона Комса

Код хронологии	№ радиуса	Год начала	Год окончания	Длительность хронологии	Элемент конструкции часовни
КСН011	1	1646	1850	205	Нижний венец
КСН012	2	1646	1874	229	Нижний венец
КСН021	1	1693	1886	194	Нижний венец
КСН031	1	1638	1902	265	Нижний венец
КСН041	1	1730	1900	171	Нижний венец
КСН042	2	1730	1908	179	Нижний венец
КСН051	1	1734	1910	177	Стропила
КСН052	2	1734	1907	174	Стропила
КСН061	1	1805	1930	126	Стропила
КСН062	2	1805	1929	125	Стропила

Стандартизированные в программе ARSTAN индивидуальные хронологии (по каждому радиусу) со спилов часовни показывают высокую связь прироста друг с другом (межсерийный коэффициент корреляции 0,87)

Для сравнения с региональной хронологией в программе ARSTAN была получена обобщенная хронология индексов прироста по всем индивидуальным индексированным хронологиям с шести спилов часовни. Она сравнивалась с региональной мастер-хронологией (рис. 3). Коэффициент корреляции между сравниваемыми хронологиями ($r = 0,48$) значим на интервале 210 лет. Визуальное графическое сопоставление хронологий показывает их высокую синхронность (рис. 3). У обеих хронологий наблюдается точное совпадение всех минимумов и максимумов прироста, что свидетельствует о точной датировке хронологии часовни с региональной мастер-хронологией.

Наиболее молодым элементом конструкции оказалось бревно одной из стропил крыши (хронологии с кодировкой КСН061 и КСН062; см. табл. 3). Последние годовичные кольца этого бревна пришлось на 1929–

1930 гг., тогда как последние годовичные кольца с бревен нижних венцов приходятся на период с 1850 по 1910 г. Поскольку бревна при укладке в сруб подгонялись друг к другу очень плотно, они подвергались обработке, часть периферийной древесины при обтёсывании была снята, чем и объясняется разница в датах. При средней очень небольшой ширине годовичных колец у всех спилов (табл. 4) величина стесанной древесины могла быть не такой уж и значительной.

Вполне вероятно, элемент перекрытия, стропила (спил КСН6), могли быть заменены или установлены позднее, уже при достройке конструкции часовни в 1930–1931 гг. Достоверность такого предположения подтверждается разницей 20 лет в конечных годах обоих стропильных бревен: КСН5 – 1907–1910 гг. и КСН6 – 1929–1930 гг. (см. табл. 3).

Как уже упоминалось, сведения о строительстве часовни отсутствуют. Неизвестно, проводились ли в ней службы, если и проводились, то кем именно. Этих сведений нет в местной епархии. Исходя из полученных результатов, мы считаем, что действи-

тельно, строительство часовни началось после 1910 г. Возможно, строительство не было закончено и часовня не была освящена. Причиной незавершенного строительства могла стать начавшаяся Первая мировая война, а затем произошли события февраля и октября 1917 г. и Гражданская война 1918–1920 гг. В хаосе этих событий было уже не до часовни. Возможно, что она не была достроена окончательно до 1930 г. Вполне вероятно, именно по этой причине часовня не оказалась на балансе епархии и в приход не были назначены служители. Хотя можно допустить, что службы в ней до 1931 г. кем-то и проводились. Некоторое время часовня существовала как бы

сама по себе. Гонения на Русскую православную церковь не позволяли ей вести какой-либо учет или документы/летописи/церковные книги, где могли быть упоминания о часовне, были уничтожены новой властью. В конце 1920-х гг. гонения на Церковь усилились – закрывались приходы и монастыри, репрессировались служители Церкви, изымались церковное имущество и ценности, а сами здания передавались под клубы, избы-читальни, склады и пр. В русле этих общих для страны веяний и было принято решение о закрытии часовни в Комсе, что подтверждается сведениями из краеведческого музея Туруханска о закрытии часовни.

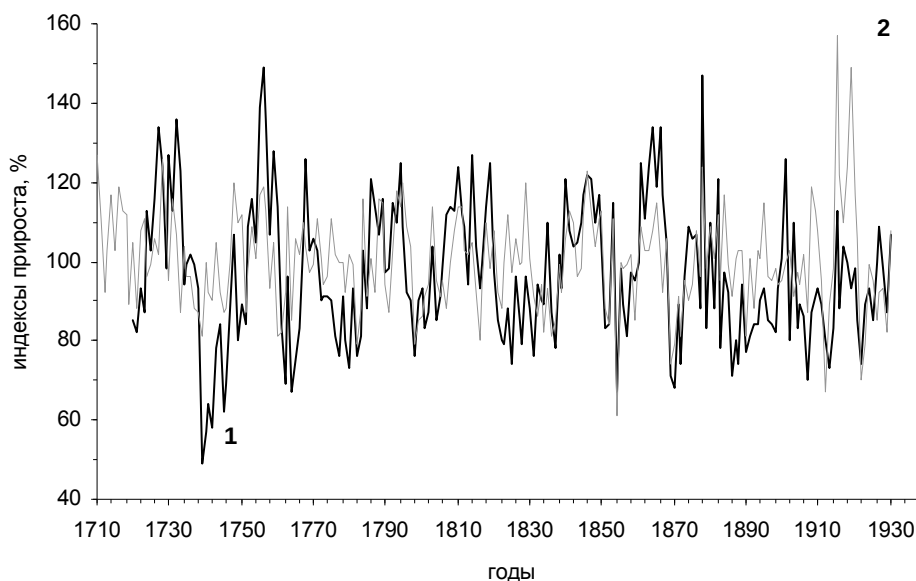

Рис. 3. Сравнение региональной мастер-хронологии (1) с датированной обобщенной хронологией по спилам часовни Комса (2)

Таблица 4

Характеристика ширины годичных колец для каждой хронологии по спилам с часовни кордона Комса

Код хронологии	№ радиуса	Средняя ширина годичного кольца, мм	Стандартное отклонение	Максимальная ширина годичного кольца, мм
КСН011	1	0,66	0,264	1,62
КСН012	2	0,55	0,240	1,26
КСН021	1	0,45	0,189	0,88
КСН031	1	0,37	0,217	1,0
КСН041	1	0,62	0,273	1,40
КСН042	2	0,50	0,265	1,10
КСН051	1	0,67	0,195	1,33
КСН052	2	0,61	0,182	1,05
КСН061	1	0,86	0,331	1,77
КСН062	2	0,89	0,385	2,28

Таким образом, вполне могло случиться, что часовня в Комсе была совершенно неприкаянной весь период с момента ее постройки в 1910-х гг. до 1931 г. Этим и объясняется отсутствие каких-либо сведений о постройке часовни, ее служителях и каких-либо событиях, связанных с этой часовней.

По своим конструктивным особенностям внешнего и внутреннего убранства (использование в качестве строительного материала бревен кедра сибирского)

часовня представляет интерес для исследователей деревянного зодчества как объект очень хорошей сохранности и, вероятно, еще может послужить исторической науке.

Авторы благодарят администрацию и сотрудников Центральносибирского государственного биосферного заповедника (пос. Бор, Туруханский район, Красноярский край) за помощь в организации работ на кордоне Комса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тихонов В.В. Этнографические музеи под открытым небом Сибири // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 1 (53). С. 61–65.
2. Омский государственный историко-культурный музей-заповедник «Старина Сибирская». URL: <http://starinasib.ru>, свободный (дата обращения: 02.12.2016).
3. Майничева А.Ю., Глухих Е.И. Проблемы создания новых музеев под открытым небом в Сибири как хранителей традиций деревянного зодчества (на примере г. Козинска Красноярского края) // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 98–104.
4. Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации». URL: <https://rg.ru/2002/06/29/pamjatniki-dok.html>, свободный (дата обращения: 20.12.2016).
5. Мыглан В.С., Слюсаренко И.Ю., Майничева А.Ю. Спасская церковь из Зашиверска: дендрохронологический аспект // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 3. С. 103–110.
6. Мыглан В.С., Слюсаренко И.Ю., Майничева А.Ю. Дендрохронологическое обследование башен Казымского острога // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 1. С. 72–77.
7. Мыглан В.С., Жарников З.Ю., Майничева А.Ю., Лыхин Ю.П. Результаты дендрохронологического обследования Братского острога // Российская археология. 2010. № 3. С. 164–168.
8. Гевель Е.В., Майничева А.Ю., Мыглан В.С. Проблемы сохранения памятников деревянного зодчества г. Енисейска: роль междисциплинарных исследований. Баландинские чтения. 2016. Т. 11, № 1. С. 83–89.
9. Сидорова М.О., Жарников З.Ю., Мыглан В.С. Определение календарного времени сооружения памятников деревянного зодчества историко-культурного комплекса «Старина Сибирская» (Омская область). Academia. Архитектура и строительство. 2016. № 1. С. 33–39.
10. Заповедная Россия. В Центральносибирском заповеднике исследуют загадку старинной часовни. URL: <http://news.zapoved.ru/2015/07/02/v-tsentralsibirskom-zapovednike-issleduyut-zagadku-starinnoj-chasovni>, свободный (дата обращения: 03.11.2016).
11. Fritts H. Tree rings and climate. London ; N.Y. ; San Francisco : Academic Press, 1976. 567 p.
12. Schweingruber F.H. Tree rings and environment. Dendroecology. Bern ; Stuttgart ; Vienna : Paul Haupt Publishers, 1996. 609 p.
13. Шиятов С.Г., Хантемиров Р.М., Горячев В.М., Агафонов Л.И., Гурская М.А. Дендрохронологические датировки археологических, исторических и этнографических памятников Западной Сибири // Археология и естественно-научные методы. М. : Языки славянской культуры, 2005. С. 43–57.
14. Жарников З.Ю., Рудковская М.А., Визгалов Г.П., Мыглан В.С. Дендрохронологическая датировка построек центральной части посада Старотуруханского городища. Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. № 2 (58). С. 67–76.
15. Сидорова М.О., Баринков В.В., Жарников З.Ю., Мыглан В.С. Датировка археологической древесины из памятника «Могилиник горноправдинский» // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2015. Т. XXI. С. 390–393.
16. Rinn F. TSAP – Time Series Analysis and Precipitation, Version 3. 1996. Heidelberg. 264 p.
17. Открытый доступ к программе The Dendrochronology Program Library (DPL). URL: <http://web.utk.edu/~grissino/software.htm>, свободный.
18. Бенькова В.Е., Швейнгрубер Ф.Х. Анатомия древесины растений России : атлас для идентификации древесины деревьев, кустарников, полукустарников и древесных лиан России. Швейцария, Берн : Хаупт, 2004. 465 с.
19. Cook E.R., Holmes R.L. ARSTAN: chronology development. In Grissino-Mayer H.D., Holmes R.L. and Fritts H.C. (Eds.) Documentation to the International Tree ring Data Bank Program Library – Version 2.1. 1997. Открытый доступ к программе ARSTAN. URL: <http://web.utk.edu/~grissino/software.htm>, свободный.
20. Holmes R.L. Computer assisted quality control in tree-ring data and measurement, Tree-Ring Bull., 1983. Vol. 43. P. 69–78. Открытый доступ к программе COFECHA. URL: <http://web.utk.edu/~grissino/software.htm>, свободный.

Agafonov Leonid I. Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia). E-mail: lagafonov@ipae.uran.ru; *Kolcheva Nataliya E.* Institute of Plant and Animal Ecology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia). E-mail: kolcheva@ipae.uran.ru

THE TIMING OF THE CONSTRUCTION OF THE WOODEN CHAPEL AT THE CORDON KOMSA, TURUKHANSKIY DISTRICT, KRASNOYARSK KRAI.

Keywords: wooden architecture; dendrochronology; dating of buildings; Siberia.

The northern part of Siberia still keeps much wooden historical and old architect constructions that have an interest for the history of colonization this vast territory by Russians for the past centuries. In the paper we present materials on the use of dendrochronological methods to determine the age of the wooden chapel with a bell tower in the former Komsa village (Turukhansky district, Krasnoyarsk Krai). Now it is an abandoned village in the territory of the Central-Siberian State Biosphere Reservation. Komsa settlement has been known since 1764. Six cross sections of logs were taken from different part of the chapel for dating. Four of the cross sections have been taken from the lower rims of the chapel and two cross sections taken from the ceiling of the roof. The logs were made of trunks of Siberian pine (*Pinus sibirica* DouTor.). The tree-ring width (TRW) on the cross sections was measured along the longest radii on the installation LINTAB (software package TSAP). Six measured radii were from the cross sections of the lower rims, and four radii were from the cross sections of the roof. The length of the TRW chronologies varied from 125 to 265 years. All chapel's chronologies were cross-dated each other (multiple correlation coefficient 0.87). For the processing of the chronologies used a software package The Dendrochronology Program Library (DPL) (free access). The program COFECHA was used for cross dating of TRW chronologies and the program ARSTAN was used to develop of generalized chronology (DPL package). Previously obtained for this area the regional master chronology with duration 286 years (1720–2006) was used for cross dating of tested chapel's TRW chronologies. The dating showed that the chronologies of the chapel belong to the period 1638–1930. We believe that the chapel was built no earlier than 1910. Age of logs from the lower rims and one of logs of the roof ceiling refers to the period 1638–1910. The second log of the roof refers to the period 1805–1930. This may indicate that the chapel was completed (or has varied the roof element) in 1930. It can be assumed that the roof of the chapel was not completed because of the events of 1914–1917 (the First World War and Russian revolutions 1917) and the Civil war of 1918–1920. According to surviving documents of the archive in Turukhansk Museum the chapel was converted into a reading room in 1931. The external design and internal decoration of the chapel, using as construction material logs of Siberian pine, all of these is of interest to researchers of wooden architecture, as an object very well preserved, and might still serve as a historical science.

REFERENCES

1. Tikhonov, V.V. (2013) Ethnographic open-air museums in Siberia. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 1(53). pp. 61–65. (In Russian). DOI: 10.21603/2078-8975-2013-1-61-65
2. Starinasib.ru. (n.d.) *Omskiy gosudarstvennyy istoriko-kul'turnyy muzey-zapovednik "Starina Sibirskaya"* [The museum-reserve "Siberian Antiquity"]. [Online] Available from: <http://starinasib.ru>. (Accessed: 2nd December 2016).
3. Maynicheva, A.Yu. & Glukhikh, E.I. (2014) Problems of establishing of new open-air museums in Siberia as custodians of the traditions of wooden architecture (by example of Kodinsk town of Krasnoyarsk Region). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 387. pp. 98–104. DOI: 10.17223/15617793/387/15
4. Russia. (2002) *Federal'nyy zakon ot 25.06.2002 № 73-FZ "Ob ob'ekтах kul'turnogo naslediya (pamyatnikakh istorii i kul'tury) narodov Rossiyskoy Federatsii"* [Federal Law 73-FZ of June 25, 2002 No. "On Objects of Cultural Heritage (Monuments of History and Culture) of the Peoples of the Russian Federation"]. [Online] Available from: <https://rg.ru/2002/06/29/pamjatniki-dok.html>. (Accessed: 20th December 2016).
5. Myglan, V.S., Slyusarenko, I.Yu. & Maynicheva, A.Yu. (2009) The Church of the Saviour from Zashiversk: The Dendrochronological Aspect. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 3. pp. 103–110. (In Russian).
6. Myglan, V.S., Slyusarenko, I.Yu. & Maynicheva, A.Yu. (2010) Dendrochronological Survey of the Towers from the Kazym Ostrog. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 1. pp. 72–77. (In Russian).
7. Myglan, V.S., Zharnikov, Z.Yu., Maynicheva, A.Yu. & Lykhin, Yu.P. (2010) The Bratsky ostrog, results of the dendrochronological survey. *Rossiyskaya arkheologiya – Russian archeology*. 3. pp. 164–168. (In Russian).
8. Gevel, E.V., Maynicheva, A.Yu. & Myglan, V.S. (2016) Problemy sokhraneniya pamyatnikov derevyannogo zodchestva g. Eniseyska: rol' mezhdistitsiplinarnykh issledovaniy [Problems of preservation of wooden architecture monuments in Yeniseysk: The role of interdisciplinary research]. *Balandinskie chteniya*. 11(1). pp. 83–89.
9. Sidorova, M.O., Zharnikov, Z.Yu. & Myglan, V.S. (2016) Opredelenie kalendar'nogo vremeni sooruzheniya pamyatnikov derevyannogo zodchestva istoriko-kul'turnogo kompleksa "Starina Sibirskaya" (Omskaya oblast') [Determination of the calendar time for the construction of wooden architecture monuments in the historical and cultural complex "Starina Sibirskaya" (Omsk region)]. *Academia. Arkhitektura i stroitel'stvo*. 1. pp. 33–39.
10. News.zapoved.ru. (2015) *V Tsentral'nosibirskom zapovednike issleduyut zagadku starinnoy chasovni* [The exploration of the ancient chapel mystery in the Central Siberian Reserve]. [Online] Available from: <http://news.zapoved.ru/2015/07/02/v-tsentralnosibirskom-zapovednike-issleduyut-zagadku-starinnoj-chasovni>. (Accessed: 3rd November 2016).
11. Fritts, H. (1976) *Tree rings and climate*. London; New York; San Francisco: Academic Press.
12. Schweingruber, F.H. (1996) *Tree rings and environment. Dendroecology*. Bern; Stuttgart; Vienna: Paul Haupt Publishers.
13. Shiyatov, S.G., Khantemirov, R.M., Goryachev, V.M., Agafonov, L.I. & Gurskaya, M.A. (2005) Dendrokronologicheskie datirovki arkheologicheskikh, istoricheskikh i etnograficheskikh pamyatnikov Zapadnoy Sibiri [Dendrochronological dating of archaeological, historical and ethnographic monuments in Western Siberia]. In: Chernykh, E. (2005) *Arkheologiya i estestvenno-nauchnye metody* [Archeology and natural-scientific methods]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury. pp. 43–57.
14. Zharnikov, Z.Yu., Rudkovskaya, M.A., Vizgalov, G.P. & Myglan, V.S. (2014) Dendrochronological dating of buildings in the central part of the residential area in the Staroturukhansk Fortified Settlement. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2(58). pp. 67–76. (In Russian).
15. Sidorova, M.O., Barinov, V.V., Zharnikov, Z.Yu. & Myglan, V.S. (2015) Datirovka arkheologicheskoy drevesiny iz pamyatnika "Mogil'nik gornopravdinskiy" [The dating of archaeological wood from the monument "Mogil'nik gornopravdinskiy"]. In: Derevyanko, A.P. & Molodin, V.I. (eds) *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territoriy* [Problems of archeology, ethnography, anthropology of Siberia and adjacent territories]. Vol. 21. pp. 390–393.
16. Rinn, F. (1996) *TSAP – Time Series Analysis and Precipitation, Version 3*. Heidelberg.
17. *The Dendrochronology Program Library (DPL)*. [Online] Available from: <http://web.utk.edu/~grissino/software.htm>.
18. Benkova, V.E. & Shveynguber, F.Kh. (2004) *Anatomiya drevesiny rasteniy Rossii. Atlas dlya identifikatsii drevesiny derev'ev, kustarnikov, polukustarnikov i drevesnykh lian Rossii* [Anatomy of wood in Russia. Atlas for identification of wood of trees, bushes, half-shrubs and wood lianas of Russia]. Bern: Haupt.
19. Cook, E.R. & Holmes, R.L. (1997) ARSTAN: chronology development. In: Grissino-Mayer, H.D., Holmes, R.L. & Fritts, H.C. (eds) *Documentation to the International Tree ring Data Bank Program Library – Version 2.1*. [Online] Available from: <http://web.utk.edu/~grissino/software.htm>.
20. Holmes, R.L. (1983) Computer assisted quality control in tree-ring data and measurement. *Tree-Ring Bull.* 43. pp. 69–78. [Online] Available from: <http://arizona.openrepository.com/arizona/handle/10150/261223>.

УДК: 902–904+39 (571.1)
DOI: 10.17223/19988613/46/15

А.И. Боброва, Н.В. Торощина

АРХАИЧНЫЕ ВЕЩИ ИЗ ДЕТСКОГО ПОГРЕБЕНИЯ СЕЛЬКУПСКОГО МОГИЛЬНИКА НА РЕКЕ ТЫМ

Исследование выполнено при финансовой поддержке Программы повышения международной конкурентоспособности ТГУ.

Статья посвящена публикации и анализу бронзовых лапчатых подвесок и бронзовой ложки из детского погребения селькупского могильника XVI – первой половины XVIII в. на р. Тым, с урочища Бедеревский Бор Нарымского Приобья. Наибольшее распространение такие изделия получили на территории Прикамья, Нижнего и Среднего Приобья в X–XIV вв. Для времени функционирования могильника Бедеревский Бор II изделия можно считать архаичными и раритетными, что представляет особый интерес.

Ключевые слова: Нарымское Приобье; р. Тым; Бедеревский Бор; селькупы; чумьлькуп; архаичные вещи.

Среди раритетных вещей, несущих символический отпечаток культуры, особое значение приобретают архаичные предметы, поддерживающие связь с прошлым – культурой, традициями. Они хранят в себе особую информацию, связанную с мировоззренческими представлениями населения. Древние и относительно «древние» предметы (каменные наконечники стрел, бронзовые или железные изделия и пр.), пролежавшие в земле и «открывшиеся» в результате естественного разрушения археологических памятников, селькупы охотно включали в пантеон своих духов, считали их даже более сильными по сравнению с теми, которые отливали или ковали сами. Не видя особого противоречия между древними и современными «божками», они воспринимали такие изделия как дар или подарок, знак расположения духа той местности, где были обнаружены. Так, например, бронзовые антропоморфные изображения V–III вв. до н.э. длительное время хранились среди священных предметов в семейном культовом амбарчике селькупов Арнянгиных из пос. Напас на р. Тым и только в 1930–1940 гг. были переданы потомками этой семьи в Колпашевский краеведческий музей [1. С. 140–143].

Аналогичная ситуация известна у манси и ханты. В их домашних святилищах древние бронзовые и серебряные предметы (наконечники стрел, антропоморфные и зооморфные отливки раннего железного века и Средневековья) выступали в роли помощников духов, использовались в качестве основы конкретного духа. Такие культовые объекты и приклады в них имеют долгую жизнь и накапливаются на святилищах в течение нескольких поколений. Причем чем древнее предмет, тем большей сакральностью и силой наделяется этот дух. Участники обряда, продолжая одаривать новыми подарками духов-покровителей, через два-три поколения не всегда имели представление о том, что находится на дне сундука или скрыто под многочисленными одеждами-подарками. Поэтому обнаружение древних бронзовых изделий иногда оказывается неожиданным как для хозяина святилища, так и для этнографа [2.

С. 6]. Установлено, что манси и ханты часто использовали древние вещи в качестве прикладов духам или же их основы. Найденные, «посланные свыше», вещи считались родовым имуществом и «пользовались большим почетом» [Там же. С. 6–8; 3. С. 195], они переходили в категорию святых, их нельзя было класть с умершими в могилу или продавать. Украшения для кос, найденные в кладах, не хоронили с хозяйкой, а оставляли детям или родственникам [4].

Обнаружение таких предметов в погребениях вместе с покойным – явление довольно редкое, но все же встречающееся: древние вещи вторичного использования найдены при раскопках хантыйско-ненецких кладбищ XIX в. на Обдорском Севере [5. Рис. 152]. Поэтому использование архаичных вещей в похоронной обрядовой практике нарымских селькупов, зафиксированное при раскопках детского погребения в могильнике XVI – первой половины XVIII в. Бедеревский Бор II на р. Тым, представляет особый интерес.

Могильники (позднесредневековый и Нового времени) в урочище Бедеревский Бор находятся на северо-восточной периферии расселения нарымских селькупов, недалеко от с. Напас (бывших юрт) – одного из древних населенных пунктов на р. Тым. Когда-то они были центром объединения, связанного с родом Орла/Ястреба – «Мулинт тамтыр» [6. С. 90], а селькупская фамилия Мулины, многочисленные представители которой проживали в этом селе, имеет ту же основу. Могильники, о которых идет речь, являлись родовыми кладбищами жителей Напасских юрт, о чем свидетельствовали они сами в конце 1930–1940-х гг. К этому времени в урочище Бедеревский Бор уже не хоронили, а местные остяки утверждали, что там были «похоронены нехристи», т.е. некрещенные, давнишние люди. Место бывших захоронений П.И. Кутафьеву показала Варвара Мулина, дочь М.Н. Арнянгиной, передавшая бронзовых идолов из семейного амбарчика в музей [7. С. 233; 8. С. 93].

На площади могильника Бедеревский Бор II зафиксировано более 60 впадин, а исследована – 51. Боль-

шинство захоронений произведено в XVII–XVIII вв., что подтверждается найденными в них предметами массового «русского привоза» XVII в. (котлы, топоры, бусы-одекуй и др.). Верхняя дата (XVIII в.) определяется по найденной оловянной тарелке с клеймом. Специфическими признаками обряда погребения населения, оставившего этот могильник, являются грунтовый способ захоронений и обряд повторных похорон. В инвентаре двух мужских неординарных погребений и трех детских обнаружены редкие находки архаичного облика – бронзовые бубенчики-привески от шумящих арочных подвесок, глазчатые бусы, литые бронзовые лапчатые подвески, бронзовая (?) ложка. Основной территорией бытования таких бронзовых артефактов является Прикамье, Приуралье, Нижнее и Среднее Приобье, а время их появления и широкого распространения – IX – первая половина XIV в. Эти архаичные вещи оказались в Бедеревском Бору вместе с их владельцами, по-видимому, не случайно.

Цель статьи – объяснить присутствие редких для Нарымского Приобья бронзовых предметов в погребениях XVII–XVIII вв.; атрибутировать бронзовые артефакты из детского погребения 40 могильника Бедеревский Бор II; определить место и время их бытования; выявить способы адаптации вещей архаичного облика в обрядовой практике населения Притымыя.

Задачи исследования: характеристика обряда детского погребения из могильника Бедеревский Бор II; описание архаичных предметов; поиск аналогий и определение времени их бытования; выявление этнографических параллелей и семантики.

Погребальный обряд. Могильник находится на левом берегу приустьевое участка речки Могильной, (правого притока р. Тым), занимает внушительную, наиболее возвышенную его часть. На могильном поле объекты располагаются в несколько рядов. Могила 40 расположена в 10 м от края террасы на северном конце могильника, выделенном специально для погребения детей. На поверхности она выделялась подпрямоугольными очертаниями впадины (225×80 см) и была ориентирована в направлении север–северо-запад–юг-юго-восток. В ее северо-восточном углу располагался пень от спиленного дерева. В засыпи могилы зафиксирована перемешанная с подзолом супесь с включениями угля. Погребальные конструкции представляли собой фрагменты жердевого перекрытия, завалившегося в могилу в южном конце, и остатки целой жерди, расположенной вдоль всей продольной восточной стенки. На дереве отмечены остатки берестяного покрытия. В южном конце, возле жердевого перекрытия, на уровне древней дневной поверхности были воткнуты острием в землю четыре железных плоских черешковых наконечника стрел (два развилчатых срезня, два ромбических с вогнутыми сторонами по острию пера) и один костяной. На дне ямы, на глубине 50–60 см от уровня современной дневной поверхности, располагалось внутримогильное сооружение (178×40 см) в виде двух бортов

и носовой части лодки (?) без днища, и прямоугольной торцевой стороной – на противоположном конце. Стенки и дно могилы были выстланы березовой корой. Под корнями пня в северо-восточном конце могилы найден череп ребенка в возрасте 10 лет; нижняя челюсть от него обнаружена в противоположном конце могилы. Возможно, именно она и сохраняла первоначальное положение погребенного головой на юг, вниз по течению р. Тым, как это имело место во всех остальных случаях на этом могильнике. В 20 см от челюсти найдены 2 медные лунницы, 13 литых пуговиц-подвесок, нанизанных на толстую крученую нить медно-красного цвета, и бронзовая (?) ложка. Погребение было нарушено. Об этом свидетельствуют отсутствие жердевого и берестяного перекрытий над большей частью могилы, фрагмент суконной ткани вместе с бронзовыми лапчатыми подвесками около черепа в северной торцевой стороне внутримогильной конструкции и нижняя челюсть ребенка на дне носовой части лодки в южном конце могилы. Около продольной стенки внутренней камеры, в северо-восточном ее конце, в состоянии *in situ* обнаружены железное лезвие пальмы и четыре железных наконечника стрел, аналогичных тем, что были воткнуты в южном конце могилы между жердями перекрытия.

Таким образом, специфическими особенностями погребения являются: значительные размеры могилы и внутримогильных конструкций; присутствие жердевого перекрытия; наличие в засыпи наконечников стрел, воткнутых остриями в предполагаемой области головы погребенного; наличие типично «охотничьего» инвентаря; архаичные, вторично использованные, украшения – бронзовые лапчатые подвески; бронзовая (?) ложка. Отсутствие целостности погребальных конструкций и всех костных останков основного скелета, кроме черепа, позволяет рассматривать данное погребение как случай захоронения головы, отчлененной от туловища. Варианты такого типа погребений известны в могильниках Релка и Тискинском [9. С. 56]. Было ли это связано с несчастным случаем или с длительным хранением тела покойного до похорон и возможной утратой останков, в настоящее время определить не представляется возможным. Символическое повторное умерщвление покойного (выпущенные в момент захоронения участниками похорон наконечники стрел в область головы покойного), по мнению авторов, можно рассматривать в качестве охранительной меры для защиты оставшихся в живых членов коллектива от беды, конкретного несчастья, вероятно, связанного со смертью данного ребенка.

В соответствии с традицией западносибирских народов с переходом в возраст второго детства/подростковый, к которому относится индивид, он приобретал новый статус и приобщался к миру взрослых. Судя по инвентарю, с которым покойный был отправлен, он уже имел основные производственные и хозяйственные навыки, необходимые для самостоя-

тельной жизни. Обряд захоронения подтверждает прижизненные установки к лицам этого возраста у взрослого населения, принимавшего участие в похоронах [10. С. 93].

Рис. 1. Лапчатые подвески (2 экз.). Бронза (?), литье; Могильник Бедеревский Бор II. Раскопки А.И. Бобровой

Бронзовые (?) подвески, максимальные размеры 68×39 мм. Располагались в нижней части лицевого отдела по обе стороны от черепа (одна под черепом, другая над ним). Изделия представляют собой имитацию болгарской лапчатой подвески с пуансонным декором в виде стилизованной лапки водоплавающей птицы. Обратная сторона гладкая. Отлиты в плоскую одно-стороннюю форму вместе с массивным ушком, развернутым перпендикулярно плоскости подвески. Лицевая сторона щитков декорирована в виде литой имитации пирамидок зерни, расположенной по обеим боковым сторонам изделия, и образует в центре фигуру в виде елочки. По нижним углам пробиты три овальных отверстия; в них вставлены проволоочные петли S-видной формы. Подвески, судя по месту их обнаружения, были симметрично закреплены на суконном головном уборе и располагались справа и слева от лица.

Генезис лапчатых подвесок восходит к древним общеуральским представлениям об очистительной силе водоплавающих птиц. Как самостоятельный тип оберега-украшения они происходят от лапок-привесок шумящих подвесок и плоских отливок Поволжья, где появляются в ломоватовское и бытуют в последующее, более позднее, время [11. Табл. XV, XVIII, XX]. По форме, декору и технологическим параметрам особенно близкая аналогия бедеревским подвескам найдена в Сайгатинском 1 святилище в Сургутском Приобье. Она датирована XI–XIII вв. [12. С. 150]. Как можно судить по этой находке, они появляются в Приобье не ранее XI в., а широкое их бытование относится к XIII–XIV вв. В Юганском Приобье ранние формы подвесок

датированы XII–XIII вв. В таежной полосе Западной Сибири они доживают до XVII в. [13. С. 61–63], а модифицированные их формы встречаются и в этнографических материалах XIX–XX вв., как, например, лапчатая подвеска, использованная хантами в качестве подношений семейному духу-покровителю [2. С. 33].

Водоплавающая птица входила в наиболее древнюю сферу мифологической системы большинства народов Северного полушария. Например, утка была древнейшим культовым образом финно-угров. Включение элемента «утиные лапки» в состав «шумящей» подвески придавало ей дополнительный смысл, поскольку утка – универсальная птица, выступающая в качестве посредника между людьми и богами в небесной и водной сферах. Миф о сотворении земли также связан с этим персонажем: со дна первичного океана земля была поднята водоплавающей птицей. Сокращение образа птицы до фрагмента лапок можно объяснить символическим значением изделия. Показ части вместо целого – один из способов превращения предметов в знаки [14. С. 79, 158–159]. «Шумящие» подвески обладали апотропейной функцией, привлекали удачу и были призваны служить для отпугивания злых духов, что зафиксировано повсеместно в ритуалах всех народов.

Рис. 2. Ложка (1 экз.). Бронза (?), литье,ковка; Могильник Бедеревский Бор II. Раскопки А.И. Бобровой

Бронзовая (?) ложка. Размеры 119×42 мм. Состоит из двух частей: черпака (63×42 мм) и ручки (68×15 мм), приклепанной к черпаку двумя тщательно прокованными заклепками. Черпак ложки овальный, мелкий (глубина 9 мм). На ручке отчеканены семь круглых мелких ямок: три пары друг против друга и одна на конце. Аналоги бедеревской ложке известны в Ликинском и Сайгатинском VI могильниках, инвентарные комплексы и сами предметы в которых датируются IX–XI вв. [15. С. 143, 158; 16. Погр. 119].

Костяные и роговые ложки-лопатки с плоским черпаком, подпрямоугольной и овальной формы, с корот-

кой ручкой известны на территории Западной Сибири с раннего железного века. В массовом количестве они найдены на городище Усть-Полуй II в. до н.э. – I в. н.э. Аналоги им присутствуют и в других памятниках таежной зоны этого времени, причем некоторые изделия имели зооморфное оформление ручки, например ложка с Большого Лога [17. С. 59–60. Рис. 28, 5–8]. Котловые и малые индивидуальные ложки из дерева, рога и бивня мамонта обнаружены в культурном слое Надымского городка XVI – первой половины XVIII в. Все они отнесены к бытовому инвентарю. Среди них есть изделия, конструктивно близкие экземпляры с Бедеревского Бора – с уплощенным черпаком и короткой ручкой [18. Рис. 3.45. С. 5–7, 13]. Есть сведения о том, что ложки-лопаточки в позднесредневековое и Новое время были исключительно ритуальными предметами и хранились на священных местах [19. С. 42]. Точной информации об использовании бронзовых ложек в современной культуре манси и хантов нет. Следов жира на них не отмечено, что косвенно свидетельствует о том, что для ритуальной трапезы в поздней обрядовой практике они не использовались. Ложки в основном хранятся в составе семейной культовой атрибутики, как, например, мельхиоровая ложка, преподнесенная в качестве жертвенного дара, вместе с другими редкими оловянными и бронзовыми предметами, семейному духопокровителю в пос. Хошлог [20. Рис. 9].

Известно, что ложка выполняла особую роль в шаманской практике многих народов. Так, например, железная ложка селькупского шамана Моньги Калина, со схематичным изображением антропоморфной личины – духа крылатой матери-земли, помогала ему, так как обладала свойствами пролетать сквозь землю, воду, любые металлы и камни. С помощью этого духа шаман пророчествовал, мог узнавать прошлое и предсказывал будущее [21. С. 28–29]. С ее помощью часто определялись судьба больного человека, удача на охоте и рыбном промысле, наконец, как известно, она являлась орудием первотворения.

Любая вещь несет информацию о мировоззрении ее создателей, особенно в традиционной культуре, не отличающейся большим набором вещей. Это относится и к

украшениям, и к предметам быта, особый статус которых сегодня с трудом может прочитываться. На Алтае, чтобы ребенок был метким охотником, ему дарили пулю для хорошего аппетита; а чтобы в доме всегда водилась еда, ему дарили ложку. Так бытовой предмет становился залогом достатка, вещь предвещала будущую ситуацию, программировала ее благополучное осуществление [22. С. 161]. Особый смысл этого предмета, предназначенного покойному, возможно, был связан с пожеланием быть сытым на долгом предстоящем ему пути и там, в поселке мертвых, среди своих сородичей, «живущих» в нижнем мире.

Поволжье, Прикамье, Нижнее Приобье являются той территорией, где лапчатые подвески и бронзовые ложки, которые зачастую использовались и в качестве подвесок, имели распространение. В памятниках Томско-Нарымского Приобья X–XVII вв. они не зафиксированы. Обнаружение столь редких и ценных предметов в селькупском захоронении на р. Тым выглядит необычным. Когда они могли поступить в этот регион и почему сопровождают ребенка, а не взрослого в трудном его путешествии в нижний мир? Почему с ним выполнялся ряд специфических действий с целью защиты от возможного негативного воздействия?

Фрагментарность археологических свидетельств не позволяет однозначно ответить на эти вопросы. Самый простой ответ напрашивается сам собой: вещи могли быть приобретены в результате торговых связей в XII–XIV вв., хранились в семье и передавались по наследству на протяжении нескольких поколений как необычные и ценные. Возможно, архаичные изделия были найдены на разрушенном археологическом памятнике. Они могли появиться на р. Тым и в XVI–XVII вв. вместе с носителями какой-то конкретной этногруппы, мигрировавшей в связи с продвижением русских из Зауралья или Сургутского Приобья. Особо знаковые, инокультурные для населения Притымья предметы, о которых идет речь, могли сопровождать душу ребенка (представителя этой группы) при возвращении его в страну предков. В данном случае вещи призваны были выполнять роль маркеров, символов, по которым покойного могли узнать и принять.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ким А.А. Духи и души тымских селькупов (по заметкам этнографа Р.А. Ураева) // Земля Каргасокская : сб. науч.-популяр. очерков. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1996. С. 140–147.
2. Бауло А.В. Древняя бронза из этнографических комплексов и случайных сборов. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. 260 с.
3. Шульц Л. Салымские остяки (из материалов к этнографии южных остяков) // Записки Тюменского общества научного изучения местного края. Тюмень : Гостипография, 1924. Вып. 1. С. 166–200.
4. Талигина Н.М. Обряды жизненного цикла у сынских хантов. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2004. 176 с.
5. Мурашко О.А., Кренке Н.А. Культура аборигенов Обдорского Севера в XIX веке (по археологическим коллекциям Музея антропологии МГУ). М. : Наука, 2001. 155 с.: ил.
6. Прокофьева Е.Д. К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия) // Сибирский этнографический сборник. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1952. Т. 1. С. 88–107.
7. Дульзон А.П. Археологические памятники Томской области // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск : Типография № 1 Полиграфиздата, 1956. Т. 5. С. 89–316.
8. Торощина Н.В., Чернова И.В. К истории семьи Тымских селькупов Арнянгиных // Труды Томского областного краеведческого музея : сб. статей. Томск : ТМЛ-Пресс, 2010. Т. 16. С. 90–96.
9. Боброва А.И., Рыкун М.П., Тучков А.Г., Чернова И.В. Нарымское Приобье во II тысячелетии н.э. (X–XX вв.). Томск, 2016. 278 с.

10. Боброва А.И., Торошина Н.В. Половозрастные особенности обряда погребения населения Притымья в XV–XVII веках (по материалам могильников урочища Бедеревский бор) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, Филология. Новосибирск, 2014. Т. 13, № 7. С. 89–98.
11. Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1985. 280 с.
12. Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В. Угорское наследие. Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета Внешторгиздат : ДИАКОМ-Франция, 1994. 159 с.
13. Семенова В.И. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск : Наука, 2001. 296 с.
14. Липина Л.И. Семантика бронзовых зооморфных украшений Прикамского костюма (сер. I тыс. до н.э. – нач. II тыс. н.э.) : дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2006.
15. Викторова В.Д. Ликийский могильник X–XIII вв. // Вопросы археологии Урала. Свердловск : Тип. изд-ва «Уральский рабочий», 1973. С. 137–173.
16. Зыков. А.П. Средневековые таежной зоны Северо-Западной Сибири // Археологическое наследие Югры : пленарный доклад II Северного археологического конгресса. 24–30 сентября 2006 г. г. Ханты-Мансийск, Екатеринбург ; Ханты-Мансийск : Чароид, 2006. С. 109–124.
17. Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. 256 с.
18. Кардаш О.В. Надымский городок в конце XVI – первой трети XVIII веков. Екатеринбург ; Нефтеюганск : Магеллан, 2009. 360 с.
19. Гондатти Н.Л. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири // Труды этнографического отдела Об-ва любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. М., 1888. Кн. 8. 91 с.
20. Бауло А.В. «Тобольское серебро» в обрядах вогулов и остяков. Новосибирск : Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2009. 176 с.
21. Селькупская мифология. Томск : Изд-во НТЛ, 1998. С. 28–29.
22. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск : Наука СО РАН, 1988. 225 с.

Toroshchina Natalia V. Tomsk State University (Tomsk, Russia). E-mail: natator@mail.ru; *Bobrova Anna I.* M.B. Shatilov Tomsk Regional Museum of Local Lore (Tomsk, Russia). E-mail: a_bobrova@bk.ru

ARCHAIC ITEMS FOUND IN A CHILDREN'S GRAVE IN THE SELKUP BURIAL GROUND ON THE RIVER TYM.

Keywords: Narym Ob regions; Tym river; Bederevsky Bor; Selkup; chumylkup; archaic items.

The article presents the analysis of bronze palmate pendants and of a bronze spoon retrieved from a children's grave in the Selkup burial ground of the XVI – first half of the XVIII centuries period on the Tym River in the area of Bederevskiy Bor. Such artifacts were most widely spread in the Kama region and the Lower and Middle Ob regions in the X–XIV centuries and were not found at the sites of the Tomsk-Narym Ob region of the X–XVII centuries. Taking into account the time when the Beredevskiy Bor II burial ground was in use, these artifacts can be considered archaic and rare, and this is what makes them especially interesting. The article aims to interpret the presence of rare bronze items in the Narym Ob region – in burial grounds of the XVII–XVIII centuries, to attribute the bronze artifacts found in the children's grave of the 40 burial ground of the Beredevskiy Bor II, to determine the time and place of their use, and to identify ways of adaptation of the archaic-looking items in ritual practices of the Tym area population. Some specific features of the grave are the significant size of it and of its internal constructions; the poles structure; arrowheads stuck into the ground, presumably, around buried heads; the presence of typically 'hunting' equipment here; and of archaic, reused jewelry – the bronze palmate pendants and the bronze (?) spoon. The lack of integrity within the burial constructions and in all of the skeleton bone remains, except for skulls, allows considering this as an indication of the head buried being separated from the body. The symbolic re-killing of the deceased (with arrowheads being shot at the deceased's head during the burial ceremony), as the authors believe, can be regarded as a protective act to protect those alive from misfortune, more specifically, as it is believed, from the one linked to this child's death. The archaic items could be acquired as a result of trading relationships in the XII–XIV centuries; they were kept in the family and inherited over several generations as unusual and valuable. Perhaps, these were found at a destroyed archaeological site. They could appear on the Tym River in the XVI–XVII centuries along with representatives of a certain ethnic group that had migrated from the Urals or Surgut Ob region under pressure from the Russians. The particularly symbolic and culturally foreign – to the Tym population – items in question could accompany the child's soul as representing this group upon return to the land of its ancestors. In that case, these acted as markers and symbols for the dead to be recognized and accepted there.

REFERENCES

1. Kim, A.A. (1996) Dukhi i dushi tymskikh sel'kupov (po zametkam etnografa R.A. Uraeva) [Spirits and souls of the Taima Selkups (according to the notes of the ethnographer R.A. Uraev)]. In: Yakovlev, Ya.A. (ed.) *Zemlya kargasokskaya* [The Kargasok land]. Tomsk: Tomsk State University. pp. 140–147.
2. Baulo, A.V. (2011) *Drevnyaya bronza iz etnograficheskikh kompleksov i sluchaynykh sborov* [Ancient bronze from ethnographic complexes and random collections]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography, SB RAS.
3. Shultz, L. (1924) Salymskie ostyaki (iz materialov k etnografii yuzhnykh ostryakov) [Salym Ostyaks (from materials on the ethnography of the southern Ostyaks)]. *Zapiski Tyumenskogo obshchestva nauchnogo izucheniya mestnogo kraya*. 1. pp. 166–200.
4. Taligina, N.M. (2004) *Obryady zhiznennogo tsikla u synskikh khantov* [Rituals of the life cycle of the Syn Khanty]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Murashko, O.A. & Krenke, N.A. (2001) *Kul'tura aborigenov Obdorskogo Severa v XIX veke (po arkheologicheskim kollektiyam Muzeya antropologii MGU)* [The culture of the aborigines of the Obdorsk North in the 19th century (archaeological collections of the Museum of Anthropology of Moscow State University)]. Moscow: Nauka.
6. Prokofieva, E.D. (1952) K voprosu o sotsial'noy organizatsii sel'kupov (rod i fratriya) [On the social organization of the Selkup (genus and phratry)]. In: Folgyhl, B.O. et al. *Sibirskiy etnograficheskiy sbornik* [Siberian ethnographic collection]. Vol. 1. Moscow, Leningrad: Academy of Sciences of the USSR. pp. 88–107.
7. Dulzon, A.P. (1956) Arkheologicheskie pamyatniki Tomskoy oblasti [Archaeological monuments of Tomsk region]. In: Flerov, V.S. et al. *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [Proceedings of the Tomsk Regional Museum of Local Lore]. Vol. 5. Tomsk: Tipografiya № 1 Poligrafizdata. pp. 89–316.
8. Toroshchina, N.V. & Chernova, I.V. (2010) K istorii sem'i Tymskikh sel'kupov Arnyanginykh [To the history of the the Tymsk Selkup family of Arnyangins]. In: Taylasheva, N.M. (ed.) *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya* [Proceedings of the Tomsk Regional Museum of Local Lore]. Vol. 16. Tomsk: TML-Press. pp. 90–96.
9. Bobrova, A.I., Rykun, M.P., Tuchkov, A.G. & Chernov, I.V. (2016) *Narymskoe Priob'e vo II tysyacheletii n.e. (X–XX vv.)* [Narym Ob region in the 2nd millennium AD (the 10th – 20th centuries)]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.

10. Bobrova, A.I. & Toroshchina, N.V. (2014) Polovozrastnye osobennosti obryada pogrebeniya naseleniya Pritym'ya v XV–XVII vekakh (po materialam mogil'nikov urochishcha Bederevskiy bor) [Sex and age features of the burial rite among the population of Pritymye in the 15th – 17th centuries (based on the burial records of the Bederevsky Bor tract)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, Filologiya – Vestnik of Novosibirsk State University. Series: "History and Philology"*. 13(7). pp. 89–98.
11. Goldina, R.D. (1985) *Lomovatskaya kul'tura v Verkhnem Prikam'e* [The Lomovats culture in the Upper Kama region]. Irkutsk: Irkutsk state University.
12. Zikov, A.P., Koksharov, S.F., Terekhova, L.M. & Fedorova, N.V. (1994) *Ugorskoe nasledie. Drevnosti Zapadnoy Sibiri iz sobraniy Ural'skogo universiteta* [The Ugrik heritage. Antiquities of Western Siberia from the collections of the Ural University]. Ekaterinburg: Vneshtorgizdat: DIAKOM-Frantsiya.
13. Semenova, V.I. (2001) *Srednevekovye mogil'niki Yuganskogo Priob'ya* [Medieval burial grounds of the Yugan Ob area]. Novosibirsk: Nauka.
14. Lipina, L.I. (2006) *Semantika bronzovykh zoomorfnykh ukrasheniy Prikamskogo kostyuma (ser. I tys. do n.e. – nach. II tys. n.e.)* [Semantics of bronze zoomorphic ornaments of Prikamsky costume (in the middle of the 1st millennium BC – 1 early 2nd millennium AD)]. History Cand. Diss. Izhevsk.
15. Viktorova, V.D. (1973) Likinskiy mogil'nik X–XIII vv. [The Likino burial of the 10th – 13th centuries]. In: Gering, V.F. (ed.) *Voprosy arkheologii Urala* [Questions of Urals Archeology]. Sverdlovsk: Ural'skiy rabochiy. pp. 137–173.
16. Zikov, A.P. (2006) [Middle Ages of the taiga zone of North-West Siberia]. *Arkheologicheskoe nasledie Yugry* [Archaeological heritage of Ugra]. The Northern Archaeological Congress. September 24–30, 2006. Khanty-Mansiysk, Yekaterinburg. Khanty-Mansiysk: Charoid. pp. 109–124. (In Russian).
17. Chindina, L.A. (1984) *Drevnyaya istoriya Srednego Priob'ya v epokhu zheleza* [Ancient history of the Middle Ob region in the Iron Age]. Tomsk: Tomsk State University.
18. Kardash, O.V. (2009) *Nadymskiy gorodok v kontse XVI – pervoy trety XVIII veka* [Nadym town in the late 16th – early 18th centuries]. Ekaterinburg; Nefteyugansk: Magellan.
19. Gondatti, N.L. (1888) Sledy yazychestva u inorodtsev Severo-Zapadnoy Sibiri [Traces of paganism in the natives of North-Western Siberia]. In: *Trudy etnograficheskogo otdela Ob-va lyubiteley estestvoznaniya, antropologii i etnografii pri Moskovskom universitete* [Proceedings of the ethnographic department of the Society of Amateurs of Natural Science, Anthropology and Ethnography at Moscow University]. Moscow: [s.n.].
20. Baulo, A.V. (2009) "Tobol'skoe srebro" v obryadakh vogulov i ostyakov [The "Tobolsk silver" in the rituals of Voguls and Ostyaks]. Novosibirsk: Institute of Archeology and Ethnography of the SB RAS.
21. Pelykh, G.I. (1998) *Sel'kupskaya mifologiya* [The Selkup mythology]. Tomsk: NTL. pp. 28–29.
22. Gemuev, I.N. (ed.) (1988) *Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoy Sibiri. Prostranstvo i vremya. Veshchnyy mir* [Traditional worldview of the Turks of Southern Siberia. Space and time. Real world]. Novosibirsk: Nauka.

Р.Р. Баязитова

КАТЕГОРИЯ «КОТ» / «GUT» – ОСНОВА ТРАДИЦИОННОГО ЭТИКЕТА БАШКИР

Исследуется универсальная категория «кот», которая и сегодня играет важную роль в организации поведения, упорядочивании взаимоотношений человек – общество – природа, пронизывает все сферы духовной и материальной культуры башкир. Наряду с древними представлениями и религиозными воззрениями народа вера в бытование «кот» лежит в основе традиционного этикета башкир. Материалы исследования подтверждают архаичность значения «кот» и позволяют обнаружить параллели у многих народов. Анализ полевого материала и фольклорных текстов позволил выявить многовековой опыт народа, касающийся сохранения, удержания, приумножения «кот» – жизненной силы человека и животных, души, души-зародыша или таинственной силы, счастья, пропитания, благодати, изобилия, благоденствия, судьбы.

Ключевые слова: категория «кот»; этикет; фольклор; счастье; душа.

Для исследования истоков этикета любого народа необходимо обратиться к материалам, восходящим к его историческим корням. Традиционный этикет башкир впитал в себя домусульманские верования, некоторые нормы шариата, особенности поведения близких и дальних народов. Наряду с древними представлениями и религиозными воззрениями народа вера в бытование «кот» лежит в основе традиционного этикета башкир. В устном народном творчестве и в повседневной культуре поведения сохранились отдельные отголоски, связанные с «кот», которые показывают архаичность его значения и позволяют обнаружить параллели у многих народов. Широкое употребление этого понятия и отсутствие работ, посвященных его изучению, обусловили актуальность темы исследования. В данной статье предпринята попытка анализа поведения башкир, направленного на сохранение «кот» человека и животных с целью реконструкции истоков традиционного этикета.

Слово «кот» связано с древнетюркским «gut». В древнетюркском языке оно имело такие значения: 1) «душа, жизненная сила, дух»; 2) «счастье, благо, благодать, благополучие, удача, успех»; 3) «достоинство, величие». В казахском и каракалпакском кут: 1) «жизненная сила, дух»; 2) «амулет, охраняющий скот»; 3) «счастье». В киргизском это слово означает: 1) «кусочек студенистого вещества темнокрасного цвета, якобы падающий через дымовое отверстие и приносящий счастье хорошему, честному человеку» (возможно, сгусток крови; ср. сюжет о герое, рождающемся со сгустком крови в руке); 2) «оберег, охраняющий скот и человека»; 3) «божок, маленький идол»; 4) «жизненная сила, дух, душа»; 5) «счастье, удача, благодать». В хакасском и алтайском «кут» – «душа, дух, жизненная сила (ср. монг. *xutag* – «счастье, благополучие»; тунгус. *gutu* – «счастье», корейск. кут – «шаманский обряд» и т.д.) [1. С. 72].

Н.Ж. Шаханова, проанализировав категорию «күт» у казахов, пишет, что она характерна для многих центральноазиатских и дальневосточных народов (монгол,

корейцев и др.), многозначность ее семантики пока только осознана, но глубокого, всестороннего изучения до сих пор не было. Согласно ее исследованиям символическое содержание утилитарных предметов, ритуалов, обрядовых действий, т.е. отношение древнего тюрка, а в настоящее время их далеких потомков к окружающему миру, проникнуто строго детерминизированным пониманием универсальной категории «күт», пронизывающей всю материальную и духовную жизнь общетюркского ареала [2. С. 6–7]. Она же отмечает, что основной семантический пласт понятия «күт» у казахов связан, как и у тюрков Южной Сибири, с понятием «жизненная сила», «душа», «дух», «зародыш», и так же, как и в южносибирской традиции, выделяются две линии: а) связанная с человеком; б) с животным миром [Там же. С. 12].

В башкирско-русском словаре «кот» означает «уют, благоустроенность», «счастье, удача», «талисман», «дух, душа» [3. С. 373–374]. По фольклорно-этнографическим материалам можно проследить поведение башкир, направленное на сохранение «кот» человека и животных.

В традиционной культуре башкир «кот» играет важную роль в организации поведения и пронизывает все сферы их духовной и материальной жизни. Согласно материалам фольклора «кот» дети получают от родителей. Например, в древнем эпическом сказании башкир «Урал-батыр» говорится, что девушка от отца получила «кот», а от матери – молоко:

«В девушке этой – отцовская кровь,

От матери – молоко и любовь,

Будет тебя достойна она» [4. С. 71].

В данном отрывке ярко проиллюстрирован сакральный характер материнского молока. Этот эпизод также позволяет провести параллель с миропониманием других тюркских народов. Авторы труда «Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество», проанализировав богатый фольклорно-этнографический материал, отмечают, что у тюрков Южной Сибири представление о связи молока и «кут»

носило универсальный характер. В ритуальной практике они приравнивались друг к другу. Молоко, становясь вместилищем «кут», как бы само превращалось в оплодотворяющую субстанцию, аналогичную, вероятно, мужскому семени. Соединяя отцовское и материнское начала, оно обеспечивало возможность новых рождений. Таким образом, в тюркской лексике слово «кут» связано с жидкостью, в архаическом мышлении всякая жидкость универсально является носителем плодородия, будь то животворная влага неба или молоко [1. С. 74–75].

Предки башкир и древние тюрки первоначально под солнечными лучами имели в виду божество Хумай, которое, по поверьям многих тюркских народов, дает человеку «душу» / «кут», «кот» [5. С. 100]. «Хумай в башкирском эпосе, как и аналогичные образы богинь-птиц Умай, Хубай, Хума, Хумай, в тюркском мире – мифическая птица, наделяющая людей счастьем», – пишет М.Н. Сулейманова [6. С. 39].

Согласно исследованиям З.Г. Аминевой, в эпосе «Урал-батыр» есть строки о растущих на вершине Мировой горы деревьях, на которых находятся «души». В данном случае речь идет о получении ребенком души «кут / кот» от дерева. В башкирской сказке «Килтэй Мэргэн» тело умершего батыра по имени Килтэй Марган сестра помещает в дупло дерева, и после этого батыр оживает, так как получает через дерево душу. В другой башкирской сказке «Икмакбай» старуха вылепила из теста фигуру мальчика и поместила его в пустую деревянную посуду / «көбө», где мальчик получает душу и оживает. Тот же мотив возрождения умершего путем получения души через дерево можно увидеть и в сказке «Девушка-сирота и мулла» [5. С. 103–104].

В данном контексте необходимо подчеркнуть: несмотря на разные варианты получения «кот», что связано с многозначностью этого понятия, человек с рождения наделяется душой, жизненной силой, судьбой, удачей, благополучием. Совершая негативные поступки, вызывая отрицательные эмоции, человек может потерять жизненную силу, энергию, поэтому отдельные правила поведения и сегодня направлены на сохранение «кот», пожилые постоянно напоминают о необходимости соблюдения этих предписаний и запретов.

У башкир бытуют такие характеристики личности, как «котло куллы кеше» – «человек с удачливой / счастливой рукой», «котло кеше» – «удачливый, счастливый человек». С отдельными людьми стараются не общаться, называя их «котһоз кеше» – «неудачливый / несчастливый человек». Например, отправляясь в путь, избегают «котһоз кеше» – неудачников. «Увидишь того-то, лучше никуда не ходить», «Не отправляйся в дорогу с тем, кому не везет», – говорят в народе¹.

Согласно древним поверьям башкир от человека, которому жить осталось мало, уходит «кот». В ходе полевых исследований некоторые женщины сообщили,

что умеют определять такое состояние человека, но никому об этом не сообщают. По их мнению, у обреченного на смерть исчезает энергия, глаза тускнеют, плечи опускаются².

Во время сна «кот» может покидать человека, поэтому спящего человека нельзя резко будить, ибо душа / жизненная сила не успеет вернуться в тело. Из-за сильного испуга человек также может потерять «кот», а его утрата равносильна смерти. В народной медицине башкир бытуют магические приемы, направленные на «возвращение кот» – «кот койоу» (отливание души), который проводился при испуге или пугливом состоянии человека. Этот обряд сопровождался заклинаниями. Например:

Корайт мой кот, корайт мой кот, корайт мой кот.

Приди мой кот, приди мой кот, приди мой кот.

С верховьев речки приди,

С заката солнца приди,

Корайт, корайт, корайт, приди мой кот [7. С. 276].

Выражение «корайт котом» имело магическое значение. Подобное восклицание бытовало и у хакасов. «При магическом восклицании “хурай” душа возвращается на место в свой “телесный сосуд”, – пишет В.Я. Бутанаев [8. С. 85].

«Кот» человека может переноситься на его окружение. Отдельные предметы материальной культуры со временем наделяются символическим смыслом и впоследствии начинают выполнять сакральную функцию. Например, у башкир бытует вера в «котло кейем» – одежду, приносящую удачу, успех. Бытование «котло кейем» прослеживается в благопожеланиях. По сей день надевшего новую одежду человека ущипывают и произносят: «Котло булһын!» (Пусть будет удачливой!) В ущипывании человека, надевшего обновку, и ответном благопожелании «Кото һинэ лэ йокһон!» (букв.: Пусть и тебе пристанет, перенесется) прослеживается контагиозная магия. У башкир в прошлом бытовал обычай пришивания бусин, монет с пожеланиями счастья, благополучия². Магическими формулами и действиями, нашиванием украшений закрепляют функции защиты, благополучия, успеха за одеждой.

По сей день сохранились запреты, касающиеся сохранения «кот» одежды: нельзя складывать одежду изнаночной стороной – счастье уйдет, нельзя садиться на воротник мужской одежды, иначе «кот», «ырыс» покинут человека. К сожалению, информанты не смогли объяснить значение этих запретов. По материалам фольклора башкир, воротник считался вместилищем «кот». В народной медицине после совершения обряда отливания души и возвращения «кот» полученный слиток олова (свинца) носят на шее как оберег либо пришивают к одежде в области затылочной части ворота (елкә) или в подмышки².

Материалы по другим тюркским народам дополнили наши представления о воротнике как о вместилище «кот». Согласно верованиям хакасов, свою

душу – «хут», имела носимая одежда. Поэтому после смерти человека совершали обряд разрезания платья покойного. Места, где находилась душа, – воротник и поясная часть штанов, разрезались ножом и таким образом душа освобождалась [8. С. 86].

Традиционно предметы материальной культуры наряду с утилитарным предназначением наделялись и символическим смыслом. Единство символического и практического, которым обладают создаваемые и используемые человеком вещи, А.К. Байбурун называет семиотическим статусом вещей [9. С. 5]. Полевые материалы и опубликованные фольклорные тексты показывают, что своим поведением человек может повлиять на статус продуктов питания. Согласно исследованиям Б.Х. Бгажнокова, в традиционном сознании пища предстает не только как объект, но и как субъект, реагирующий на поведение людей, она наделяется душой, способностью чувствовать, переживать и оценивать нравственный смысл определенных действий, поступков и операций, совершаемых человеком по отношению к ней. Исследователь определяет это явление, очень характерное для адыгов и других народов Кавказа, пищевым анимизмом [10. С. 197]. Подобное осмысление пищи башкиры называют «ризыктың кото», «аштың кото» (душа, жизненная сила, благодать пищи). Приобщение продуктов питания к сфере сакрального способствовало появлению различных предписаний и запретов, направленных на сохранение «кот». С одной стороны, они играют важную роль в познании людьми знакового характера пищи, с другой – содержат правила обращения с ней: «нельзя втыкать в хлеб нож», «нельзя выбрасывать хлеб – Аллах накажет, хлеб отберет», «нельзя выливать чайники на очаг – к несчастью», «нельзя высыпать соль – к ссоре, если высыпали, то ее нужно обсыпать сахаром и подмести», «нельзя пить чай ложкой – счастья не будет», «нельзя поднимать хлеб выше головы», «нельзя разливать чай на молоко (на белое черное)», «нельзя разрезать хлеб беременной женщине, сила уйдет», «нельзя сметать со стола крошки руками – достаток уйдет», «нельзя ставить рядом два чайника – к известию о смерти», «нельзя стоя пить молоко, иначе корова отелится стоя», «хлеб должен разрезать мужчина, но будет лучше, если будут делить без ножа» [11. С. 155].

Значение этих запретов можно объяснить лишь в контексте народной культуры. Например, «нельзя оставлять недоеденные куски – оставляешь счастье, пища обидится», – говорят в народе, именно в оставшемся куске могут заключаться жизненная сила, счастье, благополучие («кот»). Например, по материалам Д.К. Зеленина, алтайцы не зачерпывают котелком воду из ручья, боясь лишиться счастья («ырыс»), где оно живет. Теленгиты и кумандинцы следят, чтобы котел с пищей не перекипел, иначе уплывет в огонь «ырыс», а тубалары и шорцы не выбрасывают из котелка остатки пищи [12. С. 208]. Н.Л. Жуковская, посвятившая от-

дельный очерк понятию счастья у монголов, пишет, что счастье – это дар, следствие отпущенной человеку свыше особой «благодати». Во всяком случае такая идея с древности прослеживается в монгольской культуре. А вот сохранит или утратит человек эту «благодать», зависело только от него. Отсюда система бесконечных запретов, ограничений, превентивных обрядов, которыми была окружена вся жизнь человека в монгольском обществе с момента рождения и которые не прекращались даже после смерти, ибо смерть – это всего лишь пересечение границы между этой жизнью и той, что грядет ей на смену, т.е. новым перерождением [13. С. 8]. Весьма показательны в контексте вышеизложенного предостережения башкир, произносимые в ходе трапезы: «Бәхетәнде калдырма!» (Не оставляй счастье!), «Яман кешәнән ярты калак аш кала» (От плохого человека остается пол-ложки еды). Этим напоминают, что нельзя оставлять еду, иначе можно утратить благодать, счастье, жизненную силу.

Сложную систему представляют собой элементы родинной, свадебной и похоронно-поминальной обрядности, направленные на сохранение «кот». В свадебной обрядности, например, одаривая скотом невесту, говорят: «Обопрешься на скотину-опору, нарадуешься благополучию». Человека, впервые переступившего порог нового дома, до сегодняшнего дня встречают словами: «Котло аяғың менән!» (Пусть ноги твои будут удачливы!)

Как известно, основным занятием башкир было полукочевое скотоводство, прошедшее длительный путь исторического развития. Состав и размеры стада варьировали в зависимости от статуса их владельцев. В стаде преобладали лошади, которые обеспечивали содержание других видов скота на подножном корме. Несколько меньше разводили овец и коров, а в южных и восточных районах содержали и верблюдов.

Значимость скотоводства в жизни башкир обусловила выработку сложной системы запретов и предписаний, направленных на сохранение «кот». Многовековые наблюдения и опыт народа нашли отражение в устном народном творчестве. Башкиры считали, что определенное животное в стаде является носителем «кот». Например, в варианте сказания Хасана Бурангулова «Акхак кола» говорится: «С возвращением Акхак колы, стадо похорошело». В этом моменте мы видим мотив пережиточных взглядов башкир, когда отдельный скот, будь это лошадь, корова, овца, рассматривался как изге (святой) мал (т.е. скот, приносящий богатство, благополучие, достаток) [14. С. 166].

Божественный характер происхождения «кот» подтверждают данные Г. Тагана, например рассказывают, будто бы табун Н.Н. происходит «из того самого озера», когда после длительного джута (бескормица) остался один-единственный 2-летний жеребенок. Этому жеребенку якобы прочитал молитву один белобородый старик, чтобы его потомство в дальнейшем бесконечно приумножалось. Или другой случай, когда «та-

бун лошадей богача Х. охранял на белой лошади сам пророк Хызыр» [15. С. 26].

Согласно воззрениям башкир, благополучие скота зависит от масти животного, места проживания, определенных качеств хозяев, может передаваться от родителей и духа святого.

«Счастье многим принесла домам / Та корова, что отдал я вам» [4. С. 223] – слова отца Тандысы, героини эпоса «Конгур-буга», подтверждают бытование поверья о том, что благополучием наделен скот, входящий в состав приданого. «Однажды Конгур-буга исчезла вместе со своими телятами. “Кабы вместе с ними не ушло мое счастье”, – опечаленно думала Тандыса» [Там же. С. 209]. Женщина отправляется на поиски пропавших животных, беспокоясь о «кот» (счастье, благополучии).

В некоторых семьях гадали о том, кто на какой вид домашнего животного счастлив, если предназначенный скот («инсе мал») поправлялся, давал приплод, считали, что ребенок счастлив на данный вид животного.

У башкир выработаны специальные магические действия, обереги для сохранения благополучия. Например, закапывание волчьей головы (черепа, челюсти) под порог или фундамент дома и сарая, забрасывание их под крышу этих строений, прикрепление над дверью дома волчьей лапы приносило благополучие («кот») и ограждало скот от падежа и нападения хищных зверей [16. С. 10]. Чтобы домашняя скотина плодилась во дворе, на столб вешали шейную кость животного. Эта кость притягивает плодовитость, благополучие [17. С. 217–218]. Для сохранения «кот» в гриву скакунов заплетали красные ленточки, которые меняли каждую пятницу [18. С. 20].

Породистую, хорошую скотину, называемую в народе «мал кото» (благополучие скота), для сохранения благополучия и жизненной силы скота нельзя было продавать, дарить. А при дарении или продаже незаметно для окружающих оставляли шерсть из определенных частей тела скота для того, чтобы сохранить «кот». Затем, пряча шерсть в укромном месте в амбаре, приговаривали:

«Сам уходи, пусть благо остается,
Сам уходи, пусть благо остается,
Сам уходи, пусть благо остается» [19. С. 245].

Обряд, связанный с выдергиванием клочка шерсти у продаваемого, отдаваемого скота, называется «кот алыу» [17. С. 194]. У казахов подобный обычай называется *слекей*, хозяин вырывает клочок шерсти, сует под губы продаваемой скотины, чтобы замочить ее слюной. Шерсть со слюной зашивают в гриву коню, если она взята с коня, в гриву барана и т.д. [2. С. 13]. Представляют интерес материалы Д.К. Зеленина: при передаче объекта другому лицу путем дарения, продажи и т.п. счастье должно уйти вместе с объектом – вещью или животным. Но если магическую границу перед отдачей объекта разорвать, то счастье выйдет и останется у прежнего владельца данной вещи,

так как вообще предполагается, что счастье всегда привыкает к своему старому хозяину и предпочитает его новому. В связи с этими магическими представлениями имущественные табу запрещают выдачу цельных предметов, отдачу вещей целиком: рекомендуется всегда оставлять часть вещи у себя, чтобы сохранить обитающее в вещи счастье [12. С. 219].

Башкиры шерсть отрезали с макушки животного или брали несколько волосинок возле рогов, со спины животного со словами:

«Беру с тебя благополучие,
Беру с тебя благополучие,
Беру с тебя благополучие!»

Некоторые люди специально оставляли у себя душу – «кот» (благополучие) животного, отрывая три волоска под хвостом. Эти животные – уже не прибавление в хозяйстве. При продаже лошади вместе с ней отдают узду, при продаже коровы – веревку, привязанную к ее шее. При передаче скотины нельзя обмениваться рукопожатиями, иначе скотина не будет плодиться [19. С. 245–246].

Противоречивое мнение существует по поводу веревки на шее быка (коровы) при продаже скота: «Башкиры никогда не продавали и не продают корову или быка с привязанной веревкой на шее: по их предубеждениям, вместе с веревкой уходит и “кот” скота. Здесь веревка отождествляется со скотом: если она останется при хозяине – не уйдет со двора благополучие» [20. С. 483–484]. На мой взгляд, веревка могла ассоциироваться с бытовавшим ранее амулетом «тул тейөнө», который изготавливался из высушенного и толченого полового органа племенного быка и привязывался на шею скота для увеличения приплода. Как правило, такой оберег нельзя отдавать, тем более продавать. Например, в эпосе «Конгур-буга» старейшина рода на шею теленка привязывает узелочек приплода:

«Конгур-буга, скотинка моя,
И вы, телятки, подите сюда:
Знак достатка и счастья вашего –
Мы на шею теленка привяжем.
На барана с улитковым рогом
Подвесим узелочек приплода» [4. С. 224].

Сейчас такие амулеты не делают, вместо этого иногда используют веревку с привязанными разноцветными лоскутками. Исследователи культа животных в мифоритуальной традиции башкир А.Ф. Илимбетова и Ф.Ф. Илимбетов отмечают, что использование половых органов быка (коровы) как магического средства не было случайным явлением, а вытекало из представлений древних людей о тотемном быке (корове) – источнике жизненной силы, прародителе людей [20. С. 482]. Осколком суждений древних башкир о коне как о тотеме, тотемическом прародителе, способствующем продолжению рода, созданию семьи и укреплению супружеских связей, является обычай, по которому высушенный половой

орган забитого на мясо или умершего коня резали на кусочки и делали из них амулеты плода «түл төйөнө» и в целях увеличения приплода подвязывали их на шею кобылиц [20. С. 624].

При купле-продаже для сохранения «кот» покупатель одаривает хозяина, причем перед вручением должен коснуться подарком покупаемого скота [18. С. 9]. Но если «кот» уйдет с новым хозяином, то нужно со стола покупателя незаметно унести какую-нибудь пищу и дать своему скоту [21. С. 133]. Если же купленный скот не будет давать приплода, то нужно украсть стельку прежнего хозяина и ею окуривать сарай [Там же. С. 136].

По представлениям башкир, если у продающего человека рука «тяжелая», то пользы от этого скота не будет, а если у покупателя – то уйдет жизненная сила всей живности двора.

Таким образом, «кот», являясь общетюркским словом, у башкир имеет следующие значения: жизненная сила человека и животных, душа, душа-зародыш, или таинственная сила, амулет, сохраняющий скот, счастье,

пропитание, благодать, изобилие, благоденствие, благословение, судьба, доля. В эпосах, пословицах и поговорках, благопожеланиях отразился многовековой опыт народа, касающийся сохранения, удержания, приумножения «кот» человека и животных. Вера в бытование «кот», характерная для многих народов, легла в основу традиционного этикета башкир.

По древним воззрениям башкир, в одном из животных табуна или стада может заключаться благополучие. Животных, наделенных природой особой силой, счастьем («котло, өлөшлө мал»), не продавали, оберегали от сглаза, пропажи. В башкирском фольклоре имеется целый цикл эпических произведений о священных животных, в которых сохранились отголоски древних воззрений народа о сохранении «кот».

Материалы исследования показывают, что предписания и запреты, направленные на сохранение «кот», и сегодня, с одной стороны, выступают как социальный и этнический код, а с другой – определяют стратегию поведения, ориентированную на сохранение общепринятых норм, этикета.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Полевые записи автора 2012–2013 гг.

² Полевые записи автора 2002 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1989. 243 с.
2. Шаханова Н. Мир традиционной культуры казахов (этнографические очерки). Алматы : Қазақстан, 1998. 184 с.
3. Башкирско-русский словарь: 32000 / Российская академия наук. Уфимский научный центр. Академия наук Республики Башкортостан ; под ред. З.Г. Ураксина. М. : Дигора ; Рус. яз., 1996. 884 с.
4. Башкирское народное творчество. Уфа : Башкир. книж. изд-во, 1987. Т. I. Эпос. 544 с.
5. Аминев З.Г. Эпос «Урал батыр» и мифология башкир. Уфа : ДизайнПресс, 2013. 160 с.
6. Сулейманова М.Н. Доисламские верования и обряды башкир. Уфа : РИО БашГУ, 2005. 146 с.
7. Руденко С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. Уфа : Китап, 2006. 376 с.
8. Бутанаев В.Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. Абакан : Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова, 2003. 260 с.
9. Байбурун А.К. Семантические аспекты функционирования традиционной культуры восточных славян : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1995. 32 с.
10. Бгажноков Б.Х. Основания гуманистической этнологии. М. : Изд-во РУДН, 2003. 272 с.
11. Баязитова Р.Р. Традиционный семейный этикет башкир. Уфа : Изд-во БГПУ, 2007. 176 с.
12. Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1917–1934 / сост. А.Л. Топорков; вступ. статья, подготовка текста и ком. Т.Г. Ивановой. М. : Индрик, 1999. 352 с.
13. Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. М. : Наука, 1988. 196 с.
14. Галин С.А. Башкирский народный эпос. Уфа : Аэрокосмос и ноосфера, 2004. 320 с.
15. Таган Галимжан. Этнографические заметки о башкирах и других тюркских народах / пер. с венг. Йожефа Тормы. Уфа : Гилем, 2005. 160 с.
16. Илимбетова А.Ф. Культ животных у башкир : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 2006. 26 с.
17. Хисамитдинова Ф.Г. Мифологический словарь башкирского языка. М. : Наука, 2010. 452 с.
18. Дәүләкән ынйылары / төз. А.М. Хәкимйәнова, Р.Ф. Мөхәмәтҗәлин. Өфө : Эшлекле династия, 2008. 328 б.
19. Башкирское народное творчество. Уфа : Китап, 2010. Т. 12: Обрядовый фольклор. 592 с.
20. Илимбетова А.Ф., Илимбетов Ф.Ф. Культ животных в мифоритуальной традиции башкир. 2-е изд., испр. и доп. Уфа : АН РБ ; Гилем, 2012. 704 с.
21. Рухи мираҫ: Свердловск башҡорттарының фольклоры / төз.: Ф.Нәҙершина, Г. Хөсәйенова, Г. Юлдыбаева, Ф. Гайсина. Өфө, 2008. 256 б.

Baiazitova Rozaliia R. Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah (Ufa, Russia). E-mail: rosali8@mail.ru

CATEGORY «QOT» IS FUNDAMENTALS OF BASHKIR TRADITIONAL ETIQUETTE.

Keywords: category «Qot»; etiquette; folklore; happiness; soul.

This article is devoted to the research of universal category “Qot” which to these days plays an important role in the organization of behavior and arrangement of relationship of people-society-nature. Category “Qot” penetrates all spheres of the Bashkir spiritual and material culture. Category “Qot” is still not sufficiently explored so it is of current interest. Special determination of its role and value in traditional etiquette of the Bashkir requires proper studying. This category is important for a description of a holistic picture of ethnoetiquette. The aim of the article is to analyze the behavior of the Bashkir directed to preserving “Qot” of the person and animals for reconstruction of sources of traditional etiquette. The following tasks were solved for achievement of our purpose: the etiquette

situations which directed to preserving “Qot” of person and animals were analysed; semiotics loading of separate attributes of etiquette was revealed. The integrated approach assuming the analysis of historical, philosophical, ethnographic works and folklore texts allowed to study versatily category “Qot” in traditional culture of communication. The research is executed with attraction of a wide range of the unpublished and published sources. The main of them is the field data gathered by the author in 2000–2013; from the published sources valuable material is extracted from the Bashkir folklore. To sum up, along with ancient representations and religious views of the people the belief in an existing “Qot” is the cornerstone of the Bashkir traditional etiquette. Materials of the research show archaism of meaning. The analysis of folklore texts has allowed to reveal the centuries-old experience of the people concerning preservation, retention, augmentation “Qot” which is the vital strength of the person and animals, soul, soul germ or the mysterious force, happiness, livelihood, grace, abundance, prosperity, destiny, a share. Materials of the research show that the regulations and the bans directed to preservation «Qot», up to date, on the one hand, act as a social and ethnic code, and on the other hand, as the behavior strategy focused on preservation of the standard norms, etiquette. During the research also it has been revealed that the signifnacy of cattle breeding in life of the Bashkir people has stipulated development of complicated system of the bans and instructions which directed to preservation «Qot» of animals. To the ancient Bashkir’s point of view, one of the animals has wellbeing of the whole herd. The animals which granted by the nature with power and luck (animal with “Qot”) wasn’t sold and warded of the evil eye. It is established that in the Bashkir folklore there is the whole cycle of unique epic works about sacred animals where we can find ancient points of view about category “Qot”.

REFERENCES

1. Lvova, E.L., Oktyabrskaya, I.V., Sagalaev, A.M. & Usmanova, M.S. (1989) *Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoy Sibiri. Chelovek. Obshchestvo* [Traditional worldview of the Turks of Southern Siberia. Human. Society]. Novosibirsk: Nauka.
2. Shakhanova, N. (1998) *Mir traditsionnoy kul'tury kazakhov (etnograficheskie ocherki)* [The world of traditional Kazakh culture (ethnographic essays)]. Almaty: Kazakstan.
3. Uraksin, Z.G. (ed.) (1996) *Bashkirsko-russkiy slovar'* [Bashkir-Russian Dictionary]. Moscow: Digora, Rus.yaz.
4. Sagitov, M.M. (ed.) (1987) *Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo* [Bashkir folk art]. Vol. 1. Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
5. Aminev, Z.G. (2013) *Epos "Ural batyr" i mifologiya Bashkir* [Epos “Ural batyr” and the mythology of Bashkirs]. Ufa: DizaynPress.
6. Suleymanova, M.N. (2005) *Doislamskie verovaniya i obryady Bashkir* [Pre-Islamic beliefs and rites of Bashkirs]. Ufa: Bashkirian State University.
7. Rudenko, S.I. (2006) *Bashkiry. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Bashkirs. Historical and ethnographic essays]. Ufa: Kitap.
8. Butanaev, V.Ya. (2003) *Burkhanizm tyurkov Sayano-Altaya* [Burhanism among the Turks of Sayano-Altai]. Abakan: Khakassia State University.
9. Bayburin, A.K. (1995) *Semioticheskie aspekty funktsionirovaniya traditsionnoy kul'tury vostochnykh slavyan* [Semiotic aspects of the functioning of the traditional culture of the Eastern Slavs]. Abstract of History Dr. Diss.
10. Bgazhnokov, B.Kh. (2003) *Osnovaniya gumanisticheskoy etnologii* [Foundations of humanistic ethnology]. Moscow: RUDN.
11. Bayazitova, R.R. (2007) *Traditsionnyy semeynyy etiket Bashkir* [Traditional family etiquette of Bashkirs]. Ufa: Bashkirian State Pedagogical University.
12. Zelenin, D.K. (1999) *Izbrannye trudy. Stat'i po dukhovnoy kul'ture. 1917–1934* [Selected works. Articles on spiritual culture. 1917–1934]. Moscow: Indrik.
13. Zhukovskaya, N.L. (1988) *Kategorii i simvolika traditsionnoy kul'tury mongolov* [Categories and symbols of the Mongolian traditional culture]. Moscow: Nauka.
14. Galin, S.A. (2004) *Bashkirskiy narodnyy epos* [Bashkir folk epic]. Ufa: Aerokosmos i noosfera.
15. Tagan, G. (2005) *Etnograficheskie zametki o bashkirakh i drugikh tyurkskikh narodakh* [Ethnographic notes on Bashkirs and other Turkic peoples]. Translated from Hungarian by Y. Torma. Ufa: Gilem.
16. Ilimbetova, A.F. (2006) *Kul't zhitovnykh u Bashkir* [The cult of animals among Bashkirs]. Abstract of History Cand. Diss. Ufa.
17. Khisamitdinova, F.G. (2010) *Mifologicheskii slovar' bashkirskogo yazyka* [Mythological dictionary of the Bashkir language]. Moscow: Nauka.
18. Khäkimiyanova, A.M. & Məkhəmətrəlin, R.F. (2008) *Dəyləkən ynyylary*. Ufa: Eshlekle dinastiya.
19. Sultangareeva, R.A. & Suleymanov, A.M. (2010) *Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo* [Bashkir folk art]. Vol. 12. Ufa: Kitap.
20. Ilimbetova, A.F. & Ilimbetov, F.F. (2012) *Kul't zhitovnykh v miforitual'noy traditsii Bashkir* [Cult of animals in the mythological tradition of Bashkirs]. 2nd ed. Ufa: AN RB, Gilem.
21. Nəğərshin, F.G., Khəsəyenov, G., Yuldybaev, F. & Gaysin, R. (2008) *Rukhi miraç: Sverdlovsk bashkorttarynyñ fol'klory*. Ufa: [s.n.].

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИОГРАФИИ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИИ

УДК 930.2

DOI: 10.17223/19988613/46/17

С.В. Юферова

ПЕРВЫЙ ОПРОС ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ (СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ДЕПУТАТСКИХ НАКАЗОВ В УЛОЖЕННУЮ КОМИССИЮ ЕКАТЕРИНЫ II)

Рассматривается советская историография наказов населения в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. Автор ставится задача выявить характерные черты советской историографии депутатских наказов. Историография депутатских наказов характеризуется сочетанием общих для советской исторической науки (классовый подход к анализу источника, ограниченная преемственность по отношению к дореволюционной российской историографии) и специфических (внутренняя противоречивость) для рассматриваемой проблемы черт.

Ключевые слова: советская историография; депутатские наказы; Уложенная комиссия; Екатерина II; характерные черты.

«Трудно составить Всероссийскую этнографическую выставку полнее Комиссии 1767 г.» [1. С. 92], – писал В.О. Ключевский. Однако, созывая в Москву представителей разных народов России, Екатерина II намеревалась познакомиться отнюдь не с национальным колоритом недавно обретенной империи. Она желала знать о нуждах подданных [2. С. 437]. Одним из источников этих знаний для императрицы и должны были стать привезенные депутатами наказы.

Наказы депутатам Уложенной комиссии стали источником и для историков. На разных этапах развития отечественной науки процесс изучения комплекса депутатских наказов, как и истории страны в целом, имел свои особенности. В настоящей работе ставится задача выявить характерные черты советской историографии корпуса депутатских наказов, выяснить причины складывания наиболее распространенных в науке точек зрения.

Неотъемлемым атрибутом советской исторической науки был классовый подход к анализу прошлого [3. С. 79; 4. С. 243]. Данный метод был привнесен в советскую науку теорией исторического материализма, во многом предопределив оформление сферы исследовательских интересов ученых. Впрочем, в определенной степени этому способствовало и развитие самой науки: к началу XX в. наметился переход от исследования проблем российской государственности к разработке вопросов истории общественной мысли и хозяйства страны [5. С. 88; 6. С. 314]. Катализатором этого процесса явилась революция. А после победы большевиков на научном фронте проблемы генезиса капитализма и классовой борьбы угнетенных масс оказались в центре внимания исследователей имперского периода истории нашей страны.

При этом советская историография депутатских наказов развивалась не с чистого листа. Наблюдения и

выводы предшественников принимались советскими учеными в тех случаях, когда они не противоречили положениям истмата о развитии общества. Уже сравнение общих оценок комплекса депутатских наказов позволяет убедиться в этом. Так, в полном согласии с российскими историками [7. С. 131–132; 8. С. 515, 521] Н.М. Дружинин писал, что и население в своих наказах, и Уложенная комиссия пошли по пути «защиты и укрепления интересов отдельных сословий» [2. С. 442].

Однако различия методологии и предмета исследования обеих научных школ не могли не проявиться и при изучении депутатских наказов. И дело не только в том, что внимание советских ученых привлекали аспекты, прежде остававшиеся вне поля зрения исследователей. Важным отличием было само отношение к источнику. В советской историографии источник рассматривался как отражение не только субъективных взглядов автора, но и объективных процессов конкретной исторической эпохи [9. С. 21]. Поэтому и в общей характеристике корпуса депутатских наказов наряду с обобщениями, основанными на анализе текста документа и во многом перекликавшимися с наблюдениями дореволюционных авторов, закономерно наличие обобщений и другого рода. Например, В.И. Недосекин так определил классовую сущность депутатских наказов: «С одной стороны, они являются завещанием старого феодально-крепостнического порядка; с другой – представляют собой своеобразную программу нового формирующегося буржуазного класса, стремящегося к экономическому и политическому господству в Российском государстве» [10. С. 205].

То же можно увидеть и в решении других вопросов историографии депутатских наказов. Так, проблема целей выявления пожеланий населения советскими учеными могла решаться так же, как и российскими:

«депутаты <...> должны были <...> сказать о нуждах сословий» [11. С. 159]. Но наряду с привычным объяснением мотивов правительства появилось и новое. По мнению И.В. Побережникова, «центральной власти удалось в какой-то мере направить протест в легальное русло оформления нужд и требований в наказах в Уложенную комиссию 1767–1768 гг.» [12. С. 13].

Думается, приведенные примеры вполне наглядно иллюстрируют преемственность в развитии науки. Упомянем еще лишь о сходстве подхода к анализу источников: наказы рассматривались так же, как составлялись, – по сословиям.

«Материалы дворянских наказов, – на излете Перестройки писала В.М. Никонова, – развернули перед екатерининским правительством программу, в которой нашлось место и крупным реорганизаторским замыслам, и узкосословным дворянским интересам, и широкому спектру социально-экономических вопросов, и даже культурно-просветительским устремлениям» [13. С. 50]. Однако из всего отмеченного разнообразия внимание советских ученых по преимуществу привлекало довольно узкий круг проблем.

Разумеется, в первую очередь исследователи обращали внимание на отражение в источнике отношения душевладельцев к своей крещеной собственности. Советские исследователи, впрочем, как и либеральные российские, отмечали, что дворянское понимание крестьянского вопроса основывалось на признании незыблемости существовавших отношений [14. С. 94; 15. С. 31]. При этом различия в характеристике содержания источника были существенными. Если М.К. Любавский утверждал, что «большинство наказов ничего не говорит о крепостном праве» [7. С. 130], то М.Н. Гернет настаивал, что в дворянских наказах «самым же общим и беззастенчивым требованием было требование укрепления крепостного права» [16. С. 63].

Одной из отличительных черт советского анализа наказов благородного сословия было обнаружение претензий дворянства на господство даже в сферах (например, финансовой), прежде считавшихся вообще мало затронутыми в документах. Проанализировав материал наказов дворянства по финансовым вопросам, С.М. Троицкий пришел к выводу, что «в целом они выдвинули в Уложенную комиссию такие требования в области финансов, осуществление которых должно было расширить сословные права помещиков и уменьшить платежи крепостного населения их вотчин в пользу государства» [17. С. 106].

Незамечавшиеся прежде претензии были выявлены и в пожеланиях благородного сословия в сфере образования. М.Д. Курмачева считала, что «требование упрочения и развития сословного характера учебных заведений свидетельствовало о стремлении дворянства сохранить за собой господствующее положение и пользоваться своими феодальными привилегиями в период начавшегося разложения феодально-крепостнического строя» [18. С. 249]. Причем российские историки отме-

чали стремление и дворян, и горожан переложить решение школьного вопроса на плечи государства [19. С. 539; 20. С. 246].

Таким образом, какой бы аспект дворянских наказов ни рассматривался, советские исследователи указывали на присущее их авторам стремление упрочить и расширить феодальные привилегии. Лишь изредка исследователи обращали внимание на свойственную положению и предложениям дворянства двойственность. Например, В.В. Посконин отмечал: «В целом теоретическая позиция дворянства и его практическая программа – чрезвычайно противоречивы <...> отражают противоречивость экономического и политического положения дворян в условиях назревания кризиса феодального хозяйства» [21. С. 67].

Принципиально иными были наказы государственных крестьян. Во многих из них указывалось на частные проблемы отдельно взятой волости. Но были и регионы, например Сибирь, крестьянство которых, по мнению ученых, «довольно полно воспользовалось предоставленной ему возможностью» [12. С. 13]. Подтверждением данного вывода может служить наблюдение Г.Ф. Быкони о том, что наказы крестьян енисейской губернии, «в отличие от наказов многих других губерний, представляют собой конкретное описание нужд, жалобы и предложения трудового населения» [22. С. 23].

И все же при анализе крестьянских наказов советские историки акцентировали внимание не столько на вопросе способности основной массы населения скорректировать неудобства существовавшего законодательства, сколько на проблеме степени осознания эксплуатируемыми массами своих классовых интересов. Исходя из того, что «преобладающим отношением к государственным актам является критика», А.В. Камкин, словно забыв о требовании манифеста 14 декабря 1766 г., полагал: «Она дает основание для высокой оценки способности крестьян ориентироваться в окружающей социально-правовой среде» [23. С. 101]. По сути о той же способности писал и М.Т. Белявский, опровергая вывод В.И. Семевского о причине отсутствия жалоб на истязания в наказах приписных крестьян. Советский ученый объяснял этот факт наличием печального опыта у жалобщиков, как правило, подвергавшихся новому наказанию по обвинению в клевете [14. С. 138].

Антагонистический характер отношений народа и правительства подчеркивался и при общей характеристике крестьянских наказов. Так, Г.П. Макогоненко утверждал: «Впервые народные чаяния были изложены в наказах и речах крестьянских депутатов в Комиссию по составлению нового Уложения в 1767 г.» [24. С. 64]. А М.Т. Белявский настаивал на том, что крестьянские наказы «от первой до последней строки были проникнуты протестом против крепостничества и его проявлений, звучали как обвинение против всего крепостнического государства, его законодательства и его аппа-

рата» [14. С. 128]. Однако в той же работе М.Т. Белявского находим и уточнение степени выражения этого протеста: «Антикрепостнические, антидворянские <...> настроения звучали весьма робко и приглушенно в жалобах наказов на тяжелое положение крестьян» [Там же. С. 191]. Думается, трудно представить себе от первой до последней строки проникнутое робким протестом выступление. Наличие в одной работе противоречащих друг другу выводов существует вполне логичное объяснение. Являясь искренними сторонниками и пропагандистами истмата, советские историки все-таки нередко излагали и наблюдения, не вписывавшиеся в существовавший тогда канон.

Антифеодальный характер крестьянских наказов выявлялся в их буржуазных по сути предложениях: свободы землепользования, отхода, найма рабочих, свободы торговли и промыслов [25. С. 262]. Помимо того, существование антикрепостнического протеста доказывалось сходством предложений наказов со многими из положений самого радикального из манифестов Е.И. Пугачева [Там же. С. 265].

Вместе с тем советские историки иногда как будто вовсе не замечали ясно выраженного в наказах желания государственных крестьян обладать хотя бы частью дворянских прав [16. С. 63; 26. С. 397]. Но даже признание факта наличия притязаний на владение крепостными у всех сословий, представленных в Уложенной комиссии, не мешало подавляющему большинству советских ученых утверждать, что так называемый крестьянский вопрос был главной или центральной проблемой России того времени [27. С. 208; 28. С. 157]. Господство данного тезиса, на наш взгляд, обусловило фактически полное отсутствие в советской историографии аналитической разработки вопроса о претензиях непривилегированных сословий на право владения крепостными.

Таким образом, при изучении крестьянских наказов в центре внимания ученых оставались проблемы классовой борьбы и генезиса капитализма в России.

Характеристика наказов городов в историографии советского периода не столь монохромна. Причиной тому, на наш взгляд, была нерешенность вопроса о классовой природе нарождающейся буржуазии. В советской литературе доминировала точка зрения, что господствующим классом являлось дворянство [16. С. 121; 29. С. 10]. При этом иногда писалось об интересах «господствующих классов» [30. С. 399], очевидно, включая в их число и формирующуюся буржуазию.

На характер требований горожан накладывал отпечаток уровень социально-экономического развития страны. По мнению М.Т. Белявского, «господство крепостничества и крепостников в экономической и политической области, слабость капиталистического уклада, отсутствие буржуазии как класса, тесная связь купечества с системой крепостного хозяйства определили господство охранительной идеологии в наказах дворян и городов» [14. С. 175].

И действительно, в наказах было ярко продемонстрировано стремление городского населения сохранить и преумножить имеющиеся привилегии. По этой части «верхом купеческих притязаний, — как отмечал Н.И. Павленко, — является наказ жителей Рязьска, которые предложили, чтобы всех <...> “жалованными грамотами снабдить и лучших заводчиков <...> шляхетство пожаловать <...> и уволить от всяких податей”» [31. С. 534].

Даже в этих притязаниях большинство советских ученых, как правило, видело отнюдь не проявление присущей феодализму системы ценностей. Обычно просьбы городского населения о привилегиях и льготах увязывались с его профессиональной деятельностью. А поскольку развитие промышленности и торговли ускоряло процесс разложения феодализма, все способствовавшие этому развитию меры оценивались как прогрессивные [18. С. 253; 32. С. 114]. Поэтому наказания горожан могли рассматриваться как программа или отражение интересов нарождающейся буржуазии [10. С. 205; 31. С. 534]. Причем, указывая на буржуазный характер предложений горожан, советские исследователи, как и дореволюционные российские, признавали и факт отсутствия в них стремления изменить существующий порядок [33. С. 218; 34. С. 480]. Считалось, что горожане лишь желали уменьшить давление наиболее тягостных его элементов. К их числу наказания, по мнению ученых обеих школ, относили фискальную политику правительства и деятельность городской администрации [8. С. 506; 10. С. 202–203].

Спасение от злоупотреблений городских властей горожане видели «в расширении компетенции городских Магистратов, чтобы городские дела решались не дворянством, а купцами, чтобы были созданы выборные городские суды» [29. С. 137]. Кроме того, «городская буржуазия пыталась добиться от правительства изменения системы налогообложения и освобождения от личных феодальных налогов и повинностей» [17. С. 107].

Таким образом, претензии к нормам закона и правоприменительной практике, выявленные советскими учеными при изучении наказов населения в Уложенную комиссию, во многом совпадали с наблюдениями предшественников, различной была их трактовка. Причина тому — методология истмата, в истории нового времени на первый план выдвинувшая изучение проблем классовой борьбы и генезиса капитализма. И депутатские наказания рассматривались именно с этой точки зрения, что позволило по-новому увидеть жалобы и предложения каждого из сословий. Эта новизна проявилась, в том числе, и в пристальном внимании советских ученых к социально-экономическому подтексту источника. Результатом такого подхода стало выявление сознательного антифеодального протеста крестьянства и узкосословного эгоизма в требованиях благородного сословия.

Впрочем, установка находить в предложениях дворянства исключительно стремление расширить привилегии господствующего класса, на наш взгляд, не соответствовала закону об определяющей роли базиса. Ведь указы составлялись в переходную от феодализма к капитализму эпоху. Значит, согласно данному закону, они должны были отразить противоречия своего времени. Однако замечания о двойственности положения и требований дворянства встречаются в литературе нечасто, да и относятся главным образом ко временам Перестройки или ее кануна. Очевидно, установка на разоблачение эгоистической, антинародной позиции господствующего класса являлась приоритетной в советской историографии.

Противоречивым было и описание требований непривилегированных сословий. И дело даже не в преувеличении советскими исследователями степени народного протеста. Более важным было то, что в рамках дихотомии «прогрессивное – реакционное» не получалось внятно объяснить различия в оценке иден-

тичных требований в наказах разных сословий. На материалах наказов не получалось объяснить и причин выдвижения проблемы ликвидации крепостничества в ранг главных вопросов русской жизни.

Внутренние противоречия в трудах советских исследователей были неизбежным следствием зависимости науки от партийного контроля: интерпретация данных источника была скована идеологическими рамками. В этом случае научные изыскания ограничивались подведением источниковой базы под принятые руководством тезисы. Но нередко профессионализм и подвижничество историков, «сопротивление материала» и т.п. приводили к появлению на страницах работ выводов, не вполне соответствовавших имевшимся установкам, а то и вовсе оксюморонов. При этом достижением советских исследователей, несомненно, является переход от поиска типичного в наказах к контент-анализу их массива (дворянские указы Центрального района, крестьянские – Вологодской губернии).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ключевский В.О. Курс русской истории // Ключевский В.О. Сочинения : в 9 т. М. : Мысль, 1989. Т. V. 478 с.
2. Дружинин Н.М. Просвещенный абсолютизм в России // Абсолютизм в России XVII–XVIII вв. / отв. ред. Н.М. Дружинин. М. : Наука, 1964. С. 428–459.
3. Маслов Н.Н. Марксистско-ленинские принципы исследования в исторической науке // Историческая наука: вопросы методологии / отв. ред. Л.С. Гапоненко. М. : Мысль, 1986. С. 72–82.
4. Могильницкий Б.Г. История исторической мысли как предмет историографического исследования // Проблемы истории общественной мысли и историографии. 75 лет академику М.В. Нечкиной / отв. ред. Л.В. Черепнин. М. : Наука, 1976. С. 233–241.
5. Бабич М.В. Государственные учреждения России XVIII в. М. : Эдиториал УРСС, 1999. 144 с.
6. Вернадский Г.В. Русская историография. М. : Аграф, 1998. 448 с.
7. Любавский М.К. История царствования Екатерины II. СПб. : Лань, 2001. 254 с.
8. Уланов В. «Наказ» и Комиссия о сочинении проекта нового Уложения // Три века: Россия от Смуты до нашего времени / под ред. В.В. Калаша. М. : ГИС, 1992. С. 501–521.
9. Иванов Г.Н. Основные принципы марксистско-ленинской теории исторического источника // Источниковедение отечественной истории. 1979 / гл. ред. В.И. Буганов. М. : Наука, 1980. С. 5–22.
10. Недосекин В.И. Об изучении наказов в законодательную комиссию 1767 г. // Источниковедение отечественной истории. 1979. С. 192–205.
11. Буганов В.И. Очерки истории классовой борьбы в России XI–XVIII вв. М. : Просвещение, 1986. 240 с.
12. Побережников И.В. Массовые выступления крестьян Западной Сибири в XVIII веке. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1989. 176 с.
13. Никитина В.М. Контент-анализ при изучении дворянских наказов в Уложенную комиссию 1767–1768 гг. // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1991. № 2. С. 49–61.
14. Белявский М.Т. Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е.И. Пугачева. Формирование антикрепостнической мысли. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1965. 382 с.
15. Лаппо-Данилевский А.С. Очерк внутренней политики императрицы Екатерины II. СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1898. 65 с.
16. Гернет М.Н. История царской тюрьмы. М. : Госюриздат, 1960. Т. 1. 384 с.
17. Троицкий С.М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII веке. М. : Наука, 1966. 275 с.
18. Курмачева М.Д. Проблемы образования в Уложенной комиссии 1767 г. // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв. / отв. ред. Н.И. Павленко. М. : Наука, 1975. 345 с.
19. Кизеветтер А.А. Посадская община России XVIII столетия. М. : Унив. тип., 1903. 816 с.
20. Семевский В.И. Крестьяне в царствование Екатерины II. СПб. : Тип. Ф.С. Сушарского, 1881. Т. 1. LIII. 569 с.
21. Посконин В.В. Политико-правовое содержание Наказа Екатерины II // Актуальные вопросы истории политических и правовых учений / отв. ред. Э.Л. Розин. М. : ВЮЗИ, 1987. С. 66–78.
22. Быкова Г.Ф. Заселение русскими Приенисейского края XVIII в. Новосибирск : Наука, 1981. 248 с.
23. Камкин А.В. Некоторые черты правосознания государственных крестьян в XVIII в. // Социально-политическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России / отв. ред. В.Т. Пашуто. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1983. С. 96–102.
24. Макогоненко Г.П. Радищев и его время. М. : Госполитиздат, 1956. 774 с.
25. Индова Е.И., Тихонов Ю.А., Преображенский А.А. Антифеодальные требования крестьян. Лозунги, требования участников крестьянских войн в России XVII–XVIII вв. // Крестьянские войны в России XVII–XVIII веков: проблемы, поиски, решения / отв. ред. Л.В. Черепнин. М. : Наука, 1974. 447 с.
26. История СССР с древнейших времен до 1861 г. : учеб. ; 5-е изд., перераб. / под ред. П.П. Елифанова, В.В. Мавродина. М. : Просвещение, 1983. 576 с.
27. Степанов Н.Л. О просветительском реализме в русской литературе // Проблемы просвещения в мировой литературе / отв. ред. С.В. Тураев. М. : Наука, 1970. С. 203–215.
28. Эйдельман Н.Я. Из потаенной истории России XVIII–XIX веков. М. : Высш. шк., 1993. 490 с.
29. Грацианский П.С. Политическая и правовая мысль России второй половины XVIII в. М. : Наука, 1984. 253 с.

30. Ляшенко П.И. История народного хозяйства СССР. М. : Госполитиздат, 1952. Т. 1. 656 с.
31. Павленко Н.И. История металлургии в России XVIII века. Заводы и заводоуправления. М. : Изд-во АН СССР, 1962. 566 с.
32. Путь А.И. Левобережная Украина в составе Российского государства во второй половине XVIII века: некоторые вопросы социально-экономического и общественно-политического развития. Киев : Выща шк., 1988. 140 с.
33. Кизеветтер А.А. Происхождение городских депутатских наказов в екатерининскую Комиссию 1767 г. // Кизеветтер А.А. Исторические очерки. М. : Окто, 1912. С. 209–241.
34. Павлова-Сильванская М.П. Социальная сущность областной реформы Екатерины II // Абсолютизм в России. 1964. С. 460–491.

Yuferova Svetlana V. Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia). E-mail: kidarida@mail.ru

THE FIRST OPINION POLL (SOVIET HISTORIOGRAPHY OF DEPUTEES' mandates IN CATHERINE'S LEGISLATIVE COMMISSION).

Keywords: Soviet historiography; deputies' mandates; the Legislative Commission; Catherine II; special aspects.

This work raises the question of the Soviet historiography of deputy mandates in the Legislative Commission of Catherine II. The objectives of the study include analysis of the most held points of view in the Soviet historiography on the nature and content of the mandates, finding out the reasons for their appearance, ascertain of the special features of Soviet historiography of the mandates. The most valuable part of source base of this work consists of few studies tend to items directly on the development of the issues raised by the orders: such as the studies by V. Nikonova, A. Kamkin, V. Nedosekin, M. Kurmacheva, M. Belyavskiy. The other group (N. Pavlenko, N. Druzhinin, G. Bykonya, P. Gratsianskiy et al.) involves the works of researchers, who looked into various aspects of Russian history of the second half of the Eighteenth century. The next group includes the works of Soviet historians on historiography and source. Comparative analysis of the findings of the pre-revolutionary Russian and Soviet historians would be impossible without the use of the works of A. Kisevetter, V. Ulanov, V. Semevskiy and others. Identified by Soviet scientists the claim of all estates to the norms of law and legal practice, largely coincided with the observations of the pre-revolutionary researchers. However, Soviet historians have paid attention not only to the demands of the mandates, but also on their class essence. In the study of "novyi" period of Russian history to the fore were the problems of the class struggle and the genesis of capitalism. And deputy mandates were considered from this point of view. The result of this approach was to identify a conscious anti-feudal protest of the peasantry and selfishness of requirements of Russian nobility. But the narrative of searching only desire to expand the privileges of the ruling class in the nobility offers, in our opinion, did not comply with the law on the basis of the determining role, because mandates drawn up in the transition from feudalism to capitalism and had to reflect the contradictions for that time. Obviously, setting to disclose of anti-national nature of requirements of the ruling class was a priority in Soviet historiography. But the dichotomy of "progressive reactionary" did not allow to clearly explain the differences in the assessment of identical requirements in mandates of different estates. Mandates were not allowed to explain the reasons for the enunciation of the peasant question in the rank of the main issues of Russian life. Thus, the internal inconsistency in the works of Soviet scientists was inevitable.

REFERENCES

1. Klyuchevskiy, V.O. (1989) *Sochineniya: v 9 t.* [Works. In 9 vols]. Vol. 5. Moscow: Mysl'.
2. Druzhinin, N.M. (1964) *Prosveshchennyy absolutizm v Rossii* [Enlightened absolutism in Russia]. In: Druzhinin, N.M. (ed.) *Absolyutizm v Rossii XVII–XVIII vv.* [Absolutism in Russia of the 17th – 18th centuries]. Moscow: Nauka.
3. Maslov, N.N. (1986) *Marksistsko-leninskii printsipy issledovaniya v istoricheskoy nauke* [Marxist-Leninist principles of research in historical science]. In: Gaponenko, L.S. (ed.) *Istoricheskaya nauka: voprosy metodologii* [Historical Science: Issues of methodology]. Moscow: Mysl'.
4. Mogilnitskiy, B.G. (1976) *Istoriya istoricheskoy mysli kak predmet istoriograficheskogo issledovaniya* [The history of historical thought as a subject of historiographic research]. In: Cherepnin, L.V. (ed.) *Problemy istorii obshchestvennoy mysli i istoriografii. 75 let akademiku M.V. Nechkinoy* [Problems of the history of social thought and historiography. 75 years to Academician M.V. Nechkin]. Moscow: Nauka. pp. 233–241.
5. Babich, M.V. (1999) *Gosudarstvennye uchrezhdeniya Rossii XVIII v.* [State institutions of Russia in the 18th century]. Moscow: Editorial URSS.
6. Vernadskiy, G.V. (1998) *Russkaya istoriografiya* [Russian historiography]. Moscow: Agraf.
7. Lyubavskiy, M.K. (2001) *Istoriya tsarstvovaniya Ekateriny II* [The history of the reign of Catherine II]. St. Petersburg: Lan'.
8. Ulanov, V. (1992) "Nakaz" i Komissiya o sochinenii projekta novogo Ulozheniya ["Nakaz" and the Commission on the drafting of a new code]. In: Kallash, V.V. (ed.) *Tri veka: Rossiya ot Smuty do nashego vremeni* [Three centuries: Russia from the Troubles to our time]. Moscow: GIS. pp. 501–521.
9. Ivanov, G.N. (1980) *Osnovnye printsipy marksistsko-leninskoy teorii istoricheskogo istochnika* [Basic principles of the Marxist-Leninist theory of the historical source]. In: Buganov, V.I. (ed.) *Istochnikovedenie otechestvennoy istorii* [The Source Studies of Russian History]. Moscow: Nauka. pp. 5–22.
10. Nedosekin, V.I. (1979) *Ob izuchenii nakazov v zakonodatel'nyy komissiyu 1767 g.* [On the study of orders to the legislative commission in 1767]. In: Buganov, V.I. (ed.) *Istochnikovedenie otechestvennoy istorii* [The Source Studies of Russian History]. Moscow: Nauka. pp. 192–205.
11. Buganov, V.I. (1986) *Ocherki istorii klassovoy bor'by v Rossii XI–XVIII vv.* [Essays on the history of the class struggle in Russia of the 11th – 18th centuries]. Moscow: Prosveshchenie.
12. Poberezhnikov, I.V. (1989) *Massovye vystupleniya krest'yan Zapadnoy Sibiri v XVIII veke* [Mass actions of peasants in Western Siberia in the 18th century]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
13. Nikonova, V.M. (1991) *Kontent-analiz pri izuchenii dvoryanskikh nakazov v Ulozhennuyu komissiyu 1767–1768 gg.* [Content-analysis in the study of noblemen's orders in the Settlement Commission of 1767–1768]. *Vestnik MGU. Seriya 8. Istoriya*. 2. pp. 49–61.
14. Belyavskiy, M.T. (1965) *Krest'yanskiy vopros v Rossii nakanune vosstaniya E.I. Pugacheva. Formirovaniye antikrepostnicheskoy mysli* [The peasant question in Russia on the eve of the uprising of E.I. Pugacheva. Formation of anti-serf thoughts]. Moscow: Moscow State University.
15. Lappo-Danilevskiy, A.S. (1898) *Ocherk vnutrenney politiki imperatritsy Ekateriny II* [Essay on the Russian policy of Empress Catherine II]. St. Petersburg: M.M. Stasyulevich.
16. Gernet, M.N. (1960) *Istoriya tsarskoy tyur'my* [The history of the Tsar prison]. Vol. 1. Moscow: Gosyurizdat.
17. Troitskiy, S.M. (1966) *Finansovaya politika russkogo absolutizma v XVIII veke* [The financial policy of Russian absolutism in the 18th century]. Moscow: Nauka.
18. Kurmacheva, M.D. (1975) *Problemy obrazovaniya v Ulozhennoy komissii 1767 g.* [The problems of education in the Lawmaking Committee in 1767]. In: Pavlenko, N.I. (ed.) *Dvoryanstvo i krepostnoy stroy Rossii XVI–XVIII vv.* [Nobility and the serfdom of Russia in the 16th – 18th centuries]. Moscow: Nauka.
19. Kizevetter, A.A. (1903) *Posadskaya obshchina Rossii XVIII stoletiya* [The Posad community of Russia of the 18th century]. Moscow: University tip.
20. Semevskiy, V.I. (1881) *Krest'yane v tsarstvovanie Ekateriny II* [Peasants in the reign of Catherine II]. Vol. 1. St. Petersburg: F.S. Sushchevsky.

21. Poskonin, V.V. (1987) Politiko-pravovoe sodержanie Nakaza Ekateriny II [Politico-legal content of the Catherine II's Nakaz]. In: Rozin, E.L. (1987) *Aktual'nye voprosy istorii politicheskikh i pravovykh ucheniy* [Topical questions of the history of political and legal doctrines]. Moscow: VYuZl. pp. 66–78.
22. Bykonya, G.F. (1981) *Zaselenie russkimi Prieniseyskogo kraia XVIII v.* [Population of the Russian Enisei in the 18th century]. Novosibirsk: Nauka.
23. Kamkin, A.V. (1983) Nekotorye cherty pravosoznaniya gosudarstvennykh krest'yan v XVIII v. [Some features of the legal conscience of state peasants in the 18th century]. In: Pashuto, V.T. (ed.) *Sotsial'no politicheskoe i pravovoe polozhenie krest'yanstva v dorevolutsionnoy Rossii* [Social, political and legal status of the peasantry in pre-revolutionary Russia]. Voronezh: Voronezh State University. pp. 96–102.
24. Makogonenko, G.P. (1956) *Radishchev i ego vremya* [Radishchev and his time]. Moscow: Gospolitizdat.
25. Indova, E.I., Tikhonov, Yu.A. & Preobrazhenskiy, A.A. (1974) Antifeodal'nye trebovaniya krest'yan. Lozungi, trebovaniya uchastnikov krest'yan-skikh voyn v Rossii XVII XVIII vv. [Anti-feudal demands of the peasants. Slogans, demands of participants in peasant wars in Russia in the 17th – 18th centuries]. In: Cherepnin, L.V. (ed.) *Krest'yanskie voyny v Rossii XVII XVIII vekov: problemy, poiski, resheniya* [Peasant wars in Russia in the 17th – 18th centuries: Problems, searches, decisions]. Moscow: Nauka.
26. Epifanov, P.P. & Mavrodin, V.V. (eds) (1983) *Istoriya SSSR s drevneyshikh vremen do 1861 g.* [History of the USSR from ancient times until 1861]. 5th ed. Moscow: Prosveshchenie.
27. Stepanov, N.L. (1970) O prosvetitel'skom realizme v russkoy literature [On Enlightenment Realism in Russian literature]. In: Turaev, S.V. (ed.) *Problemy prosveshcheniya v mirovoy literature* [Problems of Enlightenment in the world literature]. Moscow: Nauka. pp. 203–215.
28. Eydelman, N.Ya. (1993) *Iz potaennoy istorii Rossii XVIII–XIX vekov* [From the secret history of Russia in the 18th – 19th centuries]. Moscow: Vyssh. shk.
29. Gratsianskiy, P.S. (1984) *Politicheskaya i pravovaya mysl' Rossii vtoroy poloviny XVIII v.* [Political and legal thought of Russia in the second half of the 18th century]. Moscow: Nauka.
30. Lyashchenko, P.I. (1952) *Istoriya narodnogo khozyaystva SSSR* [History of the USSR national economy]. Vol. 1. Moscow: Gospolitizdat.
31. Pavlenko, N.I. (1962) *Istoriya metallurgii v Rossii XVIII veka. Zavody i zavodovladel'tsy* [History of metallurgy in Russia in the 18th century. Factories and factory owners]. Moscow: USSR Academy of Sciences.
32. Putro, A.I. (1988) *Levoberezhnaya Ukraina v sostave rossiyskogo gosudarstva vo vtoroy polovine XVIII veka: nekotorye voprosy sotsial'no-ekonomicheskogo i obshchestvenno-politicheskogo razvitiya* [The left-bank Ukraine as part of the Russian state in the second half of the 18th century: Some issues of socio-economic and socio-political development]. Kyiv: Vyshcha shk.
33. Kizeveter, A.A. (1912) *Istoricheskie ocherki* [Historical essays]. Moscow: Okto, 1912. pp. 209–241.
34. Pavlova-Silvanskaya, M.P. (1964) Sotsial'naya sushchnost' oblastnoy reformy Ekateriny II [The social essence of the regional reform of Catherine II]. In: Druzhinin, N.M. (ed.) *Absolyutizm v Rossii XVII–XVIII vv.* [Absolutism in Russia of the 17th – 18th centuries]. Moscow: Nauka. 460–491.

УДК 61(091)

DOI: 10.17223/19988613/46/18

С.И. Трихина

**ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И ЗНАЧЕНИЕ РЕЛИКВИЙ Н.И. ПИРОГОВА,
А ТАКЖЕ ВОСПОМИНАНИЙ Е.Н. АХМАТОВОЙ ДЛЯ РЕКОНСТРУКЦИИ
ЕГО РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИХ ВЗГЛЯДОВ 1828–1848 гг.**

Статья посвящена изучению подлинника стихотворения «Сон» (1842) и подлинного письма Н.И. Пирогова к первой жене, Е.Д. Березиной (1842), из собрания Пушкинского дома (г. Санкт-Петербург). Данный период жизни Н.И. Пирогова характеризовался то усилением религиозных настроений (из-за трудностей в работе при Императорской медико-хирургической академии, тяжелой болезни, смерти Е.Д. Березиной), то отходом на позиции мировоззрения, «сильно склонявшегося к материализму» (в периоды стабильности и успехов в профессиональной деятельности). Воспоминания Е.Н. Ахматовой относятся к периоду 1843–1848 гг. и дополняют картину. Данные материалы рассматриваются в свете последних исследований конца XX в., когда концепция «конфликта науки и религии» перестала быть догмой и были предприняты попытки выработать конструктивный синергетический подход к этому вопросу, т.е. теорию религиозно-философских систем и мультидисциплинарного подхода к анализу теоретико-практической деятельности медиков.

Ключевые слова: реликвии Н.И. Пирогова; реконструкция религиозно-философских взглядов Н.И. Пирогова; наука и религия.

Н.И. Пирогов оказал значительное влияние на развитие русской философской и религиозной мысли. Его высказывания в этой области – скорее не законченная философско-религиозная концепция, а размышления над основными вопросами жизни, личная и гражданская позиция человека, равнодушного к судьбе своего Отечества и русского общества, высказанная им в личной переписке и дневниковых записях. К таковым следует отнести его «Вопросы жизни. Дневник старого врача» [1], письма к невестам: Е.Д. Березиной [2] и А.А. Бистром [3], а также четыре его стихотворных произведения [4. С. 343–354]. В письмах Н.И. Пирогова периода 1828–1848 гг. наиболее значимыми являются поднимаемые им проблемы взаимоотношений науки и религии. Эти взаимоотношения были важны для Н.И. Пирогова не только в плане его личной, закрытой от общества жизни, но и оказывали несомненное влияние на его профессиональную и общественную деятельность.

В большинстве дореволюционных работ Н.И. Пирогова характеризовали как религиозного философа, признававшего приоритет духа над материей, целесообразность и гармонию окружающего мира в соответствии с замыслом Мирового Разума, Творца, хотя и отмечали его временный отход на позиции материализма в период с 1828 по 1848 г. (Н.Я. Пяковский [5], Д. Добромыслов [6], Я. Галахов [7], П.Ф. Каптерев [8], С.Я. Штрайх [9–12]).

Однако даже в этот период теория Ч. Дарвина оказалась для него неприемлемой ввиду того, что в эволюционном процессе все отдавалось на волю слепому случаю, а не целесообразности и гармонии, за что его подверг самой резкой критике Л.Д. Троцкий в своей статье «Н.И. Пирогов» [13].

После Октябрьской революции Н.И. Пирогова исследователи либо подвергают критике в духе Троцкого (С.Г. Иванов и Б.М. Хромов [14]), либо используют труды и высказывания Пирогова, которые укладываются в официальную доктрину марксизма-ленинизма, благо религиозные убеждения Пирогова «не оставались в течение его жизни одними и теми же» [1. С. 120]. Письма к невесте (А.А. Бистром), как идеологически не соответствующие официальной доктрине, в этот период не публикуются, за исключением кратких аннотаций, данных А.М. Геселевичем [15], что было типично для советской историографии – фрагментарное использование источников.

Теория Ч. Дарвина и неприятие ее богословами, признававшими божественную природу человека, заложило основы сформировавшейся к концу XIX в. концепции «конфликта науки и религии», особенно свойственной советской историографии. Однако ее догматы в последние десятилетия XX в. были подвергнуты критике, и «в современной научной литературе сформировалось понимание и осознание отношений науки и религии как намного более благоприятных, чем они казались ранее» [16. С. 73]. По мнению многих западных историков (Дж.Х. Брук, К. Рассел, Д. Уилсон), в «разные исторические периоды наука и религия не столько конфликтовали, сколько развивались независимо друг от друга» [Там же. С. 74].

200-летний юбилей со дня рождения Пирогова (2010) также показал, что его философско-религиозные взгляды снова приобретают важное значение. В 2010 г. выходит в свет книга-сборник философско-педагогических писем Пирогова [4], исключенных из научного оборота в советский и постсоветский периоды, снабженная комментариями, включающая в себя, в числе прочих, пись-

мо к Е.Д. Березиной и всю группу писем к А.А. Бистром, а также три стихотворения Н.И. Пирогова этого же периода и стихотворение «Сон». Отдельным сборником в том же 2010 г. выходит «Идеал женщины»: выдержки из переписки и стихотворение, посвященное А.А. Бистром, начатое в ее день рождения 20 марта и оконченное 1 апреля 1850 г. [17].

Все вышеперечисленное позволяет вернуться к изучению писем Н.И. Пирогова с новых позиций историографии, в том числе в вопросах взаимоотношения науки и религии.

Сотрудниками Военно-медицинского музея МО РФ (ВММ) и Военно-медицинской академии им. С.М. Кирова (ВМА) был составлен «Иллюстрированный каталог пироговских реликвий» [18] как попытка объединить раритеты, хранящиеся в ВММ, ВМА и Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА) с предложением дополнить его недостающими реликвиями. В частности, в данном каталоге нет указания на рукописные материалы, которые хранятся в Институте русской литературы (ИРЛИ РАН) [2, 3, 19, 20]. Это объясняется тем фактом, что реликвии ВММ и ВМА поступили в фонды из бывшего Хирургического музея Н.И. Пирогова [21]. Реликвии ИРЛИ РАН, один из важнейших источников в реконструкции религиозно-философских взглядов Пирогова, поступили в библиотеку Императорской академии наук, крупнейшего научного учреждения России того времени, которое в 1917 г. было реорганизовано в Российскую академию наук (РАН).

Главной задачей нашего исследования является реконструкция религиозно-философских взглядов Н.И. Пирогова в период с 1828 по 1848 г. на основании изучения автографов хирурга и воспоминаний Е.Н. Ахматовой. Н.И. Пирогов в своих «Вопросах жизни. Дневнике старого врача» писал, что разделял свою жизнь на три «фазиса»: детской обрядовой религии (1816–1828 гг.), материалистического мировоззрения и неверия (1828–1848 гг.) и обретения веры (1848–1881 гг.) [1. С. 118]. Наша работа характеризует религиозно-философские взгляды хирурга, свойственные второму «фазису».

Поскольку эпистолярное наследие носит более личный и откровенный характер, чем фундаментальные труды, оно является ценной источниковой базой, позволяющей дополнить, а иногда и переоценить взгляды Н.И. Пирогова на различные морально-этические, а также философские вопросы, в частности его отношение к взаимодействию науки и религии и влиянию его религиозно-философских взглядов на его практическую, профессиональную и общественную деятельность.

С 2010 г. мы занимаемся установлением актуального местонахождения подлинных писем Н.И. Пирогова и сверки их с известными публикациями. Дело в том, что фонды учреждений и архивов, сохранявшие пироговские реликвии, переформировывались, иногда до-

кументы передавались на хранение другим архивам и музеям, поэтому установление современного местонахождения, систематизация и каталогизация подлинников – одни из важнейших задач в работе с эпистолярным наследием Н.И. Пирогова.

В данной статье мы используем документы, которые хранятся в рукописном отделе ИРЛИ РАН [2, 3, 19, 20]. Подлинник представляет собой сброшюрованное собрание автографов Н.И. Пирогова и его жены А.А. Пироговой (Бистром). Обложка выполнена из мраморной бумаги в синем сафьяновом переплете. Корешок разделен поперечным тиснением в виде трех золотых линий на пять зон. Во 2-й зоне – «Н.И.П.» заглавными тисненными золотом буквами. В 3-й зоне – «V-I» – тоже золотом. Всего в единице хранения 234 листа, в том числе 7 чистых. Внутренняя опись на листах 1–4 сделана рукой В.Н. Пирогова, младшего сына хирурга, листы 130–135, 192–198 – большего формата, листы 72–73 – вложены.

Это собрание автографов является единственным собранием писем Н.И. Пирогова, тематика которых относится к его религиозно-философским взглядам. Письма расположены в основном в хронологическом порядке начиная с 1842 г. (стихотворение «Сон») и заканчивая 1875 (письма к сыну, В.Н. Пирогову). Исключением является письмо к Е.Д. Березиной, потому что первоначально оно было отнесено к переписке со второй невестой, А.А. Бистром. Письмо не имеет даты и адресата, и установить это возможно только тщательно изучив его содержание.

Кроме указанных архивных источников, ценными с точки зрения источниковедения являются воспоминания Е.Н. Ахматовой [22] как источника литературного. Е.Н. Ахматова приехала в Петербург лечиться от болезни глаз по протекции своего друга по переписке О.И. Сенковского (прозванного бароном Брамбеусом), хорошо знавшего Н.И. Пирогова. Через него и состоялось знакомство. В 1840-х гг. она была дружна с Е.Д. Березиной, первой женой Н.И. Пирогова, и проводила с ней достаточно много времени, о чем она пишет в своих воспоминаниях. Что касается обстоятельств смерти Е.Д. Березиной, то они изложены Е.Н. Ахматовой по письмам О.И. Сенковского, полученным ею уже после ее первого отъезда из Петербурга.

Методологически новизна подхода к изучению данных материалов заключается в следующем: критически относясь к принятой в советской историографии концепции «конфликта науки и религии», а также лоскутности в использовании архивных и литературных источников (когда брались за основу материалы, соответствовавшие господствующей идеологии марксизма-ленинизма, имевшей четкую материалистическую направленность), была предпринята попытка оценить философско-религиозные взгляды Н.И. Пирогова конца сороковых годов, связанные с точкой зрения на взаимодействие науки и религии, более объективно.

После тщательного изучения представленных материалов [2, 3, 19, 20] мы пришли к выводу, что большая их часть имеет непосредственное отношение к реконструкции религиозно-философских взглядов Н.И. Пирогова.

Н.И. Пирогов выделяет для себя три группы исследователей: «искренно верующие», которые «вполне были убеждены», что силы Небесные помогали им в работе; те, кто старался «примирить свои научные убеждения с религиозными»; наконец, «ни во что не верующие», или атеисты [1. С. 120–121]. Исходя из этой формулировки, свою собственную жизнь Н.И. Пирогов тоже делил на три «фазиса».

Единственными автографами, характеризующими период с 1828 по 1848 г., или второй «фазис», являются письмо к Е.Д. Березиной (1842) и стихотворение «Сон» (3 октября 1842 г.) [19. Л. 5].

Текст стихотворения «Сон» [19. Л. 5–5 об.], тексты писем к невесте (Е.Д. Березиной и А.А. Бистром) [3. Л. 16–143], а также письма к сыну (В.Н. Пирогову) [20. Л. 146–191 об.], содержащиеся в упомянутом собрании ИРЛИ РАН, были подготовлены к публикации С.Я. Штрайхом, известным биографом Н.И. Пирогова.

С.Я. Штрайх, будучи лично знаком с В.Н. Пироговым, у которого хранились некоторые рукописи его великого отца, видел в 1905 г. переплетенный томик посланий к невесте (именно тот, что хранится сейчас в ИРЛИ РАН). По прошествии нескольких лет, когда В.Н. Пирогов собрался опубликовать эти ценные письма, он не смог их найти и посчитал украденными вместе с дорогим сафьяновым портфелем в одной из гостиниц, где он временно проживал.

В.Н. Пирогов часто переезжал и некоторые ящики со своими вещами и книгами из-за их громоздкости оставлял на хранение у случайных людей. Наконец, избрав местом жительства Марсель, он выписал туда свои книги, среди которых находились предметы, имеющие отношение к его отцу, Н.И. Пирогову, – различные книги, брошюры и газетные вырезки [10. С. 261–262].

Начав разбирать ящики, доставленные из России, В.Н. Пирогов пишет С.Я. Штрайху, что письма едва ли найдутся. Однако через пару дней от него приходит радостное известие: «Несомненно, и писем недостает (кроме многих фотографий, книг и других предметов Н.И.), но могу Вас обрадовать – самые интересные, которые я считал украденными, нашлись – переплетенные» [Там же. С. 267].

Этот переплетенный томик писем поступает в рукописное отделение Императорской академии наук. Скорее всего, переплет был сделан В.Н. Пироговым и им же написано оглавление. «В этой книжке, – пишет он С.Я. Штрайху, **я** почему-то **поместил** (выделено мной. – С.Т.) и письма родственников Александры Антоновны ей и др.».

Для Хирургического музея Н.И. Пирогова В.Н. Пирогов делает копию, которая была обнаружена

профессором М.Н. Козовенко в Фундаментальной библиотеке ВМА им. С.М. Кирова. В оглавлении к подлинникам на это имеется ссылка: «(копия в Муз.)» [23. Л. 1].

Какие же события из жизни Н.И. Пирогова отражены в стихотворении «Сон»? Считается, что начало отхода от атеистического миропонимания связано с обращением Н.И. Пирогова к тексту Евангелия, которое он начал постоянно читать во второй половине 1848 г., и с этим событием связано наступление третьего, заключительного «фазиса» его жизни.

Надо заметить, что сам Н.И. Пирогов не считал себя атеистом в полной мере: «К чести моего ума я должен упомянуть, однако же, что он, блуждая, никогда не грязнул в полнейшем отрицании недоступного для него и святого» [Там же. С. 124].

«Мне нужен был, – пишет он, – отвлеченный, недостижимо высокий идеал веры. И принявшись за Евангелие, которого я никогда еще сам не читывал, а мне было уже 38 лет от роду, я нашел для себя этот идеал» [1. С. 140].

Однако истоки этого изменения его философско-религиозных взглядов следует искать в цепи событий, более ранних по дате, а именно после перевода в Санкт-Петербург, в Императорскую медико-хирургическую академию.

Условия и график работы на новом месте были не простыми. «В течение целого года, – пишет Н.И. Пирогов, – по прибытии моем в Петербург, я занимался изо дня в день в страшных помещениях 2-го военно-сухопутного госпиталя с больными и оперированными в отвратительных, до невозможности, старых банях этого же госпиталя; в них я производил вскрытие трупов иногда по 20 в день» [Там же. С. 419].

К концу лета 1841 г. он начал замечать разные недомогания «после каждого госпитального визита» [Там же]. Все это привело к тому, что в феврале–марте 1842 г. Н.И. Пирогов перенес тяжелую болезнь, продолжавшуюся 6 недель [24. С. 29]. Никто не мог поставить точный диагноз, и лечение не помогало, он «лежал, не двигаясь, без всяких лекарств, потеряв к ним всякое доверие» [1. С. 419], и «в первый раз в жизни пришла мысль об уповании в Промысел» [Там же. С. 420]. Пережитое им во время болезни удивительное состояние и было изложено в стихотворении «Сон», и стихотворение это никоим образом не согласуется с материалистическим взглядом, а принципиально отличается от него.

Н.И. Пирогов «ощущает себя частицею какого-то высокого Начала», парит душой, оставив все тревоги и заботы на земле, и «взывает впечатленья», не «чрез врата обманчивых наружных чувств», «не умствуя», иными словами, с ним происходит настоящее чудо, озарение, видение – можно называть это явление по-разному, но происходит оно под влиянием неземного света, проникшего, наполнившего все его естество:

«Но слитие всего высокого, прекрасного, святого – про-
никнь меня

Гармонией по мне разлился; и все, что на земле казалось
[19. Л. 5 – это последняя строка]

Загадочнымъ и темнымъ мне, тамъ стало яснымъ.
Изчезли ночь и мракъ, съ очей души низринулась
Завеса, все изыскания ума, однехъ предположений
Дерзкихъ полны, тамъ¹ убеждениемъ и верой чистой
Заменились;

Все ощущения въ одно слилися, одно лишь ощущение
Безсмертия и къ вечному стремление Началу
Составили меня и заменили мне всехъ благъ земли,
Всехъ наслаждений сладость»

[Там же].

Понять все это он смог одномоментно, это знание
оказалось ему дано – вдруг и сразу; что обычно назы-
вают «божественным откровением». Дано же это по-
нять не «умозрением», а «чувством»², только через лю-
бовь, чувство, с которым он и возвращается «в матери-
альный быт земли», о чем он и пишет в концовке сти-
хотворения:

«...одно оно живить меня теперь
И наполняетъ грудь, оно одно напоминаетъ Небо,
Вечность, высший светъ, одно вселяетъ упованье
И жить для жизни той велить.
Любовь³ есть ощущение то, –
Оно одно со мной на землю возвратилось.
3 Октября 1842»⁴

[Там же].

Пирогов писал: «Слабость тела и духа, болезнь,
нужда, горе и беды становятся главными рассадниками
веры» [1. С. 135]. В период, когда Н.И. Пирогов крае-
угольным камнем жизни своей ставил одну лишь
науку, не пытаясь соединить ее воедино с религией,
стихотворение это выглядит провидческим. Как откro-
вление апостолу Павлу, когда он был обращен в веру
одним лишь светом и гласом Господним. Оно сродни
пророчествам, когда знание дается одномоментно: не
пониманием, а откровением. Однако с выздоровлени-
ем, когда жизнь пошла привычным порядком, Пирогов
забывает об этих откровениях: «Потом это грустное
чувство, это желание беспредельной жизни, жизни за
гробом, постепенно исчезло...» [Там же. С. 422].

В 1842 г., 11 декабря, в возрасте 32 лет он женится
на Е.Д. Березиной (1822–1846), внучке генерала от ин-
фантерии графа Н.А. Татищева, которой в ту пору бы-
ло 20 лет [24. С. 29]. Через четыре года после свадьбы
она умирает от послеродовых осложнений, оставив ему
двоих сыновей: Николая (1843–1891) и Владимира
(1846–1914) [24. С. 32].

На данный момент сохранилось единственное
письмо Н.И. Пирогова к Е.Д. Березиной. Мы можем
лишь предполагать, что писем было много, так как
Н.И. Пирогов находился вдалеке от возлюбленной,
свадьба по определенным причинам откладывалась,
вызывая его нетерпение. О силе чувств, излитых на
бумагу, мы можем судить по тому косвенному факту,
что А.А. Бистром через восемь лет ревновала, сравни-
вая эти послания с письмами, обращенными к ней. В

письме к одной своей знакомой (неопубликованном, но
относящимся также к 50-м годам) Н.И. Пирогов с со-
жалением говорит о том, что он отдал А.А. Бистром
письма к своей первой жене, беспокоясь, видимо, об их
судьбе. Письма эти не сохранились [12. С. 99]. Тем бо-
лее странен этот факт единственного уцелевшего
письма.

Сначала письмо к Е.Д. Березиной было отнесено
С.Я. Штрайхом к переписке А.А. Бистром 1850 г. Это-
го нужно было ожидать, поскольку данное письмо не
имеет даты и адресата и располагается сразу после всех
писем к невесте 1850 г., перед Ревельскими письмами
1852 г. [3. Л. 130–135 об.]. Этой ошибке способствовал
и В.Н. Пирогов, от которого С.Я. Штрайх получил
подлинники писем. В его оглавлении к подлинникам
писем Пирогова данное письмо идет под 18-м номером
и нигде не содержит указаний на Е.Д. Березину, только
приписка «в начале сватовства»; надо полагать, что
здесь младший Пирогов имел в виду сватовство к
А.А. Бистром.

Об этом же упоминает и С.Я. Штрайх: «Письмо это
даты не имеет. В пояснительном указателе, составлен-
ном В.Н. Пироговым, по поводу этого письма отмечено
“в начале сватовства”. Это же событие имело место
приблизительно в начале марта 1850 г.» [12. С. 196].
Какое событие имеет в виду С.Я. Штрайх, неизвестно.

А.М. Геселевич, который позднее обнаружил эту
ошибку, тоже противоречит сам себе, указывая одно и
то же письмо со ссылкой на один и тот же источник –
журнал «Голос минувшего», т.е. первую публикацию,
подготовленную С.Я. Штрайхом, но в двух разных ме-
стах двум совершенно разным адресатам и под двумя
разными датами написания: № 32 – Е.Д. Березиной
(осень 1842 г., Петербург) [15. С. 166] и № 55 –
А.А. Бистром (начало марта 1850 г., Петербург) [Там
же. С. 170]. Таким образом, мы можем ссылаться толь-
ко на содержание письма, которое действительно гово-
рит в пользу отнесения письма к 1842 г.

Обратимся к содержанию, чтобы понять, как
Н.И. Пирогов расценивает свое знакомство с первой
невестой: «Писано для тебя одной» – это заголовок
письма. Он счастлив, что дружеское «ты» вступило
между ними в свои права: «рука судьбы уже скрепила
священный союз наш... благодарность моя к Провиде-
нию и к тебе, безценный друг мой, невыразима... И как
же мне не быть благодарным к высшему Промыслу,
когда он исполнил теплые мольбы мои и показал мне
путь к твоему сердцу...» Иными словами, свою по-
молвку и женитьбу он расценивает как дар Провиде-
ния, как помощь ему в его трудах, утешения и водво-
рения спокойствия в его душе. Я знаю, ты мне послана
Богом, до гроба ты хранитель мой, как сказал бы
А.С. Пушкин, Н.И. Пирогов так и называет свою неве-
сту – «Ангел-Хранитель»: «Приди же мой Ангел-
Хранитель, и полным благодатной теплоты дыханием
Эдема содействуй к развитию неземного на почве, ис-
сохшей от сомнений и безверия».

Любовь поведет его по дороге обретения веры, и роль женщины, жены, матери начинает все четче оформляться в его самосознании. К 1850 г., времени знакомства со второй невестой, она оформится окончательно. По его мнению, любовь — это божественное чувство. Юная, неопытная девушка через молитву может получить все необходимые ей в семейной жизни знания, если она поставила целью счастье своего возлюбленного. «Любовь, как и все высокие безотчетные чувства, делает чудеса над теми, кто верует в ее могущество; она изменяет, обновляет, облагораживает нашу природу, делает возможным, что до того казалось несбыточным... И неопытная, 20-летняя девушка, руководимая истинной любовью, может достигнуть всего, что она считает необходимым для счастья того, кого она любит... Я верю в это... И спокойный предоставляю руль моей будущности такому кормчему, как ты, мой бесценный друг, наставляемый любовью...» [2. Л. 135]. Н.И. Пирогов уверен, что искренняя любовь невесты обеспечит ему покой и уют семейного очага.

Вместе с тем другой фрагмент этого же письма к Е.Д. Березиной часто цитируется разными авторами в виде эталона атеистического мировоззрения Пирогова, которое являлось доминирующим в исследуемый период его жизни и деятельности (1828–1848 гг.).

«Наука с юных лет составляла мой идеал», — писал он невесте. С точки зрения современной методологии медицинской науки это свидетельствует о том, что в указанный период взаимоотношения науки и религии шли параллельными путями. Отдаваясь всецело науке, относя себя к атеистам, время от времени он подвергается переживаниям и состояниям, далеким от чисто материалистического взгляда на жизнь. И если письмо к Е.Д. Березиной можно в процентном соотношении отнести в качестве «голоса за науку», то стихотворение «Сон» может быть практически стопроцентно отнесено «за религию». Однако этот процесс стихийен и не осознан. Н.И. Пирогов по-прежнему не пытается примирять науку и религию, что свойственно второй выделенной им группе ученых, относясь в этот период к третьей группе атеистов.

Посетив отца невесты, Д.С. Березина, в его Лужском имении, Пирогов предлагает отправиться Е.Д. Березиной с матерью в Ревель, на морские купания, куда он сам должен прибыть через месяц. «Этот месяц разлуки был для меня тем замечателен, что я в первый раз в жизни пожелал бессмертия — загробной жизни. Это сделала любовь» [19. Л. 422]. Летом следующего года (1843) Н.И. Пирогов с женой снова отправляется в Ревель [24. С. 30]. Есть сведения об этом периоде в воспоминаниях Е.Н. Ахматовой, близкой подруги О.И. Сенковского, известного лингвиста и переводчика: «...не могу умолчать о моем знакомстве или, вернее, дружбе с Николаем Ивановичем Пироговым и его первою женою, Екатериною Дмитриевною, рожденною Березиною. Они оба неразрывно связаны в моих воспоминаниях с этим периодом в моей жизни.

Я приехала в Петербург лечить мои глаза, по совету Н.И. Пирогова, которому, как я уже упоминала, О.И. показывал описание болезни моих глаз. В той глазной лечебнице, где я поместилась, на женской половине был Василий Иванович Фребелиус, впоследствии известный окулист. Но я постоянно пользовалась советами Н.И. Пирогова, которым следовал Б.И. Фребелиус, бывший его учеником. Когда по приезде моем в Ревель, где лето проводил и Н.И. Пирогов, я пришла к нему, по его предписанию, сообщить о действии на меня морских ванн, Николай Иванович тотчас познакомил меня с своею женою. Эта милая и прелестная женщина, первая жена Н.И. Пирогова, Екатерина Дмитриевна, рожденная Березина, очень привязалась ко мне, и я полюбила ее всею душою» [22. С. 340–341].

Тридцатидвухлетний знаменитый хирург влюбился и был рад обрести наконец семейные радости. 7 ноября 1843 г. появился на свет его первенец Николай, который продолжит его род (у него было две дочери). Младший Владимир останется бездетен [24. С. 30].

К осени 1845 г. работа Н.И. Пирогова в Медико-хирургической академии осложняется: постоянные придирки со стороны главного врача 2-го Военно-сухопутного госпиталя Бруна приводят к тому, что 26 сентября Н.И. Пирогов подает президенту прошение об отставке [Там же. С. 31]. Казалось бы, рождение второго сына Владимира 12 января 1846 г. вновь принесет радость и удачу его семье, но Е.Д. Березина заболевает, по мнению А.М. Геселевича, менингоэнцефалитом и 25 января внезапно умирает [Там же. С. 32].

В записках Е.Н. Ахматовой мы читаем: «...меня постигло совершенно неожиданное огорчение — смерть многолюбимой мною Екатерины Дмитриевны Пироговой, супруги профессора Н.И. Пирогова. <...> Удар был тем неожиданнее для меня, что Екатерина Дмитриевна незадолго до своей смерти сообщала мне удовлетворительные сведения о своем здоровье — она ждала своих вторых родов — и вдруг я получила от О.И. Сенковского известие, что хотя её роды окончились благополучно, она через несколько дней сошла с ума. Не успела еще я опомниться от этого прискорбного известия, как получила от Осипа Ивановича следующее письмо: 26-го января 1847 г. [перевод с французского]: “...я написал вам несколько слов о печальном состоянии г-жи Пироговой... Она умерла скоропостижно. Наш очаровательный друг угас как свеча, еще бросающая свет в то самое мгновение, как перестает гореть. Я спросил — где Пирогов, мне ответили, что он в своем кабинете, этажом выше. Я пошел к нему; он лежал больной, совсем убитый, плакал, его окружала куча докторов, которые показались мне в этой комнате, слабо освещенной, когортой диаволов, явившихся за душою грешника. Я провел остаток вечера с ним”» [22. С. 343–345].

Это был действительно тяжелый удар для Н.И. Пирогова. Первый раз в жизни ему хотелось, «что-

бы любовь была вечной – так она была сладка» [1. С. 422]. В первый раз именно благодаря любви он «пожелал бессмертия – загробной жизни» и «умереть в то время, когда любишь, и умереть навеки, безвозвратно, мне показалось тогда, в первый раз в жизни чем-то страшным» [1. С. 422]. И вот это страшное случилось, но не с ним, а с его женой. Обретенное счастье было внезапно утрачено, и он остался в еще более тяжелом положении с двумя маленькими сыновьями на руках. Тут поневоле уверуешь в судьбу и обратишься к Богу, ибо у кого искать еще помощи и утешения. Именно эта цепь событий и подводит Н.И. Пирогова к обретению им в 1848 г. откровений Евангелия. Теперь, когда возможность обрести бессмертие через любовь была утрачена, он и начинает искать высокий идеал веры, придя со временем к пониманию, что «вера в бессмертие основана на чем-то более высшем, чем самая любовь»; она будет основана на другом нравственном начале, другом идеале [Там же]. Таким образом, он вплотную приблизился к переломному в его мировоззрении 1848 г.

О том же говорит в своих записках и Е.Н. Ахматова: «Впоследствии, во время моей вторичной поездки в Петербург, когда я еще чаще имела возможность пользоваться беседой Н.И. Пирогова, я нашла в нем большую нравственную перемену, которую приписываю преждевременной смерти его первой жены» [2. Л. 341].

На основе изученных архивных и литературных источников, а именно стихотворения «Сон», письма к Е.Д. Березиной и воспоминаний Е.Н. Ахматовой, относящихся ко второму, или атеистическому, «фазису» жизни Н.И. Пирогова периода 1828–1848 гг., нами сделаны некоторые предположения и выводы.

До сих пор эти эпистолярные произведения великого хирурга либо не публиковались вовсе, либо трактовались однобоко. К примеру, письмо к Е.Д. Березиной много лет считалось эталоном материалистического мировоззрения Н.И. Пирогова благодаря тому, что в советские времена из его контекста была извлечена для всеобщего обозрения всего лишь одна цитата, вполне соответствовавшая духу той эпохи.

«Наука составляла с самых юных лет идеал мой, – писал Н.И. Пирогов, – истина, составляющая основу науки, соделалась высокою целию, к достижению которой я стремился беспрестанно» [Там же. Л. 131–132]. Действительно, благодаря науке он многого достиг в жизни и продолжал стремиться к новым высочайшим результатам. Наука, по его словам, «поставила его выше толпы, послужила к развитию святой идеи о долге и обязанности» [Там же. Л. 132], т.е. он чувствовал себя весьма комфортно, не прибегая к религии, ее утешительным для души свойствам. Данная цитата, взятая отдельно от остального текста письма к Е.Д. Березиной, как нельзя лучше, свидетельствовала в пользу его материализма. С другой стороны, в том же письме имеются другие свидетельства, когда переезд в Санкт-Петербург, утомительная работа в Медико-

хирургической академии, болезнь выбивают Н.И. Пирогова из привычной колеи, наталкивают на мысль о семейном счастье как тихом пристанище от житейских бурь, на мысль о божественной природе любви. «Я приношу в жертву этой любви все, что меня привязывало до сих пор к земле», – пишет он [2. Л. 133].

На данном этапе наука и религия в его жизни не вступают в конфликт. Они идут параллельными курсами. Не мешают, а дополняют друг друга при их чисто утилитарном использовании, без построения философских концепций. Это скорее не мысли, а ощущения, переживания определенных состояний, что, безусловно, оказывало влияние на психологическое состояние великого хирурга.

Советская историография не была заинтересована в подробном изучении истоков его религиозности. Однако именно в конце сороковых годов под влиянием вышеназванных обстоятельств начинают появляться первые ростки, начатки его будущих религиозно-философских взглядов, которые в скором времени, в письмах ко второй невесте А.А. Бистром, приобретут характер методологии по отношению к месту религии в его жизни и религиозному воспитанию его детей, а в «Дневнике старого врача» получают и общее философское осмысление.

Таким образом, приведенные в статье эпистолярные реликвии Н.И. Пирогова, а также воспоминания Е.К. Ахматовой, являющиеся немногими свидетельствами этого периода жизни великого хирурга, представляют собой ценные архивные и литературные источники для реконструкции религиозно-философских взглядов Н.И. Пирогова в сороковых годах XIX в.

Материалистическое мировоззрение еще не сломлено окончательно, но в глубине души под влиянием жизненных коллизий зреют большие перемены в его взгляде на окружающую действительность и на место в этом окружении. Религиозность Пирогова скорее мессианского свойства, идущая изнутри, через непосредственную молитву, через непосредственное общение со Спасителем, подтверждающая целесообразность и продуманность человеческого существования и его профессиональной деятельности. Его взгляды на науку близки Уильяму Уэвеллу, самому известному историку науки первой половины XIX в., по мысли которого ученые «как часть человеческого сознания, созданного в образе Бога, занимали критическое место в научном познании другого Божьего творения, природы». Он полагал, что великие ученые были не только сильны интеллектуально, но и безупречны в моральном отношении. Именно через осознание научных и моральных «фундаментальных идей» они осмысливали настоящее и творили будущее [16. С. 76]; и это очень свойственно религиозно-философским взглядам Н.И. Пирогова.

Кроме того, в результате наших исследований известный «Иллюстрированный каталог пироговских

реликвий» [18] может быть существенно пополнен за счет эпистолярного наследия Н.И. Пирогова, которое находится на хранении в ИРЛИ РАН и представляет собой 68 оригинальных писем великого хирурга. С

точки зрения классификации, приведенные выше материалы следует отнести к тематическому блоку пироговских автографов, связанных с философско-религиозными взглядами Н.И. Пирогова 1828–1848 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Слово «там» вставлено Пироговым позднее под «птичку», надписано сверху и имеет большое значение: именно «там», подле Горних сил, он понял то, что не смог понять на земле; поэтому оно и появилось позднее. Возможно, что Пирогов перечитал текст и заметил, что смысл без этого «там» может быть недостаточно понятен, и он усилил его за счет этого акцента.

² Обычно слово «чувство» Пирогов пишет без первой буквы «в», что является дополнительным признаком в процессе идентификации подлинников. В данном случае первое «в» тоже отсутствует, что не отражено ни у С.Я. Шрайха, ни у В.Н. Пирогова, ни у А.Д. Тюрикова.

³ Слово «Любовь» у Пирогова подчеркнуто, есть еще одно подчеркнутое слово в тексте: местоимение «я» в строке «Полетом перенесся и я мое, как две струи...». У В.Н. Пирогова это сохранено. Потому что с данным случае имеется в виду внутреннее «я» Пирогова.

⁴ Формат написания даты в конце документа такой, в две строки, что характерно для того времени: число, месяц с большой буквы, ниже – год. Подписи «Н. Пирогов», как у С.Я. Шрайха, в подлиннике нет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пирогов Н.И. Вопросы жизни. Дневник старого врача. М. : НМХЦ им. Н.И. Пирогова, 2010. 440 с.
2. Пирогов Н.И. Письмо «Писано тебе одной» (Е.Д. Березиной) // ИРЛИ РАН. Ф.-Р.-П. Оп. 1. Д. 308. Л. 130–135 об.
3. Пирогов Н.И. Письма к невесте // ИРЛИ РАН. Ф.-Р.-П. Оп. 1. Д. 308. Л. 16–143.
4. Пирогов Н.И. Философско-педагогические письма / сост. А.Д. Тюриков. Иваново : ИПК «ПрессСто», 2010. 426 с.
5. Пяковский Н.Я. Пирогов как психолог, философ и богослов // Вопросы философии и психологии. М., 1893. Кн. 1 (16), № 1. С. 1–34.
6. Добрымыслов Д. Философия Н.И. Пирогова по его «Дневнику» // Вера и Разум. 1892. № 9. С. 411–428.
7. Галахов Я. Николай Иванович Пирогов и его религиозно-философские взгляды. Томск : Типография Дома трудолюбия, 1911. 11 с.
8. Каптерев П.Ф. Развитие мировоззрения Н.И. Пирогова // Журнал Министерства народного просвещения: новая серия. 1915. № 11. С. 51–101.
9. Штрайх С.Я. Вторая любовь Н.И. Пирогова // Современный мир. 1915. № 11. С. 95–112.
10. Письма Н.И. Пирогова к невесте (Посвящается памяти Владимира Николаевича Пирогова). Предисловие С.Я. Штрайха // Русская старина. 1915. № 5. С. 264–290.
11. Штрайх С.Я. Неизданное стихотворение Н.И. Пирогова // Русская старина. 1916. № 3 (март). С. 443–446.
12. Штрайх С.Я. Н.И. Пирогов о любви, о призвании женщины – матери и пр. // Голос минувшего. 1915. № 6. С. 196–205.
13. Троцкий Л.Д. Пирогов Н.И. // Киевская мысль. 1913. № 337–343 (подшивка газет). С. 19–22.
14. Иванов С.Г., Хромов Б.М. Мировоззрение и научные взгляды Н.И. Пирогова. Л. : Философские вопросы медицины, 1964. Вып. 2.
15. Геселевич А.М. Научное, литературное и эпистолярное наследие Пирогова: библиография. М. : Медицинская литература, 1956. 264 с.
16. Балалыкин Д.А., Щеглов А.П., Шок Н.П. Гален: врач и философ. М. : Весть, 2014. С. 61–109.
17. Пирогов Н.И. Идеал женщины (из писем А.А. Бистром) / сост. А.Д. Тюриков. Донецк, 2010. 48 с.
18. Будко Н.И., Зотикова Н.Р. и др. Иллюстрированный каталог пироговских реликвий. СПб. : ВМА. 2010. 80 с.
19. Пирогов Н.И. Стихотворение «Сон» // ИРЛИ РАН. Ф.-Р.-П. Оп. 1. Д. 308. Л. 5–5 об.
20. Пирогов Н.И. Письма к сыну // ИРЛИ РАН. Ф.-Р.-П. Оп. 1. Д. 308. Л. 146–191 об.
21. Шевченко Ю.Л., Козовенко М.Н. Музей Н.И. Пирогова СПб. : Наука, 2005. 254 с.
22. Осип Иванович Сенковский (барон Брамбеус) Воспоминания Е.Н. Ахматовой // Русская старина. 1890. № 8. С. 317–361.
23. Пирогов Н.И. Оглавление к письмам // ИРЛИ РАН. Ф.-Р.-П. Оп. 1. Д. 308. Л. 1–4.
24. Геселевич А.М. Летопись жизни Н.И. Пирогова. М. : Медицина, 1976. 100 с.

Trikhina Svetlana I. I.M. Sechenov First Moscow State Medical University (Moscow, Russia). E-mail: trichina@gmail.com

SOURCE ISSUES AND THE VALUE OF THE RELICS N.I. PIROGOV, AND MEMORIES OF E.N. AKHMATOVA FOR THE RECONSTRUCTION OF HIS RELIGIOUS-PHILOSOPHICAL VIEWS 1828–1848.

Keywords: Pirogov relics; the reconstruction of religious and philosophical views of N.I. Pirogov; science and religion.

The article is devoted to the study of relics of N.I. Pirogov, located in the collection of the Pushkin house, Institute of Russian literature of Russian Academy of Sciences (St. Petersburg), namely the original of the poem “Dream” (1842) and authentic letter of N.I. Pirogov to his first wife, E.D. Berезина (1842). This collection of autographs is the only collection of letters of N.I. Pirogov, the subject of which indicates the change of his philosophical-religious outlook. The autographs are located, mostly, in chronological order, starting in 1842 (the poem “Dream”) and ending 1875 (letter to his son, V.N. Pirogov). The exception is a letter to E.D. Berезina. The letter is located in the center of correspondence with A.A. Bistrom, second wife of N.I. Pirogov, originally wrongly attributed to it, because it has no date and no addressee. About the year of writing the letter and its recipient can be judged only from its contents. This collection of autographs in the form of a book in a blue morocco cover was transferred by V.N. Pirogov, a younger son of a surgeon, from Marseille (France) to S.Y. Strikh, the famous biographer of the surgeon, for publication. This bound volume of letters comes in the manuscript Department of the Imperial Academy of Sciences. For Surgical Museum of his father in Saint-Petersburg V.N. Pirogov makes a copy of the poem “the Dream”, which was discovered in the Fundamental library of the SCA n.a. S.M. Kirov. In the table of contents to the collection of autographs there is a link: “(copy in Mus.)” Studies have shown that these letters were really written by N.I. Pirogov and represent valuable sources for the reconstruction of his religious-philosophical views in the period from 1828 to 1848. This period was characterized by the rise of religious sentiment (under the circumstances of a personal nature: difficulties in the work of the Imperial medical-surgical Academy, serious illness, death from complications in childbirth of his first wife, E.D. Berезina), then retreat to position worldview “heavily leaning to materialism” (in times of stability and success in professional activities). Memories of E.N. Akhmatova belong to the period 1843–1848 and complete the picture with information of a personal nature about the family atmosphere, and also the circumstances of the death of E.D. Berезina, the first wife of the great surgeon. These materials are considered in the light of recent studies of the late twentieth century, when the concept of “conflict of science and religion” ceased to be a dogma,

and attempts were made to develop a constructive synergistic approach to the subject, i.e. the theory of religious-philosophical systems and a multidisciplinary approach to the analysis of theoretical-practical activities of doctors.

REFERENCES

1. Pirogov, N.I. (2010) *Voprosy zhizni. Dnevnik starogo vracha* [Questions of life. Diary of an old doctor]. Moscow: NMKhTs im. N.I. Pirogova.
2. Pirogov, N.I. (n.d.) *Pis'mo "Pisano tebe odnoy"* (E.D. Berezinoy) [The letter "Written to you alone" (E.D. Berezina)]. Institute of Russian Literature RAS. Fund-R-II. List 1. File 308. pp. 130–135 ob.
3. Pirogov, N.I. (n.d.) *Pis'ma k neveste* [Letters to the bride]. Institute of Russian Literature RAS. Fund-R-II. List 1. File 308. pp. 16–143.
4. Pirogov, N.I. (2010) *Filosofsko-pedagogicheskie pis'ma* [Philosophical and pedagogical letters]. Ivanovo: PressSto.
5. Pyaskovskiy, N.Ya. (1893) Pirogov kak psikholog, filosof i bogoslov [Pirogov as a psychologist, philosopher and theologian]. *Voprosy filosofii i psikhologii*. 1(16). pp. 1–34.
6. Dobromyslov, D. (1892) *Filosofiya N.I. Pirogova po ego "Dnevniku"* [N.I. Pirogov's philosophy according to his "Diary"]. *Vera i Razum*. 9. pp. 411–428.
7. Galakhov, Ya. (1911) *Nikolay Ivanovich Pirogov i ego religiozno-filosofskie vzglyady* [Nikolai Ivanovich Pirogov and his religious and philosophical views]. Tomsk: Tipografiya Doma trudolyubiya.
8. Kapterev, P.F. (1915) Razvitie mirovozzreniya N.I. Pirogova [Development of N.I. Pirogov's worldview]. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya: novaya seriya*. 11. pp. 51–101.
9. Shtraykh, S.Ya. (1915a) Vtoraya lyubov' N.I. Pirogova [The second love of N.I. Pirogov]. *Sovremennyy mir*. 11. pp. 95–112.
10. Pirogov, N.I. (1915) Pis'ma N.I. Pirogova k neveste (Posvyashchaetsya pamyati Vladimira Nikolaevicha Pirogova) [Letters of N.I. Pirogov to his bride (Dedicated to the memory of Vladimir Nikolaevich Pirogov)]. *Russkaya starina*. 5. pp. 264–290.
11. Shtraykh, S.Ya. (1916) Neizdannoe stikhotvorenie N.I. Pirogova [The unpublished poem by N.I. Pirogov]. *Russkaya starina*. 3. pp. 443–446.
12. Shtraykh, S.Ya. (1915b) N.I. Pirogov o lyubvi, o prizvanii zhenshchiny-materi i pr. [N.I. Pirogov about love, about the vocation of a woman-mother, etc.]. *Golos minuvshogo*. 6. pp. 196–205.
13. Trotskiy, L.D. (1913) Pirogov N.I. [Pirogov N.I.]. *Kievskaya mysl'*. 337–343. pp. 19–22.
14. Ivanov, S.G. & Khromov, B.M. (1964) *Mirovozzrenie i nauchnye vzglyady N.I. Pirogova* [World outlook and scientific views of N.I. Pirogov]. Leningrad: Filosofskie voprosy meditsiny.
15. Geselevich, A.M. (1956) *Nauchnoe, literaturnoe i epistolyarnoe nasledie Pirogova: bibliografiya* [Scientific, literary and epistolary heritage of Pirogov: The bibliography]. Moscow: Meditsinskaya literatura.
16. Balalykin, D.A., Shcheglov, A.P. & Shok, N.P. (2014) *Galen: vrach i filosof: monografiya* [Galen: a doctor and a philosopher]. Moscow: Vest'. pp. 1–109.
17. Pirogov, N.I. (2010) *Ideal zhenshchiny (iz pisem A.A. Bistrom)* [An ideal woman (from letters AA Bystrom)]. Donetsk: [s.n.].
18. Budko, N.I., Zotikova, N.R et al. (2010) *Illyustrirovanny katalog pirogovskikh relikviy* [An illustrated catalog of Pirogov's relics]. St. Petersburg: VMA.
19. Pirogov, N.I. (n.d.) *Stikhotvorenie "Son"* [The poem "Dream"]. Institute of Russian Literature RAS. Fund-R-II. List 1. File 308. pp. 5–5.
20. Pirogov, N.I. (n.d.) *Pis'ma k synu* [Letters to son]. Institute of Russian Literature RAS. Fund-R-II. List 1. File 308. pp. 146–191.
21. Shevchenko, Yu.L. & Kozovenko, M.N. (2005) *Muзей N.I. Pirogova* [N.I. Pirogov's Museum]. St. Petersburg: Nauka.
22. Akhmatova, E.N. (1890) Osip Ivanovich Senkovskiy (baron Brambeus) [Osip I. Senkovsky (Baron Brambeus)]. *Russkaya starina*. 8. pp. 317–361.
23. Pirogov, N.I. (n.d.) *Oglavlenie k pis'mam* [Index to the letters]. Institute of Russian Literature RAS. Fund-R-II. List 1. File 308. pp. 1–4.
24. Geselevich, A.M. (1976) *Letopis' zhizni N. I. Pirogova* [Chronicle of N.I. Pirogov's life]. Moscow: Meditsina.

УДК 930(47) «1851/1917»: 316.728 (=112.2)

DOI: 10.17223/19988613/46/19

А.Ю. Глоденко

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ НЕМЦЕВ В ПЕТЕРБУРГЕ И САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX в.: ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

Рассмотрены общие вопросы историографии петербургских немцев. Особое внимание уделено состоянию изученности повседневной жизни немецкого населения в Петербурге и Санкт-Петербургской губернии во второй половине XIX – начале XX в. и существующим пробелам в изучении вопроса. Подчеркивается, что долгое время изучение отдельных аспектов жизни городских и сельских немцев не было предметом интереса отечественных и зарубежных ученых, первые существенные работы по проблематике немецкого населения Петербурга и губернии появляются только в 80-е гг. XX столетия. Сделан вывод, что, несмотря на существенные сдвиги, сделанные российскими учеными в изучении образа жизни петербургских немцев, в настоящее время отсутствует комплексное исследование по истории повседневности немецкой диаспоры, проживающей на территории российской столицы и губернии во второй половине XIX – начале XX в.

Ключевые слова: историография; повседневная жизнь; петербургские немцы; образ жизни.

К одному из малоизученных сюжетов российской истории можно отнести такое популярное в последние годы направление исследовательского поиска, как история повседневной жизни. В настоящее время в данном историческом жанре публикуются сотни научных трудов, проводятся многочисленные научно-практические конференции. Так, например, в рамках этого направления ежегодно проходят международные конференции на базе Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина, в центре внимания которых самые различные проблемы, связанные с историей обыденности.

Понятие «повседневность» активно используется отечественными учеными с 1980-х гг., однако до сих пор между разными представителями научного мира ведутся дискуссии о содержании термина. Споры касаются вопросов о субъекте, критериях и параметрах истории повседневности. Наиболее обоснованную, на наш взгляд, интерпретацию субъекта и критериев обыденной жизни дают сегодня и С.В. Любичанковский и Н.Л. Пушкарева. Под историей повседневности они понимают жизнь отдельного человека в различных ее проявлениях (семейная, профессиональная, конфессиональная, эмоциональная и т.д.). По их мнению, в качестве субъекта обыденности также можно рассматривать и группы людей, выделенные по определенным параметрам [1]. Среди критериев отнесения к повседневной жизни исследователи выделяют:

- «событийную область публичной повседневной жизни, прежде всего мелкие частные события, пути приспособления людей к событиям внешнего мира;
- обстоятельства частной, личной домашней жизни, быт в самом широком смысле;
- эмоциональную сторону событий и явлений, переживание обыденных фактов и бытовых обстоятельств отдельными людьми и группами людей» [1. С. 9].

Цель данного исследования состоит в том, чтобы очертить круг проблем в исследовании повседневной жизни городских и сельских немцев Петербурга и губернии второй половины XIX – начала XX в. Рассмотрение истории обыденной жизни петербургских немцев позволит расширить объем исторических знаний о жизни немецкой диаспоры в столице империи и будет способствовать глубокому пониманию того, как в многонациональном и многоконфессиональном государстве уживались народы разных национальностей и различных вероисповеданий и какое взаимовлияние они оказывали друг на друга.

Изучение повседневной жизни немецкого населения Петербурга и губернии особенно актуально в связи с позитивными сдвигами, произошедшими в последние годы в сфере практического возрождения культуры немцев, языка и традиций. По всей России создаются сотни культурных центров, курсов языковой подготовки, проводятся научно-практические конференции и заседания. В настоящее время действует конференция, всецело посвященная петербургским немцам («Немцы в Санкт-Петербурге. Биографический аспект»). А совсем недавно в Санкт-Петербурге состоялась презентация первого в России виртуального музея «Немцы в Санкт-Петербурге и окрестностях». Рассмотрение повседневной жизни петербургских немцев также внесет существенный вклад в развитие петербурговедения, так как немцы на протяжении нескольких веков оказывали значительное влияние на историю и культуру Санкт-Петербурга.

Хронологические рамки темы охватывают период с эпохи «Великих реформ» 1860–1870-х гг. по 1914 г. Выбор подобных границ связан с тем, что в результате реформ Александра II Санкт-Петербург становится крупнейшим торговым и промышленным центром Российской империи. В нем начинает сосредотачиваться мощная и наиболее передовая индустрия. Значительную роль в промышленном производстве и развитии

столицы в этот период начинают играть иностранцы. Среди живших в городе иноземцев большинство составляли немцы. Согласно подсчетам этнографов, в 1869 г. их было 45,6 тысячи человек (примерно 7% населения Санкт-Петербурга), а к началу XX в. численность петербургских немцев достигла отметки в 50,3 тысячи [2].

Лица немецкого происхождения на протяжении второй половины XIX – начала XX в. вносили заметный вклад в развитие промышленности, торговли, банковского дела и культуры столицы. Немцев можно было обнаружить среди людей разных социальных групп, статуса и профессий. Так, среди них было много торговцев, государственных чиновников, дипломатов, профессоров и учителей, врачей и аптекарей, деятелей науки, культуры и искусства, юристов и агрономов. Представители немецкой диаспоры строили заводы и фабрики, основывали акционерные общества и товарищества, участвовали в благотворительности и попечительстве. Данные хронологические рамки также можно объяснить постепенным изменением юридического статуса немецкого населения с середины XIX по начало XX в. В пореформенное время правовое положение российских подданных немецкого происхождения начинает существенно меняться. Если в дореформенный период (еще со времен Екатерины II) немцы имели значительные привилегии (например, освобождение от воинской повинности и уплаты податей), то с 1860-х гг. их правовой статус постепенно ухудшается.

В 1867 г. при Министерстве государственных имуществ была создана особая комиссия, которая выработала ряд документов: «Положение об общественном устройстве колонистов», «Правила о преобразовании общественного у них управления и передаче в ведение общих российских учреждений», «Положение о земельном устройстве поселян». В июне 1871 г. был принят указ Александра II, который отменил все привилегии колонистов (делопроизводство переводилось на русский язык, жесткие экономические условия), а с 1874 г. в отношении немцев стала использоваться и воинская повинность. Завершающим поворотом в окончательном изменении правового положения немцев в Российской империи можно считать начало Первой мировой войны. С этого времени в российском обществе постепенно разжигаются антинемецкие настроения. Это проявляется в проведении враждебных акций в отношении русских немцев, погромах их квартир и основанных ими учреждений, увольнении с постов, переселении, лишении земельных владений, запрете немецкого языка, создании особого комитета по борьбе с немецким засильем и т.д. [3].

Степень изученности повседневной жизни немцев в Петербурге и губернии будет рассмотрена на примере исследований, посвященных немецкому населению, опубликованных в период со второй половины XIX в. по современность. Такой существенный отрезок в историографии, как Первая мировая война, не будет за-

тронут. Немецкому вопросу в России (в том числе в Петербурге) в годы Первой мировой войны посвящено такое большое количество работ, что их можно сделать объектом отдельного крупного исследования.

В развитии историографии по изучаемой проблеме можно выделить 3 этапа:

- 1) дореволюционный (с 1850-х гг.), исключая период Первой мировой войны (1914–1918);
- 2) с 1917 по 1980 г.;
- 3) 1980-е гг. – по настоящее время.

Данные границы можно выделить лишь условно. Связано это с тем, что жизнь российских немцев в Петербурге и Санкт-Петербургской губернии отечественными и зарубежными историографами в дореволюционный период была изучена мало. Долгое время объектом их внимания были темы, связанные с существованием немецкого населения в отдельных губерниях Российской империи (прежде всего в колониях) (например, работы А.А. Палтова [4] (под псевдонимом А.А. Велицын) и Н.А. Спасского [5]). Изучение петербургских немцев мало интересовало исследователей. Начало историографии немецких землевладельческих колоний в России положила книга А.А. Клауса [6]. В своем труде он впервые представил разностороннюю картину жизни немецких поселений в исторической ретроспективе, описал опыт немцев по ведению хозяйства и управлению колониями, однако вопросы жизни немецкого населения в Петербурге и губернии им практически не рассматривались. Ряд ученых занимались петербургской проблематикой, но сфера их интересов преимущественно ограничивалась только изучением общего положения российских подданных немецкого происхождения в колониях Санкт-Петербургской губернии. В советское время в центре внимания исследователей был главным образом немец-современник. Не представляется возможным в рассмотрении темы отдельно выделить современный период в пределах 1991–2016 гг. Так, новые тенденции в изучении лиц немецкого происхождения появились еще в СССР (в 1980-е гг.). Они были подхвачены и развиты отечественными и зарубежными историографами в 1990-е и 2000-е гг. Исследование жизни петербургских немцев в этот период осуществлялось от общего к частному.

Первый этап (дореволюционный) в целом можно охарактеризовать отсутствием исследовательского интереса к повседневной жизни немцев Петербурга и губернии. Исключением можно считать работу И. Генслера [7], опубликованную в 1908 г. и посвященную традиции празднования петербургскими немцами дня памяти Иоанна Крестителя. Однако ее нельзя отнести к серьезному научному исследованию (это юмористическая повесть), но ввиду специфических особенностей можно использовать как полноправный исторический источник по изучению повседневной жизни лиц немецкого происхождения в Петербурге.

Исследователей дореволюционного периода интересовали преимущественно общие сведения по немецким колониям Санкт-Петербургской губернии, а также вопросы правового положения немецкого населения в этих колониях. Первым историографом, изучающим немецкое население Санкт-Петербургской губернии, стал П.И. Кёппен [8]. В статье «Об инородческом, преимущественно немецком населении С.-Петербургской губернии» он подробно описал динамику численности немцев, места их расселения, однако его исследование ограничилось лишь 1850 г., поэтому не представляет существенного для изучения темы интереса. Основанию и развитию немецкой колонии Стрельна под Петербургом была посвящена работа А. Гернета [9], в которой автор рассмотрел правовой статус колонии, охарактеризовал существующие там школы, церкви и благотворительные учреждения. Данное исследование дало важные сведения о хозяйственной, культурной и экономической жизни одной из петербургских колоний. Существенной особенностью этого периода стало не только отсутствие источников, описывающих образ жизни, быт, традиции, нравы и обычаи немецкого населения, но и вообще малое число исследований, посвященных немцам, проживающим непосредственно в столице Российской империи. Среди них можно выделить только работы немецких исследователей К. Леммерих [10], Э. Гельдерблом [11] и А. Штейнберг [12], затрагивающие вопросы школьного образования и религиозных верований немцев Петербурга.

Второй этап (с 1917 по 1980 г.) был отмечен противоречивыми явлениями. С одной стороны, возможности для изучения немецкой проблематики в этот период были ограничены и даже закрыты. Если научные работы все же опубликовывались, то они носили идеологический характер и были посвящены современному положению немецкой диаспоры. В 20–30-е гг. XX столетия преобладали работы публицистического жанра и пропагандистские брошюры, среди которых сложно выделить что-либо существенное, касающееся жизни немецкого населения Петербурга и губернии. Многие крупнейшие научные исследования в этот период были приостановлены, ученые подвергались репрессиям. Полноценных работ, затрагивающих историю жизни петербургских немцев второй половины XIX – начала XX в., в этот период так и не появилось. Изучением немецкой диаспоры занимались преимущественно зарубежные ученые. В 1931 г. вышел труд немецкого ученого Э. Коха [13], в котором автор подробно описал экономическую, культурную и социальную жизнь немецких колонистов под Петербургом. Начавшаяся Вторая мировая война также надолго прервала все исследования по изучению немцев. Немецкое население в 1941 г. было депортировано на восток, после войны были введены режим спецпоселения и запрет возвращаться в родные места. Немецкий народ не был полностью реабилитирован, поэтому немецкая проблематика (с 1940-х гг.) оказалась закрытой для исследования на

десятилетия по политическим и идеологическим причинам. Однако среди исследователей послевоенного времени можно выделить Эрика Амбургера. Его заслуга состоит в том, что он собрал данные о более 100 тыс. немецких семьях, проживающих в Санкт-Петербурге в XVIII–XIX вв. На основе полученных материалов Институтом Восточной Европы (Мюнхен) впоследствии была создана компьютерная база данных «Немцы в Санкт-Петербурге» [14. С. 20]. Долгое время она служила документальной основой для многочисленных монографий и статей о жизни немцев в Петербурге и губернии. В 60–70-е гг. XX столетия немецкая диаспора изучалась односторонне, прежде всего в религиозном русле. Так, в этот период были популярны работы по научному атеизму. Лица немецкого происхождения рассматривались в трудах исследователей преимущественно в качестве объекта атеистического воспитания.

С другой стороны, на втором этапе, несмотря на многочисленные преследования и запреты, осуществляются новые направления исследовательского поиска в изучении немцев. Так, в 20–30-е гг. появляются первые существенные труды, посвященные изучению немецкого диалекта и фольклора лиц немецкого происхождения (В.М. Жирмунский [15] и А. Штремом [16]), содержащие также отдельные заметки о быте немецких колонистов на Неве.

Характеризуя в целом советский период в историографии, следует обратить внимание на то, что при большом количестве работ, появившихся в это время, темы, связанные с жизнью немецкой диаспоры в Петербурге и Санкт-Петербургской губернии во второй половине XIX – начале XX в., были вообще не затронуты. Исследователей этой эпохи интересовал преимущественно современный немец. Например, в основу научного труда Э. Коха [13] легли материалы, собранные во время посещения им немецких колоний в 1928–1929 гг. Автор описал облик немецких селений, хозяйственную жизнь жителей, развитие образования, состояние медицины, культуры и сделал вывод об ухудшении жизни немцев в колониях под Петербургом по сравнению с дореволюционным временем. На основе сравнений Э. Коха мы можем попытаться воссоздать картину того, как жило немецкое население в дореволюционный период.

Только в третий период (1980-е гг. – настоящее время) появились первые существенные научные работы, посвященные представителям немецкой диаспоры Петербурга и Петербургской губернии. Отныне в центре внимания исследователей не только сельские немцы-колонисты, но и городские немцы, представители самых разных профессий. Этот этап также ознаменован постепенным уходом от работ обобщающего и описательного характера к узконаправленным исследованиям. Теперь ученых интересуют самые разнообразные сюжеты, связанные с проявлениями повседневности немецкого населения в столице Российской империи и Санкт-Петербургской губернии: юридическое

положение, сфера профессиональной занятости, степень участия в экономической и культурной жизни города и губернии, приспособляемость к условиям и аккультуризация, особенности браков, некоторые семейные и бытовые традиции. В середине 80-х г. XX в. широкое распространение получили труды по этнографической антропологии Петербурга, в которых значительное место было отведено изучению немецкой диаспоры. В 1987 г. вышло исследование И.Б. Котлера [17], главная ценность которого состояла в том, что автор, используя методы социологии, показал, как на протяжении XIX в. (до 1860, 1860–1880 и после 1880-х гг.) у петербургских немцев менялись предпочтения в выборе имен для детей. На основе результатов проделанной работы можно проследить, как на протяжении XIX в. представители немецкой диаспоры приспосабливались к жизни в Петербурге и какое влияние на их жизнь оказывали русские традиции.

Значительный вклад в изучение немецкой жизни в Петербурге внесла Н.В. Юхнева. На протяжении 1980-х гг. (а затем и в 90-е гг.) она опубликовала ряд историко-этнографических работ, в которых большое внимание было уделено немецкой теме [2, 18–20]. В своих трудах автор затронула вопросы динамики численности немецкого населения, поговорила о причинах преобладания немцев среди иностранцев, особенностях языка, степени включения их в экономическую жизнь столицы. Для реконструкции повседневной жизни немецкого населения Петербурга полезны ее краткие заметки об особенностях заключения браков между лицами немецкого происхождения, профессиональном составе диаспоры, ее основных занятиях и увлечениях.

В конце 1980-х гг. появилось исследование Т.А. Шрадер [3], посвященное правовому статусу российских подданных немецкого происхождения в пореформенное время, их правам, обязанностям и привилегиям по сравнению с русским населением. Знание юридического положения немцев, условий, в которых они существовали помогает объяснить некоторые особенности их поведения и формирование у них новых, специфических традиций, а также понять возможности для перспектив в различных сферах жизни.

С начала 1990-х гг. в России наблюдался всплеск исследовательского интереса к немецкой проблематике, во многом этому поспособствовало снятие ограничений на изучение и распространение закрытой ранее информации из фондов российских библиотек и архивов. Конечно, остается неоспоримым факт, что в это время по-прежнему преобладали обобщающие труды, делающие акцент на основных занятиях российских немцев, истории их социального и экономического развития, вопросах развития немецкого образования, науки и культуры, межэтнических и межкультурных проблемах в среде немцев. Вместе с тем в этот период было опубликовано и много работ общего характера по истории и культуре подданных немецкого происхождения столицы империи и губернии: В.Н. Захаров [21];

Л.Э. Найдич [22], Г.И. Смагина [23]. М. Буш изучил демографическое развитие немцев, степень их участия в экономической жизни Петербурга, рассмотрел основные черты, присущие бытовой культуре и самосознанию немецкого населения [24]. Н.И. Иванова занималась изучением религиозной жизни, демографической и социальной палитры немецкой диаспоры, проанализировала ее общественную жизнь в Санкт-Петербурге на протяжении нескольких столетий [25]. Л.Э. Найдич в своей работе кратко рассмотрела обычаи, быт и нравы лиц немецкого происхождения, немного остановившись на убранстве дома, основных занятиях, одежде, особенностях принятия пищи и национальной кухне [22]. Ее исследование базировалось на материале по немецким колониям Санкт-Петербургской губернии.

Достижением 90-х гг. XX столетия стало также появление первых исследований по внутрисемейной жизни петербургских немцев. В 1991 г. была опубликована статья А.В. Келлера [26], в которой автор на основе воспоминаний трех семей рассказал об особенностях воспитания, прививаемых родителями качествах, основных занятиях немецких детей в Петербурге, характерных для начала XX в. Однако это были только первые шаги в данном направлении.

Существенный вклад в изучение повседневной жизни и вообще различных аспектов, связанных с немцами Петербурга и губернии, внесла организация в России в 90-е гг. XX в. многочисленных международных конференций и семинаров, посвященных жизни, быту и культуре российских немцев, таких как: «Русско-немецкие контакты в биографии Петербурга» (1992, 1993); «Российские немцы. Историография и источниковедение» (1996); «Немцы в России: русско-немецкие научные и культурные связи» (1997); «Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект» (1998), практическим результатом которых стало появление многочисленных публикаций, посвященных петербургским немцам. Благодаря этим мероприятиям были опубликованы исследования, затрагивающие самые различные стороны жизни и быта немецкого населения в Петербурге и губернии.

Проблема истории развития немецкого предпринимательства поднималась в работах С.К. Лебедева [27], В. Сартора [28]; вопросы религиозной жизни петербургских немцев анализировались в трудах А.В. Вернера [29, 30] и О. Курило [31]; особенности школьного образования и развития науки рассматривали Н.С. Андреева [32], Н.В. Благово [33, 34], В.И. Дедюлин [35], Г.И. Смагина [36], В.В. Смирнов [37], Н.П. Ульянов [38]; вклад немцев в культуру Петербурга был отражен в научных работах Н.А. Гринченко [39], А.Ф. Некрыловой [40], К.В. Нимёллера [41], М.В. Пономаревой [42] и др. Благотворительная деятельность петербургских немцев была изучена такими исследователями, как Е.В. Бахмутская [43], О.М. Гринштейн [44] и Е.Б. Яковлева [45]. Впервые жизнь петербургских лиц немецкого происхождения стала изучаться не обоб-

ценно, в общих чертах, а на уровне микросоциума (на примере отдельной семьи, конкретного человека), был проанализирован вклад конкретной личности или семьи в развитие Петербурга. Среди подобного рода публикаций можно выделить работы И.К. Ботт [46], Т.В. Волобаевой [47], В.С. Дякина [48], А.А. Кищук [49], П.В. Лизунова [50] и др.

В 2000-е гг. продолжилось изучение вопросов, затронутых историографией предшествующего десятилетия. Среди наиболее существенных работ можно выделить опубликованный в 2001 г. общий историко-краеведческий очерк А.Н. Чесноковой [51], в котором автор продемонстрировала роль немецкой диаспоры в становлении и развитии культуры северной столицы от основания города до 1917 г. Особый интерес также представляла монография Н.И. Ивановой [52], охватывающая историю немецкого предпринимательства в индустриальном процессе Петербурга / Петрограда в период с XVIII по XX в. Данная работа стала первой полной публикацией, отразившей вклад немецких предпринимателей – ремесленников, купцов, фабрикантов, промышленников, банкиров, владельцев лавок, магазинов и мастерских – в формирование и усовершенствование российского промышленного рынка, в благоустройство и экономику северной столицы. В исследовании автором подробно были проанализированы виды предпринимательской деятельности немцев в Петербурге.

Несмотря на появление большого количества новых исследований в конце 90-х – начале 2000-х гг., посвященных непосредственно городским немцам, необходимо отметить, что по-прежнему наиболее популярными для изучения среди крупнейших ученых остаются темы, связанные с особенностями жизни, быта и правового положения сельского немецкого населения Санкт-Петербургской губернии (Е.В. Бахмутская [53, 54], С.Э. Бокариус [55], Е.В. Лебедева [56], Т.А. Шрадер [57–59]).

С 2000-х гг. наблюдается очередной всплеск интереса к изучению петербургских немцев, появляется несколько десятков научных работ, посвященных будничной жизни немецкой диаспоры. Однако нельзя сказать, что данные труды раскрывают все многообразие повседневности немецкого населения. В центре внимания исследователей, как правило, сюжеты, связанные с историей обыденности различных профессиональных групп, выдающихся людей; с ролью и степенью участия немцев в жизни столицы и губернии. Такие аспекты повседневной жизни немецкого населения, как организация частной жизни, внутрисемейные отношения, формы осуществления досуга, ментальность и самоидентификация остаются нераскрытыми.

Так, анализ научных трудов этого периода показывает, что в большинстве случаев они представляют собой небольшие исследования о жизни и деятельности отдельных представителей немецкой диаспоры либо отражают вклад того или иного деятеля в разви-

тие Петербурга. С вопросами торговли, ремесел и осуществления петербургскими немцами банковской деятельности связаны статьи Б.В. Ананьич [60, 61], Д. Дальман [62], И. Май [63], В. Сартор [64]; образования – Т.А. Кацковой [65], О.А. Кривдиной [66], И.И. Малышева [67]; благотворительной деятельности – Э.А. Анненковой [68], И. Барановой [69], Н.Е. Берегой [70], И.С. Деминой [71]; вкладу немецких представителей в медицину посвящены публикации Ю.П. Голикова [72], А.В. Ковалевского [73], Т.А. Шрадер [74]; научные достижения немцев были показаны в работах В.И. Богданова [75], Т.В. Слепцовой [76]; вклад в культурную жизнь отражен в трудах Г.А. Ипполитовой [77, 78], Г. Гейдебрехт [79], Е.В. Карповой [80], П.Н. Кравчун [81, 82], П.А. Матвеева [83], Н.И. Попова [84] и других исследователей. Вклад выходцев из прибалтийских земель в развитие Петербурга и вообще российскую историю, взаимовлияние русских и немцев в материальной и духовной сферах рассматривается в работе С.Л. Гаврилова [85]. Изучением социально-профессионального состава немецкого населения Санкт-Петербурга конца XIX – начала XX в., его демографических особенностей занимается Г.П. Ваилуа [86].

В 2000-е гг. ученые обращаются и к истории русско-немецких духовных контактов. Так, Д.Л. Спивак в своей монографии [87], освещающей большой временной отрезок (начиная от предистории появления немецкого населения в России и Петербурге), поднимает вопрос влияния немцев на формирование духовности петербургской цивилизации. Ценность данной научной работы также состоит в том, что автор впервые делает попытку проанализировать коллективную психологию немецкого населения, оказавшегося за пределами своей родины, и формы их приспособления к новым условиям.

Среди работ современных авторов для реконструкции повседневной жизни немецкого населения Петербурга и Санкт-Петербургской губернии во многом полезны труд Т.А. Шрадер [88], рассматривающий некоторые аспекты быта и культуры российских немцев на примере музейных коллекций Петербурга; и статья Е.В. Лебедевой [89], предметом которой являлась общественная жизнь российских подданных немецкого происхождения в северной столице и основные формы самоорганизации немцев. Среди новейших научных изысканий в области изучения будничной жизни немецких поселенцев значительный интерес представляет работа Л.Н. Пузейкиной [14]. В ней автор проанализировала языковые особенности, песенный фольклор и народные песни немецкого населения Санкт-Петербурга и Санкт-Петербургской губернии.

Воссоздать некоторые аспекты повседневной жизни немецкого предпринимательского класса Санкт-Петербурга позволяет исследование В. Сартор [90]. В своей работе, посвященной преимущественно развитию

крупнейших предприятий немцев в Санкт-Петербурге, автор также пытается разобраться в том, какое место в жизни купца занимала семья, в особенностях создания брачных союзов и формах приспособления лиц немецкого происхождения к русской культуре.

Значение третьего периода историографии состоит в том, что только на этом этапе началось пристальное изучение отдельных аспектов повседневности петербургских немцев. В центре внимания отечественных и зарубежных исследователей появились вопросы, связанные с бытовой культурой, традициями, обычаями и нравами немцев. Так, в этот период были рассмотрены профессиональные занятия немецкого населения, частично описаны одежда и убранство их домов, затронуты темы увлечений и отдыха, особенностей воспитания детей, заключения браков, выбора имен для детей, адаптация к новым условиям. Однако работы этого периода нельзя отнести к полноценным исследованиям по повседневной жизни немецкого населения Петербурга и губернии. Большинство исследований этого этапа представляют собой небольшие работы, где темы, связанные с обыденной жизнью немцев, находят отражение в виде небольших указаний на некоторые факты. Кроме того, в трудах многих исследователей чаще всего описывается жизнь конкретного человека (причем обычно не его будничная жизнь, а вклад в ту или иную сферу), как правило, известного, а не широких масс. Таким образом, всецело раскрыта только повседневная жизнь элит.

Несмотря на то что современная историография сделала большой шаг вперед в вопросе изучения петербургских немцев, вопросы истории повседневности этого народа в Петербурге и Санкт-Петербургской губернии во второй половине XIX – начале XX в. никогда не являлись предметом специального исследования. Среди научных изысканий в отечественной и зарубежной историографии приоритетными являются три темы:

- история и судьба конкретной немецкой семьи;
- вклад лиц немецкого происхождения в развитие Санкт-Петербурга;

– жизнь немецких колоний Санкт-Петербургской губернии.

Кроме того, в основном работы, посвященные петербургским немцам, носят описательный характер, конкретные хронологические периоды в них не выделяются (повествование часто начинается со времени образования первых немецких колоний и заканчивается XX в.). Данные хронологические рамки не позволяют широко изучить жизнь немецкого населения Петербурга в рамках конкретного исторического периода (вторая половина XIX – начало XX в.).

Обзор историографии позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на освещенность отдельных аспектов будничной жизни петербургских немцев, специальных комплексных исследований, в которых повседневность немецкого населения Петербурга и Санкт-Петербургской губернии была бы раскрыта в целом во всей своей сложности и противоречивости, не существует. Исследователями проделана работа в частичном раскрытии таких сюжетов обыденности петербургских немцев, как обычаи, быт и нравы, профессиональные занятия, условия труда, особенности воспитания, материально-предметная сторона, адаптация к новым условиям существования. Но рассмотрены они в виде небольших упоминаний, которых недостаточно для формирования общей картины. Совсем не раскрыты особенности семейных отношений немцев, межличностные отношения в разных микросоциальных группах, эмоциональная составляющая жизни немцев и их переживания. Можно сказать, что изучение немецкой будничной жизни является новым направлением исследовательского поиска, в котором еще предстоит раскрыть многие сюжеты.

Тема «Повседневная жизнь немцев в Петербурге и Санкт-Петербургской губернии во второй половине XIX – начале XX в.» требует дальнейшего всестороннего изучения путем привлечения дополнительных комплексов исторических источников (статистических материалов, делопроизводственных документов, документов личного происхождения, материалов периодической печати и художественной литературы).

ЛИТЕРАТУРА

1. Пушкарева Н.Л., Любичанковский С.В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от Школы Анналов к российской философской школе // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2014. Т. 4, № 1. С. 7–21.
2. Юхнева Н.В. Этнический состав и этносоциальная структура населения Петербурга, вторая половина XIX – начало XX вв. : статистический анализ. Л. : Наука, 1984. 223 с.
3. Шрадер Т.А. Правовая и культурная адаптация немецких колонистов в Петербургской губернии в пореформенное время // Петербург и губерния: Историко-этнографические исследования. Л. : Наука, 1989. С. 132–139.
4. Велицын А.А. Немцы в России: Очерки исторического развития и настоящего положения немецких колоний на Юге и Востоке России. СПб. : Типография товарищества «Общественная польза», 1893. 286 с.
5. Спасский Н.А. О народном образовании в немецких поселениях Поволжья // Русский вестник. 1897. № 8–10. С. 78–100.
6. Клаус А.А. Наши колонии. Опыты и материалы по истории и статистике иностранной колонизации в России. СПб. : Тип. В.В. Нусвальта, 1869. Вып. 1. 103 с.
7. Генслер И. Куллерберг, или Как гуляли петербургские немцы на Иванов день. СПб. : Изд. В.И. Губинского, 1908. 63 с.
8. Кёппен П.И. Об инородческом, преимущественно немецком населении С.-Петербургской губернии // Журнал МВД. 1850. Ч. 32. С. 181–209.
9. Гернет А. Немецкая колония Стрельна под Санкт-Петербургом, 1810–1910: юбилейный листок в память столетия существования колонии: пер. с нем. СПб. : Я. Беккер и К., 1910. 29 с.

10. Lemmerich C. Geschichte der evangelisch-lutherischen Gemeinde St. Petri in St. Petersburg. SPb., 1862. Bd 1. S. VI–VII.
11. Gelderblom E. Zum 75-jährigen Jubiläum der Schule für Kinder armer Eltern ausländischer Confession in S.-Petersburg. SPb., 1896.
12. Steinberg A. Geschichte der Schulen der evangelisch – lutherischen St.Petri-Kirche in S.-Petersburg. SPb., 1912. 151 s.
13. Koch E. Die deutschen Kolonien Nordrusslands: Eine siedlungswirtschafts-geographische und kulturhistorische Untersuchung. Würzburg, 1931.
14. Пузейкина Л.Н. Немцы в Санкт-Петербургской губернии: истории, язык, песни. СПб. : Нестор-История, 2013. 384 с.
15. Schirmunski V. Deutsche Mundarten an der Neva II: Heimatbestimmung der ältesten deutschen Siedlungsmundarten im Neva-Gebiet (mit einer Karte) // Linguistische und Ethnographische Studien. München, 1931. S. 157–168.
16. Ström A. Deutsche Mundarten an der Neva I: Die Mundarten der drei ältesten deutschen Mutterkolonien im Neva-Gebiet // Viktor Schirmunski: Linguistische und ethnographische Studien 1926–1931. München, 1931. S. 135–156.
17. Котлер И.Б. «Справочная книга о лицах Санкт-Петербургского купечества...» как источник по этнической антропонимике Петербурга // Этнические группы в городах европейской части СССР (формирование, расселение, динамика культуры) : сб. ст. М., 1987. С. 126–136.
18. Юхнева Н.В. Немцы в Петербурге во второй половине XIX – начале XX вв. // Этноконтактные зоны в Европейской части СССР (география, динамика, методы изучения) : сб. ст. М., 1989. С. 85–96.
19. Юхнева Н.В. Немцы в многонациональном Петербурге // Немцы в России: Люди и судьбы : сб. ст. / под ред. Л.В. Славгородской. СПб. : Дмитрий Буланин, 1998. С. 56–68.
20. Юхнева Н.В. Петербург – многонациональная столица // Старый Петербург: историко-этнографические исследования : сб. ст. Л., 1982. С. 7–51.
21. Захаров В.Н. Немцы в Санкт-Петербурге и Москве с XVIII в. до начала Первой мировой войны // Отечественная история. 1996. № 1. С. 171–177.
22. Найдич Л.Э. Быт и образ жизни немецких колонистов под Петербургом [XVIII–XX вв.] // Немцы в России: Люди и судьбы : сб. ст. СПб., 1998. С. 101–107.
23. Немцы в России: петербургские немцы : сб. ст. / под ред. Г.И. Смагина. СПб. : Дмитрий Буланин, 1999. 620 с.
24. Буш М. Немцы в Петербурге, 1865–1914. Самосознание и интеграция // Немцы в России: люди и судьбы : сб. ст. СПб., 1998. С. 56–68.
25. Иванова Н.И. Немцы в Санкт-Петербурге и окрестностях. СПб. : Знак, 1999. 83 с.
26. Келлер А.В. Роль внутрисемейного общения и воспитания детей в немецких семьях в Петербургской губернии в начале XX века // «Мир детства» в традиционной культуре народов СССР : сб. науч. тр. Л., 1991. Ч. 1. С. 44–51.
27. Лебедев С.К. Немцы и Санкт-Петербургский Международный коммерческий банк // Русско-немецкие контакты в биографии Петербурга : материалы 1-й междунар. конф., 2–4 ноября 1992. СПб., 1992. Вып. 1. С. 10–11.
28. Сартор В. Торговый дом «Шпис» и табачная фабрика «Лаферм» в 1852–1914 гг. (Исследования по истории предпринимательства и промышленности Санкт-Петербурга) // Петербургские чтения. СПб. : Русско-балтийский информационный центр БЛИК, 1996. С. 301–304.
29. Вернер А.В. Из истории общественных евангелических учреждений в Петербурге // Российские немцы: Проблемы истории, языка и современного положения : материалы Междунар. науч. конф., Анапа, 20–25 сент. 1995 г. М., 1996. С. 321–336.
30. Вернер А.В. Общественные евангелические учреждения в Санкт-Петербурге // Немцы в России: Проблемы культурного взаимодействия : сб. ст. СПб., 1998. С. 225–244.
31. Kurilo O. Stumme Zeugen der Geschichte. Zur Geschichte der lutherischen Kirchen in St. Petersburg // Der Bote. 1994. Nr. 3–4. S. 38–40.
32. Андреева Н.С. Прибалтийские немцы-профессора Петербургского университета в первой половине XIX века // Немцы и развитие образования в России : сб. ст. СПб., 1998. С. 80–87.
33. Благово Н.В. Частная школа К. Мая на Васильевском острове и ее роль в народном просвещении Санкт-Петербурга // «Петербургские чтения» (К юбилею города) : тез. докл. конф. СПб., 1992. С. 166–168.
34. Благово Н.В. Школа К.И. Мая // Немцы и развитие образования в России : сб. ст. СПб., 1998. С. 150–155.
35. Дедюлин В.И. Аннешеуле: важнейшие даты в истории и жизни школы. СПб., 1992. 113 с.
36. Смагина Г.И. Немцы-учителя в Санкт-Петербурге и их роль в развитии образования в России во второй половине XIX в. // Немцы и развитие образования в России : сб. ст. СПб., 1998. С. 161–173.
37. Смирнов В.В. Старейшая школа Петербурга (опыт реконструкции) // «Петербургские чтения»: Научная конференция, посвященная 290-летию Санкт-Петербурга, 24–28 мая 1993 г. СПб. : Ассоциация исследователей С.-Петербурга, 1993. Вып. 1. С. 36–39.
38. Ульянов Н.П. Петришуле – старейшая школа в Петербурге // Немцы и развитие образования в России : сб. ст. СПб., 1998. С. 129–137.
39. Гринченко Н.А. Деятельность книжной фирмы Г. Шмицдорфа в Петербурге (1860–1880 гг.) // Исследования и материалы. СПб., 1994. Вып. 68. С. 314–319.
40. Некрылова А.Ф. Немцы в фольклорной культуре Петербурга // Русско-немецкие контакты в биографии Петербурга : материалы 1-й междунар. конф., 2–4 нояб. 1992 г. СПб., 1992. Вып. 1. С. 6–7.
41. Нимёллер К.-В. Немецкие музыкальные связи с Петербургом в XIX веке в зеркале дневников, писем, путевых заметок и других документов от Людвиг Шпора до Фердинанда Хиллера // Германия. Россия. Украина: Музыкальные связи: история и современность : материалы Междунар. симп., 27 сент. – 1 окт. 1994 г. СПб., 1996. С. 30–40.
42. Пономарева М.В. Немцы-архитекторы 2-й половины XIX века в Санкт-Петербурге // Русско-немецкие контакты в биографии Петербурга : материалы 2-й междунар. конф., 13–15 сент. 1993 г. СПб., 1993. Вып. 2. С. 49–50.
43. Бахмутская Е.В. Из истории немецкой благотворительности в Петербурге // Русско-немецкие контакты в биографии Петербурга : материалы 2-й междунар. конф., 13–15 сент. 1993 г. СПб., 1993. Вып. 2. С. 51–52.
44. Гринштейн О.М. О.О. Буксгевден и благотворительные учреждения Петербурга конца XIX – начала XX в. // Немцы и развитие образования в России : сб. ст. СПб., 1998. С. 210–222.
45. Яковлева Е.Б. Благотворительная деятельность семьи Ольденбургских в России в XIX веке // Немцы и развитие образования в России : сб. ст. СПб., 1998. С. 182–188.
46. Ботт И.К. Братья Тоннет в Санкт-Петербурге // Русско-немецкие контакты в биографии Петербурга : материалы 2-й междунар. конф., 13–15 сент. 1993 г. СПб., 1993. Вып. 2. С. 45–47.
47. Волобаева Т.В. Деятельность братьев Франк и производство витражей в Петербурге // Петербургские чтения-96. СПб. : Рус.-балт. Информ. центр БЛИК, 1996. С. 145–147.
48. Дякин В.С. Сименс в Петербурге // Сборник тезисов 1-й Международной конференции «Русско-немецкие контакты в биографии С.-Петербурга», 2–4 нояб. 1992 г. СПб., 1992. С. 12–14.
49. Кишук А.А. Семья Регелей и садово-парковое искусство в России // Русско-немецкие контакты в биографии Петербурга : материалы 2-й междунар. конф., 13–15 сент. 1993 г. СПб., 1993. Вып. 2. С. 20–21.
50. Лизунов П.В. Штиглицы – «некоронованные короли российских финансов» // Вопросы истории. 1999. № 10. С. 35–51.
51. Чеснокова А.Н. Немцы в Петербурге // Иностранцы в Петербурге. Немцы. Французы. Британцы. 1703–1917: историко-краеведческие очерки. СПб. : Сатис, 2001. С. 7–36.

52. Иванова Н.И. Немецкие предприниматели в Санкт-Петербурге (XVIII–XX вв.). СПб. : ИОВ РАО, 2002. 266 с.
53. Бахмутская Е.В. Образование немецких колоний в Санкт-Петербургской губернии (Вторая половина XVIII – начало XX в.) // Немцы в России: Петербургские немцы. СПб., 1999. С. 233–244.
54. Бахмутская Е.В. Фактор Петербурга в экономической, социальной и духовной жизни подстоличных немецких колоний // Ключевые проблемы истории российских немцев. М. : МНСК-пресс, 2004. С. 357–371.
55. Бокариус С.Э. Традиционная культура немцев Петербургской губернии (Исторический и этнографический аспекты) // Русско-немецкие контакты в биографии Санкт-Петербурга. СПб., 1992. Вып. 1. С. 4–5.
56. Лебедева Е.В. Община немецких колонистов и российское государство в XVIII–XIX вв.: эволюция взаимоотношений (на примере колоний Северо-Запада) // Российское государство, общество и этнические немцы: основные этапы и характер взаимоотношений (XVIII–XXI вв.) М. : МСНК-пресс, 2007. С. 59–71.
57. Шрадер Т.А. Немецкая колония Овцыно: прошлое и настоящее // Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII – XX века). СПб., 2005. Вып. 3. С. 289–308.
58. Шрадер Т.А. Поселения немецких крестьян-колонистов в Петербургской губернии в XIX в. и в первые два десятилетия XX в. // Немцы в России – люди и судьбы. СПб., 1998. С. 81–100.
59. Шрадер Т.А. Этнокультурные процессы в среде немецких колонистов Петербургской губернии (Ленинградской области) (XIX–XX вв.) // Ключевые проблемы истории российских немцев. М., 2003. С. 372–380.
60. Ананьич Б.В. Немецкие ремесленники и предприниматели в Санкт-Петербурге с XVIII века до начала Первой мировой войны // «Большое будущее». Немцы в экономической жизни России. Берлин, 2000. С. 120–129.
61. Ананьич Б.В. Штиглицы – последние придворные банкиры в России. Берлин // «Большое будущее». Немцы в экономической жизни России. Берлин, 2000. С. 196–201.
62. Дальман Д. Леопольд Кениг, петербургский сахарный король // «Большое будущее». Немцы в экономической жизни России. Берлин, 2000. С. 206–213.
63. Май И. «Меня здесь считают самым хитрым, пронырливым и способным купцом. Генрих Шлимман в России // «Большое будущее». Немцы в экономической жизни России. Берлин, 2000. С. 202–205.
64. Сартор В. Георг Шпис – немецкий предприниматель в Санкт-Петербурге // Немцы в России: русско-немецкие научные и культурные связи : сб. ст. СПб., 2000. С. 375–394.
65. Кацкова Т.А. Из истории преподавания немецкого языка в Санкт-Петербургском университете (XIX – начало XX в.) // Немцы в России: Русско-немецкие научные и культурные связи : сб. ст. СПб., 2000. С. 71–81.
66. Кривдина О.А. Г.Р. Залеман (1859–1919) – профессор скульптуры и педагог Императорской Академии художеств // Немцы в Санкт-Петербурге: биографический аспект, XVIII–XX вв. СПб. : МАЭ РАН, 2009. Вып. 5. С. 218–225.
67. Малышев И.И. Немцы в истории Морского корпуса Петра Великого // Немцы в России: встречи на перекрестке культур : сб. ст. / под ред. Д. Дальман, Г.И. Смагина. СПб. : Росток, 2011. С. 262–274.
68. Анненкова Э.А. Продолжение благотворительных и культурных традиций семьи Ольденбургских в деятельности Общества друзей Дома Ольденбургских // Немцы Санкт-Петербурга: наука, культура, образование : сб. ст. СПб. : Росток, 2005. С. 163–176.
69. Баранова И. Немецкие благотворительные общества в Петербурге (вторая половина XIX – начало XX в.) // Немцы в Санкт-Петербурге (XVIII–XX вв.): биографический аспект. СПб., 2015. С. 187–196.
70. Берегой Н.Е. Баронесса В.И. Мейендорф – председательница Главного правления Российского общества покровительства животным // Немцы Санкт-Петербурга: наука, культура, образование : сб. ст. СПб. : Росток, 2005. С. 177–188.
71. Демина И.С. Благотворительная деятельность семьи Ольденбургских в России в XIX – начале XX в. : автореф. дис... канд. ист. наук. СПб., 2006.
72. Голиков Ю.П. Карл Андреевич Раухфус (1835–1915) (Краткий биографический очерк) // Немцы Санкт-Петербурга: наука, культура, образование : сб. ст. СПб.: Росток, 2005. С. 237–254.
73. Ковалевский А.В. Петербургские немцы-медики в Мариинской больнице для бедных // Немцы в России: встречи на перекрестке культур : сб. ст. / под ред. Д. Дальман, Г.И. Смагина. СПб. : Росток, 2011. С. 275–293.
74. Шрадер Т.А. Немецкие врачебные общества в Санкт-Петербурге (XIX век) // Немцы в Санкт-Петербурге. Биографический аспект. XVIII–XX вв. СПб. : МАЭ РАН, 2012. Вып. 7. С. 130–136.
75. Богданов В.И. Малоизвестный Евгений Альфредович Гейнц (1866–1918) // Немцы в Санкт-Петербурге. Биографический аспект. XVIII–XX вв. СПб. : МАЭ РАН, 2012. Вып. 7. С. 152–167.
76. Слепцова Т.В. Жизненный путь и научная деятельность члена-корреспондента Петербургской академии наук, историка Н.К. Шильдера // Немцы Санкт-Петербурга: наука, культура, образование : сб. ст. СПб. : Росток, 2005. С. 255–274.
77. Ипполитова Г.А. Владельцы фортепианной фабрики «Я. Беккер» (1841–1917) // Немцы Санкт-Петербурга: наука, культура, образование : сб. ст. СПб. : Росток, 2005. С. 339–354.
78. Ипполитова Г.А. Немецкие музыканты в Придворном императорском оркестре // Немцы в России: встречи на перекрестке культур : сб. ст. / под ред. Д. Дальман, Г.И. Смагина. СПб. : Росток, 2011. С. 61–80.
79. Гейдебрехт Г. Немецкие зодчие и «рациональная» архитектура в России второй половины XIX века // Немцы Санкт-Петербурга: наука, культура, образование : сб. ст. СПб. : Росток, 2005. С. 371–386.
80. Карпова Е.В. Работы немецких скульпторов XIX века в интерьерах Каменноостровского дворца // Немцы в России: встречи на перекрестке культур : сб. ст. / под ред. Д. Дальман, Г.И. Смагина. СПб. : Росток, 2011. С. 114–124.
81. Кравчун П.Н. Органы немецких мастеров в петербургских храмах // Немцы Санкт-Петербурга: наука, культура, образование : сб. ст. СПб. : Росток, 2005. С. 189–218.
82. Кравчун П.Н. Органы немецких мастеров в храмах Санкт-Петербургской губернии // Немцы в России: встречи на перекрестке культур : сб. ст. / под ред. Д. Дальман, Г.И. Смагина. СПб. : Росток, 2011. С. 125–148.
83. Немцы и немецкая культура в истории Санкт-Петербурга: сб. по материалам конференции учащихся Шк. Центра Эрмитажа, 24 мая 1997 г. / под ред. В.Ю. Матвеева. СПб. : Славия, 1997. 119 с.
84. Попова П.И. Художники из династии Бахов. К 150-летию со дня рождения скульптора Р.Р. Баха // Немцы в России: встречи на перекрестке культур : сб. ст. / под ред. Д. Дальман, Г.И. Смагина. СПб. : Росток, 2011. С. 164–173.
85. Гаврилов С.Л. Остзейские немцы в Санкт-Петербурге. Российская империя между Шлезвигом и Гольштейном, 1710–1918. СПб. : Русская тройка, 2011. 254 с.
86. Ваилуа Г.П. Социальный состав немцев Санкт-Петербурга XIX–XX века // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2013. № 1. С. 121–128.
87. Спивак Д.Л. Метафизика Петербурга: немецкий дух. СПб. : Алетейя, 2003. 448 с.
88. Шрадер Т.А. Быт и культура российских немцев в музеях Санкт-Петербурга: сводный каталог. СПб. : Наука, 2003. 144 с.

89. Лебедева Е.В. Самоорганизация немецкого населения российских городов в XVIII – начале XX в. (на примере Москвы и Санкт-Петербурга) // Немцы России: исторический опыт и современные проблемы самоорганизации. М. : МЧК-ПРЕСС, 2008. С. 11–16.
90. Сартор В. Немецкие предприниматели Санкт-Петербурга: семья и конфессиональная структура 1815–1914 гг., этническая и религиозная среда // Частное предпринимательство в дореволюционной России: этноконфессиональная структура и региональное развитие, XIX – начало XX в. / отв. ред. В.В. Ананьич, Д. Дальман, Ю.А. Петров. М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 59–93.

Glodenko Anastasia Y. Pushkin Leningrad State University (St. Petersburg (Pushkin), Russia). E-mail: richie-us5@bk.ru

THE DAILY LIFE OF GERMANS IN ST. PETERSBURG IN THE SECOND HALF OF THE XIX – AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURIES: THE HISTORIOGRAPHY OF THE SUBJECT.

Keywords: historiography; daily life; Germans of Petersburg; lifestyle.

The goal of this research is coverage of the extent of knowledge by historical science of daily life of the German population living in St. Petersburg in the second half of the XIX – at the beginning of the XX centuries. As sources were involved monographs, brochures, collections of scholarly writings, thesis of reports of conferences, articles of periodical publications, dissertations, exhibition catalogs, published by domestic and foreign scientists. Were allocated and characterized the stages of development of historiography. Among the works of pre-revolutionary period was dominated by the materials on the daily life of the Germans in separate colonies; history of the Lutheran Church in St. Petersburg and in Russia in general and also the activities of German schools. Directly during this period the daily life of Germans of St. Petersburg not became the subject of study. Right up to 60 years of the XX century, the German issues were closed to research for political and ideological reasons. At that time was dominated by propagandistic brochures. However, the value of this period was that there appeared the first works on the study of the peculiarities of language of German Diaspora (V. Zhirmunsky, A. Strem). The first significant scientific works on separate aspects of the life of Germans of St. Petersburg were published in 80 years of the XX century. They had analyzed the occupational structure of the Germans of St. Petersburg, the extent of involvement of Diaspora in economic, social and cultural life of the capital, legal position (I.B. Kotler, T.A. Schrader). The revival of interest in the German issue occurred in the beginning of 90-ies, in many ways, this contributed to the emergence of the possibility to study early closed for access materials of Russian libraries and archives. Happened systematization and publication of previously unavailable sources. Began to pass international conferences and seminars dedicated to the lifestyle and culture of citizens of German origin; was created the first centers of self-organization of the Russian Germans. The subject of consideration in this period became confessional history of the German population (A.V. Werner, N. Ivanova, O. Kurilo); questions related to education (N. Blagovo, V. Deduylin, G. Smagina, N. Ulyanov); economic and social activities (E. Bakhmutskaia, O. Girshtein, N. Ivanova, S. Lebedev, V. Sartor, E. Yakovleva); the features of everyday life and mores (L. Naidich). Considerable interest among the researches of this period was represented the work of A.V. Keller for the study of the domestic life of the Germans. Achievement of the historiography of the modern period can be considered as the appearance of publications about the life, professional and social activities of individual representatives of the German Diaspora (B. Ananyich, E. Annenkova, N. Beregoi, D. Dahlman, O. Krivdina, P. Popov). Research became more highly specialized. Despite the significant shifts of modern national historiography, we can talk about existence of gaps in the issues of study of daily life of the Germans, to make up for that by attracting for study additional sources of information (record keeping documents, sources of personal origination, statistical materials, periodical publications, art literature (belles-lettres)).

REFERENCES

1. Pushkareva, N.L. & Lyubichankovskiy, S.V. (2014) "Everyday Life History" in modern historical research: from School of the Annals to the Russian philosophical school. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina*. 4(1). pp. 7–21. (In Russian).
2. Yukhneva, N.V. (1984) *Etnicheskiy sostav i etnosotsial'naya struktura naseleniya Peterburga, vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.* [Ethnic composition and ethnosocial structure of St. Petersburg population, the second half of the 19th – early 20th centuries]. Leningrad: Nauka.
3. Schrader, T.A. (1989) *Pravovaya i kul'turnaya adaptatsiya nemetskikh kolonistov v Peterburgskoy gubernii v poreformennoe vremya* [Legal and cultural adaptation of the German colonists in St. Petersburg province in the post-reform period]. In: Yukhneva, N.V. (ed.) *Peterburg i guberniya: Istoriko-etnograficheskie issledovaniya* [Petersburg and Gubernia: Historical and Ethnographic Studies]. Leningrad: Nauka. pp. 132–139.
4. Velitsyn, A.A. (1893) *Nemtsy v Rossii: Ocherki istoricheskogo razvitiya i nastoyashchego polozheniya nemetskikh koloniy na Yuge i Vostoke Rossii* [The Germans in Russia: Essays on the historical development and present situation of the German colonies in the South and East of Russia]. St. Petersburg: Obshchestvennaya pol'za.
5. Spasskiy, N.A. (1897) *O narodnom obrazovanii v nemetskikh poseleniyakh Povolzh'ya* [On the popular education in the German settlements of the Volga region]. *Russkiy vestnik*. 8–10. pp. 78–100.
6. Klaus, A.A. (1869) *Nashi kolonii. Opyty i materialy po istorii i statistike inostrannoy kolonizatsii v Rossii* [Our colonies. Experiments and materials on the history and statistics of foreign colonization in Russia]. St. Petersburg: V.V. Nusvalt.
7. Gensler, I. (1908) *Kullerberg, ili Kak gulyali peterburgskie nemtsy na Ivanov den'* [Kullerberg, or How the Petersburg Germans celebrated Ivanov's Day]. St. Petersburg: V.I. Gubinsky.
8. Keppen, P.I. (1850) *Ob inorodcheskom, preimushchestvenno nemetskom naselenii S.-Peterburgskoy gubernii* [On the foreign, mostly German population of St. Petersburg province]. *Zhurnal MVD*. 32. pp. 181–209.
9. Gernet, A. (1910) *Nemetskaya koloniya Strel'na pod Sankt-Peterburgom, 1810–1910: yubileyny listok v pamyat' stoletiya sushchestvovaniya kolonii* [The German colony Strelna near St. Petersburg, 1810–1910: An anniversary leaflet in memory of the the colony's one hundred years]. Translated from German. St. Petersburg: Ya. Bekker i K.
10. Lemmerich, C. (1862) *Geschichte der evangelisch-lutherischen Gemeinde St. Petri in St. Petersburg* [History of the Evangelical Lutheran Church of St. Peter in St. Petersburg]. St. Petersburg: [s.n.]. pp. VI–VII.
11. Gelderblom, E. (1896) *Zum 75-jahrigen Jubiläum der Schule für Kinder armer Eltern ausländischer Confession in S-Petersburg* [On the 75th anniversary of the school for children of poor parents of foreign confessions in St. Petersburg]. St. Petersburg: [s.n.].
12. Steinberg, A. (1912) *Geschihte der Schulen der evangelisch – lutherischen St.Petri-Kirche in S.-Petersburg* [The history of the schools at the Evangelical Lutheran St.Petri Church in St. Petersburg]. St. Petersburg: [s.n.].
13. Koch, E. (1931) *Die deutschen Kolonien Nordrusslands: Eine siedlungswirtschafts-geographische und kulturhistorische Untersuchung* [The German colonies of Northern Russia: A geological and cultural-historical investigation]. Würzburg: [s.n.].
14. Puzykina, L.N. (2013) *Nemtsy v Sankt-Peterburgskoy gubernii: istorii, yazyk, pesni* [The Germans in St. Petersburg Province: History, language, songs]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.

15. Schirmunski, V. (1931) *Linguistische und Ethnographische Studien* [Linguistic and Ethnographical Studies]. München: Südostdeutsches Kulturwerk. pp. 157–168.
16. Ström, A. (1931) Deutsche Mundarten an der Neva I: Die Mundarten der drei ältesten deutschen Mutterkolonien im Neva-Gebiet [German dialects on the Neva I: The dialects of the three oldest German mother colonies in the Neva region]. In: Schirmunski, V. (ed.) *Linguistische und ethnographische Studien 1926–1931* [Linguistic and Ethnographical Studies 1926–1931]. München: Südostdeutsches Kulturwerk. pp. 135–156.
17. Kotler, I.B. (1987) “Spravochnaya kniga o litsakh sankt-peterburgskogo kupechestva” . . . kak istochnik po etnicheskoy antroponimike Peterburga [“A reference book on St. Petersburg merchants” . . . as a source on the ethnic anthroponymy of St. Petersburg]. In: Pospelov, E.M. (ed.) *Etnicheskie gruppy v gorodakh evropeyskoy chasti SSSR (formirovanie, rasselenie, dinamika kul'tury)* [Ethnic groups in the cities of the European part of the USSR (formation, settlement, dynamics of culture)]. Moscow: USSR AS. pp. 126–136.
18. Yuhneva, N.V. (1989) Nemtsy v Peterburge vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv. [The Germans in Petersburg in the late 19th – early 20th centuries]. In: Krupnik, I.I. (ed.) *Etnokontaktnye zony v Evropeyskoy chasti SSSR (geografiya, dinamika, metody izucheniya)* [Ethnocontact zones in the European part of the USSR (geography, dynamics, methods of study)]. Moscow: USSR AS. pp. 85–96.
19. Yuhneva, N.V. (1998) Nemtsy v mnogonatsional'nom Peterburge [Germans in Multinational Petersburg]. In: Slavgorodskaya, L.V. (ed.) *Nemtsy v Rossii: Lyudi i sud'by* [Germans in Russia: People and Fates]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 56–68.
20. Yuhneva, N.V. (1982) Peterburg – mnogonatsional'naya stolitsa [Petersburg – a multinational capital]. In: Yuhneva, N.V. (ed.) *Staryy Peterburg: istoriko-etnograficheskie issledovaniya* [Old Petersburg: A historical and ethnographic research]. Leningrad: Nauka. pp. 7–51.
21. Zakharov, V.N. (1996) Nemtsy v Sankt-Peterburge i Moskve s XVIII v. do nachala Pervoy mirovoy voyny [Germans in St. Petersburg and Moscow from the 18th century and before the First World War]. *Otechestvennaya istoriya*. 1. pp. 171–177.
22. Naydich, L.E. (1998) Byt i obraz zhizni nemetskikh kolonistov pod Peterburgom [XVIII–XX vv.] [The way of life of the German colonists near St. Petersburg [the 18th – 20th centuries]]. In: Slavgorodskaya, L.V. (ed.) *Nemtsy v Rossii: Lyudi i sud'by* [Germans in Russia: People and Fates]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 101–107.
23. Smagin, G.I. (ed.) (1999) *Nemtsy v Rossii: peterburgskie nemtsy* [Germans in Russia: The Petersburg Germans]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
24. Bush, M. (1998) Nemtsy v Peterburge, 1865–1914. Samosoznanie i integratsiya [Germans in St. Petersburg, 1865–1914. Self-Consciousness and Integration]. In: Slavgorodskaya, L.V. (ed.) *Nemtsy v Rossii: Lyudi i sud'by* [Germans in Russia: People and Fates]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 56–68.
25. Ivanova, N.I. (1999) *Nemtsy v Sankt-Peterburge i okrestnostyakh* [Germans in St. Petersburg and the environs]. St. Petersburg: Znack.
26. Keller, A.V. (1991) Rol' vnutrisemeynogo obshcheniya i vospitaniya detey v nemetskikh sem'yakh v Peterburgskoy gubernii v nachale XX veka [The role of intra-family communication and education of children in German families in St. Petersburg province in the early 20th century]. In: Ostrovsky, A.B. (ed.) “*Mir detstva*” v traditsionnoy kul'ture narodov SSSR [The “World of Childhood” in the traditional culture of the USSR peoples]. Leningrad: GME narodov SSSR. pp. 44–51.
27. Lebedev, S.K. (1992) [Germans and the St. Petersburg International Commercial Bank]. *Russko-nemetskie kontakty v biografii Peterburga* [Russian-German contacts in the biography of St. Petersburg]. Proc. of the First International Conference. St. Petersburg. November 2–4, 1992. St. Petersburg. pp. 10–11. (In Russian).
28. Sartor, V. (1996) Torgovyy dom “Shpis” i tabachnaya fabrika “Laferm” v 1852–1914 gg. (Issledovaniya po istorii predprinimatel'stva i promyshlennosti Sankt-Peterburga) [The trading house “Spies” and the tobacco factory “Laferm” in 1852–1914. (Studies on the history of entrepreneurship and industry of St. Petersburg)]. In: Slavina, T.A. (ed.) *Peterburgskie chteniya* [Petersburg Readings]. St. Petersburg: Russko-baltiyskiy informatsionnyy tsentr BLIK. pp. 301–304.
29. Werner, A.V. (1995) [From the history of public evangelical institutions in St. Petersburg]. *Rossiyskie nemtsy: Problemy istorii, yazyka i sovremenogo polozheniya* [Russian Germans: Problems of History, Language and the Present State]. Proc. of the International Conference. Anapa. September 20–25, 1995. Moscow. pp. 321–336.
30. Werner, A.V. (1998) Obshchestvennye evangelicheskie uchrezhdeniya v Sankt-Peterburge [Public Evangelical Institutions in St. Petersburg]. In: Slavgorodskaya, L.V. (ed.) *Nemtsy v Rossii: Problemy kul'turnogo vzaimodeystviya* [Germans in Russia: Problems of Cultural Interaction]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin. pp. 225–244.
31. Kurilo, O. (1994) Stumme Zeugen der Geschichte. Zur Geschichte der lutherischen Kirchen in St. Petersburg [Silent Witnesses of History. The History of the Lutheran Churches in St. Petersburg]. *Der Bote*. 3–4. pp. 38–40.
32. Andreeva, N.S. (1998) Pribaltiyskie nemtsy-professora Peterburgskogo universiteta v pervoy polovine XIX veka [Baltic Germans, professors of St. Petersburg University in the first half of the 19th century]. In: Kolpakova, N., Slavgorodskaya, L., Smagina, G. & Shrader, T. (eds) *Nemtsy i razvitie obrazovaniya v Rossii* [Germans and the development of education in Russia]. St. Petersburg: RAS. pp. 80–87.
33. Blagovo, N.V. (1992) Chastnaya shkola K. Maya na Vasil'evskom ostrove i ee rol' v narodnom prosveshchenii Sankt-Peterburga [K. May's Private School on the Vasilievsky Island and its role in the popular education of St. Petersburg]. In: Slavina, T.A. & Sementsov, S.V. (eds) *Peterburgskie chteniya: (K yubileyu goroda)* [Petersburg Readings: (To the anniversary of the city)]. St. Petersburg: Assotsiatsiya issledovateley S.- Peterburga. pp. 166–168.
34. Blagovo, N.V. (1998) Shkola K.I. Maya [K. May's Private School]. In: Kolpakova, N., Slavgorodskaya, L., Smagina, G. & Shrader, T. (eds) *Nemtsy i razvitie obrazovaniya v Rossii* [Germans and the development of education in Russia]. St. Petersburg: RAS. pp. 150–155.
35. Dedyulin, V.I. (1992) *Annesshule: vazhneyshie daty v istorii i zhizni shkoly* [Annesshule: the most important dates in the history and life of the school]. St. Petersburg: [s.n.].
36. Smagina, G.I. (1998) Nemtsy-uchitelya v Sankt-Peterburge i ikh rol' v razvitii obrazovaniya v Rossii vo vtoroy polovine XIX v. [Germans-teachers in St. Petersburg and their role in the development of education in Russia in the second half of the 19th century]. In: Kolpakova, N., Slavgorodskaya, L., Smagina, G. & Shrader, T. (eds) *Nemtsy i razvitie obrazovaniya v Rossii* [Germans and the development of education in Russia]. St. Petersburg: RAS. pp. 161–173.
37. Smirnov, V.V. (1993) [The oldest school in St. Petersburg (the experience of reconstruction)]. *Peterburgskie chteniya* [Petersburg Readings]. Conference dedicated to the 290th anniversary of St. Petersburg. May 24–28, 1993. St. Petersburg: Assotsiatsiya issledovateley S.- Peterburga. pp. 36–39. (In Russian).
38. Ulyanov, N.P. (1998) Petrishule – stareyshaya shkola v Peterburge [Petrishule – the oldest school in Petersburg]. In: Kolpakova, N., Slavgorodskaya, L., Smagina, G. & Shrader, T. (eds) *Nemtsy i razvitie obrazovaniya v Rossii* [Germans and the development of education in Russia]. St. Petersburg: RAS. pp. 129–137.
39. Grinchenko, N.A. (1994) Deyatel'nost' knizhnoy firmy G. Shmitsdorfa v Peterburge (1860–1880 gg.) [The activity of G. Schmitsdorf's book company in St. Petersburg (1860–1880)]. *Issledovaniya i materialy*. 68. pp. 314–319.
40. Nekrylova, A.F. (1992) [Germans in the folklore culture of St. Petersburg]. *Russko-nemetskie kontakty v biografii Peterburga* [Russian-German contacts in the biography of St. Petersburg]. Proc. of the First Conference. November 2–4, 1992. St. Petersburg. pp. 6–7. (In Russian).
41. Nimöller, K.-V. (1996) [German musical ties with St. Petersburg in the 19th century in the mirror of diaries, letters, travel notes and other documents from Ludwig Spohr to Ferdinand Hiller]. *Germaniya. Rossiya. Ukraina: Muzykal'nye svyazi: istoriya i sovremennost'* [Germany. Russia. Ukraine: Musical connections: History and modern times]. Proc. of the International Symposium. September 27 – October 1, 1994. St. Petersburg. pp. 30–40. (In Russian).
42. Ponomareva, M.V. (1993) [German architects of the second half of the 19th century in St. Petersburg]. *Russko-nemetskie kontakty v biografii Peterburga* [Russian-German contacts in the biography of St. Petersburg]. Proc. of the Second International Conference. September 13–15, 1993. St. Petersburg. pp. 49–50. (In Russian).

43. Bakhmutskaya, E.V. (1993) Iz istorii nemetskoy blagotvoritel'nosti v Peterburge [From the history of German philanthropy in Petersburg]. *Russko-nemetskie kontakty v biografii Peterburga* [Russian-German contacts in the biography of St. Petersburg]. Proc. of the Second International Conference. September 13–15, 1993. St. Petersburg. pp. 51–52. (In Russian).
44. Grinshteyn, O.M. (1998) O.O.Buksgevdn i blagotvoritel'nye uchrezhdeniya Peterburga kontsa XIX – nachala XX vv. [O.O. Buksgewden and charitable institutions of St. Petersburg in the late 19th – early 20th centuries]. In: Kolpakova, N., Slavgorodskaya, L., Smagina, G. & Shrader, T. (eds) *Nemtsy i razvitie obrazovaniya v Rossii* [Germans and the development of education in Russia]. St. Petersburg: RAS. pp. 210–222.
45. Yakovleva, E.B. (1998) Blagotvoritel'naya deyatel'nost' sem'i Ol'denburgskikh v Rossii v XIX veke [Charitable activity of the Oldenburg family in Russia in the 19th century]. In: Kolpakova, N., Slavgorodskaya, L., Smagina, G. & Shrader, T. (eds) *Nemtsy i razvitie obrazovaniya v Rossii* [Germans and the development of education in Russia]. St. Petersburg: RAS. pp. 182–188.
46. Bott, I.K. (1993) [The Tonnet brothers in St. Petersburg]. *Russko-nemetskie kontakty v biografii Peterburga* [Russian-German contacts in the biography of St. Petersburg]. Proc. of the Second International Conference. September 13–15, 1993. St. Petersburg. pp. 45–47. (In Russian).
47. Volobaeva, T.V. (1996) Deyatel'nost' brat'ev Frank i proizvodstvo vitrazhey v Peterburge [Activities of the Frank brothers and the production of stained glass in St. Petersburg]. In: Slavina, T.A. (ed.) *Peterburgskie chteniya* [Petersburg Readings]. St. Petersburg: Russko-baltiyskiy informatsionnyy tsentr BLIK. pp. 145–147.
48. Dyakin, V.S. (1992) [Siemens in Petersburg]. *Russko-nemetskie kontakty v biografii Peterburga* [Russian-German contacts in the biography of St. Petersburg]. Proc. of the First International Conference. St. Petersburg. November 2–4, 1992. St. Petersburg. pp. 12–14. (In Russian).
49. Kishchuk, A.A. (1993) [Family of Regels and garden and park art in Russia]. *Russko-nemetskie kontakty v biografii Peterburga* [Russian-German contacts in the biography of St. Petersburg]. Proc. of the Second International Conference. September 13–15, 1993. St. Petersburg. pp. 20–21. (In Russian).
50. Lizunov, P.V. (1999) Shtiglitsy – “nekoronovannyye koroli rossiyskikh finansov” [The Stieglitzs – “the uncrowned kings of Russian finance”]. *Voprosy istorii*. 10. pp. 35–51.
51. Chesnokova, A.N. (2001) *Inostrantsy v Peterburge. Nemtsy. Frantsuzy. Britantsy. 1703–1917: istoriko-kraevedcheskie ocherki* [Foreigners in Petersburg. Germans. French people. The British]. St. Petersburg: Satis. pp. 7–36.
52. Ivanova, N.I. (2002) *Nemetskie predprinimateli v Sankt-Peterburge (XVIII–XX vv.)* [German entrepreneurs in St. Petersburg (the 18th – 20th centuries)]. St. Petersburg: IOV RAO.
53. Bakhmutskaya, E.V. (1999) Obrazovanie nemetskikh koloniy v Sankt-Peterburgskoy gubernii (Vtoraya polovina XVIII – nachalo XX v.) [The formation of German colonies in St. Petersburg Province (the second half of the 18th – early 20th centuries)]. In: Kolpakova, N.V. (ed.) *Nemtsy v Rossii: Peterburgskie nemtsy* [Germans in Russia: Petersburg Germans]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin. pp. 233–244.
54. Bakhmutskaya, E.V. (2004) Faktor Peterburga v ekonomicheskoy, sotsial'noy i dukhovnoy zhizni podstolichnykh nemetskikh koloniy [The St. Petersburg factor in the economic, social and spiritual life of the substage German colonies]. In: German, A.A. (ed.) *Klyuchevye problemy istorii rossiyskikh nemtsev* [Key problems of the history of Russian Germans]. Moscow: MNSK-press. pp. 357–371.
55. Bokarius, S.E. (1992) [Traditional culture of the Germans of the Petersburg province (Historical and ethnographic aspects)]. *Russko-nemetskie kontakty v biografii Peterburga* [Russian-German contacts in the biography of St. Petersburg]. Proc. of the First International Conference. St. Petersburg. November 2–4, 1992. St. Petersburg. pp. 4–5. (In Russian).
56. Lebedeva, E.V. (2007) Obshchina nemetskikh kolonistov i rossiyskoe gosudarstvo v XVIII–XIX vv.: evolyutsiya vzaimootnosheniy (na primere koloniy Severo-Zapada) [The community of German colonists and the Russian state in the 18th and 19th centuries: the evolution of relationships (a case study of the Northwest colonies)]. In: German, A.A. (ed.) *Rossiyskoe gosudarstvo, obshchestvo i etnicheskie nemtsy: osnovnye etapy i kharakter vzaimootnosheniy (XVIII–XXI vv.)* [The Russian state, society and ethnic Germans: Main stages and relationships (the 18th – 21st centuries)]. Moscow: MSNK-press. pp. 59–71.
57. Shrader, T.A. (2005) Nemetskaya koloniya Ovtsyno: proshloe i nastoyashchee [The German colony Ovtsyno: Past and present]. In: Dalman, S.V. et al. *Nemtsy v Sankt-Peterburge (XVIII – XX veka)* [Germans in St. Petersburg (the 18th – 20th centuries)]. St. Petersburg: RAS. pp. 289–308.
58. Shrader, T.A. (1998) Poseleniya nemetskikh krest'yan-kolonistov v Peterburgskoy gubernii v XIX v. i v pervyye dva desyatiletiya XX v. [Settlements of German peasant colonists in St. Petersburg province in the 19th century and in the first two decades of the 20th century]. In: Slavgorodskaya, L.V. (ed.) *Nemtsy v Rossii: Lyudi i sud'by* [Germans in Russia: People and Fates]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin. pp. 81–100.
59. Shrader, T.A. (2003) Etnokul'turnye protsessy v srede nemetskikh kolonistov Peterburgskoy gubernii (Leningradskoy oblasti) (XIX–XX vv.) [Ethnocultural processes among German colonists of Petersburg province (Leningrad region) (the 19th – 20th centuries)]. In: German, A.A. (ed.) *Klyuchevye problemy istorii rossiyskikh nemtsev* [Key problems of the history of Russian Germans]. Moscow: MNSK-press. pp. 372–380.
60. Ananich, B.V. (2000) Nemetskie remeslenniki i predprinimateli v Sankt-Peterburge s XVIII veka do nachala Pervoy mirovoy voyny [German artisans and entrepreneurs in St. Petersburg from the 18th century to the beginning of the First World War]. In: Dalman, D. (ed.) *“Bol'shoe budushchee”*. *Nemtsy v ekonomicheskoy zhizni Rossii* [“The Great Future”. Germans in the economic life of Russia]. Berlin: Reshke, Steffens & Kruze. pp. 120–129.
61. Ananich, B.V. (2000) Shtiglitsy – poslednie pridvornyye bankiry v Rossii [The Stieglitz – the last court bankers in Russia]. In: Dalman, D. (ed.) *“Bol'shoe budushchee”*. *Nemtsy v ekonomicheskoy zhizni Rossii* [“The Great Future”. Germans in the economic life of Russia]. Berlin: Reshke, Steffens & Kruze. pp. 196–201.
62. Dalman, D. (2000) Leopold Koenig, peterburgskiy sakharannyi korol' [Leopold Koenig, St. Petersburg Sugar King]. In: Dalman, D. (ed.) *“Bol'shoe budushchee”*. *Nemtsy v ekonomicheskoy zhizni Rossii* [“The Great Future”. Germans in the economic life of Russia]. Berlin: Reshke, Steffens & Kruze. pp. 206–213.
63. May, I. (2000) “Menya zdes' schitayut samym khitrym, pronyrlivym i sposobnym kuptsom”. Genrikh Shlimann v Rossii [“I am considered here the most cunning, nosy and capable merchant”. Henry Schliemann in Russia]. In: Dalman, D. (ed.) *“Bol'shoe budushchee”*. *Nemtsy v ekonomicheskoy zhizni Rossii* [“The Great Future”. Germans in the economic life of Russia]. Berlin: Reshke, Steffens & Kruze. pp. 202–205.
64. Sartor, V. (2000) Georg Shpis – nemetskiy predprinimatel' v Sankt-Peterburge [Georg Spies – a German entrepreneur in St. Petersburg]. In: Slavgorodskaya, L., Zherebin, A., Kibardina, S., Svetozarova, N. & Danilevskiy, R. *Nemtsy v Rossii: russko-nemetskie nauchnye i kul'turnye svyazi* [Germans in Russia: Russian-German Scientific and Cultural Relations]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin. pp. 375–394.
65. Katskova, T.A. (2000) Iz istorii prepodavaniya nemetskogo yazyka v Sankt-Peterburgskom universitete (XIX – nachalo XX vv.) [From the history of teaching German at St. Petersburg University (the 19th – early 20th centuries)]. In: Slavgorodskaya, L., Zherebin, A., Kibardina, S., Svetozarova, N. & Danilevskiy, R. *Nemtsy v Rossii: russko-nemetskie nauchnye i kul'turnye svyazi* [Germans in Russia: Russian-German Scientific and Cultural Relations]. St. Petersburg: Dmitry Bulanin. pp. 71–81.
66. Krivdina, O.A. (2009) G.R.Zaleman (1859–1919) – professor skul'ptury i pedagog Imperatorskoy Akademii khudozhestv [G.R. Zaleman (1859–1919) – professor of sculpture and teacher of the Imperial Academy of Arts]. In: Shrader, T.A. (ed.) *Nemtsy v Sankt-Peterburge: biograficheskiy aspekt, XVIII–XX vv.* [Germans in St. Petersburg: The biographical aspect, the 18th–20th centuries]. St. Petersburg: MAE RAS. pp. 218–225.
67. Malyshev, I.I. (2011) Nemtsy v istorii Morskogo korpusa Petra Velikogo [Germans in the history of the Marine Corps of Peter the Great]. In: Dalman, D. & Smagina, G.I. (eds) *Nemtsy v Rossii: vstrechi na perekrestke kul'tur* [Germans in Russia: At the Crossroads of Cultures]. St. Petersburg: Rostok. pp. 262–274.
68. Annenkova, E.A. (2005) Prodolzhenie blagotvoritel'nykh i kul'turnykh traditsiy sem'i Ol'denburgskikh v deyatel'nosti Obshchestva družey Doma Ol'denburgskikh [The charitable and cultural traditions of the Oldenburg family in the activity of the Society of Friends of the Oldenburg House]. In: Smagina, G.I. (ed.) *Nemtsy Sankt-Peterburga: nauka, kul'tura, obrazovanie* [Germans of St. Petersburg: Science, Culture, Education]. St. Petersburg: Rostok. pp. 163–176.

69. Baranova, I. (2015) Nemetskie blagotvoritel'nye obshchestva v Peterburge (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [German charitable societies in St. Petersburg (the second half of the 19th and early 20th centuries)]. In: Shrader, T.A. (ed.) *Nemtsy v Sankt-Peterburge: biograficheskiy aspekt, XVIII–XX vv.* [Germans in St. Petersburg: The biographical aspect, the 18th–20th centuries]. St. Petersburg: MAE RAS. pp. 187–196.
70. Beregov, N.E. (2005) Baronessa V.I. Meyendorff – predsedatel'nitsa Glavnogo pravleniya Rossiyskogo obshchestva pokrovitel'stva zhivotnym [Baroness V.I. Meyendorff – chairman of the Main Board of the Russian Society for the Protection of Animals]. In: Smagina, G.I. (ed.) *Nemtsy Sankt-Peterburga: nauka, kul'tura, obrazovanie* [Germans of St. Petersburg: Science, Culture, Education]. St. Petersburg: Rostok. pp. 177–188.
71. Demina, I.S. (2006) *Blagotvoritel'naya deyatel'nost' sem'i Ol'denburgskikh v Rossii v XIX – nachale XX v.* [Charitable activities of the Oldenburg family in Russia in the 19th – early 20th century]. Abstract of History Cand. Diss. St. Petersburg.
72. Golikov, Yu.P. (2005) Karl Andreevich Raukhfus (1835–1915) (Kratkiy biograficheskiy ocherk) [Karl Andreevich Raukhfus (1835–1915) (Brief Biographical Sketch)]. In: Smagina, G.I. (ed.) *Nemtsy Sankt-Peterburga: nauka, kul'tura, obrazovanie* [Germans of St. Petersburg: Science, Culture, Education]. St. Petersburg: Rostok. pp. 237–254.
73. Kovalevskiy, A.V. (2011) Peterburgskie nemtsy-mediki v Mariinskoy bol'nitse dlya bednykh [Petersburg German doctors in the Mariinsky hospital for the poor]. In: Dalman, D. & Smagina, G.I. (eds) *Nemtsy v Rossii: vstrechi na perekrestke kul'tur* [Germans in Russia: At the Crossroads of Cultures]. St. Petersburg: Rostok. pp. 275–293.
74. Shrader, T.A. (2012) Nemetskie vrachebnye obshchestva v Sankt-Peterburge (XIX vek) [German medical societies in St. Petersburg (the 19th century)]. In: Shrader, T.A. (ed.) *Nemtsy v Sankt-Peterburge: biograficheskiy aspekt, XVIII–XX vv.* [Germans in St. Petersburg: The biographical aspect, the 18th–20th centuries]. Issue 7. St. Petersburg: MAE RAS. pp. 130–136.
75. Bogdanov, V.I. (2012) Maloizvestnyy Evgeniy Al'fredovich Geynts (1866–1918) [The unrenowned Evgeniy Alfredovich Heinz (1866–1918)]. In: Shrader, T.A. (ed.) *Nemtsy v Sankt-Peterburge: biograficheskiy aspekt, XVIII–XX vv.* [Germans in St. Petersburg: The biographical aspect, the 18th–20th centuries]. Issue 7. St. Petersburg: MAE RAS. pp. 152–167.
76. Sleptsova, T.V. (2005) Zhiznennyy put' i nauchnaya deyatel'nost' chlena-korrespondenta Peterburgskoy akademii nauk, istorika N.K. Shil'dera [The life and research of Corresponding Member of the St. Petersburg Academy of Sciences, historian N.K. Shilder]. In: Smagina, G.I. (ed.) *Nemtsy Sankt-Peterburga: nauka, kul'tura, obrazovanie* [Germans of St. Petersburg: Science, Culture, Education]. St. Petersburg: Rostok. pp. 255–274.
77. Ippolitova, G.A. (2005) Vlade'tsy fortepiannoy fabрики "Ya. Bekker" (1841–1917) [The owners of the piano factory "Ya. Bekker" (1841–1917)]. In: Smagina, G.I. (ed.) *Nemtsy Sankt-Peterburga: nauka, kul'tura, obrazovanie* [Germans of St. Petersburg: Science, Culture, Education]. St. Petersburg: Rostok. pp. 339–354.
78. Ippolitova, G.A. (2011) Nemetskie muzykanty v Pridvornom imperatorskom orkestre [German musicians in the Imperial Court Orchestra]. In: Dalman, D. & Smagina, G.I. (eds) *Nemtsy v Rossii: vstrechi na perekrestke kul'tur* [Germans in Russia: At the Crossroads of Cultures]. St. Petersburg: Rostok. pp. 61–80.
79. Heidebrecht, G. (2005) Nemetskie zodchie i "ratsional'naya" arkhitektura v Rossii vtoroy poloviny XIX veka [German architects and "rational" architecture in Russia in the second half of the 19th century]. In: Smagina, G.I. (ed.) *Nemtsy Sankt-Peterburga: nauka, kul'tura, obrazovanie* [Germans of St. Petersburg: Science, Culture, Education]. St. Petersburg: Rostok. pp. 371–386.
80. Karpova, E.V. (2011) Raboty nemetskikh skulptorov XIX veka v inter'erakh Kamennooostrovskogo dvortsa [Works of German sculptors of the 19th century in the interiors of the Kamennooostrovsky Palace]. In: Dalman, D. & Smagina, G.I. (eds) *Nemtsy v Rossii: vstrechi na perekrestke kul'tur* [Germans in Russia: At the Crossroads of Cultures]. St. Petersburg: Rostok. pp. 114–124.
81. Kravchun, P.N. (2005) Organy nemetskikh masterov v peterburgskikh khramakh [Pipe organs of German masters in St. Petersburg churches]. In: Smagina, G.I. (ed.) *Nemtsy Sankt-Peterburga: nauka, kul'tura, obrazovanie* [Germans of St. Petersburg: Science, Culture, Education]. St. Petersburg: Rostok. pp. 189–218.
82. Kravchun, P.N. (2011) Organy nemetskikh masterov v khramakh Sankt-Peterburgskoy gubernii [Pipe organs of German masters in the temples of St. Petersburg province]. In: Dalman, D. & Smagina, G.I. (eds) *Nemtsy v Rossii: vstrechi na perekrestke kul'tur* [Germans in Russia: At the Crossroads of Cultures]. St. Petersburg: Rostok. pp. 125–148.
83. Matveev, V.Yu. (ed.) (1997) *Nemtsy i nemetskaya kul'tura v istorii Sankt-Peterburga* [Germans and German culture in the history of St. Petersburg]. St. Petersburg: Slaviya.
84. Popova, P.I. (2011) Khudozhniki iz dinastii Bakhov. K 150-letiyu so dnya rozhdeniya skulptora R.R. Bakha [Artists from the Bach dynasty. To the 150th anniversary of the birth of the sculptor R.R. Bach]. In: Dalman, D. & Smagina, G.I. (eds) *Nemtsy v Rossii: vstrechi na perekrestke kul'tur* [Germans in Russia: At the Crossroads of Cultures]. St. Petersburg: Rostok. pp. 164–173.
85. Gavrilov, S.L. (2011) *Ostzeyskie nemtsy v Sankt-Peterburge. Rossiyskaya imperiya mezhu Shlezvigom i Gol'shteynom, 1710–1918* [The Ostsee Germans in St. Petersburg. The Russian Empire between Schleswig and Holstein, 1710–1918]. St. Petersburg: Russkaya troyka.
86. Vailua, G.P. (2013) Sotsial'nyy sostav nemtsev Sankt-Peterburga XIX–XX veka [Social composition of Germans in St. Petersburg in the 19th – 20th centuries]. *Teoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii*. 1. pp. 121–128.
87. Spivak, D.L. (2003) *Metafizika Peterburga: nemetskiy dukh* [Metaphysics of Petersburg: The German spirit]. St. Petersburg: Aleteyya.
88. Shrader, T.A. (2003) *Byt i kul'tura rossiyskikh nemtsev v muzeyakh Sankt-Peterburga* [Life and culture of Russian Germans in the museums of St. Petersburg]. St. Petersburg: Nauka.
89. Lebedeva, E.V. (2008) Samoorganizatsiya nemetskogo naseleniya rossiyskikh gorodov v XVIII – nachale XX v. (na primere Moskvy i Sankt-Peterburga) [Self-organization of Germans in Russian cities in the 18th – early 20th centuries. (A case study of Moscow and St. Petersburg)]. In: German, A.A. (ed.) *Nemtsy Rossii: istoricheskiy opyt i sovremennye problemy samoorganizatsii* [Russia Germans: Historical experience and modern problems of self-organization]. Moscow: MSNK-PRESS. pp. 11–16.
90. Sartor, V. (2010) Nemetskie predprinimateli Sankt-Peterburga: sem'ya i konfessional'naya struktura 1815–1914 gg.; etnicheskaya i religioznaya sreda [German entrepreneurs in St. Petersburg: Family and confessional structure of 1815–1914. Ethnic and religious environment]. In: Ananich, V.V., Dalman, D. & Petrov, Yu.A. (eds) *Chastnoe predprinimatel'stvo v dorevolutsionnoy Rossii: etnokonfessional'naya struktura i regional'noe razvitiye, XIX – nachalo XX v.* [Private entrepreneurship in pre-revolutionary Russia: Ethno-confessional structure and regional development, the 19th – early 20th centuries]. Moscow: ROSSPEN. pp. 59–93.

УДК 930.1 (093)

DOI: 10.17223/19988613/46/20

Н.С. Гусева

ПРИМЕНЕНИЕ МАТЕМАТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ В ИССЛЕДОВАНИЯХ ПО АГРАРНОЙ ИСТОРИИ РОССИИ ПОРЕФОРМЕННОГО И СОВЕТСКОГО ПЕРИОДОВ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОБЛЕМЫ (1960-е – НАЧАЛО 1990-х гг.)

Представлена отечественная историография проблемы применения методов математики и ЭВМ в исследованиях по аграрной истории России пореформенного и советского периодов. Анализ научной литературы по заявленной проблеме исследования позволил выделить четыре основных историографических периода. Каждый из них обусловлен конкретно-исторической проблематикой, находящейся в центре внимания отечественных исследователей, характером источников, методами их обработки и анализа, развитием тенденции к междисциплинарности исторического познания: 1-й этап – конец 1950-х – 1960-е гг.; 2-й этап – 1970-е – первая половина 1980-х гг.; 3-й этап – вторая половина 1980-х – начало 1990-х гг.; 4-й этап – 1990-е гг. – настоящее время.

Ключевые слова: квантитативная история; математические методы; ЭВМ; междисциплинарный синтез.

Период XX – начала XXI в. ознаменован расширением методов, становлением новых подходов и направлений исследований. На протяжении последних десятилетий подходы математики быстрыми темпами проникают в различные отрасли научного знания. Не является исключением в этом отношении и историческая наука, в рамках которой активное применение математических методов во второй половине прошлого столетия открыло новые возможности и перспективы в области междисциплинарных исторических исследований. Между тем развитие самой исторической науки указывает, что данный процесс был вполне объективен. Математические методы и появившиеся в середине прошлого столетия ЭВМ в целом позволили значительно расширить возможности исследований в рамках конкретно-исторических проблем, постепенно стали органической частью творческой лаборатории историка. В широкое обращение были введены массовые исторические источники и содержащийся в них большой объем информации, который ранее невозможно было оценить традиционными методами. Эти обстоятельства стали одними из важнейших катализаторов широкого и быстрого распространения подходов математики в, казалось бы, достаточно далекую от «царицы наук» историю.

Научно-техническая революция, распространение компьютерных технологий и ЭВМ дали серьезный импульс в направлении расширения практики применения математических методов в исследованиях исторических явлений и процессов, в том числе в области социально-экономической, в частности аграрной, истории. Нельзя не отметить, что отечественной исторической наукой в данном направлении накоплен обширный и богатый опыт исследований. Именно историки-аграрники одними из первых обратились к использованию математических методов и ЭВМ для обработки и анализа данных массовых исторических источников.

Анализ историографии проблем применения математических методов в исследованиях по аграрной ис-

тории России позволяет выделить четыре основных историографических этапа.

Период конца 1950-х – 1960-е гг. – первый этап историографического анализа использования математических методов, обусловленный внедрением ЭВМ – главного открытия научно-технической революции, в исторические исследования. Характерными чертами данного периода явилась активная научно-исследовательская работа («разведка боем», как отмечал И.Д. Ковальченко) по выявлению конкретных исторических проблем, требующих применения подходов математики и ЭВМ, а также тщательный отбор корректных для применения в исторической науке математических методов обработки и анализа данных массовых исторических источников. Впервые отечественными историками была поставлена проблема использования массовых источников, постепенно начинают разрабатываться приемы и методы их изучения. Исследователи стали призывать к отказу от иллюстративного характера системы доказательств, в целом описательности в истории. Именно в обращении к известным, но малоиспользуемым и малоизученным в силу ряда объективных причин массовым источникам они видели путь преодоления этих недостатков в исторической науке [1–3].

Отдельных монографий, статей, диссертационных исследований обобщающего историографического характера, в которых бы оценивался накопленный учеными опыт исследований по проблемам аграрной истории России, основанных на методах математики и ЭВМ, в отечественной исторической науке, в том числе и в силу объективных причин, еще не появилось. Между тем историографические сюжеты уже затрагиваются в контексте изучения различной конкретно-исторической проблематики.

В 1964 г. в журнале «История СССР» выходят статьи В.А. Устинова, И.Д. Ковальченко и З.Г. Карпенко, объединенные в один раздел под названием «Новую вычислительную технику – на службу исторической

науке» [4–6]. В статье В.А. Устинов выделяет достижения З.Г. Карпенко и И.Д. Ковальченко – первых специалистов, которые подготовили и представили конкретные исторические материалы по аграрной истории, истории промышленности и рабочего класса для математико-статистической обработки в Лабораторию применения ЭВМ в гуманитарных исследованиях при Институте математики Сибирского отделения АН СССР. Историк отмечает, что рассмотренные примеры убедительно показывают, что по разработанным алгоритмам и программам можно обеспечить автоматическую обработку массовых источников на ЭВМ, эффективность использования которых в исторических исследованиях «совершенно беспорна» [4. С. 13].

В рамках публикации И.Д. Ковальченко подчеркивает, что первые опыты применения ЭВМ и математических методов, проведенные в области социально-экономической истории (исследования В.А. Устинова, З.Г. Карпенко, И.Д. Ковальченко), дали обнадеживающие результаты. Во-первых, пишет историк, они показали, что широкое применение новых методов освободит исследователей от чрезвычайно трудоемкой, требующей огромного времени чисто технической работы и позволит уделить больше внимания творческому осмыслению материала; во-вторых, появится возможность значительно расширить круг фактического материала, что повысит глубину исследований; в-третьих, применение новых методов позволит исследовать на основе широкого круга источников ряд таких проблем, которые сейчас даже не ставятся [6. С. 13–14]. «Поиски, освоение и внедрение новых методов обработки и анализа данных – вот та новая задача, которая возникла сейчас перед историками», – заключает автор [Там же. С. 20].

О конкретно-социальном исследовании, в частности его значении для исторической науки как способе изучения и анализа массовых источников по истории советского общества при помощи математико-статистических методов и ЭВМ, идет речь в коллективной статье В.Е. Полетаева, Ю.А. Полякова и В.А. Устинова [7].

В публикации авторами затронуты имеющиеся достижения историографии направления, отмечается, что за последние годы в СССР был проведен ряд успешных исследований в области изучения истории страны с использованием вычислительной техники и математических методов на материалах различных исторических источников.

В этом направлении выделены работы И.Д. Ковальченко и В.А. Устинова, посвященные анализу периодических подворных описей крестьянских хозяйств одного из имений князей Гагариных первой половины XIX в., а также результаты совместных исследований В.А. Устинова и Л.М. Горюшкина по изучению материалов сельскохозяйственной переписи 1916 г. по Томской губернии. «Совершенно очевидно, – подчеркивают авторы, – что накопленный опыт еще крайне невелик, что новые методы исследования

очень медленно внедряются в жизнь. Между тем возможности здесь необычайны» [Там же. С. 13].

И.Д. Ковальченко в вышедшей в 1969 г. публикации обобщает имеющийся опыт применения математических методов и на этой основе определяет те области и аспекты исторического анализа, в которых применение новых методов и ЭВМ дает существенный исследовательский эффект, а также выделяет приемы и методы математики, которые могут найти наиболее широкое применение в истории [8]. «Как показывают опубликованные результаты исследований, – пишет историк, – математические методы могут быть применены для решения двух типов задач: во-первых, при анализе частичных данных с целью получения обобщенных характеристик изучаемых явлений, во-вторых, для выявления взаимосвязи между различными факторами и определения сравнительной роли изучаемых факторов в тех или иных процессах» [Там же. С. 120].

Как следствие, И.Д. Ковальченко высоко оценивает результаты применения выборочного метода, подчеркивает его эффективность при изучении динамики явлений. Подробно останавливается на методах выявления взаимосвязи между признаками – корреляционном, регрессионном и факторном анализе. Проведенный анализ литературы позволил И.Д. Ковальченко сделать следующий вывод: «Уже имеющийся опыт применения советскими историками математических методов для выявления взаимосвязи между различными факторами и особенно для определения их сравнительной роли показывает высокую эффективность этих методов сравнительно с традиционными приемами анализа» [Там же. С. 129–130], а также заключить, что начальный этап работы, всецело основанный на инициативе и энтузиазме отдельных исследователей, можно считать пройденным, возможность и эффективность применения математических методов и ЭВМ доказаны [Там же. С. 132]. Вместе с тем историком отмечается важная, но сложная и пока нерешенная задача – создание специальных программ для ЭВМ, а также непосредственно практика применения методов математики при анализе массовых источников, содержащих не только количественные, но также и словесные (нарративные, качественные) характеристики политической, духовной, общественной деятельности.

Для этого этапа характерны дискуссии среди советских историков по проблеме определения роли и места количественных методов в исторических исследованиях. Дискуссии способствовали тому, что в конце 1960-х гг. начинают появляться первые публикации теоретико-методологического плана. В них историки подчеркивают, что методы математики не являются абсолютными и не заменяют собой других методов исторического исследования.

1970-е – первая половина 1980-х гг. знаменуют собой новый этап в развитии историографии проблематики. Постепенное накопление научно-исследовательского опыта через апробацию на практи-

ке различных математических методов позволило советским историкам подойти к созданию таких работ, в которых была представлена и историография их применения. Между тем отдельные монографические исследования, предметом изучения которых непосредственно бы являлась историография проблемы применения математических методов в исследованиях по аграрной истории, на данном этапе отсутствуют. Историографические вопросы затрагиваются исследователями в рамках частей отдельных монографий теоретико-методологического и конкретно-исторического плана. В них также находят отражение разработки советских историков о теоретических и методологических аспектах источниковедения массовых источников.

В книге Т.И. Славко в процессе решения одной из поставленных в работе задач впервые в рамках отдельного монографического исследования автором были подведены итоги накопленного советскими историками опыта по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях различной проблематики, в том числе аграрной [9]. Так, Т.И. Славко подчеркивает, что «в области аграрной истории России было больше всего нерешенных и дискуссионных вопросов, которые можно было разрешить, только вводя в исследование новые комплексы источников, совершенствуя приемы и методы их обработки и анализа» [Там же. С. 8]. Историк анализирует работы по изучению аграрного рынка пореформенной России, акцентирует внимание на публикациях 1970-х гг. по аграрной истории советской деревни, отмечая, что к началу 1980-х гг. историками-аграрниками был достигнут наиболее высокий уровень в применении математических методов в советской исторической науке, в научный оборот введены новые массовые источники, разработаны методики их обработки и анализа.

Отдельное внимание в монографии уделено анализу работ, посвященных теоретическому и методологическому обоснованию применения математических методов в истории. Исследователь подчеркивает тот факт, что особое внимание этому вопросу уделялось в конце 1960-х – начале 1970-х гг., были сделаны первые попытки раскрыть своеобразие применения математических методов в истории, наметить основные направления их использования. «В результате, – пишет Т.И. Славко, – были не только продемонстрированы важность и необходимость их применения, но и доказано, что их распространение – объективный процесс, обусловленный развитием исторической науки. С этого времени историки стали больше внимания уделять специфике применения методов математики, источниковедческим и конкретно-методическим вопросам, связанным с использованием математических приемов» [Там же. С. 12].

В первой части коллективной монографии И.Д. Ковальченко, Н.Б. Селунской и Б.М. Литвакова рассмотрены теоретико-методологические и источниковедческо-методические вопросы изучения помещи-

чьего хозяйства, выделены ключевые историографические этапы изучения аграрного строя России периода капитализма в исторической науке [10]. В рамках одного из них авторами были рассмотрены работы, основанные на методах математики и ЭВМ. Историки пишут, что «введение в научный оборот массовых источников, совершенствование методов исследования обусловили возможность нового уровня изучения как отдельных сторон и явлений, так и всей системы аграрных отношений» [Там же. С. 11]. В этом направлении выделены работы, в которых при помощи новых, вовлечения в научный оборот массовых источников были получены крупномасштабные конкретно-исторические итоги при изучении истории реформы 1861 г., складывания национального аграрного рынка, товарности сельскохозяйственного производства, а также аграрной типологии губерний Европейской России на рубеже XIX–XX вв. Наряду с положительной оценкой итогов проводимых количественных исследований авторами выделен и ряд недостатков в изучении аграрной истории: низкий уровень анализа и обобщения результатов исследований, необходимость повышения их научно-методологической составляющей, слабая координация исследований. Последний из них, по мнению исследователей, может быть решен путем коллективного изучения явлений аграрной истории на основе единых принципов, путей и методов обработки и анализа данных, что позволило бы значительно повысить их эффективность.

Л.В. Миловым и Н.Б. Селунской в издании 1984 г. был представлен обзор основных направлений применения методов математики и ЭВМ в исследованиях советских историков [11]. Проведенный анализ научной литературы позволил исследователям выделить два этапа в развитии историографии направления: 1-й этап – 1960-е гг.; 2 этап – начиная с 1970-х гг. И если первые опыты носили локальный характер, то «отличительными чертами современного этапа, – пишут авторы, – является не просто рост числа исследований, расширение сферы применения, разнообразие и совершенствование методических приемов и средств, но прежде всего постановка таких исследовательских задач, которые трудно или вообще невозможно решить традиционными методами» [Там же. С. 301]. Исследователи отмечают, что методы корреляционного и регрессионного анализа позволили получить модели социально-экономической структуры крестьянского и помещичьего хозяйств России XVII – начала XX в., все более широкое применение они начинают находить при изучении аграрных отношений и рынка советской деревни; серьезное внимание со стороны советских историков уделяется выборочному методу; ведущим методом количественных исследований на современном этапе является моделирование. Весь историографический материал сгруппирован в зависимости от типа конкретных исследовательских задач, решаемых с помощью математико-статистических методов.

Итогам и перспективам использования математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях посвящена статья И.Д. Ковальченко и А.К. Соколова, опубликованная в 1978 г. [12]. Историки пишут, что прошедшее пятилетие ознаменовалось значительными успехами в области расширения методики и техники конкретно-исторических исследований, связанными с распространением новых методов и ЭВМ во всех областях исторического знания, отличительной чертой периода «являются попытки исследователей перейти от эпизодического применения математико-статистических методов и ЭВМ и разработки частных методов к этапам и универсальным формам их применения» [Там же. С. 221, 228]. Исследователями также отмечен факт усиления интереса со стороны советских историков к методологическим проблемам истории, что выразилось в появлении первых публикаций, непосредственно посвященных методологическим вопросам применения математико-статистических методов и ЭВМ в исторических исследованиях. Анализируя публикации, И.Д. Ковальченко и А.К. Соколов обращают внимание на актуальность поставленных в них проблем измерения исторических явлений и фактов, а также моделирования в истории. Отмечено, что в научный оборот советскими учеными введен широкий круг массовых источников, в том числе содержащих качественные, словесные характеристики. Предприняты первые попытки применить в исторических исследованиях современные методы из области теории алгоритмов, теории игр, теории решений, разрабатываются методы контент-анализа. Между тем «анализ опубликованных работ, изучение докладов советских ученых по проблемам отечественной истории, посвященных применению современных методов обработки данных, свидетельствует о том, что основные результаты большой и трудоемкой работы впереди», – резюмируют авторы [Там же. С. 238].

Историография проблемы применения математических методов, в том числе в исследованиях по аграрной истории, широко обсуждалась на конференциях, конгрессах, симпозиумах. Один из первых историографических обзоров был представлен в коллективном докладе советских историков в рамках работы специальной подсекции «Цифра как элемент информации историка» XIII Международного конгресса исторических наук (Москва, 1970 г.) [13]. Докладчиками были выделены ключевые направления количественных исследований, имеющих место в советской исторической науке, в первую очередь обозначены конкретно-исторические достижения в области социально-экономической истории. Сформулированы выводы и задачи, стоящие перед историками. Усиленное внимание к математическим методам нашло отражение на симпозиуме по проблемам источниковедения (Таллин, 1972 г.), одно из заседаний которого было посвящено теме «Количественные методы в источниковедении» [14]. Итогом работы стал ряд выводов: историками

продемонстрирован широкий арсенал математических средств для решения различных задач, главным образом это приемы, связанные с анализом структуры, взаимосвязей изучаемых явлений и процессов; отмечена необходимость перехода от экспериментальной стадии к обработке математическими методами массовых комплексов источников в области изучения социально-экономической истории, а также изучения нарративных источников; поставлен вопрос о механизации и автоматизации хранения исторической информации и ее поиска; в области методологических проблем центральным является вопрос о моделировании различных сторон исторического развития при сочетании методов качественного и количественного анализа и др.

Рубеж 1970–1980-х гг. отмечен проведением двух совместных советско-американских симпозиумов (1979, 1981 гг.), в центре внимания которых находились состояние, проблемы и перспективы использования математических методов в исторических исследованиях. Их итогом стал выход сборника материалов, открывает который вступительная статья, подготовленная совместно И.Д. Ковальченко и В.А. Тишковым [15]. В публикации историками кратко, тезисно обозначены ключевые направления применения математических методов, достигнутые за двадцатилетие по каждому из них конкретные результаты. Отмечается, что на данном этапе ключевым направлением в советской исторической науке остаются исследования в области аграрной истории России, главной целью которых является целостное раскрытие внутренней сути и механизма изучаемых явлений и процессов. На основе анализа работ сделан вывод: ведущим методом достижения данной цели в последнее десятилетие является моделирование.

Обобщению накопленного советской исторической наукой опыта моделирования явлений и процессов посвящена отдельная статья И.Д. Ковальченко, размещенная в данном сборнике [16]. На основе анализа ряда опубликованных работ историк делает вывод: во-первых, построение отражательно-измерительных моделей прочно вошло в исследовательскую практику историков, моделирование не просто дополняет другие, традиционные для историков методы, но и позволяет ставить такие исследовательские задачи, которые нельзя решить обычными методами; во-вторых, важным средством углубления анализа хода исторического развития могут быть имитационно-альтернативные модели, в-третьих, построение имитационно-субъективистских моделей как для изображения контрфактических ситуаций, так и для реконструкции реальной исторической действительности является неправомерным [Там же. С. 29, 36].

Внимания заслуживает также публикация Ю.П. Бокарева, в которой он подводит итоги применения количественных методов в исследованиях по истории советского доколхозного крестьянства [17]. На основании анализа научной литературы исследовате-

лем были выделены ключевые направления применения методов математики в работах историков доколхозной деревни: источниковедческая характеристика массовых исторических источников, определение степени их репрезентативности, разработка систем группировки крестьянских хозяйств, анализ внутренней структуры крестьянского хозяйства, взаимосвязи между крестьянской семьей и хозяйством, анализ рыночного оборота крестьянских хозяйств, а также культурного развития крестьянства. В выводе отмечается, что исследователями советской доколхозной деревни в научный оборот введены бюджетные обследования крестьянских хозяйств и данные налоговых сводок, а диапазон применяемых методов разнообразен: группировка, корреляционный, регрессионный и факторный анализ, теория игр и другие методы.

Период второй половины 1980-х – начала 1990-х гг. (до распада Советского Союза) стал важным этапом не только в процессе еще большего расширения практики применения подходов математики и ЭВМ в исторических исследованиях, но и временем более глубокого осмысления накопленного на протяжении нескольких десятилетий исследовательского опыта в области исторической квантификации. Комплексной работы по историографии применения математических методов в исследованиях по аграрной истории России на данном этапе написано также не было. Продолжается тенденция рассмотрения историографии проблемы как составной части отдельных работ теоретико-методологического и конкретно-исторического характера.

Значительное внимание советских историков привлекла работа Л.И. Бородкина [18]. В монографии автором впервые подробно характеризуются методы многомерного статистического анализа, которые могут быть использованы в исторических исследованиях. Во второй части работы приведены результаты конкретно-исторических исследований при изучении типологии и уровня аграрного развития губерний Европейской России на рубеже XIX–XX вв., непосредственным автором которых являлся он лично (в соавторстве с И.Д. Ковальченко). Работы проанализированы на фоне иных исследований. Исходя из этого, автором обосновывается перспективность использования методов многомерного статистического анализа в истории, которые открывают новые возможности в практике конкретно-исторических исследований.

Фундаментальная работа И.Д. Ковальченко «Методы исторического исследования», опубликованная в 1987 г., носит глубокий методологический и историографический характер [19]. Во второй части исследования историком подведены итоги четвертьвекового опыта применения математических методов в исторических исследованиях. Во-первых, автором представлен историографический анализ научной литературы, посвященной теоретико-методологическим и математико-методическим вопросам применения количественных методов и ЭВМ в истории. Данные публика-

ции разбиты историком на два типа: первый тип – общие пособия о применении количественных методов в исторической науке, а также исследовательские работы, посвященные применению конкретных математических методов в исторических исследованиях; второй тип работ включает исследования, в которых авторы идут от исторических явлений и конкретно-исторических данных о них, содержащихся в источниках, к методам изучения, позволяющим выявить суть этих явлений. И.Д. Ковальченко отмечает, что в названных работах советскими историками и математиками исследован ряд проблем (например, необходимость использования количественных методов, их роль и место в исторических исследованиях, соотношение «традиционных» и «новых» методов, проблема измерения исторических явлений и процессов, моделирования и др.), далеко не все из которых, отмечает автор, решены в настоящее время, трактовка ряда вопросов неоднозначна. Но, вместе с тем, в них «с полной очевидностью показано, что правильность и эффективность применения количественных методов в исторической науке определяется, прежде всего, характером теории и методологии исторического познания, из которых исходит историк, и уровнем решения на их основе конкретных теоретико-методологических задач» [Там же. С. 306]. Во-вторых, одна из глав монографии содержит результаты конкретно-исторических исследований: историком рассмотрены суть, эффективность, перспективность структурно-измерительного моделирования в исторических исследованиях на примере изучения аграрного строя России, внутреннего строя крестьянского и помещичьего хозяйства в конце XIX – начале XX в. И.Д. Ковальченко, следуя проблемно-хронологическому принципу в процессе группировки историографического материала, показывая эволюцию применения различных методов математики, делает следующий вывод: «Рассмотренные примеры построения измерительно-отражательных моделей в исторических исследованиях показывают, что диапазон применения таких моделей весьма обширен, их эффективность по сравнению с эффективностью традиционных методов весьма высокая» [Там же. С. 420].

Публикация И.Д. Ковальченко и Л.И. Бородкина 1987 г. содержит характеристику основных направлений применения методов математики и ЭВМ в исторических исследованиях, связанных с разработкой архивов машиночитаемых данных, информационно-поисковых систем, обработкой на ЭВМ сведений массовых источников [20]. Историками подробно рассмотрены возможности применения метода контент-анализа при изучении материалов периодики, источников личного происхождения, исторических хроник, документов различных организаций, представлена историография данного вопроса. Представлен опыт создания банка данных на основе анкетных сведений о делегатах съездов Советов РСФСР и СССР, основной акцент сделан на вопросах методики разработки

базы данных [20. С. 36–43]. Работа содержит приложение – тематический указатель отечественной научной литературы по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях, в том числе список работ теоретико-методологического плана и конкретно-исторических исследований в области аграрной истории России периода капитализма и советского общества.

Во введении коллективной монографии И.Д. Ковальченко, Т.Л. Моисеенко, Н.Б. Селунской 1988 г. были рассмотрены основные итоги изучения крестьянского хозяйства России в эпоху капитализма [21]. Исследователи выделили ключевые историографические этапы изучения заявленной проблемы. Так, анализ состояния историографии 1950–1960-х гг. показал, что изучение аграрного строя и крестьянского хозяйства России эпохи капитализма «заметно продвинулось вперед», в частности благодаря расширению проблематики на основе привлечения широкого круга массовых источников. В свою очередь, «отличительной чертой историографии 70–80-х гг. по аграрной истории является разработка конкретной методологии исследования сложных процессов исторического развития российской дореволюционной деревни» [Там же. С. 10]. Системный подход и системный анализ в изучении аграрного строя потребовали применения математических методов, ЭВМ и моделирования изучаемых явлений и процессов, «с 1970-х гг. эти методы исследования находят все более широкое применение в изучении аграрного развития России в период капитализма», – заключают авторы монографии.

В докладе Л.И. Бородкина на международном конгрессе по экономической истории 1986 г., посвященном исследованиям в области аграрного развития России конца XIX в., впервые в отечественной исторической науке появляется термин «информатика» [22]. В своем выступлении исследователь анализирует результаты проведенных совместно с И.Д. Ковальченко историко-типологических исследований по изучению аграрной типологии России, основанных на методах многомерного статистического анализа. В целом рассматривая ситуацию с применением математических методов и моделей в исследованиях советских историков, Л.И. Бородкин оценивает ее как начало перехода от первого этапа («статистического») ко второму, связанному с моделированием исторических процессов и явлений, основанном в том числе на методах многомерного статистического анализа.

Результаты советско-американского симпозиума по вопросу о применении количественных методов и ЭВМ в изучении аграрной истории (Таллин, 1987 г.) легли в основу совместной статьи Л.И. Бородкина и М.А. Свищева, опубликованной в журнале «История СССР» [23]. Историки, в частности, отмечают, что по ряду направлений, связанных с применением методов многомерного статистического анализа в историко-типологических исследованиях, советские специалисты

занимают передовые позиции. Характеризуя математико-статистический аппарат, продемонстрированный участниками конференции, авторы подчеркивают существенное обновление методического инструментария советских историков по сравнению с тем, который использовался в их работах на рубеже 1970–1980-х гг. «Важную роль играет многомерный статистический анализ, который, – пишут Л.И. Бородкин и М.А. Свищев, – используется для построения классификаций и выделения типов явлений, получения интегральных характеристик и изучения структуры объектов» [Там же. С. 134]. Акцентируя внимание на важности разработки методов, позволяющих анализировать динамические процессы, авторы делают вывод, что за последние годы «существенного продвижения вперед на этом направлении исследований не произошло», так как «столкнувшись с определенными трудностями в применении развитого статистического аппарата для исследования динамических рядов, историки нередко используют их в сочетании с более простыми приемами анализа» [Там же]. В плане теоретико-методологических вопросов применения методов математики в истории историки отмечают тот факт, что центр тяжести дискуссий передвинулся с собственно методических проблем на обсуждение корректности, целесообразности, результативности применения того или иного статистического приема при разработке определенного конкретно-исторического сюжета.

Период начала 1990-х гг. можно рассматривать как своеобразную «точку бифуркации» в развитии историографии направления, для этого существует ряд оснований. Продолжается становление исторической информатики как нового междисциплинарного направления, осваиваются новые возможности работы с ПК и прикладным программным обеспечением при обработке исторических источников, предпринимаются попытки разработки источник-ориентированных баз данных. В 1992 г. образована Ассоциация «История и компьютер» стран СНГ, в Московском университете открыта лаборатория исторической информатики. Период характеризуется дискуссиями о роли и месте последней в системе исторической науки, о ее теоретических и методологических аспектах, а также в целом о соотношении количественной истории и исторической информатики. С течением времени складывается новая ветвь прикладной исторической информатики – историческая геоинформатика.

Обобщая вышеизложенное, отметим, что историографические аспекты заявленной проблемы исследования представлены в частях монографий, отдельных публикациях, материалах конференций, диссертационных исследованиях теоретико-методологического и конкретно-исторического плана. Вместе с тем анализ отечественной историографии по применению математических методов в исследованиях по аграрной истории России пореформенного и советского периодов до настоящего времени не получил должного научного

изучения, количество работ в данном направлении незначительно. Актуальной сегодня можно считать постановку задач, связанных с обобщением накопленного ранее исследовательского опыта. Решение данной проблемы имеет большое научное значение, в том числе и

по причине того, что именно в работах историков-аграрников содержатся важные результаты первых исследований, основанных на использовании математических методов и ЭВМ при обработке данных массовых исторических источников.

ЛИТЕРАТУРА

1. Литвак Б.Г. О некоторых приемах публикации источников статистического характера // Исторический архив. 1957. № 2. С. 155–166.
2. Дробижев В.З. Некоторые вопросы передачи текста массовых источников // Исторический архив. 1960. № 6. С. 218–222.
3. Губенко М.П., Литвак Б.Г. Конкретное источниковедение истории советского общества // Вопросы истории. 1965. № 1. С. 3–16.
4. Устинов В.А. Решение некоторых задач истории СССР на электронных вычислительных машинах // История СССР. 1964. № 1. С. 3–13.
5. Карпенко З.Г. Изучение истории промышленных предприятий социалистической эпохи новыми методами // История СССР. 1964. № 1. С. 20–24.
6. Ковальченко И.Д. О применении математических методов при анализе историко-статистических данных // История СССР. 1964. № 1. С. 13–20.
7. Полетаев В.Е., Поляков Ю.А., Устинов В.А. История, конкретные социальные исследования, кибернетика // История СССР. 1968. № 4. С. 3–15.
8. Ковальченко И.Д. О применении математико-статистических методов в исторических исследованиях // Источниковедение: теоретические и методологические проблемы. М. : Наука, 1969. С. 115–133.
9. Славко Т.И. Математико-статистические методы в исторических исследованиях. М. : Наука, 1981. 158 с.
10. Ковальченко И.Д., Селунская Н.Б., Литваков Б.М. Социально-экономический строй помещичьего хозяйства в эпоху капитализма. М. : Наука, 1982. 264 с.
11. Милов Л.В., Селунская Н.Б. Количественные методы в изучении социально-экономических явлений и процессов // Количественные методы в исторических исследованиях. М. : Наука, 1984. С. 299–344.
12. Ковальченко И.Д., Соколов А.К. Итоги и перспективы применения математических методов и ЭВМ в исследованиях по отечественной истории // Изучение отечественной истории в СССР между XXIV и XXV съездами КПСС. М. : Наука, 1978. Вып. 2. Дооктябрьский период. С. 221–238.
13. Деопик Д.В., Добров Г.М., Какх Ю.Ю., Ковальченко И.Д., Палли Х.Э., Устинов В.А. Количественные и машинные методы обработки исторической информации // Новая и новейшая история. 1970. № 5. С. 28–35.
14. Материалы симпозиума по актуальным проблемам источниковедения (Таллин, 1972 г.) // Источниковедение отечественной истории. М. : Наука, 1977. С. 225–267.
15. Ковальченко И.Д., Тишков В.А. Итоги и перспективы применения количественных методов в советской и американской историографии // Количественные методы в советской и американской историографии: Материалы советско-американских симпозиумов в г. Балтиморе, 1979 г. и г. Таллине, 1981 г. М. : Наука, 1983. С. 5–22.
16. Ковальченко И.Д. О моделировании исторических явлений и процессов // Количественные методы в советской и американской историографии: Материалы советско-американских симпозиумов в г. Балтиморе, 1979 г. и г. Таллине, 1981 г. М. : Наука, 1983. С. 23–36.
17. Бокарев Ю.П. Количественные методы в исследованиях по истории советского доколхозного крестьянства // Количественные методы в советской и американской историографии: Материалы советско-американских симпозиумов в г. Балтиморе, 1979 г. и г. Таллине, 1981 г. М. : Наука, 1983. С. 247–257.
18. Бородин Л.И. Многомерный статистический анализ в исторических исследованиях. М. : МГУ, 1986. 188 с.
19. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. М. : Наука, 1987; 2-е изд., доп. 2003. 486 с.
20. Ковальченко И.Д., Бородин Л.И. Современные методы изучения исторических источников с использованием ЭВМ. М. : МГУ, 1987. 88 с.
21. Ковальченко И.Д., Моисеенко Т.Л., Селунская Н.Б. Социально-экономический строй крестьянского хозяйства Европейской России в эпоху капитализма. М. : МГУ, 1988. 224 с.
22. Бородин Л.И. Современная информатика в исследованиях по аграрной истории России конца XIX века // К IX Международному конгрессу по экономической истории. М. : МГУ, 1986.
23. Бородин Л.И., Свищев М.А. Применение количественных методов в аграрной истории (по материалам советско-американского симпозиума) // История СССР. 1988. № 4. С. 123–134.

Guseva Natalia S. Tyumen State University (Tyumen, Russia). E-mail: tasha_rus_90@mail.ru

APPLICATION OF MATHEMATICAL METHODS IN RESEARCHES ON THE RUSSIAN AGRARIAN HISTORY OF THE POST-REFORM AND SOVIET PERIODS: HISTORIOGRAPHICAL ASPECTS OF THE PROBLEM (THE 1960S – THE BEGINNING OF THE 1990S).

Keywords: quantitative history; mathematical methods; computers; interdisciplinary synthesis.

The basis of this article is the study of our historians' scientific contribution to the historiography development of the problem of mathematical methods application in specific historical researches on the Russian agrarian history of the post-reform and Soviet periods. The chronological scope of the study covered the period of the late 1950s – early 1990s. It is worth noting that the reference in the subject matter is not accidental due to the fact that the works of agrarian historians contain not only the first results of specific historical research based on the use of mathematical methods and “electronic machines” in the processing of information of different types of mass historical sources, but they also mark the historiographical subjects in which scientists estimated the accumulated to a certain period of time experience of research on Russian agrarian history, based on the methods of mathematics and computers. A feature of historiographical analysis of the stated research problem was, first of all, the reflection in the works of historians as the founders of a new direction in historical scholarship - quantitative history (cliometrics). Secondly, the historiographical review is specific and due to the fact that it comprises a block of the scientific literature is defined as “the historiography of historiography”. The author based the analyses on various types of sources: monographs and doctoral research, some publications. In addition, the historiography of the problem of mathematical methods application in history has been widely discussed and presented at conferences, congresses, symposiums at various levels. As a result, the analysis of the scientific literature allowed distinguishing four main historiographical stages. Each of them is due

to specific historical issues at the center of Russian researchers' attention, the nature of historical sources, methods of processing and analysis, and, importantly, the development of the trend towards interdisciplinarity of historical knowledge: Stage 1 – the end of the 1950s – the 1960s; Stage 2 – the 1970s – the first half of the 1980s; Stage 3 – the second half of the 1980s – the beginning of the 1990s; Stage 4 – the 1990s – present. At each stage, Russian scientists paid a lot of attention to the analysis of problems of the theoretical and methodological basis of the application of mathematical methods in historical research, identified the key trends, summed up the results of the application of these methods in research. Meanwhile, today we can say that the interest in the possibilities, assumptions and limitations of the application of mathematical methods and modern computer technologies in historical research has been resumed in a new, qualitative level, which requires further evaluation, based on modern methodological situation in historical science.

REFERENCES

1. Litvak, B.G. (1957) O nekotorykh priemakh publikatsii istochnikov statisticheskogo kharaktera [About some methods of publication of statistical sources]. *Istoricheskiy arkhiv*. 2. pp. 155–166.
2. Drobizhev, V.Z. (1960) Nekotorye voprosy peredachi teksta massovykh istochnikov [Some questions of the mass text transmission]. *Istoricheskiy arkhiv*. 6. pp. 218–222.
3. Gubenko, M.P. & Litvak, B.G. (1965) Konkretnoe istochnikovedenie istorii sovetskogo obshchestva [A concrete source study of the Soviet society history]. *Voprosy istorii*. 1. pp. 3–16.
4. Ustinov, V.A. (1964) Reshenie nekotorykh zadach istorii SSSR na elektronnykh vychislitel'nykh mashinakh [Solution to some problems of the USSR history on electronic computers]. *Istoriya SSSR*. 1. pp. 3–13.
5. Karpenko, Z.G. (1964) Izuchenie istorii promyshlennykh predpriyatiy sotsialisticheskoy epokhi novymi metodami [Study of the history of socialist industrial enterprises by new methods]. *Istoriya SSSR*. 1. pp. 20–24.
6. Kovalchenko, I.D. (1964) O primeneni matematicheskikh metodov pri analize istoriko-statisticheskikh dannykh [On mathematical methods in the analysis of historical and statistical data]. *Istoriya SSSR*. 1. pp. 13–20.
7. Poletaev, V.E., Polyakov, Yu.A. & Ustinov, V.A. (1968) Istoriya, konkretnye sotsial'nye issledovaniya, kibernetika [History, specific social studies, cybernetics]. *Istoriya SSSR*. 4. pp. 3–15.
8. Kovalchenko, I.D. (1969) O primeneni matematiko-statisticheskikh metodov v istoricheskikh issledovaniyakh [the mathematical and statistical methods in historical research]. In: *Istochnikovedenie: teoreticheskie i metodologicheskie problem* [Source study: Theoretical and methodological problems]. Moscow: Nauka. pp. 115–133.
9. Slavko, T.I. (1981) *Matematiko-statisticheskie metody v istoricheskikh issledovaniyakh* [Mathematico-statistical methods in historical research]. Moscow: Nauka.
10. Kovalchenko, I.D., Selunskaya, N.B. & Litvakov, B.M. (1982) *Sotsial'no-ekonomicheskii stroy pomeschich'ego khozyaystva v epokhu kapitalizma* [The socio-economic system of the landlord economy in the era of capitalism]. Moscow: Nauka.
11. Milov, L.V. & Selunskaya, N.B. (1984) Kolichestvennye metody v izuchenii sotsial'no-ekonomicheskikh yavleniy i protsessov [Quantitative methods in the study of socio-economic phenomena and processes]. In: Kovalchenko, I.D. (ed.) *Kolichestvennye metody v istoricheskikh issledovaniyakh* [Quantitative methods in historical research]. Moscow: Nauka. pp. 299–344.
12. Kovalchenko, I.D. & Sokolov, A.K. (1978) Itogi i perspektivy primeneniya matematicheskikh metodov i EVM v issledovaniyakh po otechestvennoy istorii [Results and perspectives of the application of mathematical methods and computers in research on the national history]. In: Narochitsky, A.L. (ed.) *Izuchenie otechestvennoy istorii v SSSR mezhdu XXIV–XXV s"ezdami KPSS* [Studying the USSR national history between the 24th and 25th CPSU Congresses]. Moscow: Nauka, 1978. Vyp. 2. Dooktyabr'skiy period. pp. 221–238.
13. Deopik, D.V., Dobrov, G.M., Kakhk, Yu.Yu., Kovalchenko I.D., Palli, Kh.E. & Ustinov, V.A. (1970) Kolichestvennye i mashinnye metody obrabotki istoricheskoy informatsii [Quantitative and machine methods of processing historical information]. *Novaya i noveyshaya istoriya*. 5. pp. 28–35.
14. Pavlenko, N.I. et al. (eds) (1977) *Istochnikovedenie otechestvennoy istorii* [Source Studies of Russian History]. Moscow: Nauka. pp. 225–267.
15. Kovalchenko, I.D. & Tishkov, V.A. (1983) Itogi i perspektivy primeneniya kolichestvennykh metodov v sovetskoy i amerikanskoy istoriografii [Results and prospects for the application of quantitative methods in Soviet and American historiography]. In: Tishkov, V.A. (ed.) *Kolichestvennye metody v sovetskoy i amerikanskoy istoriografii* [Quantitative methods in Soviet and American historiography]. Moscow: Nauka. pp. 5–22.
16. Kovalchenko, I.D. (1983) O modelirovani istoricheskikh yavleniy i protsessov [On modeling historical phenomena and processes]. In: Tishkov, V.A. (ed.) *Kolichestvennye metody v sovetskoy i amerikanskoy istoriografii* [Quantitative methods in Soviet and American historiography]. Moscow: Nauka. pp. 23–36.
17. Bokarev, Yu.P. (1983) Kolichestvennye metody v issledovaniyakh po istorii sovetskogo dokolkhoznogo krest'yanstva [Quantitative methods in research on the history of the Soviet pre-farm peasantry]. In: Tishkov, V.A. (ed.) *Kolichestvennye metody v sovetskoy i amerikanskoy istoriografii* [Quantitative methods in Soviet and American historiography]. Moscow: Nauka. pp. 247–257.
18. Borodkin, L.I. (1986) *Mnogomernyy statisticheskiy analiz v istoricheskikh issledovaniyakh* [Multidimensional statistical analysis in historical studies]. Moscow: Moscow State University.
19. Kovalchenko, I.D. (2003) *Metody istoricheskogo issledovaniya* [Methods of historical research]. 2nd ed. Moscow: Nauka.
20. Kovalchenko, I.D. & Borodkin, L.I. (1987) *Sovremennye metody izucheniya istoricheskikh istochnikov s ispol'zovaniem EVM* [Modern methods of studying historical sources using computers]. Moscow: Moscow State University.
21. Kovalchenko, I.D., Moiseenko, T.L. & Selunskaya, N.B. (1988) *Sotsial'no-ekonomicheskii stroy krest'yanskogo khozyaystva Evropeyskoy Rossii v epokhu kapitalizma* [The socio-economic system of the peasant economy of European Russia in the era of capitalism]. Moscow: Moscow State University, 1988. 224 s.
22. Borodkin, L.I. (1986) *Sovremennaya informatika v issledovaniyakh po agrarnoy istorii Rossii kontsa XIX veka* [Modern informatics in studies on the agrarian history of Russia in the late 19th century]. Moscow: Moscow State University, 1986.
23. Borodkin, L.I. & Svishchev, M.A. (1988) Primenenie kolichestvennykh metodov v agrarnoy istorii (po materialam sovetsko-amerikanskogo simpoziuma) [Quantitative methods in agrarian history (a case study of the Soviet-American symposium)]. *Istoriya SSSR*. 4. pp. 123–134.

РЕЦЕНЗИИ И НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 327

DOI: 10.17223/19988613/46/21

Л.П. Веремчук

**РЕЦЕНЗИЯ : ИВОНИН Ю.П., ИВОНИНА О.И. ТЕОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ.
М. : ЮРАЙТ, 2016. 188 с.; КОНФИГУРАЦИЯ НОВОГО МИРОПОРЯДКА:
ПРОЕКТЫ И РЕАЛЬНОСТЬ. НОВОСИБИРСК : НГУЭУ, 2015. 291 с.**

Рубеж XX–XXI вв. стал временем масштабных перемен во внешнеполитической деятельности государств, в конфигурации международного порядка, в самой мировой системе. Глобализация и интернационализация экономик, рост влияния финансовых рынков на отношения между государствами, кардинальное обновление технологий, базовые изменения в социокультурной и духовной сферах общества составили основу стремительной трансформации современных международных отношений и мировой политики. Эти перемены требуют глубокого научного объяснения, теоретического осмысления, тщательного выявления природы, тенденций развития, возможных форм эволюции современных международных отношений. Не случайно различные их аспекты привлекают сегодня пристальное внимание научного сообщества [1–3].

Одним из значимых шагов научного сообщества, предпринятых в этом направлении, стали исследования известных российских ученых – доктора исторических наук, профессора кафедры отечественной и всеобщей истории Новосибирского государственного педагогического университета О.И. Ивониной и доктора философских наук, профессора кафедры гуманитарных основ государственной службы факультета политики и международных отношений Сибирского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Новосибирск) Ю.П. Ивонина. Их книга «Теория международных отношений» содержит академический курс лекций, нацеленный на обстоятельный анализ международных отношений как системы; на изучение глобальной взаимной зависимости её акторов, обуславливающей действия и статус каждого из них действиями всех остальных. Сочетание в этой системе двух противоположных по содержанию свойств – тенденции к анархии и тенденции к управлению, выявленное авторами, выводит их анализ на исследование сложной проблемы управления в международных отношениях, его специфики, форм, ролевых функций, иерар-

хических статусов государств в международных отношениях – тех явлений, без глубокого знания которых невозможно понять и адекватно отразить их природу, тенденции развития, выявить типологические различия систем международных отношений.

В логическую связь с анализом международных отношений как системы О.И. Ивонина и Ю.П. Ивонин ставят рассмотрение проблемы международного порядка по нескольким взаимосвязанным параметрам, выявляют его базовые признаки. Значительный интерес представляет предложенная авторами классификация мирового порядка, выстроенная на основе этих признаков. Классификация уложена в ёмкие по содержанию и познавательным свойствам таблицы, раскрывающие соотношение исторических типов системы международных отношений и типов международного порядка.

Большое внимание в книге уделено изучению субъектов международных отношений как их основному компоненту. Не подвергая сомнению роль государства как главного субъекта международных процессов, авторы отмечают, что государствоцентристская модель современного мира претерпевает серьёзные изменения; объясняют этот феномен развитием глобализации, активным выходом на мировую арену большого количества негосударственных акторов, дают развернутый анализ возникновению и деятельности международных правительственных (МПО) и международных негосударственных (МНПО) акторов, стремятся выявить позитивные и негативные стороны их деятельности.

Опираясь на новейшие фактические материалы и научные исследования, создатели книги «Теория международных отношений» раскрывают понятия «национальные интересы», «национальная безопасность», исследуют структуру этих явлений, составляющие их элементы, соотносят понятия «национальный интерес» и «государственный интерес»; акцентируют такой элемент этих понятий, как «угроза», отмечают, что угроза и борьба с ней составляют суть безопасности; детально исследуют формы угроз.

Достоинством труда является глубокий анализ проблемы содержания и специфики внешнеполитической

деятельности государства. Авторы детально рассматривают само понятие «внешнеполитическая деятельность государства», последовательно разграничивая два основных направления этой деятельности – внешней политики и международной политики. Обоснованность и необходимость такого разграничения очевидна ввиду того, что оно дает возможность отличить внешнеполитическую деятельность государства как выражение общенациональных интересов от действий отдельных национальных субъектов политики (политических партий, торгово-экономических организаций, средств массовой информации) на международной арене, которые нередко противоречат общенациональным интересам и уже поэтому не могут быть определены как «внешняя политика государства». В книге сделана удачная попытка классификации внешнеполитических действий на основе следующих критериев: а) по средствам и характеру действий, б) степени соответствия нормам международного и инационального законодательства, в) субъектам внешнеполитической деятельности – классификации, которая, безусловно, привлечёт внимание её читателей.

В рамках анализа проблемы внешнеполитической деятельности государства О.И. Ивонина и Ю.П. Ивонин представили глубокую сопоставительную характеристику внешней политики и политики внутренней. Плодотворным в этом сопоставлении является стремление отказаться от прежде широко распространённого в науке утверждения, согласно которому внешняя политика государства – простое продолжение его политики внутренней. Этот отход от традиционных трактовок авторы обосновывают содержательным исследованием особенностей внешней политики государства, её качественного отличия от политики внутренней.

Несомненный интерес представляют разделы книги, посвященные рассмотрению проблем конфликта и сотрудничества в международных отношениях, проблем коллективной безопасности в международных отношениях. Заслуживает быть отмеченным развёрнутый в этой связи содержательный анализ идей и воззрений современных ученых, как отечественных, так и зарубежных, относительно актуальных проблем теории международных отношений.

Большое внимание авторы книги уделили продуманной и последовательной работе над используемым ими категориально-понятийным аппаратом, выстроенной с учетом разноплановых мнений и подходов.

Весьма интересны размещённые на страницах монографии многочисленные, хорошо разработанные схемы, содержание которых способствует более чёткому и доступному изложению материала.

По поводу отдельных сторон анализируемого издания возникают некоторые замечания и соображения. Как представляется, можно было бы более рельефно акцентировать проблему закономерностей в развитии международных отношений; возможно, стоило выделить её анализ в самостоятельный структурный эле-

мент книги ввиду его значимости для изучения многих сторон и явлений международных процессов. Более обстоятельного освещения, на наш взгляд, требуют правовые аспекты современных международных отношений, оказывающие значительное воздействие на их состояние и развитие. Хотелось бы найти в книге более ёмкую, предметную характеристику проблемы конфликта в международных отношениях, которая была бы построена на многочисленных примерах, являемых нам современностью. Эти замечания носят частный характер и в целом не снижают общей высокой оценки рецензируемого исследования.

Оценивая итог данной работы, представляется возможным утверждать, что она являет собой результат большой, многоплановой исследовательской деятельности по изучению ключевых проблем теории международных отношений, обладает несомненной научной значимостью, новизной и актуальностью, будет с пользой прочитана специалистами, окажет большую помощь всем, кто обучается специальностям, связанным с историей, теорией и практикой международных отношений.

Проблемам теории международных отношений посвящена коллективная монография новосибирских ученых «Конфигурация нового миропорядка: проекты и реальность», изданная под редакцией О.И. Ивониной Новосибирским государственным университетом экономики и управления. Монография нацелена на исследование международного порядка как центральной проблемы теории международных отношений и мировой политики, международный порядок рассмотрен в контексте его взаимосвязи с системой международных отношений и в связи с проблемой международной безопасности. В ней прослеживаются истоки изучения проблемы международного порядка и международной безопасности, восходящие к работам Томаса Гоббса и Иммануила Канта, опираясь на которые как на отправную точку рассуждений, авторы монографии детально исследуют современный мировой порядок и те глубокие перемены, которые в нём происходят. Главное их содержание состоит в динамичном воздействии на всю систему международных отношений и мировой политики процессов глобализации.

В этом аспекте процесс глобализации охарактеризован авторами как переход от национально-государственной системы миропорядка (заложенной Вестфальскими международными договорённостями), главными субъектами которой являлись суверенные национальные светские государства, к новой системе миропорядка, связанной с изменениями в международных отношениях, произошедшими под воздействием вызовов глобализации: возрастанием встроенности национальных государств в международные связи, стремительным увеличением роли негосударственных акторов в международных отношениях; изменением социокультурной и идейно-политической идентичности государства, его внутренней и международной правоспособности.

В работе дан детальный анализ глубочайших перемен в международных отношениях, вызванных крушением биполярной системы их организации; изменений, произошедших в положении ООН, и её роли в современном мире; исследован процесс становления нового миропорядка, конфигурация которого ещё не определилась окончательно.

Авторы показывают, что эти новые явления сообщили мощный импульс прогностическим поискам современной политической науки. На основе обстоятельного изучения широкого круга таких исследований они констатируют тот факт, что в американской и европейской науке широкое распространение получило сегодня представление, будто победа Запада в холодной войне не только завершила эпоху борьбы различных общественно-политических систем, но и сформировала международный консенсус в пользу либеральной демократии как единственно верной идейно-политической системы и единственно легитимной системы правления. Создатели книги «Конфигурация нового миропорядка: проекты и реальность» акцентируют внимание на том, что сторонники этих концепций убеждены в нарастании стремления цивилизованных государств к созданию единой мировой системы, в которой национально-государственные интересы на международной арене отодвинутся на второй план, в то время как на первый выйдут глобальные интересы «международного сообщества народов», обобщаемые и выражаемые государством-победителем в холодной войне – Соединенными Штатами Америки. США строят такие проекты нового, глобального миропорядка, которые объективно ведут к утверждению в мире их гегемонии.

Опираясь на новейшие фактические материалы, новосибирские учёные, и в этом состоит одно из несомненных достоинств их исследования, детально останавливаются на анализе доводов и аргументов, приводимых сторонниками идеи нового миропорядка, – их видении способов и направлений реформирования ООН, предложениях изменить понимание принципа национально-государственного суверенитета, их разработках концепций верховенства международного права относительно национально-правовых систем; их представлениях относительно того, что международные организации как акторы мировой политики способны более эффективно содействовать многостороннему сотрудничеству в решении глобальных проблем, чем национальные государства.

Не ставя под сомнение потенциал МПО и МНПО в решении многих вопросов международной жизни, авторы коллективной монографии «Конфигурация нового миропорядка: проекты и реальность», опираясь на многочисленные источники, документы, факты, убедительно доказали, что возможности этих организаций явно не достаточны в условиях нынешних глобальных вызовов.

Заслугой создателей рецензируемой работы является скрупулёзный и обстоятельный, поставленный на доказательную документальную основу анализ проблемы развития нормативно-правовых принципов и институциональных основ современного миропорядка. Они правомерно констатируют тот бесспорный факт, что современные международные отношения стоят перед вопросом «По какому праву и в каком формате будут решаться принципиальные вопросы мировой политики: на базе всеми приемлемых универсальных правил человеческого общежития, закреплённых в Уставе ООН, посредством коллективных действий государств и многостороннем режиме с привлечением миротворческих сил ООН и на основе её мандата, либо на основе согласия «доброжелательного гегемона» решить проблему с помощью американской мощи и временных коалиций, состав и условия деятельности которых определяются Соединенными Штатами» (С. 142).

В книге дана доказательная характеристика того, в каких случаях, как, какими средствами американские дипломаты добивались значительных успехов в одобрении ООН расширительной интерпретации отдельных статей Устава ООН и как, заручившись этой расширительной интерпретацией, правительство США применяло вооружённую силу против суверенных государств.

Подводя итог анализу этих реалий современных международных отношений и мировой политики, новосибирские учёные приходят к выводу, который вряд ли может быть оспорен: в условиях становления нового миропорядка особенно важно признание его легитимности всеми членами мирового сообщества, что возможно «лишь на основе приверженности принципу международной ответственности государства за соблюдение общепризнанных правил поведения на мировой арене»; только в случае неукоснительного следования международным обязательствам «международная ответственность государств станет основой перехода от гипотетического к реальному миропорядку» (С. 148).

Большой интерес для исследователей представляют разделы книги, посвященные выявлению места Европы в системе нового мира; изучению эволюционных процессов, происходящих в ЕС в постлиссабонский период; характеристике евروهенов как акторов мировой политики. На базе новых подходов и новых материалов раскрыто содержание коммуникативных стратегий формирующегося миропорядка. Достоинством работы является сочетание синтеза многообразных проблем международных отношений и аналитического преломления их в динамике мирового политического процесса. Монография отличается глубиной научного анализа поднятых в ней проблем теории международных отношений, существенно расширяет наши знания о современном состоянии и тенденциях развития мирового политического процесса.

В целом представляется возможным утверждать, что работ новосибирских исследователей О.И. Ивониной и Ю.П. Ивонина «Теория международных отношений» и коллективная монография «Конфигурация нового мирового порядка: проекты и реальность» под

редакцией О.И. Ивониной представляют собой нужное, выполненное на высоком профессиональном уровне комплексное научное исследование основных проблем и тенденций развития современных международных отношений и мировой политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бордачёв Т.В. Теория международных отношений в XXI в. М. : Междунар. отношения, 2015.
2. Цыганков П.А. Теория международных отношений. М. : Гардарики, 2003.
3. Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталеv М.А. Очерки теории и методологии политического анализа международных отношений. М. : Мысль, 2002.

Veremchuck Lyudmila P. Kazakh-American Free University (Ust-Kamenogorsk, Kazakhstan). E-mail: 269724@mail.ru

REVIEW: IVONIN Y.P., IVONINA O.I. THEORY OF INTERNATIONAL RELATIONS. M. : YURAYT, 2016. 188 p.; CONFIGURATION OF THE NEW WORLD ORDER: PROJECTS AND REALITY. NOVOSIBIRSK : NSUEM, 2015. 291 p.

REFERENCES

1. Bordachev, T.V. (2015) *Teoriya mezhdunarodnykh otnosheniy v XXI v.* [The theory of international relations in the 21st century]. Moscow: Mezhdunar. otnosheniya.
2. Tsygankov, P.A. (2003) *Teoriya mezhdunarodnykh otnosheniy* [The theory of international relations]. Moscow: Gardariki.
3. Bogaturov, A.D., Kosolapov, N.A. & Khrustalev, M.A. (2002) *Ocherki teorii i metodologii politicheskogo analiza mezhdunarodnykh otnosheniy* [Essays on the theory and methodology of political analysis of international relations]. Moscow: Mysl'.

УДК 347.97/99(47+57-3)(091)
DOI: 10.17223/19988613/46/22

Е.А. Крестьянников

**РЕЦЕНЗИЯ : ВОРОПАНОВ В.А. СУД И ПРАВОСУДИЕ
В ПРОВИНЦИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в.
(НА ПРИМЕРЕ ОБЛАСТЕЙ ПОВОЛЖЬЯ, УРАЛА, ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И КАЗАХСТАНА).
М. : ЮРЛИТИНФОРМ, 2016. 456 с.**

Книга челябинского историка Виталия Александровича Воропанова является результатом многолетних исследований отечественной юстиции до судебной реформы 1864 г., воплотившихся в немалом количестве публикаций, в том числе в нескольких монографиях [1–3]. Прежние работы автора, без сомнения высокого уровня (их оценку приходилось давать [4]), сейчас дополнил крупный труд, по сравнению с предыдущими существенно расширивший территориальные границы подлежащей познанию юстиции, теперь не только углубленно и более детально рассматривающий ее строение и деятельность в рамках ограниченного полувековым периодом временного промежутка, но и призванный решить широкий спектр вновь поставленных вопросов. Уже поверхностное знакомство с текстом указывает на то, что автор распространяет анализ административно-судебной системы на горские и кочевые народы, изучая инструментарий государственной политики, апробированный в Нижнем Поволжье и Казахской степи.

Р.Ю. Почекаевым подчеркивались уникальность и новизна выбранной в этот раз В.А. Воропановым тематики. Рецензент отметил, что представленная книга «впервые в историко-правовой науке рассматривает проблемы судебных реформ и их реализации в эпоху Екатерины II и Павла I на уровне отдельных регионов» [5. С. 28–29]. Производить изыскания общего «на примере» частного в данном случае, когда изучаемая территория охватывает огромные и разнообразные территории России, взяв их за образец устройства и функционирования всей региональной системы правосудия империи, вполне возможно, оправданно и целесообразно. Безусловно, монографию нельзя поставить в ряд того массива низкопробных современных работ недобросовестных историков, изучающих прошлое страны, «примеряясь» к нему через происходившее исключительно в какой-нибудь губернии, исследующих историю города на основе жизни отдельных улицы, площади и т.д.

Монография состоит из шести глав, в которых последовательно рассматриваются процессы реформирования судебных органов, правовое регулирование надзора в юстиции, вопросы формирования судейского корпуса и состав сословных представителей в судах. В определяющей исследовательские траектории всего труда первой главе (С. 5–106), изучив причины, содер-

жание, результаты судебных преобразований в Российской империи во второй половине XVIII в., автор выявил стремление и способность русской верховной власти учитывать комплекс особенностей каждой провинции государства в целях не только решения текущих, может быть даже сиюминутных задач, но и последующего действенного функционирования вновь созданных учреждений. Примененное в изучаемых регионах судоустройство учло их географию, прежде всего огромные размеры, специфику сословного и этнического состава населения. Наряду с этим в главе дается четкая классификация органов правосудия, установленных или санкционированных монархией: от судов общей и сословной подсудности до органов административной юстиции и низших судебных установлений (включая действовавшие в среде коренных народов). Автор проанализировал судебно-правовые преобразования, проведенные Павлом I, особо отметив, что император не только поддержал преемственность источников права, регулировавших организацию и осуществление правосудия в отдельных областях, нарушенную в царствование Екатерины Великой, но и укрепил специальные статусы этнических сословий, ослабив интеграцию иммигрантов в общественный строй России.

Во второй главе (С. 107–151) В.А. Воропанов изучил формы и способы надзора и контроля в сфере осуществления судебной функции с участием Сената, органов губернских администраций, а также прокуратуры. Он специально обратился к малоисследованному институту стряпчих, совмещавших функции надзора с процессуальными правами и обязанностями участников судебных разбирательств, к причинам и целям его учреждения. Историк исследовал практику расширения обязанностей стряпчих путем установления индивидуальной опеки в отношении отдельных сословий, направленную на стабилизацию общественных отношений, продемонстрировав особенности развития системы прокурорского надзора в провинциях Российской империи во второй половине XVIII в.

В третьей главе (С. 152–204) с чрезвычайным вниманием к специфике формирования составов коллегий судов в периферийных областях империи анализируются основные направления и задачи кадровой политики самодержавия в системе государственной гражданской службы, а также законодательное регулирование положения

должностных лиц в юстиции – от судей и сословных представителей до низших канцелярских служащих.

Четвертая глава (С. 205–225) посвящена человеческим ресурсам судов общей подсудности. Здесь проанализированы, на вскидку, сотни формулярных списков государственных гражданских служащих – от судей до мелких канцеляристов, и показаны источники рекрутирования работников для отдельных регионов империи.

В пятой главе (С. 226–308) отражаются фактическое отношение населения – городских и сельских сословий – к новым государственно-правовым институтам в сфере правосудия, особенности проведения выборов в отдельных областях России и оценка сословными представителями собственного статуса.

Знакомясь с монографией, структурированной в основном по проблемному принципу, поначалу может показаться, что из нее несколько выпадает шестая глава – «Судебно-правовая политика верховной власти в отношении казахского, калмыцкого и горских народов» (С. 309–351). При чтении, однако, логика автора, выделившего эту главу, становится вполне понятной: он решил не «растворять» в общем изложении и рассмотреть отдельно особенные вопросы реализации судебных реформ на территориях областей, номинально подчиненных русским администрациям и подвергшимся в правление Екатерины II усиленной интеграции в систему социальных отношений России. Таким образом, В.А. Воропанову удалось продемонстрировать попытки правительства сочетать в ходе преобразований, проводившихся в среде инородцев, формально подчиненных высшим органам Tobольского, Уфимского и Кавказского наместничеств, элементы общеимперской, местной и туземной систем управления и правосудия.

Вместе с тем и в предшествующих работах автору удавалось избежать крайне негативных характеристик отечественных судоустройства и судопроизводства [6], не наблюдается этого перекося и сейчас. Ученый стремится изучить и показать отечественную юстицию такой, какой она была в конкретно-исторических условиях России, не пытаясь приложить к трактовкам развития правосудия никаких стандартов – ни господство-

вавших в советской историографии, ни построенных на поиске противоположностей произвола самодержавия и законности, когда-то долго увлекавших зарубежных ученых [7. С. 145]. Тем самым он избегает некоего исследовательского «капкана», позволившего бы обвинить его в пристрастности. От попадания в ситуацию, подобно тому, когда один известный западный историк М. Раев усмотрел некоторую тенденциозность в знаменитой книжке другого выдающегося заграничного историка Ф.Б. Кайзера, представившего, на взгляд первого, судебную власть и сам режим Екатерины Великой в чрезмерно черных красках [8. Р. 318], В.А. Воропанов себя обезопасил. По сути, своим исследованием он продолжает разоблачать устойчивый миф о крайней неэффективности имперского правосудия, правда, в этом отношении оставаясь одиночкой, ведь, как указывал один из рецензентов его предыдущей монографии, серьезных региональных исследований дореформенного суда, позволяющих дать ему оценку, не существует [9. С. 116].

На последнее обстоятельство следовало бы указать самому автору рассматриваемого труда, но, к сожалению, полновесного введения, где обычно предлагается узнать, как тема изучалась раньше, нет, и читателю, не знакомому с предшествующими книгами (там присутствуют основательные историографические сюжеты), ориентироваться в поставленных вопросах будет затруднительно. Отсутствие развернутого введения скрывает и тот исследовательский «козырь», который всегда заслуживал отдельного упоминания в оценке научного творчества В.А. Воропанова, – наличие весьма внушительной источниковой базы. Наряду с опубликованными материалами ученый результативно использует широчайшие, мощнейшие и разнообразные пласты делопроизводственной документации, извлеченной из двух десятков столичных и региональных архивохранилищ, в начале работы лишь скромно перечисляя их названия (С. 4). Но подобного рода неопределенности, вероятно имеющие авторские объяснения, не уменьшают в целом благоприятного впечатления от прочтения книги, бесспорно заслуживающей занять достойное место в отечественной историографии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воропанов В.А. Судебная система Российской империи на Урале и в Западной Сибири. 1780–1869 гг. Челябинск : Изд-во Челяб. ин-та (филиала) ФГОУ ВПО «Уральская академия государственной службы», 2005. 314 с.
2. Воропанов В.А. Суд и правосудие в Российской империи во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. Региональный аспект: Урал и Западная Сибирь (опыт сравнительно-сопоставительного анализа). Челябинск : Изд-во Челяб. ин-та (филиала) ФГОУ ВПО «Уральская академия государственной службы», 2008. 606 с.
3. Воропанов В.А. Региональный фактор становления судебной системы Российской империи на Урале и в Западной Сибири (последняя треть XVIII – первая половина XIX вв.): историко-юридическое исследование. Челябинск : Челябинский институт (филиал) «Уральская академия государственной службы», 2011. 528 с.
4. Крестьянников Е.А. Дореформенная западносибирская юстиция Российской империи в трудах В.А. Воропанова // Вестник Тюменского государственного университета. История. 2012. № 2. С. 235–238.
5. Почкаев Р.Ю. Судебная система Российской империи в эпоху реформ: региональный аспект. Рецензия на монографию: Воропанов В.А. Суд и правосудие в провинции Российской империи во второй половине XVIII в. (на примере областей Поволжья, Урала, Западной Сибири и Казахстана). М. : Юрлитинформ, 2016. 456 с. // История государства и права. 2016. № 13. С. 28–33.

6. Любичанковский С.В. Рецензия на монографию: В.А. Воропанов. Суд и правосудие в Российской империи во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. : региональный аспект: Урал и Западная Сибирь (опыт сравнительно-сопоставительного анализа). Челябинск : Изд-во Челяб. ин-та (филиала) ФГОУ ВПО «Уральская академия государственной службы», 2008. 606 с. // *Ab imperio*. 2009. № 4. С. 385–390.
7. Болшакова О.В. Закон и порядок в дореволюционной России: новые интерпретации американских историков // *Российская история*. 2016. № 6. С. 145–157.
8. Raeff M. Review by: Kaiser F.B. Die russische Justizreform von 1864. Zur Geschichte der russischen Justiz von Katharina II. Bis 1917. Leiden, E.J. Brill, 1972. 552 p. // *The Russian Review*. 1973. Vol. 32, No. 3. P. 318–319.
9. Ефимова В.В. Рецензия на книгу: Воропанов В.А. Региональный фактор становления судебной системы Российской империи на Урале и в Западной Сибири (последняя треть XVIII – первая половина XIX вв.): историко-юридическое исследование. Челябинск : Челяб. ин-та (филиала) ФГОУ ВПО «Уральская академия государственной службы», 2011. 528 с. // *Ученые записки Петрозаводского государственного университета*. 2012. № 3. С. 115–116.

Krestyannikov Evgeniy A. Tyumen State University (Tyumen, Russia). E-mail: krest_e_a@mail.ru

REVIEW: VOROPANOV V.A. COURT AND JUSTICE IN THE PROVINCE OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF THE 18TH CENTURY (ON THE EXAMPLE OF THE AREAS OF VOLGA REGION, URALS, WESTERN SIBERIA AND KAZAKHSTAN). M. : YURLITINFORM, 2016. 456 p.

REFERENCES

1. Voropanov, V.A. (2005) *Sudebnaya sistema Rossiyskoy imperii na Urale i v Zapadnoy Sibiri. 1780–1869 gg.* [Judicial system of the Russian Empire in the Urals and Western Siberia. 1780–1869]. Chelyabinsk: Ural Academy of Public Service.
2. Voropanov, V.A. (2008) *Sud i pravosudie v Rossiyskoy imperii vo vtoroy polovine XVIII – pervoy polovine XIX vv. Regional'nyy aspekt: Ural i Zapadnaya Sibir' (opyt sravnitel'no-sopostavitel'nogo analiza)* [Court and justice in the Russian Empire in the second half of the 18th – first half of the 19th centuries. The regional aspect: the Urals and Western Siberia (comparative analysis)]. Chelyabinsk: Ural Academy of Public Service.
3. Voropanov, V.A. (2011) *Regional'nyy faktor stanovleniya sudebnoy sistemy Rossiyskoy imperii na Urale i v Zapadnoy Sibiri (poslednyaya tret' XVIII – pervaya polovina XIX vv.): istoriko-yuridicheskoe issledovanie* [The regional factor in the formation of the judicial system of the Russian Empire in the Urals and in Western Siberia (the last third of the 18th – first half of the 19th centuries): Historical and legal research]. Chelyabinsk: Ural Academy of Public Service.
4. Krestyannikov, E.A. (2012) Doreformennaya zapadnosibirskaya yustitsiya Rossiyskoy imperii v trudakh V.A. Voropanova [Pre-reform West Siberian justice of the Russian Empire in the works by V.A. Voropanov]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – UT Research Journal. History*. 2. pp. 235–238.
5. Pochekaev, R.Yu. (2016) Judicial System of the Russian Empire in the Reforms Era: Regional Aspect. Review: Voropanov V.A. Court and Justice in the Russian Empire Province in the Second Half of the 18th Century (as Exemplified by Areas of Volga Region, Ural, Western Siberia, and Kazakhstan). *Istoriya gosudarstva i prava – History of State and Law*. 13. pp. 28–33. (In Russian).
6. Lyubichankovskiy, S.V. (2008) *Retseziya na monografiyu: V.A. Voropanov. Sud i pravosudie v Rossiyskoy imperii vo vtoroy polovine XVIII – pervoy polovine XIX vv. regional'nyy aspekt: Ural i Zapadnaya Sibir' (opyt sravnitel'no-sopostavitel'nogo analiza)* [Review by: Voropanov V.A. Court and justice in the Russian Empire in the second half of the 18th – the first half of the 19th centuries: Regional aspect. Urals and West Siberia (the comparative analysis)]. *Ab imperio*. 4. pp. 385–390.
7. Bolshakova, O.V. (2016) *Zakon i poryadok v dorevolutsionnoy Rossii: novye interpretatsii amerikanskikh istorikov* [Law and order in pre-revolutionary Russia: New interpretations of American historians]. *Rossiyskaya istoriya*. 6. pp. 145–157.
8. Raeff, M. (1973) Review by: Kaiser F.B. Die russische Justizreform von 1864. Zur Geschichte der russischen Justiz von Katharina II. Bis 1917. Leiden, E. J. Brill, 1972. 552 pp. [Review by: Kaiser F.B. The Russian Judicial Reform of 1864. On the History of the Russian Judiciary from Katharina II to 1917. Leiden, E. J. Brill, 1972. 552 pp.]. *The Russian Review*. 32(3). pp. 318–319.
9. Efimova, V.V. (2012) *Retseziya na knigu: Voropanov V.A. Regional'nyy faktor stanovleniya sudebnoy sistemy Rossiyskoy imperii na Urale i v Zapadnoy Sibiri (poslednyaya tret' XVIII – pervaya polovina XIX vv.): istoriko-yuridicheskoe issledovanie* [Review by: Voropanov V.A. Regional factor of the formation of the judicial system of the Russian Empire in the Urals and in Western Siberia (the last third of the 18th – first half of the 19th centuries): the historical and legal research]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3. pp. 115–116.

УДК 391

DOI: 10.17223/19988613/46/23

А.Ю. Борисенко

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «НАРОДНЫЙ КОСТЮМ В СИБИРИ» (НОВОСИБИРСК, 27–29 ОКТЯБРЯ 2016 г.)

*Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания в сфере научной деятельности
(проект № 33.5677.2017/БЧ).*

С 27 по 29 октября 2016 г. в Институте археологии и этнографии СО РАН состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Народный костюм в Сибири». В Новосибирске собрались ученые из ряда российских городов, в том числе Барнаула, Омска, Томска, Челябинска, Абакана, Кунгура, Новосибирска и др. Участие Кыргызстана придало работе конференции международный характер. В организации этого научного мероприятия кроме Института археологии и этнографии СО РАН приняли участие Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (НГУ), Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Алтайский государственный педагогический университет, Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева. Ежедневно участникам конференции в качестве культурной программы предлагались экскурсии в музеи Новосибирского научного центра – Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока, Музей под открытым небом ИАЭТ СО РАН.

Работа конференции происходила на общих заседаниях. Однако тематически она была разделена на четыре симпозиума. Участниками этого научного форума был рассмотрен большой корпус вопросов по изучению традиционного народного костюма сибирских народов. В данной статье мы предлагаем вашему вниманию обзор работы одного из симпозиумов – «Исследование народной одежды по археологическим, этнографическим, лингвистическим, письменным источникам и музейным коллекциям», – где автор являлась председателем.

Конференция открылась приветственным словом директора Гуманитарного института НГУ А.С. Зуева (г. Новосибирск). Он указал на то, что одежда является важным идентификатором статуса и культуры человека, подчеркнул важность практических разделов в работе конференции и пожелал всем участникам успеха в работе.

Первый доклад на пленарном заседании был сделан д-ром ист. наук, профессором Ю.С. Худяковым (г. Новосибирск). На основании изобразительных и летописных источников ученый проанализировал воинский костюм сибирских татар, подчеркнул информативность

и значимость подобных источников для проведения реконструкций военного снаряжения.

Представитель Алтайского государственного университета И.И. Назаров (г. Барнаул) представил участникам конференции сообщение о комплексе традиционной одежды участников ритуала «Кочо-кан» у кумандинцев. Автор акцентировал внимание на феномене конструирования обрядности у кумандинцев Алтайского края. В докладе был проведен сравнительный анализ обряда «Кочо-кан» в начале XX в. и в настоящее время. По мнению И.И. Назарова, на сегодняшний день этот обряд утратил свой сакральный характер, как это было столетие назад, и является элементом праздничной культуры. В частности, изменились костюмы основных участников действия и, в том числе, самого «Кочо». В настоящее время они выполнены в соответствии с традицией современного праздника, без соблюдения колористики костюма и традиционного материала изготовления.

Далее слово было предоставлено Е.Ф. Фурсовой (г. Новосибирск), которая являлась председателем оргкомитета конференции. В своем докладе она осветила проблемы, с которыми сталкиваются ученые при исследовании и реконструкции русского традиционного костюма в Сибири. По ее наблюдениям, современные люди называют «народным» не только старинный костюм, передаваемый из поколения в поколение, но и современные стилизации. Исследовательница подчеркнула необходимость разработки концепции изучения традиционной одежды, объединив специалистов разных областей знаний.

Доклад М.А. Бережновой (г. Новосибирск) был посвящен тому, как изменение идеологии в российском обществе XX в. отражается на представлении людей о народном костюме. Автор привела пример, как в начале XX в. знатные сословия романтизировали русский народный костюм (например, проводили костюмированные балы в русском стиле), а простые сословия, которые должны были бы хранить народные традиции, стремились «переодеться», быть более современными. Далее М.А. Бережнова выделила некоторые тенденции, характерные для восприятия народной одежды нашими современниками. С 90-х гг. прошлого столетия, по мнению

исследовательницы, можно говорить о «постфольклоре», «современной коллективной фантазии о костюме». Исследовательница убеждена, что, с одной стороны, интерес к традиционной одежде у современной аудитории растет, люди изготавливают ее для себя, с другой – изменяя элементы костюма, люди меняют и саму его идею.

Представитель национального исследовательского Томского государственного университета Д.Е. Крапчунов (г. Томск) в своем докладе сконцентрировал внимание на современных формах демонстрации народного костюма. Он отметил, что одной из причин, почему традиционную одежду не носят в повседневной жизни, является кризис идентичности. Д.Е. Крапчунов выделил те формы, в которых традиционный русский костюм существует в настоящее время: сценический вариант, для которого характерна авторская интерпретация; молодежные контркультуры, где главными элементами становятся очелье и коловрат; молодежное фольклорное движение, которое из всех современных форм использует наиболее близкий к традиционному вариант костюма.

Маркерам идентичности в мужской одежде Южного Урала был посвящен доклад Г.Х. Самигулова и О.В. Новиковой (г. Челябинск). Исследователи рассмотрели в своей работе три группы населения – крестьян, заводское население и казаков. По мнению авторов, именно мужское население в силу своей большей мобильности приносило в деревню новые модные веяния. Крестьяне были более традиционны в изготовлении одежды, дольше остальных сословных групп использовали домотканые материалы и выкройки, хотя имелись уже и фабричные ткани. Также традиционным элементом их внешнего вида оставались лапти и прически. Горнозаводское мужское население было более подвержено городской моде. Особенно это прослеживается на примере парадного костюма. Казаки подчеркивали свою сословную принадлежность отдельными элементами костюма, например фуражкой, которую носили чаще, чем полностью укомплектованный костюм.

Современные представления о народном костюме и использовании его в социокультурной практике осветила в своем сообщении М.А. Жигунова (г. Омск). Автор подчеркнула многовариативность русской народной одежды в Сибири. Выделила наиболее распространенные стереотипные образы, связанные с русской традицией: береза, кокошник, валенки и пр. М.А. Жигунова констатировала, что при общем росте популярности русского народного костюма знаковая и символическая его элементов все более нивелируются.

После окончания пленарного заседания работа секции продолжилась докладом кыргызских коллег К.Ш. Табалдиева и К.Т. Акматова (г. Бишкек), в котором были проанализированы некоторые особенности военного костюма кочевников Тянь-Шаня. Ученые вводят в научный оборот находки берестяных накладок на колчан из могильника Боз-Адыр, обнаруженные в ходе последних полевых сезонов. Ближайшие аналогии этим предметам авторы находят в монгольских материалах. В

докладе подчеркивается, что эти элементы военного костюма кочевников Тянь-Шаня монгольского времени могли демонстрировать социальный статус владельца.

Ю.Ю. Афанасьева (г. Новосибирск) охарактеризовала коллекции традиционной одежды семейских, которые хранятся в сельских музеях Забайкалья. Автор осветила историю формирования коллекций из более чем сорока местных музеев. По мнению Ю.Ю. Афанасьевой, они демонстрируют «этнолокальные» особенности традиционной одежды исследуемой ею категории населения.

Т.Б. Банкова (г. Томск) проанализировала свадебный наряд невесты в аспекте лингвокультурологической интерпретации. Автор подчеркнула междисциплинарный характер проведенных ею исследований. Одним из результатов ее работы стало создание общего лингвокультурологического словаря. Такой формат представленной информации, по мнению исследовательницы, демонстрирует, как лексическая единица существует в культуре в языковом воплощении.

В докладе Л.А. Боброва (г. Новосибирск) был исследован казахский «военный костюм» XVIII–XIX вв. Исследователь интерпретировал те элементы военного обмундирования, которые использовались воинами вне боевых действий, в повседневной жизни. Среди них были рассмотрены такие детали костюма, как малакай, стеганные шубы-ергаки, штаны-чалбары. Автор отметил, что в середине XIX в. казахи стали заимствовать элементы военного костюма российской армии – кафтаны, эполеты.

А.Ю. Борисенко (г. Новосибирск) в своем сообщении представила материалы об одежде и образе жизни казанских татар, собранные И.Г. Георги во время экспедиции в Сибирь в 1770-х гг. Среди опубликованных в конце 70-х гг. XVIII в. результатов экспедиции имеются три цветные иллюстрации, изображающие мужчину, замужнюю женщину и девушку в традиционной одежде казанских татар. Подробные описания, сопровождающие эти рисунки, позволяют существенно дополнить сведения о традиционном костюме татарского населения Казанской губернии. Среди материалов И.Г. Георги имеются также сведения об этногенезе казанских татар, их антропологических особенностях, хозяйственном укладе, налогообложении, религиозных обрядах, брачных и семейных традициях, особенностях воспитания детей и пр. Все они были рассмотрены и проанализированы автором доклада.

А.А. Люцидарская (г. Новосибирск) по материалам архивных росписей дала характеристику одежде сибирских воевод XVII в. По мнению докладчицы, воеводы придавали значение одежде при реализации своих обязанностей. Она сравнила престижные костюмы воевод различных сибирских городов, обратила внимание на наличие личностных особенностей в гардеробе. Исследовательницей было отмечено, что статусные особенности имелись и в одежде жен воевод.

В докладе О.А. Митько (г. Новосибирск) рассматриваются огнива как детали украшения традиционно-

го костюма тюрко-монгольских народов. Автор проследил историю бытования этого элемента костюма с VIII по XIX в. Он выделил две основные категории – бытовые огнива и обрядовые. Указал, что они встречаются как в мужских, так и в женских захоронениях.

Нагрудным украшениям «пого» посвящен доклад М.Е. Окуневой (г. Абакан). Молодая исследовательница охарактеризовала особенности изготовления этой детали костюма, являющейся частью свадебного ритуала хакасов, наносимые на «пого» изобразительные композиции, тонкости использования определенных материалов и колористики. Она отметила, что данный элемент одежды символизирует определенный этап включения человека в семейные связи.

Н.С. Трясцина (г. Кунгур) представила вниманию аудитории костюмы в «псевдорусском» стиле, хранящиеся в фондах Кунгурского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. Автор пришла к выводу, что жительницы г. Кунгур на рубеже XIX–XX вв. в своей повседневной жизни не стремились подчеркнуть традиционность своего платья. Они одевались на европейский манер, о чем говорят фасоны сохранившихся платьев и шляп.

Изюминкой прошедшего мероприятия стали проведенные в рамках культурной программы мастер-классы, что придало конференции неформальный характер. Участники с большим увлечением поддерживали танцевальные хороводы с Т.А. Коновец (г. Абакан), обсуждали с В.А. Печняком (г. Екатеринбург) религиозный символизм традиционной одежды старообрядцев часовенного согласия Урала и познавали тонкости реставрации кожаных изделий под чутким руководством В.С. Бусовой (г. Москва).

Проведение подобных конференций позволяет специалистам актуализировать в среде единомышленников те научные проблемы, с которыми они сталкиваются в ходе исследовательской работы, и наметить пути сотрудничества на научном поприще. Практические заседания в формате мастер-классов внесли долю здорового азарта и непосредственности в сугубо научный контекст мероприятия.

Одним из важных итогов конференции «Народный костюм в Сибири» стало решение о создании Ассоциации исследователей народного костюма, которая объединит ученых для научно-исследовательской и просветительской деятельности.

Borisenko Alisa Yu. Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia). E-mail: aborisenko2@mail.ru

SCIENTIFIC-PRACTICAL CONFERENCE «FOLK COSTUME IN SIBERIA» (NOVOSIBIRSK, OCTOBER 27–29, 2016).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АБДРАХМАНОВА Кымбат Казалиевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии, этнологии и отечественной истории исторического факультета Карагандинского государственного университета им. Е.А. Букетова (г. Караганда, Казахстан). E-mail: kimbat_abd@mail.ru

АГАФОНОВ Леонид Иванович, доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории дендрохронологии Института экологии растений и животных Уральского отделения Российской академии наук (г. Екатеринбург). E-mail: lagafonov@ipae.uran.ru

БАЯЗИТОВА Розалия Рафкатовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры башкирской литературы и культуры Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы (г. Уфа). E-mail: rosali8@mail.ru

БОБРОВА Анна Ивановна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Томского областного краеведческого музея им. М.Б. Шатилова (г. Томск). E-mail: a_bobrova@bk.ru

БОРИСЕНКО Алиса Юльевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории гуманитарных исследований, доцент кафедры археологии и этнографии Гуманитарного института Новосибирского государственного университета. E-mail: aborisenko2@mail.ru

ВЕРЕМЧУК Людмила Павловна, доктор исторических наук, профессор кафедры права и международных отношений Казахстанско-Американского свободного университета (г. Усть-Каменогорск, Казахстан). E-mail: 269724@mail.ru

ГАМАН Лидия Александровна, доктор исторических наук, доцент, профессор, заведующая кафедрой гуманитарных и социальных наук Северского технологического института – филиала национального исследовательского ядерного университета Московского инженерно-физического института (г. Северск). E-mail: GamanL@yandex.ru

ГЛОДЕНКО Анастасия Юрьевна, магистрант 1-го курса обучения факультета истории и социальных наук Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. E-mail: richie-us5@bk.ru

ГУСЕВА Наталья Сергеевна, аспирант, ассистент кафедры истории, социально-экономических и общественных дисциплин Ишимского педагогического института им. П.П. Ершова (филиала) Тюменского государственного университета. E-mail: tasha_rus_90@mail.ru

ДОАН Тхи Хоа Гуэ, студентка 4-го курса Института социально-гуманитарных технологий Томского политехнического университета. E-mail: regionoved@mail.ru

ЗИНОВЬЕВ Василий Павлович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории, декан исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: vprz@tsu.ru

КАН Валерия Сергеевна, кандидат исторических наук, заведующая сектором прикладной социологии, ведущий научный сотрудник Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (г. Тыва). E-mail: kantuva@mail.ru

КОЛЧЕВА Наталья Евгеньевна, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Института экологии растений и животных Уральского отделения Российской академии наук (г. Екатеринбург). E-mail: kolcheva@ipae.uran.ru

КРЕСТЬЯННИКОВ Евгений Адольфович, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Тюменского государственного университета. E-mail: krest_e_a@mail.ru

КУДРЯШЕВ Вячеслав Николаевич, доктор исторических наук, заведующий кафедрой истории и документоведения Томского государственного университета. E-mail: kvn18011962@yandex.ru

ЛИДЖИЕВА Ирина Владимировна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Калмыцкого института гуманитарных исследований Российской академии наук (г. Элиста). E-mail: irina-lg@yandex.ru

МИЛЕВСКИЙ Олег Анатольевич, доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник лаборатории исторических исследований Сургутского государственного педагогического университета. E-mail: olegmilevsky@mail.ru

МИЩАНИН Василий Васильевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Украины Ужгородского национального университета (Украина). E-mail: mistschanyn@mail.ru

ПЕГАНОВ Александр Олегович, магистр исторических наук, аспирант лаборатории Фраменса Тулузского университета (г. Тулуза, Франция). E-mail : piahana@gmail.com

РАГОЗИН Дмитрий Валерьевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и философии науки и техники Томского политехнического университета. E-mail: dvr@tpu.ru

СЕРЕБРЕННИКОВА Тамара Петровна, магистрант 1-го курса обучения исторического факультета Томского государственного университета. E-mail: serebrennikva-tma@rambler.ru

ТАТАУРОВ Сергей Филиппович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник лаборатории археологических и этнографических исследований Западной Сибири Томского государственного университета. E-mail: TatSF2008@rambler.ru

ТОРОЩИНА Наталья Витальевна, инженер-исследователь лаборатории археологических и этнографических исследований Западной Сибири Томского государственного университета. E-mail: natator@mail.ru

ТРИХИНА Светлана Игоревна, соискатель кафедры истории медицины, истории Отечества и культурологии Первого МГМУ им. И.М. Сеченова (г. Москва). E-mail: trichina@gmail.com

ТЯПКИН Михаил Олегович, кандидат исторических наук, доцент, начальник кафедры теории и истории права и государства Барнаульского юридического института МВД России. E-mail: tyapkin@rambler.ru

ЮФЕРОВА Светлана Владимировна, кандидат исторических наук, докторант Московского педагогического государственного университета. E-mail: kidarida@mail.ru

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ИСТОРИЯ

Научный журнал

2017 № 46

Председатель редакционного совета – Э.В. Галажинский

Главный редактор – В.П. Зиновьев

Ответственный секретарь – П.П. Румянцев

Подписано к печати 18.04.2017 г. Формат 60х84¹/₈. Бумага белая писчая. Гарнитура Times New Roman.
Цифровая печать. Усл. печ. л. 20,6. Тираж 250 экз. Заказ № 2490. Цена свободная.

Дата выхода в свет 28.04.2017 г.

Редактор – К.В. Полькина

Корректор – Н.А. Афанасьева

Оригинал-макет К.В. Полькиной

Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой

Редакторы-переводчики – Н.А. Глущенко, В.Н. Скок

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательского Дома Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–53-15-28

Учредитель – Томский государственный университет

Периодичность издания шесть номеров в год. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.
Ознакомиться с полнотекстовой версией журнала и требованиями к оформлению материалов можно на сайте: <http://journals.tsu.ru/history>

Founder – Tomsk State University

Tomsk State University Journal of History is issued six times per year. The Journal uses double-blind peer review of all articles.

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://journals.tsu.ru/history>. Free price

ISSN 1998-8613, e-ISSN 2311-2387

Адрес издателя и редакции:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет»,
редакция журнала «Вестник ТГУ. История»
Телефон 8(382-2)–52-96-67
Факс 8(382-2)–52-98-46
Ответственный секретарь – П.П. Румянцев
E-mail: petroom@mail.ru

Editorial Office and Publisher Office address:

TSU Journal Editorial Board, Tomsk State University
34 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-67
Fax: 8(382-2)–52-98-46
Executive Editor: Peter Rumyantsev
E-mail: petroom@mail.ru

Издательство:

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36,
Томский государственный университет,
Издательский Дом ТГУ
Телефон 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher:

Publishing House of Tomsk State University,
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-96-75
E-mail: rio.tsu@mail.ru